

Archeology
культура семантика
историографии

лингвокультурология
национальные языки
национальные языки
межкультурная коммуникация
межкультурная коммуникация

Psychology
образовательное пространство
концепт
Linguoculturology
Лингвистика
толерантность

дискурс
SibScript
Literature
studies
Archeology

SibScript
motivation
discourse
Linguistic
picture
of the world
билингвизм
психоллингвистика
лингвокультурология
билингвизм

поликультурное пространство
поликультурное пространство
поликультурное пространство
поликультурное пространство
поликультурное пространство

Archeology
Historiography
linguistic
picture
of the world
concept
национальная политика
психоллингвистика

Psychology
tourism
Archeology
History
cognitive
linguistic
History

Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика
Лингвистика

2949-2122 (PRINT)
2949-2092 (ONLINE)

VOL 27 No 3
2025

СИБ СКРИПТ

ТОМ 27 № 3
2025

лингвокультурология
национальные языки
национальные языки
межкультурная коммуникация
межкультурная коммуникация

лингвокультурология
национальные языки
национальные языки
межкультурная коммуникация
межкультурная коммуникация

лингвокультурология
национальные языки
национальные языки
межкультурная коммуникация
межкультурная коммуникация

лингвокультурология
национальные языки
национальные языки
межкультурная коммуникация
межкультурная коммуникация

лингвокультурология
национальные языки
национальные языки
межкультурная коммуникация
межкультурная коммуникация

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал относится к категории К1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-84812. Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K1) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

16+

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт
филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р филол. наук, проф., БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет Эксетера
(Экстер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии
и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный гуманитарный
университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского Университета
(Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет науки
и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Iliya V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

Третий номер журнала «СибСкрипт» включает статьи по отечественной и всеобщей истории, а также по современным проблемам международных отношений.

В разделе **История Сибири** представлены разноплановые сюжеты. Д. Н. Белянин по отчетам архиереев выявил основные мероприятия, которые реализовывались ими во время объезда епархий: ревизия церковных документов; состояние приходских церквей; нравственное воспитание приходских духовных лиц, которые вели неподобающий образ жизни; миссионерская деятельность среди коренных народов Сибири; противодействие раскольникам; назидание и просвещение прихожан, особенно в тех случаях, когда в небольших деревнях катехизация показала незнание как детьми, так и взрослыми основных молитв и даже самых базовых канонов православия. В статье А. Г. Чупина рассмотрена отечественная историография роли партийно-советских органов в развитии угольной промышленности Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. Автор отмечает прикладной характер работ в 1940-е гг. Научные исследования по теме появляются в 1950-х гг., а в 1960–1980-х гг. изучение роли руководящих партийных и государственных органов в развитии угледобывающей отрасли в 1941–1945 гг. становится одним из ведущих направлений. Отдельно А. Г. Чупин выделяет постсоветский и современный период, когда стали доступны новые архивные материалы, что привело к расширению проблематики (взаимодействие между региональными и центральными органами власти, вопросы материально-технического обеспечения шахт, перестройка самого аппарата управления угольной отрасли и др.). Журнал «СибСкрипт» начинает публикацию материалов подсекции «Экономическая история» (секция «Региональная экономика и финансы») Международной научно-практической конференции «Развитие производительных сил Кузбасса: история, современный опыт, стратегия будущего», прошедшей в г. Кемерово 17–23 ноября 2023 г. В статье А. А. Конова основной акцент сделан на модернизации железнодорожного транспорта, под которой понимается коренное технико-экономическое обновление железнодорожного транспорта на базе электрификации, тепловозной тяги и строительства новых линий.

В раздел **Социокультурные, политические и религиозные практики в советский и современный периоды** включены разные по тематике статьи. А. С. Иванов рассмотрел деятельность Всероссийского общества филателистов от создания в 1922 г. до его упразднения в 1934 г. Как считает автор, воздействие коммунистического (утопического) идеализма на концепт советского коллекционирования марок привело к тому, что он наполнился особыми ценностями и смыслами, превращаясь в инструмент социализации. Одновременно с этим автор статьи обнаруживает определенные экономические маркеры, которые демонстрируют сохранение среди части советских коллекционеров буржуазных практик. Н. В. Потапова характеризует трансформацию подготовки педагогов-историков в Сахалинском государственном университете в 1949–2024 гг. Особое внимание уделено реформам высшего образования при переходе на Болонскую систему (негативные эффекты, травматичность реформ для профессорско-преподавательского состава). На современном этапе, как считает Н. В. Потапова, обстановка стабилизировалась и наметилась позитивная тенденция роста престижности историко-педагогического образования. Г. А. Майоров анализирует идейные трансформации в КПРФ в 1993–2022 гг. По мнению исследователя, генезис КПРФ как преемницы КПСС происходил в условиях глубокого идеологического кризиса коммунистического движения, поэтому в партийной идеологии наряду с коммунистическими ценностями прослеживаются национал-патриотические идеи. Это объясняет целый ряд изменений в установках партийного руководства (например, от интернационализма – к державности, от атеизма – к признанию позитивной роли религий), которые ведут к размыванию коммунистической идентичности. Статья О. П. Федирко и С. М. Дударенок посвящена истории деятельности на Дальнем Востоке Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (ЦИХСПД). Авторы выделяют два периода распространения учения мормонов в регионе: 1) со времени возникновения первых религиозных объединений ЦИХСПД в крупнейших дальневосточных городах

до принятия ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г.; 2) с 1997 по 2004 г., когда численность последователей мормонов достигла максимальных значений. Успеху распространения учения мормонов способствовало их движение в более крупные города Дальнего Востока, демократический характер учения, активная благотворительная и просветительская деятельность.

Раздел **Всеобщая история** включает статьи, хронологически охватывающие вопросы исторического развития от эпохи Средневековья до современности. В. О. Мартыненко на основе этимологии, исторического и культурологических подходов рассмотрел происхождение и основные точки зрения в отношении термина *викинг*. Как считает исследователь, понятие *викинг* в VIII–XI вв. подразумевало участие в морских походах, нападения и грабежи. Начиная с XIX в. данная дефиниция начинает ассоциироваться со всем населением Скандинавии в VIII–XI вв. В обзорной статье О. В. Кима представлены основные мнения о тенденциях развития западноевропейского общества в XII(XI)–XIII вв. в контексте теории раннего модерна, рассмотренной с позиций концепций переходного общества, модернизации, протоиндустриализации, мир-системного анализа. М. В. Кирчанов раскрыл в публикации особенности галисийского национализма середины 1910-х – 1920-х гг. как социального, интеллектуального, политического или культурного движения. В частности, автор показал роль интеллектуалов в развитии и трансформации идеологии галисийского национализма и различные идеологические концепты о развитии галисийской этничности, языка и культуры. Е. А. Жаронкина и В. С. Кровяков посвятили статью проблемам демократизации немецкого общества после окончания Второй мировой войны в советской оккупационной зоне. В статье представлен пример антифашистской организации «Союз свободной немецкой молодежи», которая сыграла важную

роль не только в идеологическом перевоспитании молодых немцев, но и в хозяйственно-экономическом восстановлении Германии. Т. Н. Черкашина дала оценку деятельности главы лейбористского правительства Кира Стармера по взаимодействию Великобритании с Европейским союзом. Исследователь показывает взаимосвязь проводимых К. Стармером мероприятий с концепцией «Глобальной Британии», а также выявляет объективные и субъективные факторы, способствующие сближению двух сторон.

Статьи раздела **Международные отношения в пост-биполярном мире** раскрывают разные аспекты международного взаимодействия и противоречий. Д. А. Белашенко, И. Ф. Шоджонов, Е. О. Гудкова обозначили особенности внешней политики Украины в Каспийском регионе в постсоветский период. Авторы пришли к выводу, что Украина обладала потенциалом стать связующим звеном между странами Каспийского региона и другими регионами мира. Однако она упустила данные возможности из-за отсутствия стратегического внешнеполитического планирования, замещения реальных государственных интересов эфемерными лозунгами о европейском выборе, преобладания политической конъюнктуры над долгосрочными перспективами. Л. О. Игумнова исследует представления лидеров Европейского союза о текущем миропорядке и роли ЕС в рамках новой конфигурации международных отношений и проблемы адаптации ЕС к меняющимся условиям в 2023–2024 гг. А. Е. Цымбалова и В. В. Сикираж анализируют возникновение и трансформацию индексов, которые фиксируют социально-экономический и политический ресурсный потенциал государств. Исследователи обратили внимание на факт приверженности составителей индексов неолиберальной парадигме, что существенно сказывается на оценках и их обосновании.

Журнал «СибСкрипт» приглашает исследователей опубликовать статьи по проблемам археологии, отечественной и всеобщей истории, актуальным аспектам международных отношений, историографии и источниковедению. Выражаем большую признательность всем авторам, приславшим статьи в наш журнал!

Dear readers and authors!

This issue introduces articles on Russian history, world history, and contemporary international relations.

Section I ventures deep into the **History of Siberia**. D. Belyanin studied archival reports made by Orthodox eparchs, or bishops, who had to visit distant dioceses to audit church documents, examine the state of church buildings, morally support the parish clergy, oppose schismatic heresy, convert Siberian tribes, etc. In the decade before the Revolution, they remarked upon the growing religious ignorance of rural parishioners, who could not recite a basic prayer and failed to formulate the canons of Christianity. From pre-Revolutionary religious issues, we then move on to industrial matters. A. Chupin examined the historiography of coal mining in Kuzbass during World War II. While the historians of the 1940s chose a more practical approach, publications made in the 1950s–1980s focused on the role of the Communist Party and Soviet government in that process. Post-Soviet historians, however, enjoyed unlimited access to declassified archival materials and started to develop a much wider range of topics, e.g., interaction between regional and central authorities, logistical support for Kuzbass mines, restructuring of the mining management, etc.

In this issue of SibScript, we are happy to publish some reports made at the International Conference on the Development of the Productive Forces of Kuzbass: History, Modernity, and Strategy (Kemerovo, November 17–23, 2023). For instance, A. Konov's article describes the Soviet modernization of Siberian railways and introduces its definition as a fundamental technical and economic renewal of railway transport based on electrification, diesel locomotive traction, and new lines.

Section II describes various **Sociocultural, Political, and Religious Practices in the Soviet and Modern Russia**. A. Ivanov traced the early history of Soviet philately, which could not maintain the high standards of communist idealism: the more the authorities tried to turn collecting stamps into a tool of ideology and socialization, the more economic markers of bourgeois values it demonstrated. Some authors study various historical narratives of Russian Far East. N. Potapova studied the work of the history department at Sakhalin State University in 1949–2024 against the background of turbulent social changes and daring reforms. The Bologna system had particularly negative

effects on the historical and pedagogical university education on Russia's Eastern frontier. However, it seems to be gaining its prestige back. O. Fedirko and S. Dudarenok periodized the activities of the Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints in the Far East: 1) from the earliest Mormon associations to the Federal Law on Freedom of Conscience and Religious Associations adopted in 1997; 2) the peak of Mormon faith popularity in 1997–2004 as a result of such policies as urbanism, openness, charity, and education.

Others choose to study the impact of Communism on daily life and the way Communism had to transform itself in the post-Soviet environment. G. Mayorov attempted at explaining the ideological transformations of the Communist party after the collapse of the USSR. The deep ideological crisis of the post-Perestroika brought about the national-patriotic ideas as communist leaders turned from internationalism to statehood and from atheism to religion, which inevitably eroded the Communist identity.

Section III of **General History** covers a wide range of historical issues, from the Middle Ages to the present day. V. Martynenko investigates the concept of Vikings, which started to associate with seafarers, violent attacks, and looting as late as in the VII–XI centuries, and only in the XIX century did it become an umbrella term for all Medieval Scandinavian nations. O. Kim reviewed the social development of Western Europe from the perspective of the early modernism with its concepts of transitional society, modernization, proto-industrialization, and world-system analysis. M. Kirchanov focused on Galician nationalism of the early XX century as a social, intellectual, political, and cultural movement. Galician intellectuals had a strong impact on the ideology of Galician nationalism, ethnic identity, language, and culture. E. Zharonkina and V. Krovyakov described the democratization of German society after World War II on the territories of Soviet influence. The anti-fascist Union of Free German Youth facilitated the ideological re-education of young Germans and catalyzed the national economic recovery. T. Cherkashina reported the relations between Great Britain and the European Union in the context of the so-called Global Britain policy conducted by the K. Starmer's Labor government.

Section IV featured the **International Relations in the Post-Bipolar World**. D. Belashchenko, I. Shodzhonov, and E. Gudkova outlined Ukraine's foreign policy in the Caspian region in the post-Soviet period: Ukraine could have become a link between the Caspian states and the rest of the world. However, it missed the opportunity due to the poor foreign policy as its government substituted the real state interests with ephemeral slogans about the European choice, allowing political expediency to prevail

over long-term prospects. L. Igumnova examines the ideas that European leaders express about the current world order and the role of the European Union, with its failure to adapt to the changing conditions in 2023–2024. A. Tsymbalova and V. Sikirazh studied the indices that record national socio-economic and political resource potential: the neoliberal paradigm makes these ratings biased and lopsided.

SibScript thanks the authors who contributed to this issue and welcomes new authors who would like to report their achievements in the fields of archeology, national and world history, international relations, and historiography.

История Сибири

Служебные поездки архиереев Русской православной церкви по епархиям Азиатской России во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам епархиальных ведомостей)

Белянин Д. Н. 375

Влияние Урало-Кузбасса на экономическую эффективность модернизации Свердловской железной дороги в 1956–1991 гг.

Конов А. А. 391

Роль партийно-советского руководства в перестройке угольной промышленности Кузбасса 1941–1945 гг. (историографический аспект)

Чупин А. Г. 403

Социокультурные, политические и религиозные практики в советский и современный периоды

Советское коллекционирование в 1920-е – середине 1930-х гг.: проекты и реализация (на примере филателии)

Иванов А. С. 420

От радикализма к конформизму: траектория идейной трансформации КПРФ в постсоветский период (сравнительный анализ политического контекста 1990–2020-х гг.)

Майоров Г. А. 433

Исторический опыт подготовки педагогов-историков в Сахалинском государственном университете (1949–2024 гг.)

Потапова Н. В. 449

Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (Мормоны) на Дальнем Востоке России (1989–2004 гг.)

Федирко О. П., Дударенок С. М. 461

Всеобщая история

Создание и деятельность молодежных организаций в советской оккупационной зоне Германии (1945–1949 гг.)

Жаронкина Е. А., Кровяков В. С. 477

Капитализм и ранний модерн на фоне Средневековья: обзор идейных направлений

Ким О. В. 489

Идеологические направления развития галисийского национализма второй половины 1910-х – 1920-х гг. (по материалам газеты A Nosa Terra)

Кирчанов М. В. 506

Происхождение и эволюция понятия *викинги*: этимологический, исторический и культурологический подходы

Мартыненко В. О. 519

Первые шаги лейбористского правительства К. Стармера: «перезагрузка» отношений с Европейским союзом

Черкашина Т. Н. 531

Международные отношения в постбиполярном мире

Политика Украины в Каспийском регионе в 1991–2024 гг.: от многовекторности к кризису

Белащенко Д. А., Шоджонов И. Ф., Гудкова Е. О. 541

Проблемы новой многополярности в современном внешнеполитическом дискурсе Европейского союза

Игумнова Л. О. 552

Особенности возникновения первых ресурсных индексов: тенденции, подходы и перспективы для России

Цымбалова А. Е., Сикираж В. В. 563

History of Siberia

- Official Visits of Russian Orthodox Church Eparchs to Asian Russia's Dioceses Registered in Diocesan Bulletins in the Second Half of the XIX – early XX Centuries
Belyanin D. N. 375
- Ural-Kuzbass Region in the Economic Modernization of Sverdlovsk Railway in 1956–1991
Konov A. A. 391
- Soviet Party Authorities in Restructuring the Kuzbass Coal Industry in 1941–1945: Historiographic Aspect
Chupin A. G. 403

Sociocultural, Political, and Religious Practices in the Soviet and Modern Russia

- Philately as a Popular Collecting Practice in Soviet Russia in 1922–1934
Ivanov A. S. 420
- From Radicalism to Conformism: Post-Soviet Ideological Trajectory of Russian Communist Party in 1993–2022
Mayorov G. A. 433
- Training Teachers of History at Sakhalin State University: Historical Experience of 1949–2024
Potapova N. V. 449
- Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints (Mormons) in the Russian Far East in 1989–2004
Fedirko O. P., Dudarenok S. M. 461

General History

- Youth Organizations in the Soviet Occupation Zone in Germany, 1945–1949
Zharonkina E. A., Krovyakov V. S. 477
- Capitalism and Early Modernity in the Middle Ages: An Overview of Ideological Trends
Kim O. V. 489
- Ideology of Galician Nationalism from mid-1910 through 1920s: A Nosa Terra Newspaper
Kirchanov M. V. 506
- Vikings as a Concept: Etymological, Historical, and Cultural Approaches to Origin and Evolution
Martynenko V. O. 519
- Keir Starmer's Labor Government: Resetting the UK's Relations with the European Union
Cherkashina T. N. 531

International Relations in the Post-Bipolar World

- Ukraine's Policy in the Caspian Region in 1991–2024: From Multi-Vector to Crisis
Belashchenko D. A., Shodzhonov I. F., Gudkova E. O. 541
- New Multipolarity in Contemporary European Union's Foreign Policy Discourse
Igunnova L. O. 552
- First Resource Indexes: Trends, Approaches, and Prospects for Russia
Tsybalova A. E., Sikirazh V. V. 563

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/atngby>

Служебные поездки архиереев Русской православной церкви по епархиям Азиатской России во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам епархиальных ведомостей)

Белянин Дмитрий Николаевич

Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6581-5719

<https://orcid.org/0000-0002-2062-860X>

Scopus Author ID: 57222958231

bdn73@list.ru

Аннотация: Рассмотрена деятельность правящих архиереев, связанная с обозрением церквей и приходов вверенных им епархий. Основным источником стали отчеты о поездках епископов по епархиям, публиковавшиеся в епархиальных ведомостях. Цель – выявить основные задачи, которые решали архиереи в ходе служебных поездок по епархиям. Новизна исследования обусловлена слабой изученностью темы. Выявлены основные задачи и исследован комплекс мероприятий, которые реализовывались архиереями во время обзора епархий. Основными задачами были: осмотр физического состояния приходских церквей, ревизия церковных документов и нравственное воздействие на представителей приходского духовенства, которые вели неподобающий образ жизни. Ряд задач определялись региональной спецификой сибирских епархий: развитие структур Русской православной церкви в колонизируемых районах, необходимость противодействия расколо-сектантству, миссионерская деятельность среди коренных народов Сибири. Важнейшей задачей было выявление религиозно-нравственного уровня прихожан и нравственное воздействие на них. Для получения объективной картины о нравственном состоянии прихожан вверенных им епархий архиереи старались в ходе поездок посетить не только крупные города или села, но и отдаленные малонаселенные деревни. Результаты показали, что основная часть прихожан к вере и церкви относилась с должным уважением, вместе с тем на рубеже XIX–XX вв. среди прихожан была высока доля не исполнявших положенный православным долг исповеди, во многих селениях катехизация показала незнание как детьми, так и взрослыми основных молитв и даже самых базовых канонов православия. Были селения, где народ проявлял полное равнодушие к приезду архипастыря или был подвержен различным порокам. Для оказания нравственного воздействия на прихожан правящие архиереи проводили церковные службы, раздавали религиозную атрибутику и литературу, организовывали проповеди и беседы, которые могли носить как назидательный, так и просветительный характер.

Ключевые слова: правящий архиерей, Русская православная церковь, духовенство, приход, Азиатская Россия, Сибирь

Цитирование: Белянин Д. Н. Служебные поездки архиереев Русской православной церкви по епархиям Азиатской России во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам епархиальных ведомостей). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 375–390. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-375-390>

Поступила в редакцию 12.01.2025. Принята после рецензирования 03.03.2025. Принята в печать 03.03.2025.

full article

Official Visits of Russian Orthodox Church Eparchs to Asian Russia's Dioceses Registered in Diocesan Bulletins in the Second Half of the XIX – early XX Centuries

Dmitry N. Belyanin

Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

eLibrary Author SPIN: 6581-5719

<https://orcid.org/0000-0002-2062-860X>

Scopus Author ID: 57222958231

bdn73@list.ru

Abstract: As bishops of the Russian Orthodox Church, metropolitan eparchs had to travel to distant parishes that were under their supervision. The author studied reports published in archival diocesan bulletins to identify the tasks they faced during their official visits and how they resolved them. The eparchs checked the condition of parish churches, revised clerical documents, and talked to parish clergy suspected of inappropriate lifestyle. Siberian dioceses had their regional specifics, and the eparchs had to supervise the church development in colonized areas, counteract schismatic sectarianism, and encourage missionary activities among the indigenous population. However, the most important task was to assess the religious and moral state of parishioners and to support them. To obtain an objective picture, the eparchs visited remote, sparsely populated villages. According to their early reports, most parishioners treated the faith and the church with due respect. At the turn of the XIX–XX centuries, however, some parishioners were reported to skip confession. In small villages, both children and adults could not recite a simple prayer and failed to name the most basic canons of Christian Orthodoxy. In some villages, people showed complete indifference to the arrival of the eparch and demonstrated various vices. To exert moral influence on the parishioners, the eparchs held church services, distributed religious paraphernalia and literature, organized sermons, gave edifying and enlightening speeches, etc.

Keywords: Eparch of dioceses, Russian Orthodox Church, clergy, parish, Asian Russia, Siberia

Citation: Belyanin D. N. Official Visits of Russian Orthodox Church Eparchs to Asian Russia's Dioceses Registered in Diocesan Bulletins in the Second Half of the XIX – early XX Centuries. *SibScript*, 2025, 27(3): 375–390. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-375-390>

Received 12 Jan 2025. Accepted after peer review 3 Mar 2025. Accepted for publication 3 Mar 2025.

Введение

Период второй половины XIX – начала XX в. был непростым в истории Русской православной церкви (РПЦ): время модернизации страны, происходили стремительные изменения в обществе, трансформировался менталитет людей, их нравственные ориентиры, пересматривалось место традиционных институтов в русском социуме. РПЦ, оставаясь важнейшей духовной скрепой общества и государства, пыталась и адаптироваться к новым условиям, и противостоять антиклерикальным настроениям, проникавшим во все слои общества. Особенно выросла в этот период роль архиереев, возглавлявших епархии: от их деятельности во многом зависело сохранение статуса РПЦ как института, оберегавшего традиционные духовные ценности.

В современной историографии служебная деятельность архиереев неоднократно становилась объектом исследования как профессиональных историков, так и священнослужителей [Кошелев 2016; Лавров 2019; Пряшников 2017]. При этом вопрос об обозрении архиереями епархий изучался исследователями нечасто. Фрагментарно данный вопрос затрагивался в нескольких трудах, посвященных жизнеописаниям или профессиональной деятельности некоторых сибирских архиереев [Данилов, Пингин 2016; Дикова 2020; Матханова 2007; Ульянова 2020]. В лапидарном виде упоминается о поездках преосвященных по приходам епархий в нескольких монографиях сибирских исследователей [Адаменко и др. 2007; Дулов, Санников 2006; Малашин 2011],

а также работе М. В. Пулькина [Пулькин 2022]. Лишь в нескольких публикациях данная тема стала объектом самостоятельного исследования, но на очень локальном материале [Гераськин 2010; Горбатов, Мальцев 2021; Дерова 2024; Цысь 2016; 2017; Широков 2019].

В целом следует отметить, что вопрос о поездках архиереев для обозрения церквей и приходов вверенных им епархий малоисследован. Недостаточная изученность этой темы определяет актуальность нашего исследования. Цель – выявить основные задачи, которые решали архиереи в ходе служебных поездок по епархиам.

Источником, использованным автором для подготовки статьи, стали епархиальные ведомости. Как правило, отчеты о поездках архиереев в епархиальных ведомостях составлялись по схеме: описание прибытия архипастыря в населенный пункт и встречи его народом, перечисление проведенных владыкой церковных служб, бесед или наставлений, нередко – выяснение у прихожан и школьников их знаний молитв и основ православной веры, общее впечатление о приходе и прихожанах, описание проводов владыки¹. Иногда отчеты по форме изложения больше напоминали путевые заметки, были сжатыми и краткими². Содержащаяся в таких отчетах информация достаточно полно раскрывает основные задачи и результаты архиерейских поездок по епархии. Недостатком таких отчетов является скудность информации о результатах ревизий церковных документов. Между тем такой ревизии сами архиереи придавали немалое значение: в каждой приходской церкви они скрупулезно изучали метрические книги, брачные обыски, исповедные росписи, смотрели состояние архива церковной документации и т. п. Но информация о результатах ревизии церковной документации на страницы епархиальных ведомостей почти не попадала. Исключением можно

считать лишь некоторые отчеты Благовещенского и Омского владык³.

Заметим также, что в некоторых епархиях в ведомостях отчеты о поездках архиереев не печатались, всё ограничивалось кратким сообщением о факте отъезда владыки для обозрения епархии и прибытии его из поездки. Например, в № 6 «Забайкальских епархиальных ведомостей» за 1910 г. содержалось только короткое сообщение, что епископ Забайкальский и Нерчинский Мефодий отбыл из Читы для обозрения церквей западной части епархии⁴, а в № 7 за тот же год было столь же лапидарное сообщение о возвращении его из поездки 24 марта в Читы⁵. Однако сам отчет о поездке ни в 1910 г., ни в 1911 г. опубликован не был.

Результаты

Ревизии документов, инспектирование церквей, знакомство с кадровым составом приходского духовенства

Служебные поездки по епархии были обязательными для архиереев. Духовный регламент предписывал «епископу в год или в два года единожды» объезжать свою епархию⁶. Однако нередко архипастыри в епархиях Азиатской России совершали значительно большее число поездок. Например, в Томской епархии за год обычно владыки делали служебные поездки 2–4 раза [Адаменко и др. 2007: 9]. Епископ Омский и Павлодарский Андроник за май–сентябрь 1913 г. совершил 4 поездки. Обычно поездка архипастыря предполагала посещение десятка или нескольких десятков приходов. Так, упомянутый епископ Андроник во время третьей поездки осмотрел 13 сельских церквей, а во время четвертой – 39⁷. В мае–июне 1912 г. епископ Туркестанский и Ташкентский Димитрий планировал посетить 83 населенных пункта, в дополнение к которым возможен также был приезд в недавно возникшие

¹ См., например: Омские епархиальные ведомости (ОЕВ). 1913. № 21. Часть неофиц. С. 21–39; Тобольские епархиальные ведомости (ТобЕВ). 1894. № 22. Отдел неофиц. С. 401–412.

² См., например: Енисейские епархиальные ведомости (ЕЕВ). 1909. № 13. Отдел неофиц. С. 20–34.

³ Благовещенские епархиальные ведомости (БЕВ). 1903. № 6. Неофиц. отдел. С. 149, 152; ОЕВ. 1906. № 19. Часть неофиц. С. 37.

⁴ Забайкальские епархиальные ведомости (ЗЕВ). 1910. № 6. Отдел неофиц. С. 156.

⁵ ЗЕВ. 1910. № 7. Отдел неофиц. С. 201.

⁶ Духовный регламент, тшанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского, по соизволению и приговору всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената, в царствующем Санкт-Петербурге в лето от Рождества Христова 1721 сочиненный, гражданским первым тиснением изданный. М.: Синодальная тип., 1804. С. 48.

⁷ ОЕВ. 1913. № 20. Часть неофиц. С. 17.

поселения в Копальском и Лепсинском уездах⁸. Причем нередко в ходе поездок владыкам приходилось преодолевать значительные расстояния. Так, архиепископ Варлаам II во время поездки по тобольскому северу зимой 1865 г. от границы одного из благочиний до Сургута преодолел не менее 500 верст [Цысь 2018: 265].

Необходимость личного обозрения церквей и приходов была обусловлена несколькими причинами. Во-первых, в 1832–1917 гг. архиерей должен был ежегодно представлять отчет о состоянии епархии, содержащий оценку нравственного и профессионального состояния приходского духовенства, сведения о религиозно-нравственном состоянии прихожан [Лысенко 2020: 77], знании ими начальных истин веры, степени их участия в благотворительности [Спичак 2022: 267]. Для этого нужно было лично посетить приходы, познакомиться со священниками, церковнослужителями и прихожанами. Во-вторых, для управления епархией каждый архиерей должен был знать о положении дел на местах, в том числе и в самых удаленных приходах. Только обладая объективной информацией епископ мог принимать грамотные решения по руководству и развитию епархии. Служебные поездки по епархии были условием для получения такой информации.

Необходимость для архиереев лично объезжать епархии в обуславливалась также спецификой Азиатской России. Так, за Уралом проживало немало коренных народов, многие из которых к середине XIX в. продолжали исповедовать ислам или языческие верования. РПЦ, конечно, стремилась распространить среди этих народов православие, и возглавлявшие епархии архиереи регулярно совершали визиты в районы, населенные инородцами, для распространения и укрепления среди них православия. Другой специфической сибирской чертой было распространение среди русского населения Сибири к середине XIX в. раскола, а в начале XX в. – и сектантства. Сибирские архиереи в ходе поездок по епархиям неоднократно фиксировали влияние раскола или разных сект на православных. Так, Томский епископ Парфений в середине XIX в. отмечал, что во время посещения им деревень немалая часть людей не хотела принимать благословения,

а те, которые принимали, старались обращать руки ладонями вниз, чтобы «имянословное благословение не удержалось на ладони»; что в квартирах некоторые хозяева выносили из комнаты иконы, опасаясь, как бы остановившийся на ночлег архипастырь «не отнял от икон благодати своим троеперстным молением». Почти везде епископ Парфений встречал иконы раскольнического писания, а православное население за немногим исключением совершало крестное знамение двуперстием. Томский край «полон наклонными к расколу и раскольниками», делал неутешительный вывод епископ Парфений [Беликов 1901: 180–181]. Визиты архиереев в приходы, зараженные расколом, должны были поддерживать и укреплять веру среди православного населения, препятствовать распространению старообрядчества. Не забывали архиереи во время поездок по епархиям и о борьбе с сектами: во многих проповедях и наставлениях прихожанам звучала антисектантская тема. Так было, например, в с. Князевском⁹ и с. Федоровском Кокчетавского уезда в 1913 г.¹⁰

Еще одной специфической чертой сибирских епархий была интенсивная колонизация, когда в необжитых районах, иногда на значительном удалении от церквей, возникали десятки поселков. Отдельной задачей архиереев было выяснение религиозных нужд переселенцев, т. к. от успешного и скорого удовлетворения таких нужд зависела адаптация новоселов на новом месте. Поэтому нередко архипастыри совершали визиты в переселенческие поселки. Иногда подобные визиты были связаны с каким-то торжественным мероприятием, что усиливало религиозные чувства прихожан-переселенцев. Например, приезд архипастыря Омского и Павлодарского в 1913 г. в пос. Чистополье и с. Федоровское был приурочен к освящению построенных в этих селениях храмов¹¹. Не скрывая радостных чувств, преосвященные описывали случаи, когда переселенцы, даже не отличавшиеся зажиточностью, сооружали в своих поселках церкви или молитвенные дома из собственных средств. Например, жители пос. Чистополье не были богатыми (поселок одно время даже считался бедным), но за счет усердия и исключительно на общественные средства воздвигли

⁸ Подсчитано по: Туркестанские епархиальные ведомости (ТурЕВ). 1912. № 10–11. Часть офиц. С. 84–90.

⁹ ОЕВ. 1913. № 21. Часть неофиц. С. 35.

¹⁰ ОЕВ. 1913. № 22. Часть неофиц. С. 36–37.

¹¹ Там же. С. 29–32, 35–36.

у себя великолепный, громадный, трехпредельный, каменный храм¹². Такая благолепная картина, разумеется, была не везде, и архиереи в своих отчетах это не скрывали. Встречались переселенческие поселки, где жители не желали не только строить храм за свой счет, но даже не хотели тратить на его украшение или ремонт, а ждали помощи от казны¹³. Прибытие владыки было событием огромной важности для новоселов не только в плане укрепления веры – нередко переселенцы, пользуясь случаем, лично подавали архиастырю прошение о постройке церкви в их поселке или об открытии самостоятельного прихода. Так было в пос. Золотоноша, жители которого ходатайствовали у епископа Омского и Павлодарского Андроника об открытии у них отдельного прихода¹⁴.

Объектом ревизии архиастырей были не только церкви в крупных населенных пунктах, но и храмы в маленьких селениях. Так, преосвященный Агафангел в 1894 г. во время поездки на север Тобольской епархии посетил с. Кушеват, где было 9 дворов. Даже в таких малолюдных селениях архиастыри не считали для себя зазорным отслужить религиозные службы. В том же с. Кушеват владыка отслужил литургию, сам отправил молебен, благословил молящихся, а потом раздал собравшимся прихожанам брошюры, крестики и иконы¹⁵. Преосвященный Димитрий во время поездки по приходам северных уездов Семиреченской области осенью 1906 г. посетил небольшую дер. Карасук в 20 дворов¹⁶. Нередко архиастыри останавливались в небольших отдаленных населенных пунктах, меняя первоначальные планы поездки. Например, в Иркутской епархии во время поездки по Киренскому уезду в 1913 г. епископ Евгений остановился в дер. Туне, хотя по маршруту там остановки не предполагалось. Деревня – всего 15 дворов с ветхой часовней, но владыка тем не менее отслужил в ней молебен и обратился к местным крестьянам с наизиданием¹⁷. В дер. Наумовской епископ Евгений предполагал лишь короткую остановку,

но, увидев массу собравшегося люда, решил задержаться, чтобы благословить крестьян и дать им краткое наставление о воздержании от порока пьянства и хранении между собой мира¹⁸. Подобные визиты архиереев в «глухие» сибирские селения имели громадное значение для крестьян, для которых общение с архиастырями становилось значимым событием.

Центральной задачей визитов архиастырей была ревизия приходских церквей. Эта задача решалась, во-первых, осмотром делопроизводственной документации и изучением степени сохранности церковных документов (метрических книг, книг братских доходов, богослужебных журналов и т. п.). В некоторых приходах владыки выявляли нарушения, за что местный священник мог получить замечание¹⁹. Иногда в ходе ревизии делопроизводственных документов вскрывались факты достаточно серьезных проступков. Так, в церкви станицы Графской Благовещенской епархии выяснилось, что некоторые браки священником были повенчаны по незаконным документам²⁰. Архивные материалы показывают, что в вопросе ведения документации во многих церквях не было порядка. Например, в сентябре-октябре 1871 г. епископ Енисейский и Красноярский Павел посетил 69 церквей в Ачинском, Минусинском и Красноярском округах. Большинство обревизованных церквей были сельскими, но были среди посещенных храмов также градо-Минусинский и градо-Ачинский соборы, градо-Ачинская кладбищенская церковь и Знаменская церковь Коноваловского завода. Из 69 церквей никаких замечаний «по письмоводству» (по ведению документации) не имел лишь священник одной Тулинской церкви, священники еще 19 церквей получили от архиастыря незначительные замечания. В остальных 49 церквях (71 % от числа посещенных архиереем) замечания по ведению документации носили серьезный характер²¹.

Во-вторых, архиастырями проводился осмотр внешнего вида самих церквей, их убранства и т. п. Благолепные, богато отделанные с дорогой церковной

¹² ОЕВ. 1913. № 21. Часть неофиц. С. 37–38.

¹³ Там же. С. 37.

¹⁴ Там же. С. 34.

¹⁵ ТобЕВ. 1894. № 22. Отдел неофиц. С. 406.

¹⁶ ТурЕВ. 1906. № 4. Часть неофиц. С. 32.

¹⁷ Прибавл. к Иркутским епархиальным ведомостям (ИЕВ). 1914. № 2. С. 52–53.

¹⁸ Прибавл. к ИЕВ. 1914. № 4. С. 121.

¹⁹ См., например: ОЕВ. 1906. № 19. Часть неофиц. С. 37.

²⁰ БЕВ. 1903. № 1. Неофиц. отдел. С. 11.

²¹ Подсчитано по: Государственный архив Красноярского края. Ф. 592. Оп. 2. Д. 546. Л. 1–29.

утварью храмы свидетельствовали о расположенности прихожан к храму Божию. Архипастыри в большинстве случаев во время поездок встречали именно такие церкви. Например, преосвященный Агафангел во время поездки на север Тобольской епархии встретил благолепные храмы в селах Демьяновском и Шеркальском²². В с. Мужевском церковь была деревянная, новая, просторная, с прекрасным иконостасом, в Обдорске архипастырь увидел новый каменный храм: благолепный снаружи, он не оставлял желать лучшего и внутри: вместительный, светлый, с прекрасным иконостасом, прекрасной утварью и ризницей²³. В Томской епархии владыка Мелетий во время обозрения епархии отметил, что очень хороши храмы были в селах Турунтаево, Н.-Николаевском, Тисуле, Тюхтете, Преображенском, Сусловском и дер. Кайме²⁴.

Такая благостная картина открывалась отнюдь не везде. В пос. Кабановском епископ Омский и Семипалатинский Гавриил в 1906 г. увидел маленький и ветхий храм – следствие разлада прихожан: приход состоял из казацких и крестьянских селений, между которыми не было единства. Казаки считали, что крестьяне должны принимать участие в ремонте храма, а крестьяне отвечали: «храм казачий, пусть они на свои средства ремонтируют» – и вообще хотели перейти в другой приход, принадлежавший к соседней Тобольской епархии²⁵.

В ходе поездок по епархиям архипастыри инспектировали не только сами церкви, пристальное внимание уделялось кадровому составу приходского духовенства. Конечно, по отчетам благочинных архиереи имели представление о приходских священниках, но личное знакомство и живое общение с ними давало больше информации, чем сжатые отчеты. Многие приходские священники характеризовались архипастырями исключительно в положительных тонах. Так, в Енисейской епархии в 1863 г. священник с. Тес о. Феодосий был охарактеризован как «разумный и энергичный», священник с. Шелаболинского – «разумный, молодой, кроткий».

Правда, отнюдь не во всех приходах священники удостоивались столь лестных оценок. Например, епископ Никодим, посетивший в 1863 г. с. Абаканское, местного священника охарактеризовал так: «жалкий, черств душою»²⁶.

Личным знакомством с церковнослужителями и священниками архиереи не ограничивались. Не секрет, что среди представителей клира встречались такие, кто был подвержен различным порокам или был замечен в должностных проступках. Как отметил А. М. Адаменко, спектр таких проступков был весьма широк: неправильное ведение документации, пьянство, неповиновение вышестоящим духовным чинам и т. п. [Адаменко 2004: 73]. Поэтому архиереи в ходе обозрения приходов старались оказывать воспитательное воздействие на замеченных в проступках представителей клира. Так, при посещении с. Калтайского архиепископом Томским и Барнаульским Макарием в 1907 г. было отмечено, что местный священник А. Чулков был «подвержен слабости», не конкретизировано какой, лишь было упомянуто, что у священника «страсть слишком сильна». Архипастырь преподал священнику увещание, взяв с последнего обещание исправиться²⁷. В с. Каратуз епископ Енисейский и Красноярский в 1863 г. поступил жестче: один казак пожаловался на связь причетника местной церкви с его женой, и владыка «велел причетнику сперва примириться, потом выйти из села»²⁸.

Иногда архиереи в ходе поездок выявляли случаи халатного отношения священника к пастырским обязанностям. Например, в с. Доле-Троицком епископу Благовещенскому и Приамурскому Никодиму прихожане пожаловались, что священник в великие праздники отказывался ходить по домам с иконами. Убедившись в справедливости претензий, преосвященный сделал этому священнику внушение²⁹.

Общение архиереев с приходскими священниками не сводилось лишь к назиданиям и наказаниям, малоопытному пастырю, например, архиерей мог помочь советом. Так, в с. Никольском священник

²² ТобЕВ. 1894. № 20. Отдел неофиц. С. 361, 365.

²³ ТобЕВ. 1894. № 22. Отдел неофиц. С. 401–403.

²⁴ ТомЕВ. 1909. № 20. Неофиц. часть. С. 828.

²⁵ ОЕВ. 1906. № 19. Часть офиц. С. 35.

²⁶ ЕЕВ. 1909. № 13. Отдел неофиц. С. 21, 25–26.

²⁷ ТомЕВ. 1908. № 8–9. Неофиц. часть. С. 35–36.

²⁸ ЕЕВ. 1909. № 13. Отдел неофиц. С. 27.

²⁹ БЕВ. 1903. № 6. Неофиц. отдел. С. 153.

П. Певцов вынужденно совершал богослужения со значительными отступлениями от норм, что вызвало неудовольствие прихожан. Посетивший это село во время обозрения Южно-Уссурийского края в 1881 г. епископ Мартиниан посоветовал священнику в подобных случаях разъяснять пастве причины отступлений от установленных норм богослужения [Смагин 2006: 40]. На встрече с духовенством г. Бийска 14 июля 1912 г. архиепископ Макарий также дал советы и наставления священнослужителям, как следует вести богослужение, обучать паству вере и нравственности, когда удобнее организовывать внебогослужебные беседы, чтобы их содержание лучше воспринималось прихожанами и т. п.³⁰

Иногда в ходе служебной поездки архиереев мог принять решение о выделении отдельного прихода, о строительстве храма или даже монастыря. Например, епископ Томский Порфирий во время обозрения епархии, посетив с. Улалу, признал полезным в религиозном, гражданском и хозяйственном отношении учредить там женскую общину³¹. И уже в начале 1860-х гг. в упомянутом селе была создана женская миссионерская община [Овчинников 2004: 33]. В 1904 г. во время визита в Семипалатинск владыка Омский и Семипалатинский Михаил посетил Никольскую церковь, представлявшую собой самый обширный храм в епархии – церковь легко вмещала 5–6 тыс. молящихся. Располагалась она в центре города, ее посещало значительное число горожан, но при этом столь крупная церковь не имела ни своего прихода, ни отдельного причта: она числилась приписной к городскому собору, а богослужения совершал сверхштатный причт, причисленный к этому же собору. Владыка обратил внимание на ненормальность такого положения и дал указание местному благочинному подать ходатайство об открытии самостоятельного прихода при Никольской церкви³². Указание было выполнено: к 1914 г. при Никольской церкви был свой приход с отдельным штатом из священника и псаломщика³³.

Преосвященный Варлаам, занимавший должность архиепископа Tobольского и Сибирского в 1863–1872 гг., во время поездок по епархии экзаменовал священно- и церковнослужителей на знание церковного устава, чтения, пения, пастырского богословия, литургики, догматики, богословского права и пр. Не обнаруживавшие должных знаний подвергались пене: со священников взыскивалось 2–5 руб., дьяконов – 1–4 руб., псаломщиков – 1–3 руб. Эта мера имела как воспитательное, так и благотворительное значение. Угроза штрафа заставила представителей тобольского приходского духовенства усиленно изучать многие предметы, что способствовало повышению профессионального и образовательного уровня клира. Благотворительность же проявлялась в том, что собранная пеня шла в пользу девиц духовного звания, обучавшихся в училище, или в пользу бедных духовного звания³⁴.

В соответствии с необходимостью распространять и укреплять православную веру среди коренных народов архиереи нередко во время служебных поездок посещали миссионерские станы и иногородческие селения. Например, епископ Парфений в первый же год руководства Томской епархией (1885 г.) посетил Алтайскую духовную миссию, доехав до Чемальского стана³⁵. Епископ Омский и Семипалатинский Сергей 29 августа 1903 г. прибыл в миссионерский Шульбинский стан, где отслужил Божественную литургию³⁶.

Нередко визиты архиереев вызывали неподдельный интерес у инородцев. Так, епископ Tobольский и Сибирский Варнава в 1915 г. по пути в миссионерский пункт Хэ на севере Tobольской епархии на пароходе попал в сильную бурю. Пароход стал на якорь неподалеку от остяцких чумов, остяки же с детьми в большом количестве на лодках поспешили на пароход. Редко видевшие даже простого священника, а некоторые не имевшие возможности до года и более покрестить своих детей, остяки присутствовали на литургии и царском молебне, которые были отслужены прямо на пароходе. Для этих жителей севера встреча с владыкой

³⁰ ТомЕВ. 1912. № 17. Часть неофиц. С. 921–925.

³¹ ТомЕВ. 1904. № 15. Отд. неофиц. С. 3–4.

³² ОЕВ. 1904. № 18. Часть неофиц. С. 27–28.

³³ Справочная книга Омской епархии. Омск: Иртыш, 1914. С. 335.

³⁴ TobЕВ. 1882. № 11–12. Отдел неофиц. С. 231–232.

³⁵ ТомЕВ. 1881. № 3. Отд. неофиц. С. 42.

³⁶ ОЕВ. 1903. № 19. Часть неофиц. С. 22.

стала настоящим духовным праздником, они приняли архипастырское благословение, с верой возносили пламенные молитвы, жадно впитывали произносимые владыкой слова. Воспользовавшись случаем, архипастырь, невзирая на холодный пронизывающий ветер, беседовал с остояками несколько часов³⁷. Заметим, что подобный интерес коренных народов к православной вере не был повсеместным. Например, владыка Иркутский и Верхотенский Серафим в 1913 г. году посетил Хабаровский стан, населенный бурятами. Ранее буряты были крещены, но после 1905 г. отпали опять в ламаизм, в результате чего в местном Жымыгитском стане прекратилась всякая деятельность, и он даже был закрыт. У Иркутского архипастыря с присутствовавшими бурятами состоялась пространная беседа о ламаизме и христианстве, не возымевшая видимого результата³⁸.

О нуждах миссионерского дела владыки не забывали и тогда, когда посещали приходы, населенные русскими. Например, во время второй летней поездки по епархии в 1907 г. в наиболее состоятельных приходах Томский архиепископ призвал паству жертвовать на нужды миссионерского дела на Алтае. В некоторых приходах его призывы находили отклик. Так, хорошим был сбор на нужды Алтайской духовной миссии в с. Прыганка³⁹.

Инспектировали преосвященные владыки во время служебных поездок и монастыри. Так, в 1904 г. епископ Омский и Семипалатинский Михаил посетил женскую обитель Св. Ключ, относившуюся к Киргизской духовной миссии. Архипастырь обошел все монастырские строения, подробно ознакомился с условием жизни сестер, положением общинного хозяйства, выслушал доклад начальницы общины, преподавал благословение начальнице и сестрам, произнес речь о значении монашеских обетов, о значении монастырей для окружающего их православного и инославного населения⁴⁰. А в 1894 г. в Кондинском женском монастыре глава Тобольской епархии, помимо обычного обхода монастырских строений и благословлений местных монахинь, совершил постриг четырех сестер в мантию и двух – в рясофор⁴¹.

Оценка религиозно-нравственного состояния прихожан

Решали архипастыри в ходе поездок по епархиям и иные задачи, важнейшими из которых были:

- выяснение отношения прихожан к вере и церкви, укрепление и повышение у них религиозного духа;
- борьба с пороками, процветавшими в народной среде.

Актуальность борьбы за поддержание и усиление религиозных чувств в народе определялась набравшей силу к середине XIX в. религиозной индифферентностью. Во многом это было следствием малочисленности православного духовенства за Уралом, очень небольшого количества церквей и обширности приходов. Например, на момент образования Томской епархии в пределах Томской губернии насчитывалось не более 80 храмов. Деревни, отстоявшие от приходского храма на 60, 80 и даже 100 верст, были обычным явлением. В таких условиях сельское население привыкло обходиться без храмов, бывая в них лишь один раз в жизни – для венчания в брак. Без храма население опускалось до религиозного равнодушия [Беликов 1906: 70]. Томский епископ Парфений по результатам обозрения епархии увидел безотрадную картину: «Храмы Божии по воскресным дням в сельских приходах пусты, съезды в храмы из деревень бывают не более трех раз в год. Во время обозрения епархии храмы наполнялись, но для того были предварительные сборы (чрез сельских начальников). При моих проездах чрез деревни и остановках в них народа собиралось немного, и то принужденно» [Беликов 1901: 180].

Укрепление религиозности среди прихожан решалось непосредственно за счет проведения архипастырями религиозных служб (молебнов, литургий и т. п.), а также бесед на различные темы с собравшимися прихожанами. Такие беседы могли носить не только назидательный, но и религиозно-просветительный характер. Например, епископ Томский и Семипалатинский Макарий во время обозрения церквей и приходов Нарымского края в 1892 г. прибыл в небольшую деревню Усть-Речку. Его приезд пришелся на праздник явления

³⁷ ТобЕВ. 1915. № 46–47. Отдел неофиц. С. 750–751.

³⁸ Прибавл. к ИЕВ. 1913. № 21. С. 653–660.

³⁹ ТомЕВ. 1910. № 1. Часть неофиц. С. 21–22.

⁴⁰ ОЕВ. 1904. № 18. Часть неофиц. С. 33–34.

⁴¹ ТобЕВ. 1894. № 20. Отдел неофиц. С. 364.

Тихвинской иконы Божьей Матери, и хотя народу встречать архипастыря пришло не очень много (человек 50), владыка воспользовался случаем и объяснил собравшимся происхождение вспоминаемого в этот день события⁴².

Немалое значение для повышения религиозных чувств прихожан имели торжественно проводимые архиереями церковные службы. Так, епископ Владивостокский Евсевий во время первой поездки на Камчатку за 50 суток совершил 21 церковную службу, в том числе 6 литургий [Ерохин 2023: 7]. Многие архипастыри в ходе общения с прихожанами, особенно отдаленных сельских приходов, практиковали раздачу различной религиозной литературы и атрибутики. Преосвященный Агафангел при посещении Самаровского и Малоатлымского сел Тобольской епархии после благословения раздал многим крестьянам крестики, иконы, брошюры религиозного содержания⁴³, то же было и в с. Мужевском⁴⁴. Возглавлявший Иркутскую епархию епископ Евгений во время обозрения церквей и приходов епархии в 1913 г. тоже практиковал раздачу прихожанам православной атрибутики. Например, в с. Нижне-Илимском Киренского уезда во время благословения народа в большом количестве прихожанам была роздана религиозно-нравственная литература, крестики, образки и житие святителя Иннокентия⁴⁵.

Заметим, что архиереи не считали зазорным осуществлять и обычные религиозные требы во время служебных поездок, если в том возникала необходимость. Так, епископ Омский и Семипалатинский Михаил во время поездки по епархии в мае 1904 г. прибыл в казачий пос. Подпускной, где к нему обратился один старик с просьбой отпеть умершую жену. Такая неожиданная просьба объяснялась тем, что местный священник, во-первых, жил за 55 верст, а во-вторых, именно в это время священник уехал в другую часть прихода за 40 верст напутствовать больного. В такой просьбе, конечно, нельзя было

отказать, и сопровождавшие владыку духовные лица совершили над умершей чин погребения⁴⁶.

Оценка степени религиозно-нравственного уровня прихожан определялась архипастырями по нескольким маркерам. Во-первых, выяснялось количество говевших и неговевших прихожан в период Великого поста (причем отдельно выяснялось число неговевших «по опущению», т.е. по нежеланию). Результаты в начале XX в. были не очень утешительными. В основной массе доля игнорировавших долг исповеди прихожан была около 50 %. Так, в Томской епархии в с. Чаусском, хотя прихожане к храму были «усердны», но при этом в 1907 г. говело и приобщалось святых тайн 1500 человек из общего количества 2818 душ обо-его пола прихожан⁴⁷. В с. Тырышкинском прихожане не отличались сильной религиозностью: на исповеди и святом причащении бывало менее половины прихожан⁴⁸, а в с. Осиневые колки в 1906 г. говевших и причастившихся прихожан и вовсе было лишь немногим более четверти⁴⁹.

Во-вторых, архипастыри обращали внимание на то, насколько благолепно украшен храм, обеспечен ли он церковной утварью и т.п. Богато украшенные церкви свидетельствовали о расположении прихожан к церкви. Если же храм был ветхий, беден утварью или имел убогий иконостас, как было в 1902 г. в пос. Ильинском Благовещенской епархии, то архипастырь делал вывод о нерадении прихожан к украшению своей церкви⁵⁰. Правда, ветхий храм не всегда был признаком прохладного отношения прихожан к церкви. Иногда ремонту или постройке нового храма мешали объективные причины. Например, в с. Романовском храм постройки 1875 г. к 1913 г. сильно обветшал и выглядел убого, но у романовских крестьян не было денег для постройки нового – в течение нескольких лет у них был недород хлебов, и население жило впроголодь⁵¹.

В-третьих, архипастыри выясняли, в каких условиях живет причт, есть ли у священника

⁴² ТомЕВ. 1893. № 2. Отдел неофиц. С. 11.

⁴³ ТобЕВ. 1894. № 20. Отдел неофиц. С. 362, 363.

⁴⁴ ТобЕВ. 1894. № 22. Отдел неофиц. С. 401.

⁴⁵ Прибавл. к ИЕВ. 1914. № 4. С. 217–218.

⁴⁶ ОЕВ. 1904. № 16. Часть неофиц. С. 16–17.

⁴⁷ ТомЕВ. 1908. № 11. Неофиц. часть. С. 40.

⁴⁸ ТомЕВ. 1908. № 12. Неофиц. часть. С. 43.

⁴⁹ ТомЕВ. 1908. № 14. Неофиц. часть. С. 18.

⁵⁰ БЕВ. 1903. № 1. Неофиц. отдел. С. 12.

⁵¹ Прибавл. к ИЕВ. 1914. № 4. С. 216–217.

и церковнослужителей дома, в каком они состоянии и т. п., – это тоже служило маркером отношения прихожан к церкви. В начале XX в. было немало приходов, где причтовые дома были ветхи, неудобны, требовали ремонта, а прихожане не торопились это исправить, и в некоторых приходах они не удосуживались даже построить дома для причта. Так, в благочинии № 8 Томской епархии на 1915 г. в 8 приходах из 21 дома для священников были либо неисправные, либо «малопоместительные», либо холодные, либо требовали ремонта, а в с. Воробьевском построенный для священника дом даже не был принят из-за технических недочетов⁵². В таких случаях от архипастыря прихожанам следовало увещание о необходимости заботы о благоустройстве причта. Причем были селения, где прихожане, невзирая на призывы архипастыря, упорно не желали нести расходы на ремонт или постройку причтовых домов. Так, в пос. Ильинском Благовещенской епархии владыка Никодим во время своей поездки в 1901 г. призвал крестьян проявить заботу о приходском священнике, построить для него жилой дом. Повторный визит в 1902 г. в этот же поселок показал, что к словам архипастыря крестьяне остались «хладны и безучастны», ничего не изменилось. Вновь архипастырь был вынужден обратиться к прихожанам с пространной речью, призывая их проявить христианские чувства и заботу о своем священнике⁵³.

В-четвертых, индикатором отношения к вере и церкви служило посещение прихожанами храмов во время обычных служб, участие в крестных ходах и т. п. Это можно было определить по мелким деталям, которые выявлялись в ходе общения владык с прихожанами. При посещении с. Калтайского архиепископом Томским и Барнаульским Макарием в 1907 г. после молитвословия крестьяне подошли к владыке целовать крест, а во время обряда весь собравшийся народ пел тропарь кресту и другие священные песни⁵⁴. Это наглядно показало неравнодушие калтайских крестьян и к вере, и к христианским обрядам. Вообще случаи, когда во время приезда владыки прихожане хором могли исполнять молитвы, не были редкими. Так, во время визита

Томского архипастыря в с. Колпашево в 1892 г. толпа прихожан сопровождала высокого гостя по пути от берега до молитвенного дома и всю дорогу исполняла «Достойно есть». В дер. Пановой после того, как был отслужен водосвятный молебен, владыка предложил и прихожанам петь молитвы. Мужчины пели: «Пресвятая Троица, помилуй нас», женщины: «Пресвятая Богородице, спаси нас»⁵⁵. Подобное активное участие в религиозных обрядах с хоровым исполнением молитв было свидетельством высокой степени религиозности прихожан, показывало их неравнодушие к церкви и православной вере.

Нередкими были случаи, когда крестьяне сами обращались к приехавшему владыке с просьбой отслужить молебен. Так было, например, в дер. Абакшиной Иркутской епархии, где крестьяне попросили епископа Евгения отслужить молебен на их нивах. Крестьяне вынесли из домов иконы, поставили их в виде полукруглого иконостаса, перед которым на столе была зажжена не одна сотня свечей. Хотя молебен служился в не очень большой деревне (20 дворов), в которой не было даже часовни, картина получилась торжественная. Один из свидетелей описал эту картину так: «дикая природа... полночный час... вдруг полились могучие звуки церковных молитвословий, и они неслись далеко, оглашая тайгу и подымаясь высоко к небу... <...> Народ в немом безмолвии замер от невиданного зрелища. <...> Картина величественная и глубоко умильная. Она не забудется из рода в род в насельниках Абакшиной»⁵⁶. Просьбы крестьян о служении молебнов или их активное участие в религиозных службах наглядно демонстрировали высокую степень религиозности.

Дополнительным показателем отношения прихожан к церкви и вере можно было считать результаты катехизации, проводившейся почти в каждом приходе: архипастыри путем опроса детей (иногда и взрослых) выясняли, насколько хорошо опрашиваемые знают основы христианской веры, православные молитвы и т. п. Надо заметить, что результаты катехизации во многих приходах были неутешительными. В с. Колпашево в 1892 г., например, мальчики

⁵² Подсчитано по: Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4581. Л. 12–12 об., 21–21 об., 59–59 об., 69–69 об., 129–128 об., 163–163 об., 183–183 об., 203–203 об.

⁵³ БЕВ. 1903. № 1. Неофиц. отдел. С. 13–14.

⁵⁴ ТомЕВ. 1908. № 8–9. Неофиц. часть. С. 34.

⁵⁵ ТомЕВ. 1893. № 2. Отдел неофиц. С. 8, 13.

⁵⁶ Прибавл. к ИЕВ. 1914. № 2. С. 54–56.

местной школы не могли дать толковых объяснений на вопросы или связно передать какой-либо библейский рассказ. Катехизаторам пришлось утешиться лишь тем, что школьники могли читать некоторые молитвы и ответить на отрывочные вопросы из священной истории⁵⁷. Очень во многих селениях опрашиваемые имели самое смутное представление об основах христианской веры, а ответы детей поражали абсурдностью. Например, в станице Графской Благовещенской епархии в 1902 г. на вопрос, кому мы будем молиться, если Бог умрет, один ученик отвечал: ангелу; а на новый вопрос, если ангел умрет, то кому тогда станем молиться, ученик убежденно сказал: «тогда будем молиться дьяволу»⁵⁸. Подобный случай не был единичным. На слабое знание детьми православных канонов обращал внимание, например, архипастырь в Омской епархии⁵⁹.

Правда, плохие результаты катехизации не всегда надежно свидетельствовали именно о холодности прихожан к вере. В некоторых приходах слабое знание детьми канонов православия было следствием плохого преподавания Закона Божия в местной школе. Например, в с. Калтайском Томской епархии учителем в школе был местный псаломщик, который не уделял достаточно времени обучению детей из-за загруженности своими прямыми обязанностями псаломщика. В результате во время катехизации многие калтайские школьники обнаружили незнание молитв. Однако было немало и приходов, где архипастыри обнаруживали вполне удовлетворительный уровень знаний прихожан о вере. Так, в дер. Варюхиной Томской епархии знание школьниками молитв, ответы на вопросы, как надо веровать, были достойны всякой похвалы. И вслед за школьниками давали хорошие ответы на вопросы о вере и взрослые жители деревни⁶⁰. В ходе катехизации архипастыри не ограничивались лишь выяснением знаний у детей, нередко с детьми проводились беседы, носившие как образовательный, так и воспитательный характер. Например, епископ Андроник в 1913 г. в с. Михайловском в беседе со школьниками

сначала рассказал притчу из священной истории о казни царем Иродом Иоанна Крестителя, а затем дал наставление детям не давать унижающих христиан и недостойных Бога клятв и обетов⁶¹.

Одной из центральных задач архиереев во время поездок по епархиям было повышение нравственного состояния прихожан через борьбу с процветавшими в народной среде пороками. По отчетам благочинных главы епархий в общих чертах имели представление о пороках, которым были подвержены прихожане в каждом конкретном селении. В соответствии с этим выбиралась и тема проповеди, с которой владыка обращался к прихожанам. Например, о крестьянах с. Коймар Иркутской епархии ходила дурная слава, что среди них не прекращались разбои, грубое пьянство, грабежи и убийства. Поэтому в своем обращении к коймарцам владыка Серафим напомнил о христианских ценностях и о том, что людей будут судить по поступкам их и каждому воздастся по делам его, призвал коймарцев остепениться и перестать нарушать заповеди Божии⁶². В 1907 г. в с. Болотинском Томской епархии архиепископ Макарий для беседы с местными крестьянами выбрал тему о семейном единении⁶³. В г. Илимске Иркутской епархии население было склонно к ссорам и конфликтам, поэтому епископ Евгений, посетивший этот город в 1913 г., местным жителям преподал назидание «о важности и необходимости мира и любви во взаимных отношениях христиан»⁶⁴.

Проповеди владык перед прихожанами во время инспекционных поездок по епархиям наряду с нравоучениями могли носить образовательный и просветительный характер. Так, возглавлявший Томскую епархию в 1886–1891 гг. епископ Исаакий в многочисленных проповедях для сельских жителей давал практические советы по соблюдению гигиенических норм в быту [Караваева 2008: 115]. Нередко во время проповедей архипастыри поднимали вопрос о вреде пьянства. Антиалкогольные проповеди стали особенно частыми после издания Святейшим Синодом в 1909 г. руководящих указаний

⁵⁷ ТомЕВ. 1893. № 2. Отдел неофиц. С. 10.

⁵⁸ БЕВ. 1903. № 1. Неофиц. отдел. С. 12.

⁵⁹ ОЕВ. 1913. № 20. Часть неофиц. С. 19.

⁶⁰ ТомЕВ. 1908. № 8–9. Неофиц. часть. С. 34–36.

⁶¹ ОЕВ. 1913. № 20. Часть неофиц. С. 21.

⁶² Прибавл. к ИЕВ. 1913. № 20. С. 619–620.

⁶³ ТомЕВ. 1908. № 10. Неофиц. часть. С. 21.

⁶⁴ Прибавл. к ИЕВ. 1914. № 4. С. 121.

о борьбе за народную трезвость. Так, во время обозрения церковью Киренского уезда в 1913 г. глава Иркутской епархии епископ Евгений прибыл в Коченгинский приход, который в значительной степени был подвержен пороку пьянства, поэтому владыка предложил народу назидание о вреде и пагубности пьянства⁶⁵. Архиепископ Томский и Алтайский Макарий в ходе поездки по епархии в 1909 г. во многих селениях беседовал с крестьянами о вреде пьянства, а для усиления эффекта певчие исполняли канту «Что ты пьешь, мужичок». Это произведение, изображавшее горе разорения хозяйства вследствие пристрастия к вину, вызывало слезы у многих прихожан. Конечно, и до распоряжения Синода в 1909 г. архипастыри нередко проводили проповеди и беседы с прихожанами на тему борьбы с народным пьянством. Например, глава Томской епархии Макарий в 1907 г. беседовал на антиалкогольную тему с жителями сел Киселевского, Зюзинского и Таскаевского [Белянин 2022: 6–8]. Епископ Приамурский и Благовещенский Никодим в 1902 г. жителям станицы Казакевичевой преподавал увещевание о греховности пьянства, и выбранная епископом тема была неслучайна: тяга к алкоголю в этой станице сочеталась с небрежным отношением к храму – архипастырь увидел тут настолько ветхую церковь, «что такой видеть еще не приходилось», и о постройке новой станички не задумывались. Епископ Никодим напомнил жителям станицы Казакевичевой, что «пьяницы царствия Божьего не наследуют», попутно призвав их приложить усердие к постройке нового храма⁶⁶.

Беседами и проповедями о вреде пьянства архипастыри не ограничивались, во многих приходах они усиленно убеждали прихожан открывать общества трезвости. Так было, например, в с. Нижне-Илимском в 1913 г., когда епископ Евгений в беседе с местной интеллигенцией и духовенством рекомендовал бороться с народным пьянством через открытие обществ трезвости⁶⁷. Епископ Туркестанский и Семиреченский Димитрий в станице Софийской (имевшей репутацию «пьяной») по окончании церковной службы раздал прихожанам листки о борьбе

с пьянством⁶⁸. Нередко архипастыри пытались бороться с пороком пьянства не прямыми призывами или наставлениями, а в несколько завуалированной форме. Например, в дер. Чебулинской Томской епархии существовала школа грамоты, где хорошие учителя не задерживались из-за плохих условий. Архиепископ Томский и Барнаульский Макарий во время визита в эту деревню в 1907 г. посоветовал крестьянам обеспечить учителя хорошим содержанием. И средства на это дело, по совету владыки, найти было легко: «стоит только согласиться не носить лишних денег в казенную винную лавку»⁶⁹.

В иных приходах религиозно-нравственное состояние паствы было настолько низким, что в воспитательных целях впору было использовать не только слова и проповеди, но и более радикальные меры. Например, при посещении с. Спирино в 1907 г. архиепископ Томский Макарий увидел грустную картину: встретить высоких гостей пришло очень мало людей, очень мало их пришло и на следующий день на литургию. Объяснялось это тем, что Спирино – село торговое и промышленное, народ мало думал о небесном, больше – о материальном достатке. Чтобы наказать спиринских прихожан за их холодность к храму, архиепископ Макарий задумался над переводом местного причта из Спирино в дер. Кырзу, где как раз открывался новый приход. По мысли архиерея, спиринцы, лишившись у себя причта, будут вынуждены ездить в другие селения для исполнения религиозных треб, тратить на такие поездки деньги и время, что, «быть может, подействует на них отрезвляюще»⁷⁰.

Визиты владык, особенно в отдаленные сельские приходы, были большим событием для прихожан. Жители населенных пунктов о приезде высокого гостя извещались заранее, и, как правило, новость о приезде архипастыря быстро распространялась по ближайшим селениям, из которых толпы людей шли встретить владыку. Так, во время визита епископа Владивостокского и Камчатского Евсевия в Свято-Троицкий Николаевский монастырь к началу всенощного бдения к храму со всех сторон

⁶⁵ Прибавл. к ИЕВ. 1914. № 2. С. 58–59.

⁶⁶ БЕВ. 1903. № 1. Неофиц. отдел. С. 16–17.

⁶⁷ Прибавл. к ИЕВ. 1914. № 4. С. 221.

⁶⁸ ТурЕВ. 1906. № 7. Часть неофиц. С. 92.

⁶⁹ ТомЕВ. 1908. № 10. Неофиц. часть. С. 22.

⁷⁰ ТомЕВ. 1910. № 2. Часть неофиц. С. 57–59.

стекались толпы молящихся, в большинстве это были крестьяне из разных сел. Многие прибыли загодя. Храм оказался буквально переполнен, а многим пришлось стоять всю службу около храма⁷¹. В станице Графской накануне приезда епископа Приамурского и Благовещенского Никодима летом 1902 г. местная пристань была изукрашена флагами, на берегу толпился народ, пришедший из станицы, атаман и почетные старцы заготовили для поднесения владыке хлеб-соль. Тут же для приветствия почетного гостя был выстроен почетный караул 23-го Восточно-Сибирского стрелкового полка⁷². В с. Шеркальском Тобольской епархии Преосвященный Агафангел был встречен народом, невзирая на ночное время. По описанию сопровождавших владыку лиц, не было видно даже трапа парохода, на котором плыли архиерей со свитой, но на берегу были огни костров и зажженных свечей – это прихожане пришли встретить своего архипастыря⁷³. Епископа Туркестанского и Семиреченского Димитрия в 1906 г. казаки станицы Софийской встретили далеко на подъезде к станице, сопроводив владыку почетным эскортом во главе со станичным атаманом. Далее около церковной оградки епископу преподнесли отдельно хлеб-соль сначала церковный староста, затем староста братчиков местного общества трезвости⁷⁴. Подобных примеров торжественных встреч очень много.

Были и такие селения, где приезд владыки не вызывал у населения особого интереса. Например, во время приезда архиепископа Иркутского и Верхотурского Серафима в 1913 г. в с. Тунку встретить владыку вышло немного людей⁷⁵. Однако подобное отношение бывало нечастым. Так, во время первой поездки Томского преосвященного Макария летом 1905 г. из упомянутых в епархиальных ведомостях посещенных владыкой 23 селений прохладный прием был лишь в с. Ишимском, где народ был холоден, мало пришло и встретить владыку, и проводить. При этом в других селениях картина была иной: в дер. Халдеевой, селах Антибесе, Тяжине, Мало-Пичугинском встретить владыку пришло довольно много людей. Во многих селениях

встречали торжественно. В с. Итат при входе архипастыря в церковь одни крестьяне преклоняли колени, другие устилали его путь цветами. В дер. Покровской жители встретили владыку еще за селом с иконами и хлебом-солью, а в пос. Николаевском торжественно встречали в храме со свечами в руках. Нередкими были и торжественные проводы. В с. Колыон, провожая архипастыря, народ шел с пением по улице. В с. Усть-Сертинском жители провожали владыку до парома через р. Кию и всю дорогу пели «Достойно есть», «Спаси, Господи» и др., пока паром переправлялся, крестьяне стояли на берегу и продолжали петь, а часть крестьян переправилась через Кию и с пением сопровождала главу епархии еще 5 верст до с. Алчедатского. В с. Алчедатском владыку провожали далеко за село. Конечно, вызывали немалый интерес и церковные службы, проводимые владыкой. Так, много народа собралось в церкви с. Тисуль на вечернее богослужение; в пос. Курском жители собрались возле школы, чтобы принять благословение владыки⁷⁶.

Заключение

Служебные поездки по епархиям имели для правящих архиереев огромное значение. Такие поездки давали возможность ознакомиться с реальным положением дел в епархии, увидеть истинную картину отношения населения к православной церкви и к вере, выявить проблемы в развитии православной церкви на приходском уровне, увидеть нужды конкретных приходов. В начале XX в. в большинстве посещенных приходов Азиатской России встречали радужие прихожан, видели их интерес к церковным службам, и увиденное давало основание утверждать, что православная вера жива среди простого люда. Но не меньшее значение имели и выявляемые архипастырями негативные тенденции. Архиереи могли видеть, что в отдельных приходах имел место негатив в отношении прихожан к клиру, что выражалось в нежелании содержать причт, строить или ремонтировать причтовые дома. В некоторых приходах население не желало участвовать в строительстве

⁷¹ БЕВ. 1903. № 15. Часть неофиц. С. 343.

⁷² БЕВ. 1903. № 1. Неофиц. отдел. С. 7.

⁷³ ТобЕВ. 1894. № 20. Отдел неофиц. С. 364.

⁷⁴ ТурЕВ. 1906. № 7. Часть неофиц. С. 92.

⁷⁵ Прибавл. к ИЕВ. 1913. № 20. С. 614.

⁷⁶ ТомЕВ. 1906. № 14. Неофиц. часть. С. 17–26.

и содержании храмов, а в некоторых среди прихожан процветали различные пороки. Нередко архипастыри сталкивались со слабым знанием самых базовых основ веры среди подрастающего поколения. Выявляли архиереи в ходе поездок и случаи, когда приходские священники позволяли себе манкировать должностными обязанностями, причем это касалось и церковного служения, и церковного документооборота.

Выявленные архиереями отрицательные явления и настроения среди прихожан имели большое значение. На их устранение архипастыри обращали особое внимание. В ходе поездок по епархии каждый архиерей пытался оказать нравственное воздействие на население через проповеди, беседы, раздачу

христианской литературы и атрибутики. Отчеты о поездках архиереев показывают, что не в каждом приходе слова архипастыря были услышаны прихожанами, однако в большинстве селений приезд владыки, торжественно организованные службы, беседы и проповеди вызвали у населения очень сильные эмоции и подъем религиозных чувств.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Адаменко А. М. Приходы Русской Православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX века. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 192 с. [Adamenko A. M. *Parishes of the Russian Orthodox Church in the South of Western Siberia in the 18th – early 20th century*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004, 192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtrntp>
- Адаменко А. М., Горбатов А. В., Гизей Ю. Ю., Иванов К. Ю., Овчинников В. А., Устьянцева О. Н. *Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.): исторические очерки*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. 319 с. [Adamenko A. M., Gorbato A. V., Gizey Yu. Yu., Ivanov K. Yu., Ovchinnikov V. A., Ustyantsev O. N. *The Russian Orthodox Church of the South of Western Siberia in the 19th – 20th centuries: Historical essays*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 319. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qulixv>
- Беликов Д. Н. Томские старинные духовные начальники (заказчики): (Исторический очерк для 300-летнего юбилея города Томска). Томск: Паровая тип. Н. И. Орловой, 1906. [2], 70, [2] с. [Belikov D. N. *Tomsk old spiritual leaders: A historical sketch for the 300th anniversary of the city of Tomsk*. Tomsk: Parovaia tip. N. I. Orlovoi, 1906, [2], 70, [2]. (In Russ.)]
- Беликов Д. Н. Томский раскол: (Исторический очерк от 1834 по 1880-ые годы). Томск: Паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1901. [2], III, [3], 247 с. [Belikov D. N. *Tomsk rift: A historical sketch from 1834 to 1880s*. Tomsk: Parovaia tipo-lit. P. I. Makushina, 1901, [2], III, [3], 247. (In Russ.)]
- Белянин Д. Н. Основные мероприятия Русской православной церкви в борьбе за трезвый образ жизни в сибирской деревне в начале XX века (по материалам епархиальных ведомостей). *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. № 75. С. 5–14. [Belyanin D. N. The main activities of the Russian Orthodox Church in the struggle for a sober lifestyle in a Siberian village at the beginning of the xx century (based on the materials of the church periodicals). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2022, (75): 5–14. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/75/1>
- Гераськин Д. П. Посещение епископом Вологодским и Устюжским Палладием Устьсысольского уезда в 1871 году (к истории Устьсысольского уезда конца XIX века). *Наука и современность*. 2010. № 5-1. С. 125–128. [Geraskin D. P. Visit of Eparch Palladiy of Vologda and Ustyug to Ustsysolsky District in 1871: Ustsysolsky District in the late XIX century. *Nauka i sovremennost*, 2010, (5-1): 125–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pzdvmf>
- Горбатов А. В., Мальцев М. А. Православные общины и партизанское движение в Кузбассе в 1919 году. *Научный диалог*. 2021. № 1. С. 224–240. [Gorbato A. V., Maltsev M. A. Orthodox communities and partisan movement in Kuzbass in 1919. *Nauchnyi Dialog*, 2021, (1): 224–240. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-224-240>
- Данилов В. Л., Пингин М. С. История Омской епархии под управлением епископа Гавриила (Голосова). *Вестник Омской Православной Духовной Семинарии*. 2016. № 1. С. 64–71. [Danilov V. L., Pingin M. S. The history

- of the Omsk Eparchy under the rule of Bishop Gabriel (Golosov). *Vestnik Omskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi Seminarii*, 2016, (1): 64–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yhnlwh>
- Дерова А. В. Деятельность епископа Никодима в Минусинском округе в 1863 году. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2024. № 3. С. 136–142. [Deroova A. V. The activities of Bishop Nicodemus in the Minusinsk district in 1863. *Issues of social-economic development of Siberia*, 2024, (3): 136–142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2024-3-136-142>
- Дикова Н. В. Роль архиереев в институциональном развитии Омской епархии и основные итоги архиерейского управления. *Народы и религии Евразии*. 2020. № 2. С. 117–132. [Dikova N. V. The role of high priests in the institutional development of the Omsk eparchy and the main results of high priest's administration. *Nations and Religions of Eurasia*, 2020, (2): 117–132. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/nreur\(2020\)2-09](https://doi.org/10.14258/nreur(2020)2-09)
- Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск: СибПолиграфСервис, 2006. Ч. II. 324 с. [Dulov A. V., Sannikov A. P. *The Orthodox Church in Eastern Siberia in the XVII – early XX centuries*. Irkutsk: SibPoligrafServis, 2006, pt. II, 323. (In Russ.)]
- Ерохин В. В. Служение митрополита Евсевия (Никольского) на Дальнем Востоке в начале XX века как пример жертвенности архипастыря. *Актуальные вопросы церковной науки*. 2023. № 2. С. 5–13. [Erokhin V. V. The Ministry of Metropolitan Eusebius (Nikolsky) in the Far East in the Early 20th Century as an Example of Archpastoral Sacrifice. *Aktualnye voprosy tserkovnoi nauki*, 2023, (2): 5–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrguqr>
- Караваева Е. В. Деятельность епископов Западной Сибири по формированию санитарно-гигиенической культуры крестьянства в конце XIX – начале XX в. (на примере Томской епархии). *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4–3. С. 115–118. [Karavaeva E. V. The bishop's activity of the Western Siberia in forming of the sanitary-hygienic culture of the peasantry at the end XIX – the beginning of XX centuries (by the example of Tomsk's diocese). *Izvestiya of Altai State University*, 2008, (4-3): 115–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxmqsp>
- Кошелев Е. В. Архиереи Орловско-Севской епархии в пореформенную эпоху: социальный статус и социальные роли. *Вестник Вятского государственного университета*. 2016. № 5. С. 47–53. [Koshelev E. V. Bishops of the Oryol and Sevsky diocese during the postreform era: Social status and social roles. *Herald of Vyatka State University*, 2016, (5): 47–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjbbvz>
- Лавров Д. П. Публикации Томских архиереев в церковном издании «Томские епархиальные ведомости» (1880–1917). *Теории и проблемы политических исследований*. 2019. Т. 8. № 1А. С. 57–63. [Lavrov D. P. Publications of Tomsk bishops in the Church edition "Tomsk diocesan statements". *Theories and Problems of Political Studies*, 2019, 8(1A): 57–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/1stzft>
- Лысенко Ю. А. Ежегодные отчеты Омских и Оренбургских архиереев Синоду как источник по истории православия в Степном крае Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.). *Известия Алтайского государственного университета*. 2020. № 3. С. 67–83. [Lysenko Yu. A. Annual reports of the Omsk and Orenburg bishops to the Holy Synod as a source of the history of Orthodoxy in the Steppe Territory of the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries). *Izvestiya of Altai State University*, 2020, (3): 67–83. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)3-12](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)3-12)
- Малашин Г. В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг.: историко-публицистические очерки. Красноярск: Восточная Сибирь, 2011. 474, [5] с. [Malashin G. V. *Krasnoyarsk (Yenisei) Eparchy of the Russian Orthodox Church: 1861–2011: Historical and journalistic essays*. Krasnoyarsk: Vostochnaia Sibir, 2011, 474, [5]. (In Russ.)]
- Матханова Н. П. Записки Никодима (Казанцева), епископа Енисейского и Красноярского. *Традиции и современность*. 2007. № 7. С. 84–96. [Matkhanova N. P. Notes of Nikodim (Kazantsev), Bishop of Yenisei and Krasnoyarsk. *Tradition and modernity*, 2007, (7): 84–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hkauek>
- Овчинников В. А. Православные монастыри и женские общины Томской епархии во второй половине XIX – начале XX века. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 255 с. [Ovchinnikov V. A. *Orthodox monasteries and women's communities of the Tomsk Diocese in the second half of the XIX – early XX centuries*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004, 255. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thluhf>
- Пряшников С. В. Отчеты епархиальных архиереев как источник сведений о процессе становления сахалинского православия (по материалам Камчатской духовной консистории). *Православие. Наука. Образование*. 2017.

- № 2. С. 28–33. [Pryashnikov S. V. Reports of the eparchial bishops as a source of data on the Sakhalin orthodoxy establishment (as per the materials of the Kamchatka ecclesiastical consistory). *Pravoslavie. Nauka. Obrazovanie*, 2017, (2): 28–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/osxczr>
- Пулькин М. В. Епархиальный архиерей в середине XVIII – начале XX века: круг забот и границы компетенции (по материалам Олонецкой епархии). *Исторический курьер*. 2022. № 2. С. 177–187. [Pulkin M. V. Diocesan bishop in the middle of the 18th – beginning of the 20th century: A circle of concerns and the boundaries of competence (based on the materials of the Olonets diocese). *Historical Courier*, 2022, (2): 177–187. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-2-11>
- Смагин А. Н. Приходское духовенство во второй половине XIX – начале XX в. *Россия и АТР*. 2006. № 1. С. 35–47. [Smagin A. N. State and church relations in the process of the settlement of the South of the Russian Far East. *Russia and the Pacific*, 2006, (1): 35–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hzncbv>
- Спичак А. В. Отражение религиозно-нравственного состояния прихожан в отчетах епархиальных архиереев во второй половине XIX – начале XX в. *Макарьевские чтения: XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Горно-Алтайск, 23–24 сентября 2022 г.)* Горно-Алтайск: ГАГУ, 2022. С. 265–271. [Spichak A. V. Reflection of the religious and moral state of the parishioners in the reports of diocesan bishops in the second half of the 19th – early 20th centuries. *The Makariev Readings: Proc. XVII Intern. Sci.-Prac. Conf., Gorno-Altai, 23–24 Sep 2022*. Gorno-Altai: GASU, 2022, 265–271. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ecvgdu>
- Ульянова Е. С. Ежегодные отчеты епархиальных архиереев как источник по истории Вологодской епархии второй половины XIX – начала XX века. *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. 2020. № 1. С. 51–60. [Uyanova E. S. Diocesan archpriests' annual reports as a source of information about the Vologda diocese history of the late 19th – early 20th centuries. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2020, (1): 51–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/equuav>
- Цысь О. П. Архиепископ Варлаам II и реформирование церковных учреждений Тобольского севера (1862–1872 гг.). *Макарьевские чтения: XIII Междунар. науч. конф. (Горно-Алтайск, 17–18 сентября 2018 г.)* Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. С. 264–271. [Tsys O. P. Archbishop Varlaame II and the reforming of the church institutions of the Tobolsk North (1862–1872). *The Makariev Readings: Proc. XIII Intern. Sci. Conf., Gorno-Altai, 17–18 Sep 2018*. Gorno-Altai: GASU, 2018, 264–271. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yoxbmd>
- Цысь О. П. Инспекционные поездки тобольских епархиальных архиереев как элемент церковного управления XIX – начала XX в. (на примере севера Западной Сибири). *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2016. № 3. С. 53–58. [Tsys O. P. Inspection vizits of Tobolsk diocesan bishops as a church management element of the 19th – early 20th centuries (in north of western Siberia). *Bulletin of Nizhnevartosk State University*, 2016, (3): 53–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlufyh>
- Цысь О. П. Организация управления институтами Русской Православной церкви на Тобольском Севере в XIX – начале XX вв.: очерки истории. Нижневартовск: НВГУ, 2017. 272 с. [Tsys O. P. *Organization management institutions of the Russian Orthodox Church in the Tobolsk North in the XIX and early XX centuries: History essays*. Nizhnevartovsk: NVSU, 2017, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vjsuee>
- Широков И. Ф. Обзорение епископом Вологодским и Тотемским Никоном (Рождественским) Вологодской епархии в период пребывания правящим архиереем (по материалам ежегодных отчетов епархиального архиерея). *Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии*. 2019. № 2. С. 70–76. [Shirokov I. F. Supervision of Vologda diocese by Nikon (Rozhdestvensky), bishop of Vologda and Totemsk, during the period of his being ruling bishop (based on the annual reports of the diocesan bishop). *Niva Gospodnia. Vestnik Penzenskoi Dukhovnoi Seminarii*, 2019, (2): 70–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gwivjz>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/afsbng>

Влияние Урало-Кузбасса на экономическую эффективность модернизации Свердловской железной дороги в 1956–1991 гг.

Конов Алексей Александрович

Уральский государственный университет путей сообщения, Россия, Екатеринбург

eLibrary Author SPIN: 2373-6709

<https://orcid.org/0000-0002-3292-1934>alek.konov2012@yandex.ru

Аннотация: Проблема коренной технической реконструкции железнодорожного транспорта Урала и Сибири на базе электрификации тесно связана с модернизацией Урало-Кузнецкого промышленного комплекса, получившего дополнительный импульс развития в годы Великой Отечественной войны. 3 февраля 1956 г. Советом Министров СССР был принят Генеральный план электрификации железных дорог, предусматривавший перевод на электрическую тягу всего магистрального направления от центра страны через Урал и Сибирь на Дальний Восток. Впервые вступила в силу комплексная программа преобразования всей транспортной системы страны, а не отдельных ее участков, как было прежде. Новизна исследования состоит в том, что впервые предпринят научный анализ экономической эффективности транспортного обслуживания крупнейшего промышленного комплекса Западной Сибири. Процесс коренной технической реконструкции транспорта исследован на транспортных связях Урала и Сибири, а не ограничен рамками отдельных железных дорог. Цель – выявить причины снижения экономической эффективности модернизационных процессов на Свердловской железной дороге в связи с интенсификацией перевозок между Уралом и Сибирью в 1950–1980-е гг. Задачами исследования являются определение роли электрификации в модернизации транспортных систем Урала и Сибири; раскрытие факторов торможения модернизационных процессов на транспорте; подведение экономических итогов модернизации транспорта для промышленного развития регионов. Под модернизацией железнодорожного транспорта понимается коренное технико-экономическое обновление железнодорожного транспорта на базе электрификации, тепловозной тяги и строительства новых линий. Электрификация железнодорожного транспорта Урала и Сибири стала основой научно-технического прогресса транспортных систем этих регионов, она в 3 раза повысила производительность труда на перевозках, многократно интенсифицировала грузоперевозки между крупнейшими экономическими районами страны. Вместе с тем систематическое сокращение государственных инвестиций в железнодорожную отрасль, экономические просчеты в размещении производительных сил по территории страны снижали экономическую эффективность работы транспорта и постепенно превратили его в отстающую отрасль государственной экономики.

Ключевые слова: железная дорога, модернизация, электрификация, производительность труда, себестоимость перевозок, оборот грузового вагона, экономическая эффективность

Цитирование: Конов А. А. Влияние Урало-Кузбасса на экономическую эффективность модернизации Свердловской железной дороги в 1956–1991 гг. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 391–402. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-391-402>

Поступила в редакцию 02.02.2025. Принята после рецензирования 21.04.2025. Принята в печать 21.04.2025.

full article

Ural-Kuzbass Region in the Economic Modernization of Sverdlovsk Railway in 1956–1991

Alexey A. Konov

Ural State University of Railway Transport, Russia, Ekaterinburg

eLibrary Author SPIN: 2373-6709

<https://orcid.org/0000-0002-3292-1934>alek.konov2012@yandex.ru

Abstract: The Ural-Kuznetsk industrial complex received an additional development impulse during the Great Patriotic War, which, in its turn, triggered a fundamental technical reconstruction and electrification of the railway transport in the Urals and Siberia. The General Plan for the Electrification of Railways (February 3, 1956), adopted by the Council of Ministers of the USSR, presupposed a gradual electrification of the entire main line, from the center of the country through the Urals and Siberia to the Far East. It was the first comprehensive reform of the entire national transport system. The article describes the economic efficiency of transport services of the largest industrial complex in Western Siberia. Despite the radical technical reconstruction of the transport links in the Urals and Siberia, the economic efficiency of the modernization processes on the Sverdlovsk Railway declined as the transportation between the Urals and Siberia intensified in the 1950s–1980s. While determining the role of electrification in the transport modernization in the Urals and Siberia, the author revealed the factors that inhibited the modernization processes and summarized the economic results for the industrial development in these regions. The modernization of railway transport was identified as a fundamental technical and economic renewal of railway transport based on electrification, diesel locomotive traction, and the construction of new lines. The railway electrification in the Urals and Siberia became the basis for scientific and technical progress in the local transport systems and resulted in a threefold increase in their efficiency, intensifying the freight transportation between the largest economic regions. However, the systematic reduction of state investment in the railway industry and inadequate economic distribution of labor forces reduced the economic efficiency of transport, gradually turning it into a lagging sector of the state economy.

Keywords: railway, modernization, electrification, labor productivity, transportation costs, freight car turnover, economic efficiency

Citation: Konov A. A. Ural-Kuzbass Region in the Economic Modernization of Sverdlovsk Railway in 1956–1991. *SibScript*, 2025, 27(3): 391–402. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-391-402>

Received 2 Feb 2025. Accepted after peer review 21 Apr 2025. Accepted for publication 21 Apr 2025.

Введение

В современной научной литературе модернизационные преобразования в экономике обычно связывают в первую очередь с ростом промышленного производства, появлением наукоемких производственных процессов и технологий, направленных на выпуск востребованных обществом и государством товаров и продуктов. Рост промышленного производства, появление новых промышленных районов, освоение новых источников природных ресурсов невозможны без эффективного, технически совершенного транспорта. В связи с этим решающим фактором подъема российской экономики всегда была модернизация железнодорожного транспорта сначала

на основе экстенсивного расширения железнодорожной сети, а затем увеличения ее пропускных и провозных способностей.

Под экономической эффективностью работы железнодорожного транспорта советские экономисты понимали способность транспорта к полному и своевременному удовлетворению потребностей народного хозяйства и населения в перевозках при наименьших совокупных затратах общества [Кузьмич и др. 2004: 558]. Основными экономическими показателями эффективности железнодорожного транспорта считались скорость и безопасность доставки грузов и пассажиров, увеличение

размеров грузовых перевозок, рост производительности труда, снижение себестоимости и увеличение доходности перевозок.

Значительное влияние на характер работы уральских магистралей, на объем и структуру их перевозок стало оказывать ускоренное развитие Сибири, Дальнего Востока и севера Тюменской области [Личман 2007: 269–270]. К началу 1980-х гг. в районе тяготения Свердловской железной дороги оказались бурно развивающиеся города и поселки севера Тюменской области: Нижневартовск, Ноябрьск, Нягань, что предопределило интенсивный рост пассажирских перевозок как в местном, так и в дальнем сообщениях¹.

Директивами XXIV съезда КПСС было предусмотрено дальнейшее строительство железнодорожных линий и вторых путей на направлении Кузбасс – Урал. Существовавшие участки Свердловской, Западно-Сибирской и Кемеровской железных дорог не обеспечивали пропуска возросших грузопотоков. Особенно тяжелое положение с наличием пропускных и провозных способностей сложилось в Северном Кузбассе и на выходах из Кузбасса на Урал: недостаточными оказались пропускные способности однопутной линии Кемерово – Топки, неоправданно затянулось строительство новой линии Барзас – Анжерская [Мельников 2024].

Истории развития транспортных коммуникаций между Уралом и Сибирью посвящена значительная экономическая и историческая литература. Достаточно глубокий анализ экономической эффективности модернизационных процессов на железнодорожном транспорте Урала и Сибири приведен в работах советского экономиста В. А. Персианова. Основой научно-технического прогресса на железнодорожном транспорте СССР он считал электрификацию железных дорог. По мнению ученого, на основе электрификации были обеспечены необходимые масштабы и темпы транспортного обслуживания экономики и населения в восточных районах страны. На Урале и в Сибири за 1960–1980 гг. объем перевозок по стальным магистралям возрос в 2,3 раза, более чем в 2 раза возросла производительность труда [Белов и др. 1987: 112].

Высоко оценивают экономическую эффективность коренной технической реконструкции железнодорожного транспорта СССР авторы фундаментального труда «История железнодорожного транспорта

Советского Союза. 1945–1991 гг.» [Кузьмич и др. 2004: 290–291]. За период 1956–1970 гг. провозная способность железных дорог, переведенных на электрическую тягу, возросла примерно в 3 раза, весь прирост грузовых и пассажирских перевозок был освоен за счет роста производительности труда без увеличения численности работников, а себестоимость перевозок снизилась более чем в 2 раза. Вместе с тем исследователи отметили, что в середине 1970-х гг. в развитии транспорта наступил переломный этап, характеризующийся увеличением интенсивности перевозок и замедлением роста объемных, количественных показателей [Там же: 438].

Малоизученные аспекты реконструкции железнодорожного транспорта Урала и Сибири раскрыты в фундаментальной монографии уральских историков «Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление», подготовленной под руководством профессора Г. Е. Корнилова. Работа содержит подробное описание процесса формирования железнодорожной сети Урала и Сибири, образовавшей единый транспортный механизм Урало-Кузнецкого промышленного комплекса. Суть произошедшей транспортной революции авторы видят в том, что крупные континентальные государства, располагающие в пределах своей территории богатыми ресурсными базами, получали более надежную и перспективную основу для динамичного индустриального роста, чем колониальные державы-метрополии. Но создать эту основу помогли, прежде всего, железные дороги [Артемов и др. 2018: 96].

Различные проблемы истории железнодорожного транспорта Западной Сибири в советский период представлены в работах кемеровского историка С. Е. Мишенина. По мнению исследователя, материально-техническая база железнодорожного транспорта Западной Сибири в советский период «прогрессирующе отставала от потребностей перевозок», а советская система просто не смогла эффективно овладеть транспортными ресурсами региона [Мишенин 2016]. Вместе с тем в своих публикациях, посвященных истории развития Тайгинского железнодорожного техникума, автор отметил, что главными факторами поступления учащихся в железнодорожный техникум стали наглядная полезность обществу труда железнодорожника и технический прогресс в отрасли,

¹ Управление делами Свердловской железной дороги. Сектор архивов. Ф. Р-65. Оп. 15. Д. 185. Л. 120.

наряду с достаточной оплатой труда и качественным образованием [Мишенин 2021: 879]. Историк подробно проанализировал статистику по Западно-Сибирской дороге на материалах газеты «Гудок», но годовые отчеты железной дороги так и не были им исследованы.

Таким образом, в отечественной научной экономической и исторической литературе в основном преобладают положительные оценки итогов модернизации железнодорожного транспорта СССР, но вместе с тем фиксируются кризисные явления в его развитии, проявившиеся особенно отчетливо в середине 1970-х гг. В работах исследователей достаточно полное отражение получила модернизация материально-технической базы железнодорожного транспорта Урала и Сибири, но проблемы экономической эффективности модернизационных процессов на транспорте практически не поднимались.

Проект Урало-Кузбасс, его значение для советской экономики в процессах индустриализации постоянно находится в поле зрения ученых [Бугров, Симонов 2023; Букин, Ламин 2011: 7; Красильников 2012: 89; Тимошенко 2011: 74], в том числе в сравнительной перспективе с иными экономическими проектами в СССР в 1920–1950-е гг. [Гвоздкова и др. 2014: 151; Каменская 2020: 1719; Михеев 2015: 174]. Современными исследователями также существенное внимание уделяется переосмыслению проекта и последствиям, которые реализация проекта имеет на современном этапе развития промышленности [Никольский 2020: 421].

Цель статьи – выявить причины снижения экономической эффективности модернизационных процессов на Свердловской железной дороге в связи с интенсификацией перевозок между Уралом и Сибирью в 1950–1980-е гг. Задачи:

- определить влияние электрификации на экономическую эффективность работы железнодорожного транспорта;
- выявить основные факторы роста производительности труда на железных дорогах региона;
- выявить причины ухудшения технико-экономических показателей работы транспорта на рубеже 1970–1980-х гг.

Методы и материалы

Работа выполнена в контексте модернизационной теории. Под модернизацией железнодорожного транспорта мы понимаем комплексный процесс технико-экономического обновления

и совершенствования железнодорожного транспорта на базе электрификации, тепловозной тяги и строительства новых линий. Статистический метод позволил собрать, обобщить и систематизировать экономические показатели интенсификации перевозочного процесса на железнодорожном транспорте Урала за 1956–1991 гг., а также проанализировать динамику роста производительности труда железнодорожников. Сравнительный метод использовался при сопоставлении уровня развития материально-технической базы железнодорожного транспорта Урала за различные временные периоды.

Результаты

Массовое железнодорожное строительство на Урале и в Сибири стало подлинной революцией на транспорте и в промышленности, т. к. железные дороги впервые сформировали достаточно густую транспортную сеть обоих регионов, создав условия для более равномерного территориального размещения промышленности, миграции населения, обеспечения надежной и быстрой связи между рынками сырья и сбыта, роста специализации промышленного производства в отраслевом и региональном разрезе. Железнодорожный транспорт, преодолевая зависимость сообщений от природно-климатических факторов, впервые создал условия для регулярных и массовых перевозок на дальние расстояния – причем не только готовых товаров, но и грузов, составляющих отдельные слагаемые процесса производства (сырье, топливо, орудия производства).

Строительство Уральской горнозаводской железной дороги, а затем и Великого Сибирского пути сформировало парадигму сдвига производительных сил на восток, включения Сибири в хозяйственную систему страны. Свердловская железная дорога обслуживала не только нужды хозяйства Урала, но и имела общесоюзное значение, обеспечивая выход грузовых потоков из Сибири. Создание угольно-металлургической базы на востоке резко изменило экономику Урала и Сибири, а вместе с тем и направление перевозок. Потоки внутренних грузов в пределах Урало-Кузнецкого комплекса нарастали особенно интенсивно между его основными частями: Магнитогорском и Новокузнецком (руда, уголь), Кузбассом и Северным Уралом (уголь, кокс), Карагандой и Уралом (уголь, лес) [Артемов и др. 2018: 133, 143].

Значительным преимуществом Урала являлось его географическое положение как области,

расположенной на стыке азиатской и европейской частей СССР. Это стимулировало его межрайонные связи с западными, восточными и южными районами по обеспечению их продукцией металлургической и химической промышленности, освобождая от решения этой задачи старопромышленные центры европейской части страны. В середине XX в. мощным средством для усиления производственной связи Урала с Сибирью стала электрификация железнодорожного транспорта, в контексте которой рассматривается модернизация Свердловской железной дороги. Электрификация – основа технического перевооружения железнодорожного транспорта Урала, позволившая резко улучшить условия труда, повысить скорость движения, вес поездов, грузоподъемность вагонного парка, автоматизировать управление [Там же: 143].

Период 1951–1960 гг. явился самым успешным в развитии советской экономики за анализируемый интервал времени как с точки зрения темпов экономического роста, так и с позиций эффективности общественного производства. Достигнутые в этот период темпы экономического роста были исключительно высокими. Наличие богатых месторождений полезных ископаемых и больших резервов рабочей силы позволяли бесперебойно обеспечивать нужды экономики сырьем, материалами и рабочей силой. Предпосылки для крупных успехов советской экономики в 1950-е гг. были созданы в предыдущий период: огромный инвестиционный потенциал, мощная система научных учреждений и высшего образования, развитая система подготовки квалифицированных кадров рабочих и инженерно-технических работников. Приобретение опыта руководства плановой экономикой позволило улучшить качество разработки народнохозяйственных планов, методы управления хозяйственной деятельностью на всех уровнях [Ханин 1991: 128, 189].

Мощным импульсом модернизации железнодорожного транспорта стало принятие в 1956 г. государственного Генерального плана электрификации железных дорог, ставившего задачу довести за 15 лет протяженность полигона электрифицированных линий с 5,5 до 40 тыс. км. При этом важнейшей задачей считалась электрификация основной железнодорожной магистрали, связывавшей

районы центра с Уралом, Сибирью, Дальним Востоком, протяженностью 9260 км [Тарасова и др. 2005: 155].

Важнейшим качественным показателем работы железнодорожного транспорта являлся оборот вагона – время производства цикла операций от начала одной погрузки до начала другой (табл.²).

Данные таблицы показывают, что в результате модернизационных процессов на Свердловской железной дороге в 1960-е гг. все показатели использования подвижного состава заметно улучшились, но начиная с 1970 г. вновь стал увеличиваться оборот вагона за счет увеличения простоя вагонов на технических станциях и подъездных путях промышленных предприятий. Кроме того, отсутствие планирования погрузки с учетом выгрузочных возможностей получателей приводило к тому, что речные порты, новостройки, металлургические комбинаты не справлялись с выгрузкой. За 1956–1984 гг. возрос почти в 2 раза порожний пробег вагона в связи с пропуском через железную дорогу большого количества порожних вагонов под погрузку в районы Западной Сибири и Казахстана. Это отрицательно сказывалось на работе железной дороги с местными грузопотоками, сбивался ритм погрузо-разгрузочных работ [Лоскутов 2014: 133].

С 1958 по 1965 г. скорость движения поездов на Свердловской магистрали выросла почти на 8 км/ч, но с середины 1960-х гг. она начала снижаться. Данные таблицы свидетельствуют о снижении участковой скорости на железной дороге с 31,1 км/ч в 1956 г. до 27,5 км/ч в 1984 г. Главными причинами снижения скоростей движения на Свердловской железной дороге в 1956–1984 гг. стали отсутствие резервов пропускных и провозных способностей главных направлений железной дороги, недостаточное путевое развитие сортировочных станций, низкий уровень механизации сортировочной работы, наличие на железной дороге большого количества участков пути, требовавших капитального ремонта [Крючков 2011: 300–301].

За семь лет (1958–1965 гг.) на Свердловской дороге под руководством ее начальника В. П. Егорова на новые виды тяги были переведены 1778 км пути. К концу 1965 г. была закончена реконструкция пути на всем главном ходу. От Чепцы до Свердловска работала электрическая, а от Свердловска до Называевской –

² Управление делами Свердловской железной дороги. Сектор архивов. Ф. Р-65. Оп. 15. Д. 93. Л. 80–81; Д. 102. Л. 77–78; Д. 111. Л. 90–91; Д. 119. Л. 94–95; Д. 127. Л. 94–95; Д. 135. Л. 93–94; Д. 142. Л. 94–95; Д. 149. Л. 108; Д. 156. Л. 117–118; Д. 178. Л. 109–110; Д. 199. Л. 99–100; Д. 205. Л. 90–91; Транспорт и связь СССР. Статистический сборник. М.: Статистика, 1972. С. 103–104.

Табл. Основные показатели использования подвижного состава на Свердловской железной дороге в 1956–1984 гг.

Tab. Main indicators of rolling stock use on the Sverdlovsk Railway, 1956–1984

Год	Оборот вагона, сутки	Среднее время нахождения вагона на одной технической станции, часы	Процент порожнего пробега вагона к грузу, %	Среднесуточная производительность вагона, ткм-нетто	Вес грузового поезда, т	Участковая скорость, км/ч
1956	6,31	–	28,0	–	2152	31,1
1957	6,12	–	29,0	–	2192	31,3
1958	5,83	–	29,2	–	2284	34,8
1959	5,72	–	29,0	–	2320	35,8
1960	5,59	–	28,4	–	2383	36,3
1961	5,57	–	28,1	–	2422	38,8
1962	5,55	–	27,9	–	2468	39,8
1963	5,59	–	28,7	–	2517	39,7
1964	5,37	–	28,8	–	2532	40,5
1965	5,23	4,8	28,7	–	2568	40,8
1966	5,32	7,2	28,2	–	2592	40,3
1967	5,38	7,2	28,3	–	2654	40,3
1968	2,52	4,32	24,0	3906	2614	30,6
1969	2,53	4,38	22,4	4096	2693	30,4
1970	2,54	4,19	25,3	4104	2714	30,6
1971	2,59	4,29	26,2	4100	2760	30,0
1972	2,77	4,74	26,1	3837	2788	28,6
1973	2,86	4,91	25,9	3739	2827	28,7
1974	2,91	4,90	28,0	3651	2839	28,2
1975	2,89	4,84	28,0	3728	2874	29,5
1976	3,09	5,38	28,3	7100	2921	27,6
1977	3,20	5,38	31,9	6809	2889	27,5
1978	3,67	6,54	34,8	6189	2885	26,5
1979	3,83	6,38	34,1	6175	2935	25,0
1980	3,48	5,16	37,9	6932	2924	25,9
1981	3,37	5,05	35,9	7332	2950	26,7
1982	3,57	5,38	36,3	7131	2956	26,8
1983	3,39	4,92	36,7	7431	2960	27,4
1984	3,39	4,53	41,3	7404	3034	27,5

тепловозная тяга [Там же: 188]. Электровозная и тепловозная тяга позволили существенно повысить вес грузовых поездов (в 1,5 раза), что было крайне важно для продвижения тяжелых поездов с углем и коксом из Сибири и Казахстана в центральные районы страны. В целом за 1956–1984 гг. удалось повысить средний вес грузового поезда на 1000 т, что позволило вскрыть дополнительные резервы пропускной способности железной дороги. Но несмотря на то что сама по себе эта величина была значительной, существенной роли в освоении перевозок прирост веса поезда не сыграл. Растущие перевозки осваивались в основном за счет повышения интенсивности движения поездов [Тимошенко 2018].

В 1970-е гг. объем перевозок по Свердловской железной дороге вырос настолько, что целому ряду станций Свердловского отделения не хватало пропускной способности. Работники Свердловского отделения обратились к опыту стыкования поездов на Львовской и Приволжской дорогах. Диспетчеры Т. Н. Шилов, С. И. Гусев, А. А. Коржев, Э. С. Сергеев в содружестве с машинистами стали пропускать по одной нитке графика два состава сразу, предварительно их состыковав. На обычной графической скорости двигался поезд-гигант длиной в 2 км. По примеру Свердловского отделения стали практиковать стыкования поездов на Пермском и других отделениях. В 1972 г. было проведено 570 сдвоенных поездов [Костюк 2023: 39]. Активно поддерживали инициативу железнодорожников Урала коллективы станций Комбинатская, Рубцовка, Новосибирск-Западный, Инская Западно-Сибирской железной дороги. В 1979 г. на железной дороге было сформировано более 8 тыс. поездов, вес которых превышал 6 тыс. т, а к концу 1979 г. средний вес грузового поезда увеличился на 55 т [Тарасова и др. 2005: 190].

Вместе с тем в 1970-е гг. была проведена реконструкция крупных сортировочных станций – Свердловск-Сортировочный, Пермь, Смышка, Каменск-Уральский, Серов. Во всех парках станций были удлинены пути, головные стрелки сортировочных горок были оборудованы устройствами автоматического управления и блоками контроля, пути оборудовались маршрутно-релейной централизацией. Пропускную и провозную способность железных дорог Урала и Сибири увеличивали с помощью эксплуатации мощных локомотивов. По указанию министра путей сообщения Б. П. Бещева с 1973 г. Свердловская железная дорога стала

получать новые тепловозы серии 2ТЭ116. Более трехсот единиц новых тепловозов обслуживали участки Свердловск – Называевская и Тюмень – Сургут. С 1968 по 1989 г. пассажирские поезда на всем протяжении Восточно-Сибирской и Кемеровской железных дорог обслуживали сплотки четырехосных электровозов ЧСЗ. Это были одни из первых чехословацких пассажирских электровозов, поступивших на советские железные дороги. В 1977 г. на Западно-Сибирскую дорогу поступили первые электровозы переменного тока с рекуперативным торможением серии ВЛ80^р. С 1988 г. стали поступать электровозы ВЛ85 мощностью 10 тыс. кВт, которые водили поезда весом более 4000 т. Для маневровой работы еще в 1974 г. на дорогу поступили новые маневровые тепловозы ТЭМ2, ТЭМ2У, а затем ЧМЭЗ и ЧМЭЗ^т [Там же: 173].

Самая неординарная и эффективная системная идея, которую выработал штаб Свердловской железной дороги, возглавляемый начальником В. М. Скворцовым, состояла в том, чтобы рассредоточить обработку идущих через Урал составов по нескольким сортировочным станциям. В результате предпринятых усилий главный уральский транспортный коридор был основательно реконструирован. Свердловский узел практически на всех направлениях был огражден хорошо развитыми сортировочными станциями: на тюменском направлении – Войновка и Богданович, на курганском – Каменск-Уральский, на челябинском – Седельниково, на казанском – Дружинино. Теперь значительная часть грузопотока шла в обход Свердловского узла, за счет чего нагрузка на станцию Свердловск-Сортировочный снизилась, а пропускная способность магистрали в целом увеличилась [Крючков 2011: 295].

Производительность труда на Свердловской железной дороге за 1956–1970 гг. выросла в 3 раза и существенно превосходила среднесетевой показатель. Повышение производительности труда на железной дороге осуществлялось за счет освоения все более нараставшего грузопредъявления и интенсификации использования всех технических средств. Но материальной основой повышения производительности труда стала все-таки электрификация. Особенно высокими темпами происходило повышение производительности труда в 1960-е гг., когда железная дорога была полностью переведена на электрическую и тепловозную тягу, а весь ее магистральный ход был оснащен автоблокировкой и электрической

централизацией стрелочных переводов. За одну лишь вторую половину 1970-х гг. была построена автоблокировка и диспетчерская централизация на участках общей протяженностью 1199 км, оборудовано электрической централизацией 1317 стрелок, так что к 1980 г. почти 80 % стрелок управлялись с пульта [Костюк 2023: 46].

Вместе с тем в 1970-е гг. стали непрерывно снижаться темпы прироста производительности труда: с 13 % в 1959–1965 гг. до 0 % в 1981–1985 гг. Если в 1956–1960 гг. рост производительности труда обеспечивал 40 % прироста объема продукции, то в 1960–1965 гг. и в 1966–1970 гг. на ее долю приходилось лишь 25 % прироста объемов производства. Доля производительности труда снова поднялась в 1971–1975 гг., обеспечив почти 50 % прироста производства, однако при этом среднегодовые темпы роста производительности труда были ниже, чем в 1960-е гг. Падение среднегодовых темпов прироста производительности труда на железнодорожном транспорте выразилось в замедлении прироста перевозок грузов с 30 % в 1959–1965 гг. до 20 % в 1966–1970 гг. [Ханин 1991: 161].

Следует особо отметить, что идея электрификации железнодорожной сети, обслуживавшей район Урало-Кузбасса, принадлежала министру путей сообщения СССР Борису Павловичу Бещеву [Пашинин 1995]. Под его руководством в 1960-е гг. темпы электрификации железных дорог СССР достигли 2200–2300 км в год, в стране была создана база по электровозостроению и производству специального оборудования, решены крупнейшие научно-технические вопросы, связанные с широким внедрением новой прогрессивной системы электрической тяги на переменном токе, обеспечена эксплуатация электрифицированных линий в суровых климатических условиях при очень большой грузонапряженности³.

Министр путей сообщения дважды, в мае 1967 г. и 17 сентября 1969 г., вносил предложение в Совет Министров СССР об электрификации важного транзитного участка Свердловск – Курган общей протяженностью 399 км, мотивируя свою просьбу высокой грузонапряженностью участка, а также большими размерами пассажирских и пригородных

перевозок. В июле 1969 г. Б. П. Бещев внес в Совет Министров СССР предложение об электрификации линии Павлодар – Экибастуз – Целиноград не только в связи с ростом добычи угля в Экибастузском месторождении, но в первую очередь для создания сплошного электрифицированного направления до Магнитогорска с выходом на Челябинск и Орск. В результате в 1971 г. электрическая тяга была введена на участке Экибастуз – Целиноград, а в 1972 г. – на участке Павлодар – Экибастуз.

По инициативе министра в девятый пятилетний план развития народного хозяйства (1971–1975 гг.) была включена электрификация линии Барнаул – Павлодар, чтобы полностью завершить перевод на электрическую тягу всей Южно-Сибирской магистрали⁴. С 1981 г. по инициативе Б. П. Бещева на Магнитогорском метизно-металлургическом заводе началось массовое производство стале-алюминиевого контактного провода для электрификации железных дорог Урала и Сибири, что позволило отказаться от дорогостоящих сталемедных проводов⁵.

Обсуждение

При выявлении причин снижения экономической эффективности модернизационных процессов на железнодорожном транспорте Урала и Сибири необходимо обратиться к динамике инвестиционной политики советского государства на железнодорожном транспорте. В 1961–1979 гг. удельный вес железнодорожного транспорта в суммарных капитальных вложениях в транспортную отрасль понизился до 25,4 % против 44,4 % в 1951–1960 гг. [История социалистической экономики СССР... 1980: 392–393]. Однако в структуре капиталовложений в железнодорожный транспорт еще более понизилась доля инвестиций в капитальное строительство, от которого зависели пропускные и провозные способности железных дорог, резервы перерабатывающих способностей грузовых станций. Если в 1959 г. доля инвестиций в капитальное строительство на железнодорожном транспорте СССР составляла 60,8 %, то в 1970 г. она сократилась до 37,7 %, а в 1991 г. составила только 26,3 % всех капиталовложений в отрасль⁶. Таким образом,

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 102. Д. 1028. Л. 16–22.

⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 103. Д. 1127. Л. 48, 52–53.

⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 136. Д. 978. Л. 1–3.

⁶ Железнодорожный транспорт СССР, 1956–1970 гг.: сборник документов, гл. ред. Н. Е. Аксененко. М.: Эгра, 1998. С. 374.

материально-техническая база железнодорожного транспорта практически не обновлялась, замедлился прирост железнодорожной сети, оставалось неразвитым станционное хозяйство, не хватало вторых путей на грузонапряженных направлениях. Как следствие, стала снижаться доля железнодорожного транспорта Урала в отправлении грузов даже по сети железных дорог РСФСР: в 1958 г. она составила 24,6 %, в 1965 г. – 23,1 %, в 1975 г. – 17,6 %, в 1985 г. – 17,0 %⁷.

Период 1970-х гг. оказался самым сложным в работе железнодорожного транспорта. Освоение растущих объемов перевозок в эти годы характеризовалось замедлением роста среднего веса поезда. В 1971–1975 гг. прирост среднего веса поезда за год при электрической тяге снизился до 23 т, в 1976–1980 гг. – до 18 т, в то время как в 1960-е гг. составлял 37–38 т. Одновременно из-за перегруженности железных дорог снижалась средняя скорость грузового движения и увеличивался удельный расход энергии на перевозки.

В конце 1980-х гг. на ряде участков железнодорожники вынуждены были применять параллельный график движения поездов с целью беспрепятственного пропуска огромного грузопотока по Транссибу. В результате скорость пассажирских поездов значительно сократилась, но удалось пропустить весь возросший грузопоток без проведения больших работ по усилению пропускных способностей. Было принято решение Транссибирский ход специализировать для пропуска поездов с высокими скоростями: пассажирских, пригородных и ускоренных контейнерных, а Среднесибирский ход – для пропуска порожних полувагонов на Кузбасс и маршрутов с кузбасским углем [Тарасова и др. 2005: 190].

Положение в отрасли в значительной степени усугублялось отсутствием в Министерстве путей сообщения опытных администраторов и руководителей транспорта: были отстранены от хозяйственного руководства такие крупные и опытные руководители советской экономики, как Л. Каганович, М. Г. Первухин, М. Сабуров, И. А. Лихачев, А. П. Завенягин, Б. Ванников, В. А. Малышев, М. В. Хруничев. В 1977 г. отправлен в отставку министр путей сообщения Б. П. Бещев [Ханин 2020: 143].

Заключение

Экономическая эффективность модернизации железнодорожного транспорта Урала и Сибири снижалась в результате неудовлетворительного содержания путевого хозяйства. Увеличение грузонапряженности железных дорог, сокращение планового времени ремонтных работ, невыполнение поставок железным дорогам термически упроченных рельсов и современных выправочно-подбивочно-рихтовочных машин стали основными причинами неудовлетворительного состояния путевого хозяйства и, как следствие, снижения скоростей движения поездов.

Снижение экономической эффективности модернизации железнодорожного транспорта Урала происходило из-за нерационального территориального размещения добывающих и обрабатывающих отраслей производства (90 % топливных ресурсов были размещены на востоке страны, 83 % общесоюзного производства обрабатывающих отраслей – в европейских районах и на Урале), что вызывало перегрузку железнодорожной сети региона. Размещение промышленных энергоемких производств в южных районах СССР и сокращение в этих районах топливных ресурсов привели к массовым перевозкам угля из Сибири и Казахстана на Украину [Павловский 2002: 108–109]. Большое количество порожних полувагонов направляли по Свердловской железной дороге в Сибирь и Казахстан за углем. За 1960–1975 гг. объем транспортировки топливно-энергетических грузов (угля, нефти, газа) из восточных районов в западные вырос в 4,6 раза и составил 290 млн т [История экономической экономики СССР... 1980: 393–394].

Снижение экономической эффективности перевозочного процесса на Свердловской магистрали было вызвано увеличением дальности перевозок как результатом ускоренного развития топливодобывающих отраслей в восточных районах, удельный вес которых вырос по таким важнейшим грузообразующим отраслям, как нефть, уголь, природный газ, чугун, древесина. Поскольку основные потребители этой продукции размещались в европейских районах страны, то интенсивность грузообмена между восточными и западными районами усиливалась.

⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1961 г. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат, 1962. С. 398; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 333.

Экономическая эффективность железнодорожного транспорта Урала проявилась в интенсификации перевозочного процесса, увеличении размеров грузовых и пассажирских перевозок, значительном росте производительности труда. Главный достигнутый экономический результат модернизации состоял в том, что железнодорожный транспорт Урала поддерживал прочные экономические связи между западными и восточными районами СССР, способствовал созданию новых промышленных районов на Урале, в Западной Сибири и Казахстане.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья подготовлена по материалам доклада на Международной научно-практической конференции «Развитие производительных сил Кузбасса: история, современный опыт, стратегия будущего», секция «Региональная экономика и финансы», подсекция «Экономическая история». Кемерово, 17–23 ноября 2023 г.

Acknowledgment: The article was reported at the International Scientific Practical Conference on Development of Productive Forces in Kuzbass: History, Modernity, and Development Strategy, at the section of Regional Economy and Finance: Economic History, Kemerovo, November 17–23, 2023.

Литература / References

- Артемов Е. Т., Бедель А. Э., Зубков К. И., Карпов В. П., Корнилов Г. Е., Мельников Н. Н., Михеев М. В., Тимошенко А. И., Тимошенко В. П. Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление. Екатеринбург: УрО РАН, 2018. 368 с. [Artemov E. T., Bedel A. E., Zubkov K. I., Karpov V. P., Kornilov G. E., Melnikov N. N., Mikhayev M. V., Timoshenko A. I., Timoshenko V. P. *Economic development of the Urals and Western Siberia in the 20th century: Planning and management*. Ekaterinburg: UB RAS, 2018, 368. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/voskxj>
- Белов И. В., Персианов В. А., Волков Б. А. и др. Транспорт Страны Советов: Итоги за 70 лет и перспективы развития. М.: Транспорт, 1987. 311 с. [Belov I. V., Persianov V. A., Volkov B. A. et al. *Transport of the Country of Soviets: Results for 70 years and development prospects*. Moscow: Transport, 1987, 311. (In Russ.)]
- Бугров К. Д., Симонов М. А. Уголь, нефть и железные руды: индустриальное планирование и трансформация представлений об Урале в экономической мысли СССР (1920–1930-е гг.). *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. № 5. [Bugrov K. D., Simonov M. A. Coal, oil and iron ore: Industrial planning and transformation of concepts of Urals in the economic thought of USSR (1920s–1930s). *Istoriya*, 2023, 14(5). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18254/S207987840013837-9>
- Букин С. С., Ламин В. А. Программа создания Урало-Кузнецкого комбината в государственной стратегии России. *Уральский исторический вестник*. 2011. № 1. С. 5–10. [Bukin S. S., Lamin V. A. Program of establishing the Ural-Kuznetsk works in the national development strategy of Russia. *Ural'skiy Istoriceskiy Vestnik*, 2011, (1): 5–10. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndosxn>
- Гвоздкова Т. Н., Голик В. И., Разоренов Ю. И. Кузбасс в истории горной промышленности России. *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2014. № 6. С. 149–154. [Gvozdkova T. N., Golik V. I., Razorenov Y. I. Kuzbass in the history of Russian mining industry. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2014, (6): 149–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tcsfuz>
- История социалистической экономики СССР. Т. 7. Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960–1970-е гг.), отв. ред. И. А. Гладков. М.: Наука, 1980. Т. 7. 718 с. [History of the socialist economy of the USSR in seven volumes. Vol. 7. *The economy of the USSR at the stage of developed socialism (1960–1970s)*, ed. Gladkov I. A. Moscow: Nauka, 1980, 718. (In Russ.)]
- Каменская Е. В. Проекты и реальность: промышленные стройки первых пятилеток на Среднем Урале. *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 5. С. 1718–1736. [Kamenskaya E. V. Projects and reality: Industrial construction in the first five-year plans in the Central Urals. *Quaestio Rossica*, 2020, 8(5): 1718–1736. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15826/qr.2020.5.554>

- Костюк Е. Р. Генерал тяги. Главный машинист дороги Соснин Виталий Федорович. Екатеринбург: Управление Свердловской железной дороги, 2023. 80 с. [Kostyuk E. R. *General of traction. Chief railroad engineer Vitaly F. Sosnin*. Ekaterinburg: Sverdlovsk Railway Administration, 2023, 80. (In Russ.)]
- Красильников С. А. Выездная сессия АН СССР по проблемам Урало-Кузбасса (июнь 1932 г.) в контексте мобилизационной модели развития науки. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2012. Т. 11. № 8. С. 87–94. [Krasilnikov S. A. The off-site session of the Academy of Science of the USSR devoted to problems of the Urals-Kuzbass (June, 1932) in the context of mobilization model of the development of science. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, 11(8): 87–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pnfggt>
- Крючков М. Т. Исторический путь Свердловской железной дороги. Екатеринбург: УрГУПС, 2011. 512 с. [Kryuchkov M. T. *Historical path of the Sverdlovsk railway*. Ekaterinburg: USURT, 2011, 512. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quxhtt>
- Кузьмич В. Д., Левин Б. А., Виноградов В. В. История железнодорожного транспорта Советского Союза. 1945–1991 гг. М.: Академкнига, 2004. Т. 3. 631 с. [Kuzmich V. D., Levin B. A., Vinogradov V. V. *History of railway transport of the Soviet Union in 1945–1991*. Moscow: Akademkniga, 2004, vol. 3, 631. (In Russ.)]
- Личман Б. В. Уральская индустрия в экономической политике Советского государства второй половины 50-х – середины 80-х гг. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2007. 299 с. [Lichman B. V. *Ural industry in the economic policy of the Soviet state in 1955 to 1985*. Ekaterinburg: UMTs-UPI, 2007, 299. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtiyxt>
- Лоскутов С. А. Ворота в Сибирь. Екатеринбург: УрГУПС, 2014. 168 с. [Loskutov S. A. *Gates to Siberia*. Ekaterinburg: USURT, 2014, 168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtogzj>
- Мельников Н. Н. Снабжение уральских предприятий коксующимся и энергетическим углем в условиях войны. *Гуманитарно-педагогические исследования*. 2024. Т. 8. № 2. С. 30–38. [Melnikov N. N. Coking and energy coal supply of Ural enterprises during the war years. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*, 2024, 8(2): 30–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ajffuc>
- Михеев М. В. Урал – Печора: несостоявшийся проект территориальной реорганизации советской экономики. *ЭКО*. 2015. № 10. С. 172–183. [Mikheev M. V. The Urals – Pechora: Failed project of territorial reorganization of the Soviet economy. *ECO*, 2015, (10): 172–183. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ulqxrh>
- Мишенин С. Е. Железнодорожный транспорт Западной Сибири в контексте мониторингов железных дорог сети СССР 1960–1980-х гг. (по материалам газеты «Гудок»). *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 410. С. 118–122. [Mishenin S. E. Railway transport of Western Siberia in the context of the USSR railway network monitoring in the 1960s–1980s (on materials of the Gudok newspaper). *Tomsk State University Journal*, 2016, (410): 118–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/410/19>
- Мишенин С. Е. Источники формирования контингента учащихся Тайгинского техникума железнодорожного транспорта в 1943–1991 гг. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 4. С. 876–883. [Mishenin S. E. Students of Railway College of the town of Taiga in 1943–1991. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 876–883. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-876-883>
- Никольский А. Ф. Что такое сверхкомбинат: экономическая география и техника. *Известия Байкальского государственного университета*. 2020. Т. 30. № 3. С. 419–426. [Nikolsky A. F. What is a super combine: Economic geography and manufacturing technique. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 30(3): 419–426. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gcnueu>
- Павловский И. Г. Моя дорога. М.: Интекст, 2002. 160 с. [Pavlovsky I. G. *My road*. Moscow: Intekst, 2002, 160. (In Russ.)]
- Пашинин С. А. Бещев Борис Павлович. *Министры и наркомы путей сообщения*, ред. кол. О. А. Богданович и др. М.: Транспорт, 1995. С. 230–244. [Pashinin S. A. Boris P. Beshchev. *Ministers and People's Commissars of Railways*, ed. board: Bogdanovich O. A. et al. Moscow: Transport, 1995, 230–244. (In Russ.)]
- Тарасова В. Н., Пашкова Т. Л., Быков Д. А., Кантор И. И., Наговицын В. С., Шаров В. А., Тимошин А. А. Транссибирская и Байкал-Амурская магистрали – мост между прошлым и будущим России. М.: Центр «Транспорт», 2005. 348 с. [Tarasova V. N., Pashkova T. L., Bykov D. A., Kantor I. I., Nagovitsyn V. S., Sharov V. A., Timoshin A. A. *Trans-Siberian and Baikal-Amur Mainlines as a bridge between the past and future of Russia*. Moscow: Tsentr "Transport", 2005, 348. (In Russ.)]

- Тимошенко А. И. Роль Сибири в индустриальной модернизации СССР. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2018. Т. 25. № 3. С. 32–37. [Timoshenko A. I. The role of Siberia in the USSR industrial modernization. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2018, 25(3): 32–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15372/HSS20180305>
- Тимошенко А. И. Урало-Кузбасс: создание второй угольно-металлургической базы экономики СССР в 1930-е гг. *Историко-экономические исследования*. 2011. Т. 12. № 1. С. 70–92. [Timoshenko A. I. Ural-Kuzbass: Creating the second coal and metallurgical base of the USSR economy in the 1930s. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2011, 12(1): 70–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qikfzp>
- Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 270 с. [Khanin G. I. *Dynamics of economic development of the USSR*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1991, 270. (In Russ.)]
- Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2020. 516 с. [Khanin G. I. *Economic history of Russia in modern times. Vol. 1. Economy of the USSR in the late 1930s – 1987*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University, 2020, 516. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bdiilt>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/alwgle>

Роль партийно-советского руководства в перестройке угольной промышленности Кузбасса 1941–1945 гг. (историографический аспект)

Чупин Алексей Геннадьевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0009-0005-6623-0428>aleksei.tchupin2017@yandex.ru

Аннотация: Кузбасс был одним из главных промышленных центров СССР во время Великой Отечественной войны и в последующие годы, что определило актуальность осмысления опыта изучения роли советско-партийного руководства в перестройке угольной промышленности, имевшей судьбоносное хозяйственно-экономическое значение для фронта. Цель – проследить существующие подходы и эволюцию взглядов отечественных исследователей по определению роли партийно-советского руководства в перестройке угольной промышленности в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны. Применены метод периодизации, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. На основе историографических источников выявлен уровень эффективности государственного управления в сфере развития угледобычи в регионе. Отмечена исследовательская позиция 1930–1940-х гг. о периферийном характере Кузнецкого угольного бассейна в довоенный период. Определена периодизация организационных изменений в угольной промышленности Кузбасса военного времени, установлена степень влияния на перестройку угледобывающих предприятий политики советско-партийных органов. Анализ историографии довоенного периода в истории региона указывает, что Кузбасс в 1920–1930-е гг. не был главным угледобывающим центром СССР, поэтому большая часть научных работ по данной теме носила статистический характер. В 1940-е гг. наблюдается рост публикаций, посвященных Кузбассу, ввиду его специфики союзного тыла, но многие работы носили прикладной характер, что обуславливалось необходимостью в мобилизации всей ресурсной базы страны и применения исследований в области угледобычи на практике. После спада количества опубликованных работ в 1950-е гг. постепенное углубление в проблематику начинается с 1960-х гг., когда акцент смещается на важность политического управления в регионе в годы войны. В постсоветский и современный период исследование перестройки угольной отрасли региона в годы войны получает наибольшее распространение, многие авторы дискутируют о роли политической власти в вопросе перестройки угледобычи Кузбасса под нужды военного времени, становятся доступны новые архивные материалы, проблематика расширяется новыми темами для изучения. Выделен круг проблем, все еще требующих рассмотрения: специфика государственного управления угольной отраслью Кузбасса в годы Великой Отечественной войны, взаимодействие между региональными и центральными органами власти, вопросы материально-технического обеспечения шахт, перестройка самого аппарата управления угольной отрасли.

Ключевые слова: историография, угольная промышленность, государственное управление, тыл, Великая Отечественная война, Кузбасс

Цитирование: Чупин А. Г. Роль партийно-советского руководства в перестройке угольной промышленности Кузбасса 1941–1945 гг. (историографический аспект). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 403–419. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-403-419>

Поступила в редакцию 17.12.2024. Принята после рецензирования 26.02.2025. Принята в печать 03.03.2025.

full article

Soviet Party Authorities in Restructuring the Kuzbass Coal Industry in 1941–1945: Historiographic Aspect

Aleksei G. Chupin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0009-0005-6623-0428>aleksei.tchupin2017@yandex.ru

Abstract: Kuzbass was one of the main Russia's industrial centers during World War II. The local coal industry had to be totally restructured, but the role of the Soviet Party leadership in that process remains understudied. The article traces the evolution of the views of domestic historians on the role of the party and Soviet leadership in the restructuring of the Kuznetsk coal industry during the Great Patriotic War. By applying the periodization, problem-chronological, and comparative-historical methods to reliable historiographic sources, the author revealed the influence of the public administration on the local coal mining and periodized the organizational changes in the Kuzbass coal mining during the war. The pre-war studies focused on the peripheral location and were primarily of a statistical nature: in the 1920–1930s, Kuzbass was far from being a major coal mining center. The 1940s saw an increase in publications about Kuzbass due to its significance for the Soviet rear. However, these works were mostly applied research because the country needed to mobilize its entire resource base, and all coal mining studies had a practical aim. In the 1950s, the number of publications declined only to go up in the 1960s, when the emphasis shifted to the importance of political governance in the region during the war. In the post-Soviet and modern period, the study of military mining restructuration became more popular, many authors turning to the role of political power in the matter. Today, as new archival materials become more available, the problem acquires new aspects. The following issues, however, still remain beyond the scope of scientific interest: the state management of the Kuzbass coal industry during the Great Patriotic War, the interaction between the regional and central government bodies, the logistical support for mines, the restructuring of mining management, etc.

Keywords: historiography, coal industry, state management, front rear, Great Patriotic War, Kuzbass

Citation: Chupin A. G. Soviet Party Authorities in Restructuring the Kuzbass Coal Industry in 1941–1945: Historiographic Aspect. *SibScript*, 2025, 27(3): 403–419. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-403-419>

Received 17 Dec 2024. Accepted after peer review 26 Feb 2025. Accepted for publication 3 Mar 2025.

Введение

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, ставшая тяжелым испытанием для советского общества а целом и для органов государственной власти в частности. Перед советским руководством в кратчайший срок потребовалось перестроить государственные общественно-политические институты под реалии военного времени, адаптировать экономику страны для нужд фронта. Первостепенными во внутренней политике государства стали задачи по укреплению обороноспособности, обеспечению слаженной работы тыла по ускорению темпов развития народного хозяйства, обеспечению форсированной добычи угля, выпуска промышленной продукции [Семенова 2015: 31]. Перестройка промышленности на военные рельсы происходила в критических условиях, когда

на западе и юге страны были потеряны наиболее развитые в индустриальном плане регионы. Только от Донецкого угольного бассейна Советский Союз получал 57,5 % всего угля и 77,5 % коксующегося угля от общесоюзных объемов добычи. После оккупации Донбасса и Подмосквовного бассейна роль главного угледобывающего центра была уготована Кузнецкому угольному бассейну. Кузбасс обязался снабдить коксующимся углем металлургические заводы в Сибири и на Урале, производящие металл и боеприпасы для нужд фронта. Регион приобрел статус всесоюзного тыла: туда было эвакуировано оборудование 79 промышленных предприятий и более 200 тыс. человек, многие из которых были из регионов, находившихся на момент начала войны под оккупацией.

Положение региона как одного из главных промышленных центров СССР во время войны и в последующие годы обеспечило Кузбассу пристальное внимание со стороны исследователей как на территории самой Сибири, так и в охвате всей страны. Исходя из специфики экономического развития региона в сибирской исторической науке делается акцент на изучении предприятий угледобывающей промышленности.

Актуальность темы связана с осмыслением опыта изучения роли советско-партийного руководства в перестройке угольной промышленности Кузбасса, имевшей судьбоносное хозяйственно-экономическое значение для фронта в годы Великой Отечественной войны. Благодаря роли партийно-советского руководства в быстрой перестройке угольной промышленности на военный лад региону удалось обеспечить бесперебойное снабжение фронта необходимым оборудованием и военной техникой, что в немалой степени обеспечило победу СССР над нацистской Германией. При этом наиболее важным в понимании автора статьи является вопрос осуществления руководством СССР политических мероприятий, изданий постановлений и указов ГКО и СНК, направленных на поддержку Кузбасса как одного из главных регионов угледобычи в стране в военное время. Многие исследователи обращают внимание на политические вопросы, связанные с перестройкой угольной промышленности Кузбасса опосредованно, делая акцент на вышеупомянутых проблемах, поэтому представляется необходимой попытка анализа отечественной историографии, чтобы дать оценку значимости политических решений, принимаемых ЦК ВКП(б), ГКО и СНК СССР в вопросе перестройки угольной промышленности Кузбасса под нужды военной экономики.

Цель – проследить существующие подходы и эволюцию взглядов отечественных исследователей по определению роли партийно-советского руководства в перестройке угольной промышленности в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны. Задачи:

- 1) определить основные этапы становления и дальнейшего изучения данной проблематики;
- 2) установить особенности изучения и специфику взглядов авторов на каждом из обозначенных этапов рассмотрения проблемы, в частности определить, какое значение исследователи придают деятельности советско-партийных органов

власти в регионе, а также важности постановлений ГКО и СНК;

- 3) выявить схожие положения во взглядах, изменения подходов в вопросе перестройки угольной промышленности Кузбасса в годы войны с течением времени;
- 4) очертить круг актуальных вопросов, требующих рассмотрения в контексте проблемы на современном этапе изучения.

Краткий обзор литературы указывает на слабую теоретическую проработку вопроса. Не выявлено историографического обзора работ, посвященных роли партийно-советского руководства в перестройке угольной промышленности региона. Тем не менее непосредственному изучению деятельности партийно-советских органов власти в Кузбассе посвящено достаточное количество работ. Это труды советских исследователей И. И. Зелкина, Г. А. Докучаева, Н. П. Шуранова, в которых так или иначе представлен историографический обзор трудов, посвященных партийно-советскому руководству [Докучаев 1968; Зелкин 1969; 1974; Шуранов 1965; 1975; 1978]. На современном этапе изучением проблемы занимаются А. Б. Коновалов, Р. С. Бикметов [Бикметов 2024; Коновалов 2015]. Также необходимо упомянуть исследования К. А. Заболотской, чья статья «Проблемы историографии угольной промышленности и шахтерских кадров Сибири новейшего периода отечественной истории» является первой в своем роде попыткой составления периодизации развития угледобычи в Сибири [Заболотская 2013].

Методы и материалы

Применены метод периодизации, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. С помощью метода периодизации определены основные этапы развития отечественной и кузбасской историографии по проблемам перестройки угольной промышленности региона в годы войны, ключевые направления и подходы исследований. Проблемно-хронологический метод позволяет выделить в каждом из рассматриваемых этапов ряд проблем, свойственных как отдельным периодам, так и всем исследованиям по тематике в хронологическом порядке. В контексте сравнительно-исторического метода сравниваются общие положения общесоюзной, российской историографии и непосредственно кузбасской историографии для выделения общих и частных положений по заданной проблематике.

Результаты

В рамках рассмотрения работ исследователей, занимающихся изучением роли советско-партийных органов власти в перестройке угледобывающей промышленности Кузбасса в военные годы, выделяется периодизация, связанная со степенью изучения проблематики и особенностями развития кузбасской исторической науки:

1 период – 1930–1945 гг. Специфика заключается в увеличении числа работ, посвященных угледобыче в Кузбассе.

2 период делится на два этапа: 1945 – 1950-е гг.; 1960–1980-е гг. Первый этап (1945 – 1950-е гг.) связан со становлением кузбасской исторической науки и расширением круга исследований по проблеме. В этой связи второй этап (1960–1980-е гг.) характеризуется большим всплеском работ, связанных с ролью партийно-советских органов власти в перестройке угледобычи региона в годы войны.

3 период – с 1991 г. по настоящее время. В этот период наблюдается расширение и углубление тематики научных трудов, посвященных перестройке угольной промышленности в регионе в военные годы.

Для повышения угледобычи и превращения Кузбасса в ключевой промышленный регион партийному руководству необходимо было решить несколько задач: закладывать большое количество новых шахт, ускорять угледобычу в уже имеющихся, ускорять производство на фабриках и заводах. В июне 1941 г. Наркоматом угольной промышленности СССР был издан ряд приказов, в которых были обозначены сроки пуска ударных объектов Кузбасса, закладки 20 мелких шахт со сроком строительства от 3 до 5 месяцев, запуска 12 новых крупных шахт в срок до конца 1942 г. В этом же году Советом народных комиссаров СССР было издано постановление «О развитии добычи угля в восточных районах» с указанием объемов и темпов шахтового строительства и пуска новых шахт. В постановлении СНК СССР от 25 декабря был утвержден план капитального шахтостроения на 1942 г., по которому предполагалось ввести в эксплуатацию 14 шахт общей мощностью в 4050 тыс. т [Заболотская 1995: 70–71].

Вместе с реорганизацией и постройкой новых шахт Государственный комитет обороны СССР и руководство ЦК ВКП(б) понимало возросшую необходимость в сопровождении угольной промышленности рабочими кадрами. Это обозначило вторую важнейшую задачу, от решения которой зависели все

остальные отрасли, обеспечивающие обороноспособность страны. В условиях всеобщей мобилизации, когда часть трудоспособного мужского населения ушла на фронт, образовавшийся кадровый дефицит было принято ликвидировать экстенсивным способом за счет увеличения количества рабочих часов. 26 июня 1941 г. решением Правительства рабочий день был увеличен, отменены отпуска, вместо которых были установлены дополнительные выплаты. Были организованы стахановские школы и курсы повышения квалификации рабочих. Благодаря этому к концу Великой Отечественной войны численность рабочих на предприятиях угольной промышленности была увеличена на 74,8 %: только на одном Кузнецком металлургическом комбинате повысили свою квалификацию около 63 тыс. металлургов, было подготовлено 18 тыс. новых кадров. Однако это возымело лишь половинчатый эффект на увеличение темпов добычи угля, т.к. многие из пришедших рабочих не могли быстро адаптироваться к новым условиям и не имели должного опыта, что создавало определенные риски для безопасности самих шахтеров и снижения темпов выработки.

В этот период отмечается увеличение аварийности на шахтах из-за ввода в эксплуатацию бракованного оборудования, неправильного его использования и нарушения рабочими техники безопасности, что в итоге приводило к смертельным исходам на ряде предприятий. Вопросы комплектации работников шахт касались в основном наземных рабочих, забойщиков и навалоотбойщиков, в то время как количество самих подземных рабочих оставалось недоукомплектованным. Проблемы наблюдались при вывозе угля за пределы региона. Ввиду отсутствия подготовительных работ и материально-технической базы по своевременной транспортировке залежей угля на шахтах Кузбасса наблюдались случаи нагрева и воспламенения угольной массы, потери коксующимся углем своих свойств, что отразилось на общем уровне добычи. В 1942 г. уровень угледобычи упал на 1 % от довоенного. По этим причинам, несмотря на общее увеличение количества шахт и рабочих, угольная промышленность в Кузбассе развивалась неравномерно, испытывала большие трудности и не всегда обеспечивала потребности страны в коксующихся углях [Дерюшев и др. 2010: 197].

Руководство СССР осознавало всю значимость региона как центра угледобычи, особенно после

потери Донецкого угольного бассейна на начальном этапе войны. 24 сентября 1942 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О мерах улучшения партийной работы в угольных районах Кузбасса в связи с задачей увеличения добычи угля»¹. В нем указывалось на серьезные просчеты Новосибирского обкома ВКП(б) и ряда горкомов Кузбасса в управлении угольной промышленностью, отсутствие личной ответственности секретарей горкомов за невыполнение плана добычи угля. Отмечался недостаточный контроль за руководителями комбинатов, трестов и шахт и, как следствие, падение темпов угледобычи. ЦК ВКП(б) обязал Новосибирский обком исправить имеющиеся недочеты, организовать в обкоме отдел угольной промышленности и установить должность секретаря обкома по угольной промышленности. Партия обязалась предоставить Кузбассу необходимые кадры, технику и материалы для выполнения указанных задач.

Благодаря постановлениям ЦК ВКП(б) в период 1943–1945 гг. индустриальный потенциал региона вырос количественно и качественно. Кузбасс стал первой угольной и второй металлургической базой СССР. В соответствии с ежедневными нуждами фронта в 100 тыс. т в годы войны коллективы шахт Кузбасса увеличили добычу с 21,1 до 29,9 млн т. Производство коксующихся углей увеличили более чем вдвое – с 5,9 млн т в 1940 г. до 12,9 млн т в 1945 г. Всего за 1941–1945 гг. было добыто 127 млн т угля, в том числе более 50 млн т коксующихся углей. При этом численность населения региона в 1943 г. достигла самого большого показателя в 1898,3 тыс. человек за весь период Великой Отечественной войны [Дерюшев и др. 2007: 86].

1 период: 1930–1945 гг.

Формирование проблематики

В 1920-е гг. вопросам теоретического изучения становления и развития угольной промышленности Кузбасса уделялось сравнительно мало внимания ввиду ряда насущных проблем практического характера. Молодую советскую власть более интересовали вопросы индустриализации сибирского края и ликвидация экономической отсталости региона, поэтому труды, посвященные угольной промышленности, в регионе носили прикладной, в ряде случаев

описательный характер. В этой связи необходимо упомянуть работы В. М. Бажанова, И. И. Федоровича, М. А. Усова, М. Л. Рухимовича. Авторами давались общие сведения о состоянии угольной отрасли в Сибири, а также практические методы организации угледобычи на местах [Бажанов и др. 1924; Рухимович 1928].

Период 1930-х гг. и связанные с этим события индустриализации и коллективизации, нарастание противоречий в политической жизни страны наложили отпечаток на появление исследований, посвященных угольной промышленности. В это время был выпущен один значимый коллективный труд авторов под названием «Вторая угольная база СССР Кузбасс», в котором затрагивались общие вопросы развития угледобычи в регионе, вопросы формирования кадров, их социального состава и численности, увеличения темпов добычи угля, постройки новых шахт [Вторая угольная база СССР Кузбасс 1936]. Тем не менее роль социалистического соревнования шахтеров и его сущность отражена в жестком идеологическом преломлении: акцент ставится на важности социалистического соревнования и стахановского движения, на успехах в угольной отрасли. Проблемы, связанные с материальным оснащением шахт, повышенной аварийностью, объяснялись прежде всего не отсутствием должной квалификации у шахтеров, а деятельностью неблагонадежных элементов, диверсантов и вредителей².

Непосредственный этап военных действий 1941–1945 гг. характеризуется первыми попытками обобщения опыта партии и ее местных организаций по обеспечению развития угольной промышленности в Кузбассе на момент начала войны, которые появлялись в печатных выступлениях работников Госплана и Наркомугля СССР, выступлениях секретарей обкомов партий угольных центров и т.д. [Андрианов 1943; Вахрушев 1941; Задонченко 1943]. Стоит отметить, что В. В. Вахрушев с 1939 г. занимал должность народного комиссара угольной промышленности СССР и часто приезжал в Кузбасс для решения насущных вопросов, связанных с выполнением плана угледобычи, в то время как С. Б. Задонченко был командирован в новообразованную Кемеровскую

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. 1938–1945. М.: Политиздат, 1985. 171 с.

² Стахановцы рудника: статсборник. Прокопьевск, 1936. 61 с.

область в 1943 г. и занимал должность первого секретаря Кемеровского обкома ВКП(б) до 1946 г. Работы этих авторов, исходя из специфики занимаемых ими должностей, затрагивали общие задачи партийной работы в области угледобычи, общие экономические показатели СССР в области тяжелой промышленности, популяризировали стахановское движение. Труды носили публицистический характер и имели практическую направленность [Шуранов 1978: 3].

Помимо уже упомянутых работ государственных деятелей, сам период формирования Кемеровской области отмечен рядом весьма условных статистических работ, посвященных основным экономическим проблемам региона, в частности обеспечению предприятий тяжелой промышленности рабочей силой [Кузьминов 1942; Сонин 1942]. Так же как и во многих предыдущих трудах, написанных практиками-теоретиками производства, работы носили прикладной и оценочный характер. Вопросы, рассматриваемые авторами, касались мобилизационных мероприятий советской власти, изменения половозрастного состава рабочих на угольных предприятиях, проблем привлечения новых квалифицированных кадров в угольную отрасль.

В этом контексте давался и разбор производственных проблем на ряде предприятий. И. И. Кузьминов обратился к опыту и практике комбината «Кузбассуголь», который пополнял рабочие кадры за счет привлечения на производство женщин и подростков [Кузьминов 1942]. М. Я. Сонин рассматривал вопросы воспроизводства кадров с чисто экономических показателей и отождествлял понятия *рабочая сила* и *трудовые ресурсы*. Иными словами, для работы на предприятиях тяжелой промышленности можно использовать все трудоспособное население СССР [Сонин 1942]. П. Г. Москатов также упоминает о вовлечении подростков в работу угольной промышленности через систему трудовых резервов [Москатов 1956].

Таким образом, этот период характеризуется наличием ряда работ, написанных партийными деятелями и практиками-теоретиками производства. Исследования носили статистический и обзорный характер, авторы обращали внимание на ключевые проблемы региона. В частности, ключевым стал вопрос обеспечения кадрами промышленных предприятий в годы войны. Следует отметить практическую значимость указанных работ, т. к. авторы также предлагали способы решения проблем в угледобывающей отрасли Кузбасса.

2 период. 1 этап: 1945 – 1950-е гг.

Появление первых академических работ

Во второй половине 1940-х гг. отдельные сведения по рассматриваемой проблеме приводились в небольших обобщающих историко-партийных исследованиях, общеисторических и популярных трудах. В этой связи следует отметить книгу Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», в которой была дана оценка важности угольной промышленности в условиях боевых действий, приведены отдельные решения партийного руководства в области угледобычи, а также условия труда и быта шахтерских кадров. Данное исследование носило научно-популярный характер, имело строгую идеологическую составляющую и большое количество оценочных суждений. В труде приводятся весьма обобщенные статистические данные о количестве добываемого угля в восточных регионах страны. Н. А. Вознесенский утверждал, что за период всех боевых действий в эксплуатацию были введены 59 угольных шахт общей мощностью 73 млн т угля в год, при этом главенствующее положение в вопросах угледобычи автор отдает не сибирскому тылу, а Подмосковному угольному бассейну, который после деокупации в 1942 г. превысил уровень довоенной угледобычи на 45 %, что, по мнению автора, во многом являлось примером для других районов СССР [Вознесенский 1948]. Примечателен тот факт, что в дальнейшем исследование было подвергнуто разгромной критике за его антимарксистскую направленность, сам Н. А. Вознесенский был расстрелян в 1950 г.

В начале 1950-х гг. изучение вопроса развития угольной промышленности Кузбасса в годы войны также совпадает с общими тенденциями в развитии сибирской историографии 1930–1950-х гг. Увеличивается число диссертационных исследований, которые были посвящены деятельности партийных структур по организации добычи угля в годы войны: «Большевики Кузбасса в борьбе за уголь в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» [Пулях 1951], «Партийная организация Кузбасса в годы Великой Отечественной войны» [Коновалова 1953]. В связи с ограниченностью доступа к архивным данным и плохой степенью изученности проблемы в годы войны в работах повторялись оценочные суждения прошлых лет, а акцент смещался в сторону проблемы трудовой активности кузбасских шахтеров. В исследованиях освещалась, в соответствии с идеологическими

установками, парадная сторона деятельности шахтеров, не освещались трудности социалистического соревнования, отсутствовал критический анализ рабочих инициатив.

Послевоенный период характеризуется появлением первых попыток в написании академических исследований по проблеме перестройки угольной промышленности в Кузбассе. Ввиду отсутствия достаточной источниковой базы и ограниченного круга рассматриваемых вопросов исследования содержали неточности и повторяли оценочные суждения трудов военных лет, а акцент смещался в сторону трудовой активности и героизма кузбасских шахтеров. Тем не менее подобные исследования имеют значимость, т. к. заложили основу для будущих академических работ.

2 период. 2 этап: 1960–1980-е гг.

Углубление в проблематику

В 1960–1980-е гг. сибирские историки достигли значительных успехов в изучении отраслей тяжелой индустрии, в том числе угольной промышленности Кузбасса. Этому поспособствовали систематические публикации статистических сборников: «Шаги семилетки», «Шаги пятилетки», «Кемеровская область в цифрах» и пр. Расширяется источниковая база, исследователи получают доступ к документам архивов после XX съезда КПСС, в Сибири появляется Сибирское отделение Академии наук СССР, под эгидой которого издано большое количество авторских монографий, посвященных вопросам экономики, организации промышленного производства в Сибири. В исследованиях стали применяться социологические и математические методы обработки данных. При содействии доктора исторических наук, профессора Кемеровского педагогического института З. Г. Карпенко была создана первая в Кузбассе лаборатория гуманитарных исследований [Заболотская 2013: 222]. Материалы лаборатории по проблемам развития угольной промышленности были переработаны М. И. Лихомановым, Р. П. Сосновской [Лихоманов 1969; Сосновская 1973]. В этих трудах отражены проблемы агитационной деятельности коммунистической партии в рамках социалистического соревнования шахтеров в годы

войны. Особое место в указанных исследованиях занимают вопросы перестройки промышленности Кузбасса в военное время.

В первой половине 1960-х гг. вышел сборник документов «Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)»³. В обобщающих монографиях того периода особое внимание уделялось разрешению топливной проблемы, приведены примеры партийных мероприятий местных партийных организаций угольных районов. Стоит упомянуть кандидатскую диссертацию Л. А. Тереховой «Угольная промышленность Советского Союза в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», посвященную вопросам формирования шахтерских кадров и их социального состава, уровня оплаты труда, ряда технико-экономических и производственных показателей [Терехова 1962].

Развитию угольной промышленности в военные годы посвящены работы сибирских историков И. И. Зелкина, Г. А. Докучаева, Н. П. Шуранова. В исследованиях И. И. Зелкина сравнивается положение угольной промышленности в годы боевых действий с довоенными показателями угледобычи. Представленные в работах статистические данные были взяты из документов аппарата ЦК ВКП(б). Главной особенностью перестройки угольной промышленности в годы войны исследователь считал экстенсивное расширение отрасли за счет наращивания темпов угледобычи, привлечения новых кадров при добыче преимущественно коксующихся углей. При этом И. И. Зелкин стал одним из первых авторов, указавших на важность постановления ГКО 1942 г. и связанных с этим постановлением мероприятий, проводимых Новосибирским обкомом ВКП(б), по повышению уровня трудовой дисциплины на шахтах, строительству новых шахт, обогатительных установок, очистных сооружений и пр. [Зелкин 1974]. И. И. Зелкин отмечает дату перехода экономики Кузбасса на военные рельсы другим постановлением ГКО – «О мерах неотложной помощи шахтам Кузбасса по увеличению добычи и улучшению качества коксующихся углей»⁴ от 15 июня 1943 г. Особое внимание уделялось материальному обеспечению рабочих на шахтах и установлению

³ Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Т. I. Июнь 1941 г. – декабрь 1942 г., сост. Т. В. Высоцкая, З. В. Лыгалова, А. С. Мазюков, Т. В. Парфенова. Кемерово: Кн. изд-во, 1962. 230 с.

⁴ Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Т. II. Январь 1943 г. – июль 1945 г. Кемерово: Кн. изд-во, 1965. 280 с.

личной ответственности заведующих шахт и начальников участков за обеспечение рабочих бригад всем необходимым для успешного выполнения плана по добыче угля [Зелкин 1969: 47].

Среди сибирских ученых возникает полемика о хронологических рамках перестройки кузбасской угольной промышленности под военные нужды. По этой проблеме в исторической литературе 1960-х гг. уже присутствовали некоторые обобщающие работы, которые затрагивали вопросы периодизации в контексте всего сибирского региона [Акулов 1967; Васильев 1965]. Необходимо отметить исследования Г. А. Докучаева и его первую монографию «Сибирский тыл в Великой Отечественной войне» [Докучаев 1968]. Несомненным преимуществом исследования, по мнению И. И. Зелкина и Г. А. Куманева, стало то, что Г. А. Докучаев «на основании большого пласта источников рассмотрел вопросы развития угольной отрасли Сибири через призму общей перестройки народного хозяйства под военные нужды» [Зелкин, Куманев 1969: 155]. Особый интерес представляют архивные документы о динамике промышленного производства Сибири в 1940–1945 гг. Г. А. Докучаев и соавторы приводит следующие статистические данные: во время войны выработка электроэнергии в Сибири выросла на 72 %, химическое производство – более чем в 4 раза, черная металлургия – более чем в 3 раза, крупное машиностроение – в 4,8 раза и т.д. В исследовании характеризуется рост промышленного производства по отдельным административным районам Сибири. Также отмечается важность принятия решения о создании ГКО СССР, однако уже на основе не архивных документов, но коллективного труда «Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – 1945 г.)» [Коммунистическая партия... 1961]. Отсюда в вопросах, касающихся деятельности ГКО, исследователи делают обобщенные выводы о том, что «Государственный комитет обороны издавал указы и постановления с учетом сложившейся производственной ситуации на фабриках и заводах» [Зелкин, Куманев 1969: 155].

Таким образом, Г. А. Докучаев выделял два этапа перестройки угольной промышленности в Кузбассе в военные годы: I этап, 1941–1942 гг.: адаптация экономики Советского Союза к возросшим нуждам фронта; II этап, после 1943 г.: непосредственный переход народного хозяйства на военные рельсы, совпавший с коренным переломом в самой Великой Отечественной войне.

Обоснование подобной периодизации Г. А. Докучаев формально связывает также с деятельностью ГКО. Переходу поспособствовало и постановление ГКО «О неотложных мерах по увеличению добычи угля в Кузнецком бассейне» от 24 августа 1942 г. Автор иллюстрирует основные направления перестройки промышленности, тем не менее не уделяя должного внимания перестройке промышленности по отраслям, это касалось и угольной отрасли. Суть документа при этом не раскрывалась, а передавалась такими же обобщенными сведениями, взятыми из коллективного труда по истории КПСС [Коновалов 2015: 13]. Имеют место некоторые ошибочные утверждения, на что в свою очередь обращали внимание И. И. Зелкин и Г. А. Куманев в рецензии на монографию автора. В частности, изучая данные за 1943 г., Г. А. Докучаев сделал ошибочный вывод, что Кузбасс выполнил намеченный план угледобычи. Несмотря на то что 1943 г. был переломным, план угледобычи выполнен не был, хотя добыча угля и была близка к намеченному уровню. В монографии «Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны» Г. А. Докучаев более точно определил периодизацию перестройки угольной промышленности, определив, что перестройка народного хозяйства в целом была завершена к середине 1942 г. [Докучаев 1973].

В 1971 г. выходит в свет монументальный обобщающий труд З. Г. Карпенко «Кузнецкий угольный, 1721–1971», приуроченный к 250-летию открытия угля в Кузбассе. Главной проблемой, стоявшей перед регионом при переходе угольной отрасли на военные рельсы, автор посчитал нехватку квалифицированной рабочей силы при форсированном строительстве шахт. Для восполнения дефицита рабочих кадров к работе в шахтах привлекали пенсионеров, женщин, подростков, эвакуированных людей из Донбасса и западных регионов. Поскольку повышение добычи угля было остро необходимо для предприятий тяжелой промышленности и транспорта, государство было вынуждено идти на чрезвычайные меры: сверхурочные работы, отсутствие отпусков, неполные выходные. Особую роль в обеспечении устойчивых темпов угледобычи З. Г. Карпенко видела в постановлении Совнаркома от 21 августа 1942 г., в котором были установлены премии шахтерам, инженерам и техникам, выполняющим и перевыполняющим норму по добыче угля. Свою роль играли мероприятия по продовольственному обеспечению шахтеров по карточкам, расширению подсобных хозяйств

и индивидуальных огородов. Постановление ГКО от 24 августа 1942 г. «О неотложных мерах по увеличению добычи угля в Кузнецком бассейне», а также постановление ЦК ВКП(б) от 24 сентября 1942 г. «О мерах по улучшению партийной работы в угольных районах Кузбасса в связи с задачей увеличения добычи угля» исследователь считает поворотными в вопросе окончательной трансформации угольной отрасли на военный лад. В работе суть документов не затрагивается, однако приводятся данные, что благодаря постановлениям усилилось снабжение шахт материалами и оборудованием, продолжалось пополнение рабочих кадров. Статистические данные, приведенные З. Г. Карпенко, указывают на увеличение угледобычи по Кузбассу и во всесоюзном отношении. Действительно, удельный вес вклада Кузбасса во всесоюзную добычу угля за 1940–1945 гг. вырос в процентном соотношении с 13,6 до 21,1 %; к 1945 г. Кузбасс дал пятую часть от общего объема угля, добытого в СССР [Карпенко 1971: 69–71].

В этот период стали появляться первые исследования, освещавшие деятельность партийного руководства в вопросах трансформации угольной отрасли в военные годы в отдельных бассейнах и месторождениях. Был опубликован ряд работ о деятельности партийных организаций по повышению добычи угля в Кузбассе, повышению численности шахтерских кадров, общем развитии бассейна в военные годы [Зелкин 1969; Савельев 1963; Шуранов 1970].

Большая часть исследователей ввиду узкого круга источников и партийной документации ограничивались освещением мер по увеличению добычи угля, предпринятых ЦК ВКП(б) и ГКО во второй половине 1942 г., некоторых решений по отдельным бассейнам в довоенное время. Освещая вопросы перестройки угольной промышленности, исследователи упускали из виду изменения в организации труда и производства, которые вводились на шахтах. Отдельные сведения о перестройке угольной отрасли есть в работах О. М. Малыбаева [Малыбаев 1961]. Мероприятия коммунистической партии и ее местных организаций по привлечению и направлению в шахты рабочих излагались в отрыве от государственных нужд в обеспечении угольных бассейнов новыми квалифицированными кадрами в целом. В работах И. И. Зелкина и О. М. Малыбаева деятельность партии освещалась иллюстративно, в работах И. Н. Верхотурова и Т. В. Коноваловой – декларативно, Г. И. Дедов и П. Г. Агарышев рассматривали отдельные партийные меры без обобщений, однако

более подробно. В исследованиях встречаются также некоторые ошибочные суждения о ходе выполнения партией программ шахтного строительства, приблизительные данные о сооружении в восточных районах страны более 200 новых шахт [Шуранов 1978: 6].

Большой пласт исследований 1970-х гг. связан с деятельностью Николая Павловича Шуранова. В 1967 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную угольной промышленности Кузбасса, в 1978 г. – докторскую диссертацию «Коммунистическая партия – организатор развития угольной промышленности восточных районов страны в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.». В своих исследованиях Н. П. Шуранов опирался на богатый массив сборников документов партийных, государственных органов, в том числе специально посвященных войне, различных региональных сборников, таких как «Партийные организации Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», были привлечены материалы многих статистических справочников, посвященных угольной промышленности СССР, материалы центральной и местной печати. Основным источником информации послужили архивные документы: стенограммы и протоколы пленумов, активов заседаний бюро обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик. Важные сведения о многих мероприятиях ЦК Партии, ГКО и СНК СССР по угольной промышленности, материалы реализации и отчеты о состоянии развития отрасли отдельных бассейнов были извлечены Н. П. Шурановым из хранящихся в Центральном архиве народного хозяйства СССР фондов Министерства угольной промышленности и Госплана, бывших министерств угольной промышленности, Главснабугля при СНК СССР, отдельных главков при Наркомугле СССР. Н. П. Шуранов изучил документы угольных комбинатов, трестов, шахтостроительных предприятий и заводов по производству и ремонту горной техники, находившиеся в государственных краевых и областных архивах. Кроме того, для анализа полученного документального материала исследователь посещал ряд угольных предприятий и их партийных организаций [Шуранов 1978]. В предшествующей монографии «На угольном фронте» Н. П. Шуранов выделил главный критерий перестройки угольной промышленности Кузбасса в годы войны, а именно достижение довоенного уровня угледобычи к концу 1942 г. [Шуранов 1975]. Подобная точка зрения в итоге нашла отражение в коллективном труде

«Рабочий класс Сибири», в котором была обобщена работа сибирских историков по этой проблематике [Рабочий класс Сибири... 1984].

Кроме того, в 1960–1970-х гг. стали появляться отдельные статьи по проблемам подготовки кадров угольной промышленности в годы войны за авторством Р. Л. Яворского, Н. П. Шуранова и А. А. Халиулиной. В работе Р. Л. Яворского приводятся общие сведения о подготовке шахтерских кадров в годы войны [Яворский 1961]. А. А. Халиулина расширила проблематику и выделила следующие категории населения как основные в вопросе пополнения шахтерских кадров в годы войны: эвакуированное население, женщины, пенсионеры и молодежь [Халиулина 1964]. Те же социальные категории выделил Н. П. Шуранов в своей статье «КПСС – организатор обеспечения угольной промышленности Кузбасса рабочими кадрами в 1941–1942 гг.», указав, что к сентябрю 1942 г. в обеспечении угольной промышленности благодаря новым кадрам произошел перелом, новое пополнение, не знакомое с горняцким делом, осваивало профессию, рабочие, оставшиеся на шахтах, повышали собственную квалификацию, обеспечивая нужды фронта [Шуранов 1965]. В 1975 г. в монографии «На угольном фронте» автор выделил еще один источник пополнения шахтерских кадров: мужчины призывного возраста, направленные на шахты через военкоматы [Шуранов 1975: 153].

Здесь возникает научная полемика между Н. П. Шурановым и Г. А. Докучаевым, который считал основным источником пополнения шахтерских кадров колхозное крестьянство. Тем не менее подобное предположение справедливо на момент начала боевых действий ввиду острой нехватки рабочих рук, которые советское руководство перераспределило из колхозов. Точка зрения Н. П. Шуранова подтверждается в монографии М. Р. Акулова. Однако исследователь указал, что гипотеза Н. П. Шуранова не противоречит точке зрения Г. А. Докучаева, а дополняет ее. При эвакуации ряда промышленных предприятий в глубокий тыл в период 1941–1942 гг. советское руководство столкнулось с проблемой дефицита кадров при расширении производственных мощностей эвакуированных заводов и фабрик на местах. Согласно подсчетам М. Р. Акулова, на момент 1942 г. в Новосибирской области промышленность необходимо было обеспечить 30 тыс. рабочих. Для решения проблемы кадры пополнялись как за счет колхозного крестьянства, так и за счет неработающих горожан, молодежи до 18 лет, женщин.

Схожая ситуация наблюдалась и в угледобывающей отрасли [Акулов 1967].

В дальнейшем проблема изменения источников и форм пополнения рабочих кадров была рассмотрена в кандидатской диссертации К. А. Заболотской «Количественный и качественный рост рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса 1917–1970 гг.». Исследователь установила, что ключевую роль в пополнении шахтерских кадров в годы войны сыграла деревня, что было характерно для всей угледобывающей отрасли по стране еще с 1930-х гг. [Заболотская 1974].

Указанный период в развитии историографии перестройки угледобывающей промышленности в регионе характеризуется расширением и углублением проблематики, появлением первых научных школ, занимающихся вопросами угледобычи в Кузбассе. Кузбасские ученые получают доступ к новым архивным данным и вводят их в научный оборот, обозначают новый круг вопросов, необходимых для изучения перестройки угольной промышленности Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. Прежде всего, это вопросы, связанные с анализом постановлений ГКО и СНК, которые способствовали увеличению угледобычи в регионе. Вторым ключевым вопросом стала организация системы советско-партийных органов власти в Кузбассе. Сделан акцент на том, что эффективная система управления обеспечила устойчивое промышленное развитие региона и, как следствие, сыграла важную роль в перестройке угледобычи под нужды военного времени.

3 период: 1991 г. – настоящее время.

Появление новых вопросов в исследованиях

Современная сибирская историография берет начало в 1990-х гг. и характеризуется обобщением и пересмотром ряда советских концепций и теорий. В оборот вводятся новые архивные источники, получили свое развитие темы, которые почти не рассматривались в советское время, например использование спецконтингента и труда заключенных на шахтах Кузбасса в годы войны. В этой связи происходит увеличение количества работ, посвященных угольной промышленности в регионе. Вопросами перестройки угольной промышленности Кузбасса в годы войны продолжали заниматься кузбасские историки: З. Г. Карпенко, К. А. Заболотская, Н. П. Шуранов, А. А. Халиулина. Появляется большое количество обобщающих работ по истории Кузбасса.

В 1995 г. в свет вышла монография К. А. Заболотской «Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990 гг.)», где исследователь охватывает обширный временной промежуток, что позволило проследить тенденции развития угольной промышленности, выделить отдельные особенности развития угольных бассейнов Западной и Восточной Сибири [Заболотская 1995].

В том же году выходит первый в своем роде труд «Книга памяти шахтеров, погибших в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.», где в числе прочих затрагивались вопросы по использованию спецконтингента на угледобывающих предприятиях. Впервые были рассекречены документы угольных комбинатов, трестов и шахт. Впервые было указано, что привлечение в угольную промышленность большого количества низкоквалифицированных кадров, не знакомых со спецификой шахтерского труда, приводило к росту травматизма, в том числе и со смертельным исходом, но основной документ, фиксирующий эти случаи, – акт о несчастном случае – долгое время был недоступен для исследователей [Бикметов и др. 1995].

Среди новых публикаций Н. П. Шуранова по данной проблематике выделяется монументальная обобщающая монография «Кузбасс – фронту» (1995), где отражен процесс организации и деятельности шахтовых предприятий, благодаря которым обеспечивались потребности в угле крупных промышленных предприятий [Шуранов 1995]. В 1997 г. издана коллективная монография «Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996» при участии кафедр исторического факультета Кемеровского государственного университета, Института угля и Института истории СО РАН. В контексте перестройки угольной промышленности в годы войны стали подниматься новые проблемы, такие как отсутствие квалифицированной рабочей силы, неудовлетворительный уровень материально-технического обеспечения, вопросы государственного регулирования в области угольной промышленности [Заболотская и др. 1997]. В 2000 г. вышла монография Н. П. Шуранова «Кузбасс в годы Великой Отечественной войны», в которой рассматривается работа не только промышленных и оборонных предприятий, но и новые проблемы сельскохозяйственного производства, социальная, культурная и общественная жизнь. Н. П. Шуранов осветил два хронологических этапа развития угольной промышленности в Кузбассе – до образования Кемеровской

области в 1943 г. и после. В данном контексте автор обратился к многочисленным постановлениям ГКО, изданным в 1941–1943 гг., как к определяющим основные направления развития угледобычи Кузбасса в годы войны и вновь выступил в противовес позиции Г. А. Докучаева, который высказывал предположение о том, что ГКО лишь реакционно издавал указы и постановления в зависимости от ситуации в тылу и на фронте. В 2005 г. работа была переиздана в виде памятного альбома. В исследовании также представлены сведения о постановлениях ГКО от 18 августа 1941 г., 24 августа 1942 г., многочисленные постановления 1943 г., однако отсутствуют условия подготовки постановлений, специфика реализации после их принятия [Шуранов 2000].

В 2005 г. вышел обобщающий коллективный труд «Угольный Кузбасс: страницы истории». Исследователи провели широкую работу по сбору биографических сведений о наиболее известных представителях угольной промышленности региона и выделили основные этапы становления и развития Кузбасса с 1721 г. по современность [Дьяков и др. 2005].

В 2010-е гг. продолжают выходить в свет статьи и монографии по данной проблематике. Следует отметить работы А. В. Дерюшева, Ю. И. Дьякова, В. Е. Брагина и др. В статье А. В. Дерюшева и соавторов «О добыче угля в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны» помимо уже обозначенных проблем форсированного строительства шахт и нехватки квалифицированных кадров описываются проблемы недостаточной реализации уже добытых углей, мобилизации работников шахт. Кроме того, акцент делается на личностях отдельных партийных руководителей, непосредственно участвовавших в деле перевода угледобывающей промышленности на военные рельсы, в частности, рассмотрены архивные фонды, содержащие сведения о деятельности В. Г. Кожевина (1907–1990) – главного инженера шахты «Северная» в г. Кемерово, начальника технического отдела и заместителя главного инженера треста «Осинникиуголь», после войны – заместителя министра угольной промышленности СССР [Дерюшев и др. 2010].

В работах Р. С. Бикметова, О. А. Белоусовой рассматривается вопрос труда военнопленных и заключенных как еще одного из источников пополнения шахтерских кадров в годы войны, в научный оборот были введены рассекреченные документы Государственного архива Кемеровской области.

В работах изучены специфика формирования спецконтингента в соответствии с «Положением о военнопленных» СНК СССР от 1 июля 1941 г., а также вопросы организации рабочих лагерей при крупных промышленных предприятиях. При этом приводятся общие данные о количестве военнопленных (около 3 млн человек), их национальный состав. Согласно данным, 60 % от общего количества иностранных военнопленных, содержащихся в лагерях Кузбасса, были задействованы на угольных предприятиях области, что отчасти восполняло нехватку трудовых ресурсов [Белоусова 2011; Бикметов 2015]. В 2015 г. под редакцией А. Б. Коновалова выходит обобщающий сборник, посвященный социально-экономическим проблемам шахтерских городов Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. Основное внимание в материалах сборника уделено производственной активности горожан, вопросам перестройки промышленного производства на военный лад, биографиям выдающихся тружеников тыла, истории повседневности [Коновалов 2015].

В настоящее время продолжают выходить исследования, прямо или косвенно затрагивающие вопросы перестройки угольной промышленности в Кузбассе в военные годы. Среди большого количества работ следует отметить труды Р. С. Бикметова и В. Д. Груня. Р. С. Бикметов рассматривает вопросы использования заключенных в экономике региона до образования Кемеровской области, их вклад на трудовом фронте [Бикметов 2020], развивает тему использования спецконтингента на предприятиях промышленности, уделяет внимание системе управления в вопросах перестройки экономики Кузбасса на военные рельсы [Бикметов 2024]. В. Д. Грунь рассматривает особенности труда и быта шахтеров Кузбасса и указывает, что без организованной работы в угледобывающей отрасли одержать победу в войне было невозможно [Грунь 2020a; 2020b]. Также продолжают выходить разные статьи, посвященные Кузбассу как ключевому тыловому региону [Баева, Хансанамян 2020], общему положению угледобычи в регионе в годы войны [Волошина и др. 2020] и общему развитию Кузбасса [Уфимцев, Гаврилов 2021].

Таким образом, в этот период происходит дальнейшее развитие проблематики угледобычи в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны. Академические исследования опираются на широкую источниковую базу и ставят новые вопросы для изучения: материально-техническое обеспечение шахт,

использование спецконтингента в угледобыче, быт шахтерских кадров. Тем не менее дальнейшее исследование системы советско-партийных органов власти в Кузбассе указывает на недостаточное изучение ряда аспектов: вопросы взаимодействия союзных и региональных органов власти и перестройки самого аппарата управления угольной отрасли, если речь идет непосредственно о директорах шахт и трестов. Кроме того, упускается из виду характер взаимоотношений между директорским корпусом промышленных предприятий и Кемеровским обкомом ВКП(б).

Заключение

Историография довоенного периода в истории региона указывает, что Кузбасс в 1920–1930-е гг. не был главным угледобывающим центром, как, например, Донбасс и Московский угольный бассейн. Большая часть научных работ по данной проблематике носила публицистический и статистический характер, что связано с областью профессиональной компетенции самих авторов, многие из которых были непосредственно связаны с угольной отраслью. Поэтому в контексте развития общества и государства давались лишь обобщенные оценки развития угольной отрасли, важность политических решений, направленных на развитие региона, не учитывалась также ввиду общей политической конъюнктуры.

В 1940-х гг. единовременно наблюдается рост публикаций научных работ, посвященных Кузбассу. Непосредственно в период Великой Отечественной войны регион стал главным центром угледобычи в Советском Союзе, к нему было приковано пристальное внимание не только руководства ЦК ВКП(б), но и исследователей по всей стране. Многие работы были написаны с серьезным идеологическим подтекстом и носили больше экономический и прикладной характер, что обуславливалось необходимостью в мобилизации всей ресурсной базы страны и применением исследований в области угледобычи на практике. В указанный период происходит обособление региона в отдельную область, что указывает на его стратегическую значимость. В 1950-е гг. с постепенным восстановлением экономики СССР наблюдается спад работ, посвященных угледобыче в Кузбассе. В трудах исследователей стали появляться отдельные данные о важности принимаемых в годы войны политических решений, встречаться вкрапления в работы постановлений

ГКО и СНК, указывающих на необходимость исследования этой проблематики. Тем не менее в силу того, что большая часть решений Политбюро, ГКО и СНК была засекречена, авторы сталкивались с ограниченностью источниковой базы и не могли претендовать на достоверное освещение вопроса.

Постепенное углубление в проблематику начинается с 1960-х гг., когда советские и региональные исследователи получают доступ к архивным материалам и начинают рассматривать перестройку угольной промышленности в Кузбассе в политической плоскости. Делается акцент на важности постановлений ГКО, например постановления от 15 июня 1943 г. «О мерах неотложной помощи шахтам Кузбасса по увеличению добычи и улучшению качества коксующихся углей», когда поднимается вопрос о времени перестройки угледобычи в Кузбассе в годы войны. Появляются труды сибирских авторов (Г. А. Докучаев, И. И. Зелкин, Н. П. Шуранов и пр.), в которых акцент смещается на важность политического управления в регионе в годы войны. Тем не менее эти вопросы рассматриваются в контексте общего экономического развития и угледобычи Кузбасса.

В постсоветский и современный период изучению перестройки угольной отрасли в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны уделяется больше внимания, многие авторы указывают, что благодаря политическому руководству в регионе была возможна перестройка угледобычи под нужды военного времени, становятся доступны новые архивные материалы, проблематика расширяется новым

количеством вопросов, например об использовании труда спецпереселенцев на шахтах и т. д.

Вопрос перестройки угольной промышленности в военные годы требует дальнейшего изучения. В сибирской историографии нет комплексных трудов, рассматривающих особенности и специфику государственного управления угольной отраслью Кузбасса в годы Великой Отечественной войны на местах и в центре, слабо рассмотрено взаимодействие между региональными органами власти, остаются открытыми вопросы материально-технического обеспечения шахт, перестройки самого аппарата управления угольной отрасли, если речь идет непосредственно о директорах шахт и трестов. Несмотря на значимость многих принимаемых административных решений, направленных на трансформацию угледобывающей промышленности в годы войны, в работах исследователей затрагивались отдельные постановления Государственного комитета обороны СССР, Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР. Таким образом, этот вопрос по-прежнему является перспективным направлением научных исследований.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Акулов М. Р. Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ставрополь: Б. и., 1967. 332 с. [Akulov M. R. *Industrial development of Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)*. Stavropol, 1967, 332. (In Russ.)]
- Андрианов В. М. Клятва уральцев товарищу Сталину. М.: Госполитиздат, 1943. 29 с. [Andrianov V. M. *The oath of the Ural people to Comrade Stalin*. Moscow: Gospolitizdat, 1943, 29. (In Russ.)]
- Баева М. А., Хансанамян З. З. Кузбасс – фронту: Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны. *Scientist (Russia)*. 2020. № 3. С. 2–9. [Baeva M. A., Khansanamyanyan Z. Z. Kuzbass-front: Siberian rear during the Great Patriotic War. *Scientist (Russia)*, 2020, (3). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kcuxpm>
- Бажанов В. М., Федорович И. И., Усов М. А. и др. Кузнецкий бассейн. М.: Кузбассстрест, 1924. 284 с. [Bazhanov V. M., Fedorovich I. I., Usov M. A. et al. *Kuznetsk coal basin*. Moscow: Kuzbasstrest, 1924, 284. (In Russ.)]
- Белоусова О. А. Немецкие военнопленные в Кузбассе (1940–1950-е годы). *Вестник Кузбасского института*. 2011. № 2. С. 52–56. [Belousova O. A. German prisoners of war in Kuzbass (1940–1950 years). *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2011, (2): 52–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwjrsb>
- Бикметов Р. С. Исправительно-трудовые учреждения Кузбасса в первые годы Великой Отечественной войны (1941 г. – январь 1943 г.). *Уголовно-исполнительная система в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов*: Всерос. науч.-практ. конф. (Псков, 14–15 мая 2020 г.) Псков: Академия права и управления

- ФСИН (Псковский филиал), 2020. С. 5–14. [Bikmetov R. S. Correctional labor institutions of Kuzbass in the early years of the Great Patriotic War (1941 – January 1943). *Penal system during the Great Patriotic War of 1941–1945: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Pskov, 14–15 May 2020. Pskov: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Pskov branch), 2020, 5–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmxxqgj>
- Бикметов Р. С. Перестройка экономики Кузбасса в условиях Великой Отечественной войны: производственные аспекты и решение кадровых проблем. *Проблемы экономики и управления: социокультурные, правовые и организационные аспекты*, ред. В. М. Золотухин, В. Г. Михайлов. Кемерово: КузГТУ, 2024. С. 22–45. [Bikmetov R. S. Restructuring of the Kuzbass economy in the conditions of the Great Patriotic War: Production aspects and solving personnel problems. *Problems of economics and management: Socio-cultural, legal, and organizational aspects*, eds. Zolotukhin V. M., Mikhaylov V. G. Kemerovo: KuzSTU, 2024, 22–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ebnjys>
- Бикметов Р. С. Спецконтингент как один из источников пополнения рабочих кадров в военные и послевоенные годы (1942–1950 гг.). *Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: IV Всерос. науч. конф.* (Барнаул, 26–27 июня 2015 г.) Барнаул: МЦ ЭОР, 2015. С. 88–99. [Bikmetov R. S. Special contingent as one of the sources of replenishment of labor force during the war and post-war years (1942–1950). *Economic history of Siberia in the 20th – early 21st centuries: Proc. IV All-Russian Sci. Conf.*, Barnaul, 26–27 Jun 2015. Barnaul: MTs EOR, 2015, 88–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcaxzd>
- Бикметов Р. С., Киселев Ю. П., Малышев Ю. Н., Петров А. И., Тихонов Г. С., Заболотская К. А. Книга памяти шахтеров, погибших в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М.: Недра, 1995, 398 с. [Bikmetov R. S., Kiselev Yu. P., Malyshev Yu. N., Petrov A. I., Tikhonov G. S., Zabolotskaya K. A. *Memory Book of Miners who died during the Great Patriotic War of 1941–1945*. Moscow: Nedra, 1995: 398. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cwmfzo>
- Васильев Ю. А. Сибирский арсенал. Деятельность партийных организаций Сибири по развитию промышленности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1965. 384 с. [Vasiliev Yu. A. *Siberian Arsenal. Activities of Siberian party organizations in developing Industry during the Great Patriotic War of 1941–1945*. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe kn. Izd-vo, 1965, 384. (In Russ.)]
- Вахрушев В. В. Стахановцы угольной промышленности. *Большевик*. 1941. № 21. С. 13–16. [Vakhrushev V. V. Stakhanovites of the Coal Industry. *Bolshevik*, 1941, (21): 13–16. (In Russ.)]
- Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с. [Voznesenskiy N. A. *Military economy of the USSR during the Patriotic War*. Moscow: Gospolitizdat, 1948, 192. (In Russ.)]
- Волошина Н. И., Есин Р. В., Савонин Д. А., Беланов А. В. Угольная промышленность Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. *Современные тенденции и инновации в науке и производстве: IX Междунар. науч.-практ. конф.* (Междуреченск, 15 апреля 2020 г.) Кемерово: КузГТУ, 2020. [Voloshina N. I., Esin R. V., Savonin D. A., Belanov A. V. Kuzbass coal industry in the World War II. *Modern trends and innovations in science and production: Proc. IX Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Mezhdurechensk, 15 Apr 2020. Kemerovo: KuzSTU, 2020. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sxqbik>
- Вторая угольная база СССР Кузбасс. Ч. 2. Кн. 2. Техника производства и экономика Кузбасса, ред. М. С. Строилов. Новосибирск-М.-Л.-Грозный: Гос. объединенное науч.-техн. изд-во, 1936. 269 с. [Kuzbass as the second-large coal base in the USSR. Pt. 2. Book 2. *Production technology and economy in Kuzbass*, ed. Stroilov M. S. Novosibirsk-Moscow-Leningrad-Grozny: Gos. obedinennoe nauch.-tekhn. izd-vo, 1936, 269. (In Russ.)]
- Грунь В. Д. Базовые отрасли военной экономики, обеспечившие Победу в Великой Отечественной войне. *Горная промышленность*. 2020а. № 3. С. 66–68. [Grun V. D. Basic branches of the military economy that ensured the Victory in the Great Patriotic War. *Gornaya Promyshlennost*, 2020a, (3): 66–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/upbuyq>
- Грунь В. Д. Трудовая доблесть шахтеров Кузбасса в годы Великой Отечественной войны. *Горная промышленность*. 2020b. № 5. С. 64–67. [Grun V. D. Labor valor of Kuzbass miners during the Great Patriotic War. *Gornaya Promyshlennost*, 2020b, (5): 64–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wcecil>
- Дерюшев А. В., Гузяева Е. А., Вегнер А. А. О добыче угля в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны. *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2010. № 4. С. 195–202. [Deryushev A. V.,

- Guzyaeva E. A., Vegner A. A. About coal production in Kuzbass during the Great Patriotic War. *Vestnik of the Kuzbass State Technical University*, 2010, (4): 195–202. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mujroh>
- Дерюшев А. В., Першин В. В., Масаев Ю. А. Шахтостроительная отрасль Кузбасса. *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2007. № 4. С. 84–94. [Deryushev A. V., Pershin V. V., Masaev Yu. A. Mining industry in Kuzbass. *Vestnik of the Kuzbass State Technical University*, 2007, (4): 84–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iaflyv>
- Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1973. 423 с. [Dokuchaev G. A. *The working class of Siberia and the Far East during the Great Patriotic War*. Moscow: Nauka, 1973, 423. (In Russ.)]
- Докучаев Г. А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука, 1968. 322 с. [Dokuchaev G. A. *Siberian rear in the Great Patriotic War*. Novosibirsk: Nauka, 1968, 322. (In Russ.)]
- Дьяков Ю. И., Кузьмин А. Г., Коновалов А. Б., Паршуков А. Д. Угольный Кузбасс: страницы истории. Кемерово: Агентство рекламных форм, 2005. 458 с. [Dyakov Yu. I., Kuzmin A. G., Konovalov A. B., Parshukov A. D. *Coal Kuzbass: Pages of history*. Kemerovo: Agenstvo reklamnykh form, 2005, 458. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zadkct>
- Заболотская К. А. Количественный и качественный рост рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса 1917–1970 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1974. 24 с. [Zabolotskaya K. A. *Quantitative and qualitative growth of workers in the coal industry of Kuzbass (1917–1970)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 1974, 24. (In Russ.)]
- Заболотская К. А. Проблемы историографии угольной промышленности и шахтерских кадров Сибири новейшего периода отечественной истории. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № 2-3. С. 221–224. [Zabolotskaya K. A. Some issues of the historiography of coal mining industry and staff in Siberia in contemporary Russian history. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-3): 221–224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbrmif>
- Заболотская К. А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. 342 с. [Zabolotskaya K. A. *Coal industry of Siberia (late 1890s – early 1990s)*. Kemerovo: Kuzbassvuizdat, 1995, 342. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rpmlwr>
- Заболотская К. А., Халиулина А. А., Карпенко З. Г., Мишенин С. Е., Бикметов Р. А., Киселев Ю. П., Некрасов Г. С., Теодорович Б. А., Кожихов О. В., Реховская Т. А., Кривошеева Е. А. Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996. Кемерово: Кн. изд-во, 1997. 301 с. [Zabolotskaya K. A., Khaliulina A. A., Karpenko Z. G., Mishenin S. E., Bikmetov R. A., Kiselev Yu. P., Nekrasov G. S., Teodorovich B. A., Kozhikhov O. V., Rekhovskaya T. A., Krivosheeva E. A. *Coal industry of Kuzbass, 1721–1996*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1997, 301. (In Russ.)]
- Задонченко С. Б. Задачи партийной работы в угольном Кузбассе. *Партийное строительство*. 1943. № 16. С. 10–14. [Zadionchenko S. B. Objectives of Communist Party in the coal-mining Kuzbass. *Partiinoye stroitelstvo*, 1943, (16): 10–14. (In Russ.)]
- Зелкин И. И. Кузнецкий угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1969. 187 с. [Zelkin I. I. *Kuznetsk coal basin during the Great Patriotic War*. Moscow: Nauka, 1969, 187. (In Russ.)]
- Зелкин И. И. Развитие угольной промышленности в 1941–1945 гг. *Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2. Трудовой подвиг народа*, ред. П. Н. Пospelov. М.: Мысль, 1974. С. 54–66. [Zelkin I. I. Development of the coal industry in 1941–1945. *Soviet rear in the Great Patriotic War. Book 2. Labor feat of the people*, ed. Pospelov P. N. Moscow: Mysl, 1974, 54–66. (In Russ.)]
- Зелкин И. И., Куманев Г. А. Г. А. Докучаев. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. *Вопросы истории*. 1969. № 10. С. 155–156. [Zelkin I. I., Kumanev G. A. G. A. Dokuchaev. Siberian rear in the Great Patriotic War. *Voprosy Istorii*, 1969, (10): 155–156. (In Russ.)]
- Карпенко З. Г. Кузнецкий угольный, 1721–1971. Кемерово: Кн. изд-во, 1971. 112 с. [Karpenko Z. G. *Kuznetsky coal, 1721–1971*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1971, 112. (In Russ.)]
- Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – 1945 г.): документы и материалы, сост. В. С. Василенко, Е. Д. Орехова. М.: Госполитиздат, 1961. 704 с. [Communist Party during the Great Patriotic War (June 1941 – 1945): Documents and materials, comps. Vasilenko V. S., Orekhova E. D. Moscow: Gospolitizdat, 1961, 704. (In Russ.)]

- Коновалов А. Б. Политика укрепления потенциала угольной промышленности Кузбасса в 1941–1945 годах (по документам федеральных архивов). *Шахтерские города Кузбасса в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)*: регион. науч.-практ. конф. (Прокопьевск, 28 мая 2015 г.) Кемерово: Кузбассвуиздат, 2015. С. 12–33. [Konovalov A. B. Policy of strengthening the potential of the coal industry of Kuzbass in 1941–1945: Documents from federal archives. *Mining cities of Kuzbass during the Great Patriotic War (1941–1945)*: Proc. Regional Prac. Conf., Prokopyevsk, 28 May 2015. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2015, 12–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zcjwkb>
- Коновалова Т. В. Партийная организация Кузбасса в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. 16 с. [Konovalova T. V. *Communist Party organization in Kuzbass during the Great Patriotic War*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1953, 16. (In Russ.)]
- Кузьминов И. И. Подбор и подготовка новых промышленных рабочих в условиях войны. *Большевик*. 1942. № 16. С. 26–38. [Kuzminov I. I. Selection and training of new industrial workers in war conditions. *Bolshevik*, 1942, (16): 26–38. (In Russ.)]
- Лихоманов М. И. Организаторская работа партии в промышленности в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). Л.: Ленингр. ун-т, 1969. 222 с. [Likhomanov M. I. *Organizational work of the party in industry in the first period of the Great Patriotic War (1941–1942)*. Leningrad: Leningrad University, 1969, 222. (In Russ.)]
- Малыбаев О. М. Борьба КПСС за создание и развитие третьей угольной базы СССР. Алма-Ата: Казгосиздат, 1961. 407 с. [Malybaev O. M. *The Struggle of the CPSU for the Creation and Development of the Third Coal Base in the USSR*. Alma-Ata: Kazgosizdat, 1961, 407. (In Russ.)]
- Москатов П. Г. Государственные трудовые резервы – основной источник пополнения рабочего класса СССР. М.: Знание, 1956. 47 с. [Moskatov P. G. *State labor reserves is the main source of replenishment of the working class of the USSR*. Moscow: Znanie, 1956, 47. (In Russ.)]
- Пулях А. И. Большевики Кузбасса в борьбе за уголь в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1951. 22 с. [Puliakh A. I. *The Bolsheviks of Kuzbass in the fight for coal during the Great Patriotic War (1941–1945)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1951, 22. (In Russ.)]
- Рабочий класс Сибири. Т. 3. В период упрочения и развития социализма, отв. ред. В. В. Алексеев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 376 с. [*The working class of Siberia. Vol. 3. In the period of strengthening and development of socialism*, ed. Alekseev V. V. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1984, 376. (In Russ.)]
- Рухимович М. Л. Пятилетний план и подготовка кадров. Доклад на VIII съезде ВЛКСМ. М.: Молодая гвардия, 1928. 85 с. [Rukhimovich M. L. *Five-year plan and training of personnel. Report at the 8th Komsomol Congress*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1928, 85. (In Russ.)]
- Савельев В. Е. Партийная организация Кемеровской области – организатор трудового подъема шахтеров в год коренного перелома Великой Отечественной войны. *К истории партийных организаций Кузбасса*, ред. В. Е. Савельев. Новокузнецк: Б. и., 1963. Вып. 2. С. 46–80. [Saveliev V. E. Communist Party of the Kemerovo region as the organizer of the labor upsurge of miners in the year of the radical turning point of the Great Patriotic War. *The history of the party organizations of Kuzbass*, ed. Saveliev V. E. Novokuznetsk, 1963, iss. 2, 46–80. (In Russ.)]
- Семенова Е. Н. Образование органов государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири). *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2015. № 2. С. 31–37. [Semenova E. N. Formation of the organs of the state support and everyday guaranteeing of the families of servicemen during the Great Patriotic War (on basis of the West Siberian materials). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (2): 31–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkhysv>
- Сонин М. Я. Подготовка и использование рабочей силы. Куйбышев: Госпланиздат, 1942. 40 с. [Sonin M. Ya. *Preparation and use of labor force*. Kuibyshev: Gosplanizdat, 1942, 40. (In Russ.)]
- Сосновская Р. П. Героический труд во имя победы (КПСС – организатор трудового подвига рабочего класса в период коренного перелома в Великой Отечественной войне). Л.: ЛГУ, 1973. 168 с. [Sosnovskaya R. P. *Heroic labor in the name of victory: Communist Party as the organizer of the labor feat of the working class during the radical turning point in the Great Patriotic War*. Leningrad: LSU, 1973, 168. (In Russ.)]

- Терехова Л. А. Угольная промышленность Советского Союза в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1962. 14 с. [Terekhova L. A. *Coal industry of the Soviet Union during the Great Patriotic War (1941–1945)*. Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1962, 14. (In Russ.)]
- Уфимцев А. Д., Гаврилов С. С. Развитие Кузбасса. *Повышение качества образования, современные инновации в науке и производстве*: Междунар. науч.-практ. конф. (Экибастуз, 14 мая 2021 г.) Экибастуз: Филиал КузГТУ в г. Прокопьевске, 2021. Ч. 1. С. 625–628. [Ufimtsev A. D., Gavrilov S. S. *Development of Kuzbass. Improving the quality of education and modern innovations in science and production*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ekibastuz, 14 May 2021. Ekibastuz: Prokopyevsk branch of KuzSTU, 2021, pt. 1, 625–628. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrhhyh>
- Халиулина А. А. К вопросу об изменении численности и состава шахтеров Кузбасса в первый период Великой Отечественной войны. *Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917–1965)*: науч. конф. Кемерово: Кн. изд-во, 1964. Вып. 1. С. 86–100. [Khaliulina A. A. On the issue of changes in the number and composition of Kuzbass miners during the first period of the Great Patriotic War. *From the history of the working class in Kuzbass (1917–1965)*: Proc. Sci. Conf. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1964, iss. 1, 86–100. (In Russ.)]
- Шуранов Н. П. Коммунистическая партия – организатор развития угольной промышленности восточных регионов страны в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1978. 525 с. [Shuranov N. P. *The Communist Party as the organizer of the development of the coal industry in the eastern regions of the country during the Great Patriotic War, 1941–1945*. Dr. Hist. Sci. Diss. Novosibirsk, 1978, 525. (In Russ.)]
- Шуранов Н. П. КПСС – организатор обеспечения угольной промышленности Кузбасса рабочими кадрами в 1941–1942 гг. *Из истории рабочего класса Сибири*: науч. конф. (Кемерово, март 1965 г.) Кемерово, 1965. С. 132–160. [Shuranov N. P. The communist party as the organizer of providing the Kuzbass coal industry with workers in 1941–1942. *From the history of the working class of Siberia*: Proc. Sci. Conf., Kemerovo, 1965 Mar. Kemerovo, 1965, 132–160. (In Russ.)]
- Шуранов Н. П. Кузбасс – фронту. Кемерово: Притомское, 1995. 117 с. [Shuranov N. P. *Kuzbass Front*. Kemerovo: Pritomskoe, 1995, 117. (In Russ.)]
- Шуранов Н. П. Кузбасс в годы Великой Отечественной войны. Кемерово: Кем. обл. ин-т усовершенствования учителей, 2000. 219 с. [Shuranov N. P. *Kuzbass during the Great Patriotic War*. Kemerovo: Kemerovo Regional Institute for Teacher Training, 2000, 219. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rnesph>
- Шуранов Н. П. На угольном фронте. Коммунистическая партия – организатор развития угольной промышленности в восточных районах страны в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Кемерово: Кн. изд-во, 1975. 275 с. [Shuranov N. P. *On the coal front. The Communist Party as the organizer of the development of the coal industry in the eastern regions of the country during the Great Patriotic War (1941–1945)*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1975, 275. (In Russ.)]
- Шуранов Н. П. Партийные организации Кузбасса в борьбе за уголь в период Великой Отечественной войны. Кемерово: Б. и., 1970. 75 с. [Shuranov N. P. *Party organizations of Kuzbass in the fight for coal during the Great Patriotic War*. Kemerovo, 1970, 75. (In Russ.)]
- Яворский Р. Л. К вопросу о руководстве партийных организаций Кузбасса. *Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока*: науч. конф. Томск, 1961. С. 338–339. [Yavorskiy R. L. The leadership of the party organizations of Kuzbass. *Reports and communications of the scientific conference on the history of Siberia and the Far East*: Proc. Sci. Conf. Tomsk, 1961, 338–339. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/dmohaz>

Советское коллекционирование в 1920-е – середине 1930-х гг.: проекты и реализация (на примере филателии)

Иванов Андрей Сергеевич

Пермский государственный институт культуры, Пермь, Россия

eLibrary Author SPIN: 6456-8427

<https://orcid.org/0009-0008-3208-5973>andreyivanov1997@bk.ru

Аннотация: Рассмотрен феномен советского коллекционирования, институционализированного в 1922 г. на основе интеллектуально-досуговых практик. Созданные в РСФСР институты провозглашали очищение коллекционирования от привязки к материальным практикам и смыслам, отождествляющим собирательство со стяжательством и буржуазными веяниями. Проект советского коллекционирования преследовал прагматическую цель, становясь одним из источников пополнения государственного бюджета. Впоследствии этот проект подвергся переосмыслению. Под воздействием коммунистического (утопического) идеализма концепт советского коллекционирования наполняется особыми ценностями и смыслами, превращаясь в инструмент социализации. Однако в практиках как на государственном, так и на низовом уровне отчетливо прослеживается экономическая составляющая, рассматривающая советское коллекционирование, с одной стороны, как источник пополнения бюджета, а с другой – как инвестиционный инструмент. Эволюция института коллекционирования в СССР происходит главным образом в 1920-е – середине 1930-х гг., что позволяет реконструировать этот процесс. Цель – реконструировать экономические смыслы и практики в рамках института советского коллекционирования, идеологически стремящегося избавиться от восприятия коллекции как материальной ценности. Хронологические рамки исследования обусловлены официальной датой учреждения Всероссийского общества филателистов в 1922 г. и его упразднением в 1934 г. С методологической точки зрения в статье обоснованно использован подход, сформулированный К. Маннгеймом в работе «Идеология и утопия». В качестве источников использованы материалы периодической печати и архивные материалы фондов Р5235, Р3316, Р9527, Р4966, Р1235 Государственного архива Российской Федерации. В детских повестях, посвященных филателии, автор обнаруживает определенные экономические маркеры, противоречащие официальным идеологическим установкам. Журнал «Советский коллекционер», печатавшийся в 1922–1932 гг., отражает ценностные установки Всероссийского общества филателистов. Прежде всего, журнал выпускался для широкого круга читателей с целью идеологического воздействия, что находит отражение в филателистических материалах и институциональном языке. Сделан вывод, что уничижительные в советском государстве смыслы и практики буржуазного коллекционирования имплицитно пронизывают советское собирательство, начиная с первых этапов институционализации советского массового коллекционирования, экстраполируя уже сложившиеся практики и нарративы на последующие этапы своего существования.

Ключевые слова: советское коллекционирование, филателия, Всероссийское общество филателистов, Советская филателистическая ассоциация

Цитирование: Иванов А. С. Советское коллекционирование в 1920-е – середине 1930-х гг.: проекты и реализация (на примере филателии). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 420–432. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-420-432>

Поступила в редакцию 24.10.2024. Принята после рецензирования 26.02.2025. Принята в печать 03.03.2025.

full article

Philately as a Popular Collecting Practice in Soviet Russia in 1922–1934

Andrey S. Ivanov

Perm State Institute of Culture, Russia, Perm

eLibrary Author SPIN: 6456-8427

<https://orcid.org/0009-0008-3208-5973>andreyivanov1997@bk.ru

Abstract: In Soviet Russia, collecting was institutionalized as an intellectual and leisure hobby in 1922. It was free of the material practices and meanings that linked it with the bourgeoisie and pursued a purely pragmatic goal of state budget replenishment. The utopian idealism filled this hobby with special values and meanings, turning it into an instrument of socialization. In fact, it had an obvious economic component as a source of state budget replenishment and an investment tool. The evolution of the institute of Soviet popular collecting started in the 1920s and continued through the mid-1930s, from the establishment of the All-Russian Philatelic Society in 1922 to its abolition in 1934. The article introduces a reconstruction of the economic meanings and practices behind the Soviet philately as it sought to get rid of all material value connotations. The author applied the approach formulated by K. Mannheim in his *Ideology and Utopia* to periodicals and archival materials from the State Archives of the Russian Federation. Even children's stories about philately revealed certain economic markers that contradicted the official ideological guidelines popularized by the Soviet Collector magazine (1922–1932). The institutional language of the magazine reflected its status as an ideological agent. The derogatory meanings and practices of bourgeois philately implicitly permeated Soviet collecting, starting from its institutionalization and extrapolating these practices and narratives into the future.

Keywords: Soviet collecting, philately, All-Russian Society of Philatelists, Soviet Philatelic Association

Citation: Ivanov A. S. Philately as a Popular Collecting Practice in Soviet Russia in 1922–1934. *SibScript*, 2025, 27(3): 420–432. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-420-432>

Received 24 Oct 2024. Accepted after peer review 26 Feb 2025. Accepted for publication 3 Mar 2025.

Введение

По сюжету повести Н. Внукова «Розовая Гвиана» (1976) в руки советскому школьнику Орьке попадает принесенная ветром, самая дорогая марка в мире – Розовая Гвиана 1840 г. выпуска. Орька стремится определить подлинность марки и узнает, что она стоит около миллиона долларов. Школьники хотят продать марку и потратить вырученные деньги:

Мы спотыкались о камни мостовой, налетали друг на друга, оступались в выбоины и мечтали.

– Две легковых машины, – говорил Орька. – Самых лучших. Две «чайки». Для всего класса. Одну для мальчишек, другую для девочек»¹.

В советской литературе, посвященной коллекционированию, читатели могут увидеть, как предмет коллекционирования с легкостью конвертируется в деньги. В 1920-е гг. на территории СССР подобные мечты не могли оказаться ни в публичном,

ни в художественном дискурсе, т.к. советская филателия была обнесена колючей идеологической проволокой, за которой находились люди. Несмотря на культурно-идеологическую ширму советской филателии, государственные органы прекрасно осознавали фискальный потенциал коллекционирования [Богданов 2020: 19–21].

Количество исследований, посвященных советскому коллекционированию, растет каждым годом. Так, Дж. Грант находит в нем государственный конструкт, имеющий своей целью распространение социалистических идей на общество и механизмы идеологического контроля со стороны советского государства [Grant 1995]. Такой взгляд представляется односторонним, поскольку в инициированных государством процессах он упускает второе звено цепи – людей, для которых, как утверждает О. В. Игнатьева,

¹ Внуков Н. А. Розовая Гвиана. М.: Детская литература, 1976.

коллекционирование являлось формой индивидуального выбора и досуга [Игнатьева 2019: 88]. К. А. Богданов акцентировал внимание на социально-психологическом и культурно-антропологическом интересе индивида к маркам в советском обществе. Он приходит к выводу, что филателия в СССР становится формой допустимой свободы на границе интересов индивида и государства. М. С. Богданов утверждает, что «В условиях почти закрытого рынка художественных ценностей, запрета частной инициативы и государственной борьбой за утверждение социалистического быта и образа жизни частное коллекционирование в СССР приобретало специфические особенности» [Богданов 2020: 59], в числе которых автор подчеркивает государственный заказ на формирование коллекционера социалистического типа [Богданов 2023]. В последние годы опубликовано несколько работ А. В. Якуба и Н. В. Якуб, посвященных различным аспектам филателии в СССР [Якуб А. В. 2020а; 2020b; Якуб Н. В. 2021; Якуб, Якуб 2020а]. В одной из их работ на примере тематических журналов показан процесс монополизации партийно-государственными органами филателии в СССР [Якуб, Якуб 2020b]. С. А. Разумов подчеркивает распространение угодных форм коллекционирования по каналам, подконтрольным государству: «Публикации журнала "Советский коллекционер" демонстрировали познавательный потенциал бон как ценного и многообразного исторического источника, создавали репрезентативную информационную основу для развития бонистических исследований как неотъемлемой и познавательной составляющей области знания о прошлом» [Разумов 2022: 49]. Е. В. Сальников и И. Н. Сальникова, ссылаясь на крайне ограниченное число существующих работ и источников, делают вывод о демократизации, доступности и солидарности советского коллекционирования [Сальников, Сальникова 2023: 144]. Несколько работ написано автором настоящей статьи. В частности, ранее был рассмотрен генезис советского массового коллекционирования [Иванов 2024] и организация Филателистического интернационала [Иванов 2023]. Тем не менее ни в одной из вышеприведенных работ советское коллекционирование не рассматривается с точки зрения экономических смыслов, практик и результатов.

Цель – реконструировать экономические смыслы и практики в рамках института советского коллекционирования, идеологически стремящегося

избавиться от восприятия коллекции как материальной ценности. Поставлена задача анализа как большого проекта советской филателии, так и его реализации с нижней перспективы.

Методы и материалы

Базу источников, использовавшихся для написания статьи, можно условно разделить на два блока:

1. Публицистика. Журнал «Советский коллекционер», издававшийся в 1922–1932 гг. Всероссийским обществом филателистов (ВОФ) и Советской филателистической ассоциацией (СФА), содержит ценные сведения раннего периода советского коллекционирования и отражает структуру, цели, задачи и ценностные установки ВОФ.

2. Архивные источники. В Государственном архиве Пермского края и Государственном архиве РФ (ГА РФ) собраны документы центральных органов и региональных организаций, где отражены проблемы советского коллекционирования. В ГА РФ рассмотрено несколько фондов: Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (А406), Центрального исполнительного комитета СССР (Р3316), Всероссийского центрального исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Р1235), Государственного комитета РСФСР по статистике (А374).

С методологической точки зрения в статье основанно использован подход, сформулированный К. Маннгеймом в эссе «Идеология и утопия». Исследуя формы мышления в рамках социологии знания, К. Маннгейм утверждает, что «Люди, живущие в группах, сосуществуют не просто физически, в качестве дискретных индивидов. Они воспринимают предметы окружающего мира не на абстрактном уровне созерцательного разума и не только в качестве отдельных индивидов. Напротив, они действуют совместно – друг с другом и друг против друга – в различных по своей организации группах и, совершая эти действия, мыслят друг с другом и друг против друга. Эти связанные в группы индивиды стремятся в соответствии с характером и положением группы, к которой они принадлежат, либо изменить окружающий их мир природы и общества, либо сохранить его в существующем виде» [Маннгейм 1994: 9]. В контексте института советского коллекционирования такие группы представлены государственными деятелями, конструирующими массовое советское коллекционирование как обновленную модель собирательских смыслов и практик,

освобожденную от материальной составляющей. Другая группа представлена коллекционерами – носителями практик, формирующихся и развивающихся в соответствии с собственными установками, интересами и целями.

Утопический способ мышления, как и идеологический, по мнению К. Маннгейма, создает иллюзию идеального миропорядка, скрывающую действительное состояние общества как от себя, так и от других. Институт советского массового коллекционирования в данном контексте выступает утопической ширмой, за которой происходят процессы, несоответствующие официальным ценностным установкам.

Методологическая логика исследования выстроена в два этапа 1) анализируется филателистический проект Ф. Г. Чучина, стремившегося реализовать через сообщества коллекционеров почтовых марок государственные задачи; 2) рассматривается восприятие и реализация идей, сформулированных Ф. Г. Чучиным и М. Я. Сюзюмовым на низовом уровне, т.е. в среде самих сообществ коллекционеров. Основным методом работы является историко-генетический, в рамках которого предполагается восстановление исторической реальности с опорой на аутентичные источники.

Результаты

Феномен советского коллекционирования

Феномен советского коллекционирования имеет собственную историю: нелинейную, пронизанную дискуссиями и даже подпольную в определенный период времени. И все же исследователи согласны относительно начала советизации коллекционирования. С сентября 1922 г. было учреждено Всероссийское общество филателистов и издание централизованного ежемесячного журнала для коллекционеров – «Советский филателист». Уже в первом номере журнала были сформулированы задачи советской филателии, которые заключались в ее очищении от спекулятивных и аморальных,

согласно новой идеологической модели, аспектов. Уполномоченный ЦК Помгола при ВЦИК по филателии и бонам и по совместительству главный редактор журнала Ф. Г. Чучин² обозначил идеальную цель – «пропаганда идей Великой революции и приобщение РСФСР к наиболее передовым буржуазным странам»³. В действительности проект Ф. Г. Чучина не предлагал инструментарий достижения нравственной цели, а лишь декларировал сбор марок, обращавшихся в частных руках для их дальнейшей продажи и получения валюты для помощи голодающим. Цель частично оправдалась: предполагалось выручить с продажи собранных марок 10 млн руб. золотом, но удалось собрать лишь 250 тыс. червонных руб. [Стальбаум 1970: 20]. Достигнутых успехов государству было достаточно, чтобы Ф. Г. Чучин продолжил работу.

В сентябре 1923 г. рабоче-крестьянская инспекция сочла работу организации уполномоченного при ВЦИК по филателии и бонам неудовлетворительной по множеству показателей: незавершенность работы с фондами марок, низкая реализацию филателистических материалов на внутреннем и внешнем рынках: *«Реализация фонда протекает чрезвычайно медленно. Согласно декрета 21/IX-22г. Организации Уполномоченного представлено монопольное право торговли марками и бонами. С 1-го января т.года оборот торговли выразился:*

Продано за границе на руб. 161.28р. 51к.

Отпущено на Комиссию в СССР руб. 245.770р. 25к. Всего руб. 407.198р. 76к.

Поступления от реализации за тоже время выразились в 63.388р. 82к. Ожидается к концу текущего года: от заграничных дебиторов: 113.627р. 37к., от новых продаж за границу – 150.000р., от продажи от СССР – 10.000 р. Всего 273.627р. 37к.

Таким образом, Организации удалось реализовать только 0,001 % фонда. Сбор новых марок идет гораздо быстрее реализации /за тек. Год реализовано – 3.665.000 марок, собрано – 836.713.923/»⁴.

² Федор Григорьевич Чучин (род. 1883) – председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности. Согласно О. В. Игнатьевой и З. М. Немчиковой, в 1921 г. Ф. Г. Чучин обращался в различные инстанции с предложением о добровольном пожертвовании марок населением в пользу государства и их дальнейшей продаже за рубежом и об обращении доходов от государственной филателистической торговли на усиление борьбы по ликвидации неграмотности. В итоге документ Ф. Г. Чучина был получен В. И. Лениным через прямого начальника Ф. Г. Чучина – Н. К. Крупскую. В. И. Ленин рекомендовал провести Проект Ф. Г. Чучина декретом, распространив на боны, и приурочить к помощи голодающим (Помгол) [Игнатьева 2019; Немчикова 1974; 1975].

³ Чучин Ф. Г. Наши задачи. *Советская филателия*. 1922. № 1. С. 3.

⁴ Выписка из протоколов НК РК РСФСР и тезисный доклад инспектора о результатах обследования организации Уполномоченного ВЦИКа по филателии и бонам. *Государственный архив Российской Федерации* (ГА РФ). Ф. А406. Оп. 1. № 441. Л. 1–3. Во всех цитатах из архивных документов сохранены орфография и пунктуация.

Ни в одном из недочетов, выделенных рабоче-крестьянской инспекцией, нет ни слова о «пропаганде идей Великой революции и приобщении РСФСР к наиболее передовым буржуазным странам», заявлявшейся в журнале «Советский филателист». Более того, если принять во внимание количество членов ВОФ и количество марок в фонде, то достижимая цифра получается в случае, когда один коллекционер сдает примерно 3195212 марок, что не представляется возможным. Отсюда следует вывод, что коллекционеры – члены ВОФ и руководство ВОФ, в частности Ф. Г. Чучин, преследовали разные цели.

Основным фактором, озадачившим инспекцию, является слабая реализация марок по сравнению с темпами их сбора. Третий отмеченный аспект – превращение организации в «аппарат постоянной торговли филателистическими и бонными материалами по СССР», что означает отсутствие пополнения бюджета в иностранной валюте, но приток денежных средств в рублях. Несмотря на выявленные недочеты, инспекция постановила:

«1. Просить Президиум ВЦИК поставить на обсуждение вопрос о реорганизации Управления Уполномоченного ВЦИК по бонам и филателии [далее неразборчиво].

2. В основу реорганизации Управления должно быть положено:

- а) перевод Управления из ведения КССК в ведение Заграничной Комиссии при Президиуме ЦИК СССР;*
- б) установление постоянной связи Управления с Наркомпросом и Деткомиссией;*
- в) сокращение штатов;*
- г) проведение учета марочного фонда;*
- д) ускорение реализации фонда;*
- е) усиление контрольного наблюдения со стороны руководящего органа над коммерческой деятельностью Управления»⁵.*

В конце 1924 г. Ф. Г. Чучин инициирует I съезд ВОФ для презентации деятельности организации и обсуждения идеологической составляющей

советского коллекционирования⁶. Однако связать советскую идеологию и коллекционирование не удалось. На помощь партийному деятелю пришел историк-византист, в 1924 г. провинциальный учитель М. Я. Сюзюмов, организовавший кружок филателистов на базе школы в Златоусте⁷.

В отличие от Ф. Г. Чучина, перед М. Я. Сюзюмовым не стояло партийной задачи относительно филателии, но он искал доступные способы самореализации в условиях переустройства государства и социума. Подобные тактики были широко распространены в 1920–1930-е гг. среди интеллигенции, ищущей свое место в советском обществе [Дмитриев 2002].

М. Я. Сюзюмов сформулировал идеи тематического коллекционирования. В процессе педагогической работы он рассмотрел в филателии наглядно-иллюстративный инструмент преподавания истории. Суть его проекта заключалась в том, чтобы советские филателисты собирали марочные альбомы по историческим темам, что будет способствовать развитию эрудиции, аккуратности, педантичности и патриотизма [Сашанов 2015]. Филателистическая коллекция представлялась М. Я. Сюзюмову не как предмет инвестирования и обожания, а как историческое собрание, в котором визуализированы ключевые события отечественной и мировой истории [Стальбаум 1964: 146].

К 1925 г. концепт советского массового коллекционирования под влиянием утопического идеализма М. Я. Сюзюмова и Ф. Г. Чучина стал инструментом усвоения коллекционерами новых общественных норм, заявленных Ф. Г. Чучиным и сформулированных М. Я. Сюзюмовым. Институт советского коллекционирования обрел идеологический фундамент и организовал вокруг себя советских коллекционеров, самым приоритетным было детское сообщество⁸. Также очевидно формирование профессионального сообщества взрослых коллекционеров, чьи коллекции утрачивают смысл в связи с переориентацией концептуализации собирательства.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ В 1920–1930-е гг. прошло три Всесоюзных съезда коллекционеров. На I съезде (1924 г.) Всероссийское общество филателистов было переименовано во Всероссийское общество коллекционеров (ВОК), что подразумевало распространение влияния организации на другие формы коллекционирования. Однако в документообороте и публицистике аббревиатура ВОК не прижилась и в дальнейшем использовалась ВОФ. На II съезде (1925 г.) была принята концепция тематического коллекционирования, выдвинутая М. Я. Сюзюмовым. Результатом III съезда (1927 г.) стала отставка Ф. Г. Чучина и выбор нового правления организации.

⁷ М. Я. Сюзюмов в 1920-е гг. – молодой историк-византист, потерявший профессорскую стипендию Юрьевского университета, побывавший в ВКП(б), но не явившийся на перерегистрацию; боец Красной Армии, по причине заболевания тифом в 1920 г. вынужденно осевший в Златоусте. В Златоусте он не имел возможности заниматься изучением истории Византии, что сподвигло его заняться филателией в рамках работы в школе.

⁸ Соркин Ю. «...По делу коллекционирования почтовых марок». *Филателия*. 1992. № 4. С. 10–11.

От успехов к ликвидации

Ф. Г. Чучин использовал идеологические и экономические успехи Организации уполномоченного по филателии и бонам в своих личных целях. В июне 1926 г. он отправил запрос на заграничную командировку в США с возвратом через Веймарскую республику. Приведем запрос без сокращений: «В октябре текущего года в Нью-Йорке/САСШ/ состоится международная филателистическая выставка, которая продолжится около двух недель и будет иметь судя по двухгодичной подготовке к ней, громадное политическое и хозяйственное значение для филателии.

В числе стран и организаций, приглашенных на данную выставку, является организация уполномоченного по филателии и бонам в СССР, ныне преобразуемая в подсобное предприятие при Вашей Комиссии.

Принимая во внимание, что при обследовании нашей организации НКРКИ, постановлениями наших бывших хозяев – ЦК Последгол и Особой Секции, – а также согласно выраженного неоднократного пожелания со стороны ВЦИК Уполномоченному по филателии всегда рекомендовалось все больше и больше усиливать темп производимой нами реализации филателистических и бонных запасов на внешнем рынке в целях получения за них твердой иностранной валюты и в настоящее время усиление притока средств на борьбу с детской беспризорностью через фонд им. В. И. Ленина, – мы считаем своим долгом довести до Вашего сведения о громадном значении в смысле завоевания и закрепления за нами наиболее интересного американского филателистического рынка предстоящей выставки и о необходимости нашего непосредственного в ней участия не только экспонатами, но и лично.

С другой стороны, имея в виду директиву ЦК ВКП/б/ о проведении всем хозяйственным органам строгого режима экономии и учитывая необходимость известных расходов в связи с нашим участием и присутствием на месте во время выставки для дачи необходимых указаний и разъяснений по выставленным нами экспонатам/коллекция 60 томов/ и прочтения ряда докладов по специальным вопросам советской филателии, интересующим американских собирателей марок в лице их объединений, демонстрации образцов наших товаров перед покупателями и установления непосредственных деловых связей с нами коммерческого характера, мы с своей стороны приняли все необходимые меры и шаги к тому, чтобы поездка в Америку в начале сентября текущего года

нашего ответственного и опытного представителя оправдала сама по себе неизбежно связанные с ней и нашим участием на выставке денежные расходы а кроме того положила бы основу и явилась началом систематических регулярных непосредственных коммерческих отношений наших с объединениями американских коллекционеров и торговцев, каковых до сего времени, несмотря на все наши старания нам наладить не удалось.

С этой целью нами подготовлена для выставки в качестве экспоната специальная сборная огромная коллекция за все время существования нашей страны и всех ее правительств всех марочных эмиссий и отдельных выпусков марок: коллективно составлены советскими коллекционерами и приобретены нами научные труды по изучению и классификации всего это филателистического материала, каковые сданы в печать и выйдут в свет ко времени отъезда нашего представителя на выставку в виде отдельных пяти выпусков каталогов русских, советских и других периода гражданской войны и революции почтовых марок.

Эта коллекция после демонстрации ее на выставке будет нами продана с разрешения всех владельцев, вошедших в состав ее, почтовых марок; вырученная от продажи сумма за удержанием 25 % комиссионных в пользу нашей организации будет соответственно стоимости и количества вложенных каждым владельцем отдельных почтовых марок, разделена между последними, а нами полученная комиссия в 25 %, по нашим расчетам, должна будет полностью оправдать поездку нашего представителя в Америку. В крайнем же случае в его распоряжение будет выслана нашей организацией заблаговременно подходящий для реализации на выставке филателистический товар, который будет там им реализован, при чем полученная от этой операции нами сверхприбыль может также покрыть расходы нашего представителя по поездке на выставку и обратно, если выставочная коллекция нами почему либо не может быть сразу реализована.

В виду изложенного, просим срочно Вашего ходатайства и разрешения перед соответствующими органами заблаговременно на поездку нашего ответственного представителя в лице уполномоченного тов. Ф. Г. Чучина в начале сентября с.г. до ноября на выставку в Америку, при чем к Вашему сведению сообщаем, что американская публика и правительство САСШ к этой поездке, по имеющимся у нас

сведениям, относятся доброжелательно и с этой стороны никаких препятствий встретится не может»⁹.

Ф. Г. Чучин настаивает на необходимости извлечения прибыли государством в твердой иностранной валюте. Вдобавок он подчеркивает пропагандистские возможности филателии во внешней политике Советского государства и обещает покрыть полную стоимость командировочных расходов несколькими путями: реализовать основной товар и при нереализации основной коллекции прислать дополнительную коллекцию для реализации. Безусловно, в этом письме прослеживается личная заинтересованность Ф. Г. Чучина в поездке, т. к. его нахождение в Америке функционально объяснить не удастся в силу того, что филателистом он не был и отношение к филателии имел только как чиновник.

Так или иначе поездка Ф. Г. Чучина в США, если и не увенчалась успехом, то была презентована как успешная (рис. 1¹⁰), о чем он сообщил в первом номере журнала «Советский коллекционер» за 1927 г.: «Наш двойной киоск все время осаждала пестрая толпа людей, озадаченная непривычным для страны деловых янки красным цветом стен киоска и изображенными на советских марках необычными в С.А.С.Ш. эмблемами человеческого труда... Между тем тучи взрослых и ребятишек нетерпеливо рвали коллекцию и классеры образцов наших советских марок, настоятельно требуя для себя готовых наборов рядовых марок в пакетах»¹¹.

Итогом поездки Ф. Г. Чучина стала очередная административная централизация советского коллекционирования в конце 1926 г.: Организация уполномоченного по филателии и бонам была преобразована в Советскую филателистическую ассоциацию под руководством Ф. Г. Чучина. Она стала полноценным контролирующим коллекционеров органом. Вместе с этим произошло расширение полномочий, в которые вошли право произведения международного обмена, контроль за организациями и частными лицами, а также формирование

фонда аннулированных и подлежащих уничтожению материалов. Основной целью организации продолжало оставаться пополнение фонда им. В. И. Ленина для помощи голодающим¹².

Один из членов Правления ВОФ, Б. И. Розов, прокомментировал юридическое преобразование следующим образом: «Прежде всего, с опубликованием указанных постановлений советская филателия впервые за 5 лет получает свое юридическое оформление, свое юридическое лицо. До этого организация Уполномоченного по филателии, представлявшая советскую филателию, юридического лица не имела. Она существовала в качестве междуведомственного наложения, посеянного и выращенного инициативой и энергией отдельных товарищей с "благословения" Ильича, при скептическом и насмешливом отношении многих товарищей и некоторых ведомств, а подчас и при противодействии последних... Отныне Советская Филателистическая Ассоциация будет служить живым памятником великому вождю всемирного пролетариата и вместе с тем приложит все силы к пополнению фонда его имени помощи беспризорным»¹³.

Однако Ф. Г. Чучину указали на недостаточный сбор средств в фонд им. В. И. Ленина при ВЦИК для борьбы с беспризорностью¹⁴. Вопрос был урегулирован в течение недели, о чем Ф. Г. Чучин отчитался А. С. Енукидзе¹⁵: «Из указанной суммы долга НКФ Союза ССР от 1 января 1927г. внесет нам помимо уже внесенных 800000 руб. еще 2200000 руб., остальные 1800000 руб. будут внесены равномерными суммами по кварталам 1926–1927 г. Таким образом, следует признать, что в настоящее время вопрос о фонде Союза ССР им. В. И. Ленина урегулирован не только в отношении к настоящему времени, но и по всем недоразумениям, имевшим место, начиная с 1924 г.»¹⁶.

Доходы, полученные от советского массового коллекционирования, как мы можем увидеть, исчислялись миллионами рублей в пореформенный

⁹ Ходатайство Уполномоченного по филателии и бонам в СССР «О разрешении ему поездки в Америку на международную филателистическую выставку». ГА РФ. Ф. Р3316. Оп. 64. № 248. Л. 3–6.

¹⁰ Чучин Ф. Г. Международная филателистическая выставка в Нью-Йорке. *Советский коллекционер*. 1927. № 1. С. 1–2.

¹¹ Там же.

¹² Постановление ВЦИК об образовании Советской филателистической ассоциации. *Советский коллекционер*. 1926. № 11. С. 1–2.

¹³ Розов Б. И. Советская Филателистическая Ассоциация. *Советский коллекционер*. 1926. № 12. С. 1.

¹⁴ Письмо А. С. Енукидзе от 06.11.1926. ГА РФ. Ф. 3316. Д. 261. Оп. 64. № 248. Л. 2.

¹⁵ Авель Сафронович Енукидзе (1877–1937) – секретарь ЦИК СССР в 1922–1935 гг. Более подробно см. [Кошель 1996].

¹⁶ Ходатайство Уполномоченного по филателии и бонам в СССР... Л. 1–2.

Рис. 1. Представители Советской филателистической ассоциации и Всероссийского общества филателистов на международной филателистической выставке. Нью-Йорк, 1926 г. (Ф. Г. Чучин – крайний справа)
Fig. 1. Representatives of the Soviet Philatelic Association and the All-Russian Society of Philatelists at the International Philatelic Exhibition, New York, 1926 (F. G. Chuchin is on the far right)

период¹⁷. До 1930 г. обнаружены единичные статистические документы денежного оборота, которым располагали коллекционерские организации СССР (табл.¹⁸). Оборот ВОФ и СФА за 1925–1926 гг. равнялся 254974 руб. 51 коп., за 1926–1927 гг. – 514462 руб. 55 коп. Определить иные источники дохода коллекционерских организаций Советского Союза по архивным источникам не удалось. Мы можем предположить, что в отчетных документах не учтены членские взносы коллекционеров, реализация предметов массового коллекционирования за границу, кредиты и государственные дотации. Указание полученного дохода от проданного товара в золотом эквиваленте может служить еще одним объяснением корреляции с итоговыми цифрами.

В действительности же учреждение СФА и ВОФ являлось юридическим разветвлением полномочий: СФА осуществлял торговлю предметами массового коллекционирования и учреждал торговые точки внутри страны¹⁹, а ВОФ учреждал региональные секции коллекционеров, снабжал их предметами массового коллекционирования и осуществлял общее руководство Филателистическим интернационалом²⁰. Заметим, что оба органа возглавлял Ф. Г. Чучин.

Как следствие, в январе 1927 г. произошел показательный конфликт между правлениями СФА и ВОК с одной стороны и региональными сообществами коллекционеров с другой стороны. Коллекционеров не устраивал недостаточный уровень удовлетворения снабжения собирателей, свидетельствующий о том, что в стране формировалось профессиональное сообщество, заикнутое на предметах коллекции, а не на воспитательных аспектах филателии. Результатом конфликта стало сложение Ф. Г. Чуциным полномочий председателя ВОФ и СФА.

В апреле 1929 г. на особом совещании при СФА был выдвинут проект, согласно которому независимому состоянию двух органов должен быть положен конец. Предложение было поддержано ВЦИКом. Разграничение функционала оставалось тем же: СФА заведовал торговлей, ВОФ осуществлял контроль за взрослыми и юными коллекционерами. Единственным изменением стала новая вертикаль: СФА осуществляет контроль за деятельностью ВОФ, а последний предоставляет ежегодный отчет СФА²¹. Несмотря на эту поправку, организации продолжали находиться в состоянии конфликта, что привело к обследованию ВОФ Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД): «На почве сопротивления

¹⁷ Речь идет о денежной реформе 1922–1924 гг. под руководством Г. Я. Сокольникова. Более подробно см. [Глейзер 2007; Головин 2008].

¹⁸ Сравнительная таблица оборотов ВОФ и СФА за 1925–1926 и 1926–1927 гг. *ГА РФ*. Ф. 374. Оп. 12. Д. 1144. Л. 2.

¹⁹ В Секретариат ВЦИК от 13.03.1931. *ГА РФ*. Ф. 6949. Оп. 1. Д. 60. Л. 16.

²⁰ Дело по обследованию деятельности Всероссийского общества филателистов. *ГА РФ*. Ф. А406. Оп. 13. Д. 945. Л. 1.

²¹ Заключение Наркомпроса на проект положения об особом совещании при СФА. *ГА РФ*. Ф. А2306. Оп. 69. Д. 2028. Л. 1–8.

Табл. Сравнительная таблица оборотов Всероссийского общества филателистов и Советской филателистической ассоциации за 1925–1926 и 1926–1927 гг.

Tab. Financial turnover of Soviet Philatelic Association vs. All-Russian Society of Philatelists, 1925–1926 and 1926–1927

Наименование	1925–1926	1926–1927
Марки иностранные и русские	60633 руб. 69 коп.	59950 руб.
Марки курсирующие	46518 руб. 09 коп.	57900 руб.
Марки аннулированные	60341 руб. 83 коп.	67150 руб.
Боны	34488 руб. 84 коп.	10400 руб.
Принадлежности	12070 руб. 70 коп.	10000 руб.
Нумизматика	–	86082 руб. 95 коп.
Канцтовары, игральные карты и открытки	17535 руб. 17 коп.	207000 руб.
Издания	6982 руб. 45 коп.	7200 руб.
Гербовые марки	13023 руб. 70 коп.	6339 руб. 60 коп.
Спецсбор по обмену марок	3380 руб. 06 коп.	2440 руб.
Итого	1564930 руб. 83 коп.	6847182 руб. 95 коп.

руководству со стороны СФА, на почве борьбы СФА с нездоровыми торгашескими элементами в Обществе и нарушением его членами внешней монополии СФА взаимоотношения между этими организациями были все время ненормальные, нездоровые»²².

Причины проверки: «отмечено отсутствие работы по продвижению идей филателии в рабочую среду, слабая работа по юношеской секции, отсутствие увязки в работе с СФА, крайне нездоровые отношения с последней в течение долгого времени и торгашество. Перед НКВД встал вопрос о возможности дальнейшего существования Об-ва, так как использование его деятельности в интересах социалистического строительства являлось весьма неопределенным. Были запрошены о ВОФ Главсоцвос, Центр.бюро краеведения, Главнаука и СФА – все дали отрицательную характеристику, а Главсоцвос указал, что развертывание работы ВОФ среди школьников считает вредной»²³.

На примере Пермского общества филателистов видна бесконтрольность региональных организаций: «Канцелярское делопроизводство велось в должном порядке лишь до 8.03.1926, а после

ухода секретаря Отдела т. Завьялова (заявление которого об уходе от 24.10.1926 кстати не рассмотрено ни на одном заседании) все дела пришли в полный упадок. Реестры входящих и исходящих бумаг, отметки об исполнении последних, статистика обмена членов в Отделе, их посещаемость Отдела и т.д. все это не велось с уходом т. Завьялова. Последний протокол заседания Президиума за № 12 от 19.09.1926 г. Общее состояние делопроизводства совершенно не удовлетворительное»²⁴.

Еще одним важным вопросом было отмечено использование ВОФ в качестве торговой площадки для обогащения коллекционеров: «Правление ВОФ организует в своем помещении аукционы, на которых, по отзывам товарищей, посетивших их (в том числе от РКИ) господствовали торгашество, спекуляция и ажиотаж. Здесь держатели крупных коллекций сбывали отдельные экземпляры своих коллекций по спекулятивным ценам. Правление продавало все с накидкой 25 % в пользу Общества. Таким образом коллекционеры имели добавочный торговый прирботок»²⁵.

На основании обследования НКВД 13 октября 1930 г. вынесло решение о ликвидации ВОФ, которое

²² По вопросу Обследования Всероссийского общества филателистов. ГА РФ. Ф. Р1235. Оп. 141. Д. 563. Л. 2.

²³ Там же.

²⁴ Протокол обследования Пермского отдела ВОФ. Государственный архив Пермского края. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 144. Л. 48.

²⁵ По вопросу Обследования Всероссийского общества филателистов. ГА РФ. Ф. Р1235. Оп. 141. Д. 563. Л. 3.

не было проведено, поскольку НКВД, согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 22 октября 1922 г., осуществлял общее руководство деятельностью местных административных органов [Хлевнюк 1996]. Вдобавок в декабре 1930 г. НКВД был ликвидирован в результате конфликта с Объединенным государственным политическим управлением. Таким образом, свою деятельность ВОФ продолжал вплоть до весны 1932 г.

В марте 1932 г. ВОФ подвергся второму в своей истории обследованию. На начало обследования ВОФ имело 27 отделений, в которых состояло около полутора тысяч человек²⁶. Инспекция выявила ряд недочетов в работе общества:

«1. Проводимые доклады и общественные просмотры коллекций отдельных членов Об-ва проходили без руководства и контроля при узком круге членов и носили специальный характер, касаясь, главным образом, вопросов порядка и техники коллекционирования, а не являлись разъяснением политических и экономических событий, отраженных на марках и прочих объектах графики и в конечном не мобилизовали присутствующих на тематическом коллекционировании.

2. Издаваемый ВОФом совместно с СФА журнал «Советский коллекционер» обслуживал лишь членов Об-ва и в основном носил специальный характер.

3. Использование индивидуальных коллекций в целях их популяризации, а равно и коллективное тематическое коллекционирование, Общество не ставило своей задачей.

4. Работа среди юношества проходила без руководства со стороны Правления Общества и персонала и в основном сводилась к объединению юных коллекционеров марок, открыток и пр. в созданных при некоторых отделах юнсекций.

5. ...Среди присутствующих на аукционах развит азарт, благодаря чему марки, открытки и пр., продаются в десятки раз дороже номинала, при чем владелец получает всю вырученную сумму, независимо от назначенной им цены, за вычетом 10 % в пользу Об-ва.

6. Аукционы и окказионы являясь в известной степени фактором содействия членам Об-ва по приобретению и пополнению коллекций, одновременно

не исключена возможность была источником личного обогащения отдельных членов»²⁷.

Первые три пункта свидетельствуют о том, что принципы тематического коллекционирования, сформулированные М. Я. Сюзюмовым в 1925 г., не получили развития к началу 1930-х гг. на практике же коллекционеры продолжали оценивать марки по количеству зубцов, стране происхождения, характеру получения и т.д. Не менее важным здесь отмечено использование узконаправленной тематики и терминологии, что ограничивает круг лиц, которые потенциально могут являться членами ВОФ в силу элементарного отсутствия понимания для широких масс.

Таким образом, институт советского массового коллекционирования лишь декларировал нормы и практики, но в действительности контроль на низовом уровне не осуществлялся, что привело к развитию профессионального сообщества коллекционеров, собирающих предметы массового коллекционирования социалистической тематики на принципах буржуазного коллекционирования: «Возведение филателии на пьедестал "самостоятельной науки" является знаменем, которым прикрываются торгаши. Общество не имеет ни правильной целевой установки, ни опоры на предприятиях и в учреждениях, не охватывает и 1/40 части коллекционеров. Все необходимые элементы, предъявляемые к добровольным обществам – массовость, политические задачи, помощь государственным организациям в их работе, – у ВОФ отсутствуют. Единственная цель – снабжение марками и искусственное привитие рабочим и детям страсти коллекционирования, со всеми отрицательными чертами индивидуального накопления»²⁸.

16 мая 1934 г. Президиум ВЦИК постановил ликвидировать ВОФ, передав надзор над детскими секциями Наркомпросу²⁹.

Что касается предметов коллекционирования, то почтовые марки, выпущенные в СССР до 1930 г., носят фрагментированный характер. В частности, в период с осени 1918 г. по конец 1930 г. выпущено 265 видов марок, содержащих 15 изображений транспортных средств. Марки, посвященные историческим событиям, доминируют в выпущенных сериях,

²⁶ Дело по обследованию деятельности Всероссийского общества филателистов. ГА РФ. Ф. А406. Оп. 13. Д. 945. Л. 1.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 12.

²⁹ Там же. Л. 13.

но все они относятся к Октябрьской революции и свержению монархии. Изображения с этническими мотивами содержатся лишь в серии, выпущенной в Украинской ССР в 1923 г. в помощь пострадавшим от неурожая, всего 4 марки. Тематические марки художественной культуры, научных достижений, географических объектов, объектов флоры и фауны и т.д. с 1918 г. по 1930 г. не выпускались³⁰.

Это допущение делает возможным не только проявление социального неравенства в коллекционерской среде, но и пролонгирует те пороки, которые тематическое коллекционирование призвано искоренить как *custos morum*. И обуславливается эта пролонгация несколькими факторами.

Советское коллекционирование избрало своей опорой именно филателию из-за дешевизны и доступности почтовых марок. Однако коллекция с использованием марок иностранных государств выделяется на фоне коллекции, где собраны исключительно советские марки. Во-первых, пополнение иностранными марками возможно только вследствие установления и поддержания коммуникации с иностранными коллекционерами. Иными словами, необходимо знание языка и возможность находить иностранных коллекционеров, что дает возможность взрастить интеллектуальную элиту в среде советских коллекционеров. Во-вторых, обмен с иностранными гражданами предполагает оплату косвенного налога, что также обуславливает успешность коллекции путем экономических вложений. Наконец, серии советских почтовых марок зачастую содержат идентичный графический материал, где изменяется только цвет фона. Например, серия марок 1926 г. с В. И. Лениным содержит три одинаковых портрета с условием, что марка с коричневым фоном стоит 1 руб., с красным – 2 руб., а с синим – 3 руб. (рис. 2).

Заключение

На примере советского коллекционирования отчетливо прослеживается институциональная эволюция, характерная для государственного устройства РСФСР / СССР 1920-х – середины 1930-х гг. в целом. Проект Ф. Г. Чучина представлял собой этатистский эксперимент, позволивший государству извлекать прибыль из таких невзрачных форм деятельности, как филателия, бонистика, филокартия и т.д.

Рис. 2. Выпуск марок. Годовщина смерти В. И. Ленина. Январь, 1926 г.

Fig. 2. Stamps dedicated to Vladimir Lenin's anniversary, January 1926

В дальнейшем этатизм Ф. Г. Чучина столкнулся с необходимостью идеологического обоснования этой деятельности и прагматичными интересами коллекционеров-энтузиастов, и в этой борьбе государственный аппарат упразднил ВОФ с его идеями политизации собирательства, международной коммуникации и акцентом на профессиональном собирательстве. Государство отсекло лишнюю часть проекта Ф. Г. Чучина, сделав ставку на экономическую и педагогическую составляющую советского коллекционирования; оно поддержало ориентированный на детское сообщество проект М. Я. Сюзюмова. Принятый государством смысл советского собирательства в середине 1930-х гг. может быть выражен в лозунге Златоустовской платформы М. Я. Сюзюмова: «в СССР филателия будет или доступна массам, или же ее совсем не будет»³¹.

Институт советской филателии лишь декларировал нормы и практики, но в действительности контроль на низовом уровне не осуществлялся, что привело к развитию профессионального сообщества коллекционеров, собирающих предметы массового коллекционирования социалистической тематики на принципах буржуазного коллекционирования.

Идеология советского коллекционирования, сформулированная Ф. Г. Чучиным и М. Я. Сюзюмовым, представляла собой этатизацию собирательства и коллекционерских сообществ. Эти идеи позволяли специально созданным государственным органам монополизировать не только внутреннюю и внешнюю торговлю филателистическими

³⁰ Каталог почтовых марок. 1858–1960. Россия, РСФСР, СССР, под общ. ред. В. Б. Загорского. СПб.: Стандарт-коллекция, 2004. 208 с.

³¹ Сюзюмов М. Я. Что и как собирать? Платформа Златоустовского кружка юных филателистов. *Советский коллекционер*. 1925. № 5. С. 4–5.

материалами, но и стать отправителем социального действия, оказывая всеобъемлющее давление на сообщества коллекционеров. Попытки реализации этих постулатов на практике свидетельствуют, что идеологическая модель не выдержала сопротивления индивидуальных интересов коллекционеров, став утопией.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Богданов К. А. К истории филателии в СССР. Обзор тем и исследовательских контекстов. *Acta Slavica Iaponica*. 2020. Т. 40. С. 19–40. [Bogdanov K. A. History of philately in the USSR. Overview of topics and research contexts. *Acta Slavica Iaponica*, 2020, 40: 19–40. (In Russ.)]
- Богданов М. С. Частное коллекционирование в СССР и новая советская элита. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2023. № 3. С. 54–60. [Bogdanov M. S. Private collecting in the USSR and the new Soviet elite. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*, 2023, (3): 54–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-3-54-60>
- Глейзер М. М. Советский червонец. 2-е изд., доп. СПб.: Спикс, 2007. 120 с. [Gleizer M. M. *Soviet chervonets*. St. Petersburg: Spiks, 2007, 120. (In Russ.)]
- Головин С. А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20–30-е годы XX века. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 66. С. 177–186. [Golovin S. A. Property differentiation of household income of the USSR in the 1920–1930s. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, (66): 177–186. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvvyhed>
- Дмитриев А. Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х гг. и история академии: случай А. Н. Шебунина. *Новое литературное обозрение*. 2002. № 54. [Dmitriev A. N. "Academic Marxism" of the 1920s–1930s and the history of the Academy: A. N. Shebunin's case. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2002, (54). (In Russ.)] URL: <https://textarchive.ru/c-2054388-pall.html> (accessed 15 Sep 2024). <https://elibrary.ru/hsdrsl>
- Иванов А. С. «В СССР филателия будет или доступна массам, или же ее совсем не будет»: генезис советского массового коллекционирования в 1920–1930-е годы. *Historia Provinciae – журнал региональной истории*. 2024. Т. 8. № 2. С. 468–500. [Ivanov A. S. "In the USSR, philately will either be accessible to the masses or will not exist at all": The genesis of Soviet mass collecting in the 1920s–1930s. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, 2024, 8(2): 468–500. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-3>
- Иванов А. С. Филателистический интернационал: в тени Коминтерна. *Вестник гуманитарного образования*. 2023. № 4. С. 45–52. [Ivanov A. S. Philatelic International: In the shadow of the Comintern. *Herald of Humanitarian Education*, 2023, (4): 45–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.23.053>
- Игнатьева О. В. Советское коллекционирование в контексте культурной революции. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2019. № 4. С. 80–89. [Ignatieva O. V. Soviet collecting in the context of the cultural revolution. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2019, (4): 80–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2019-4/80-89>
- Кошель П. А. История сыска в России. Мн.: Литература, 1996. Т. 2. 655 с. [Koshel P. A. *The history of detective work in Russia*. Minsk: Literatura, 1996, vol. 2, 655. (In Russ.)]
- Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с. [Mannheim K. *Diagnosis of our time*. Moscow: Iurist. 1994, 700. (In Russ.)]
- Немчикова З. М. Служение великому делу. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд., 1974. 125 с. [Nemchikova Z. M. *Service to a great cause*. Vologda: Sev.-Zap. Kn. izd., 1974, 125. (In Russ.)]
- Немчикова З. М. У истоков советской филателии. *Филателия СССР*. 1975. № 4. С. 26–28. [Nemchikova Z. M. At the origins of Soviet philately. *Filateliiia v SSSR*, 1975, (4): 26–28. (In Russ.)]
- Разумов С. А. Журнал «Советский коллекционер» и его роль в развитии российской бонистики. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки, Культурология. Политические науки*. 2022. № 4. С. 46–51. [Razumov S. A. The Soviet Collector magazine and its role in the development

- of Russian bonistics. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. Seriya: Istoricheskie nauki, Kulturologiia. Politicheskie nauki*, 2022, (4): 46–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vzkklg>
- Сальников Е. В., Сальникова И. Н. Дискуссии о сути советского коллекционирования в 1920–1940-х годах. *Вестник государственного и муниципального управления*. 2023. Т. 12. № 4. С. 138–146. [Salnikov E. V., Salnikova I. N. Debates about the essence of the Soviet collecting in the 1920s–1940s. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 2023, 12(4): 138–146. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozqzxxu>
- Сашанов В. В. «Интегральный коллекционер», или прерванный путь в науку: М. Я. Сюзюмов в 1920–1930-е гг. *Уральский исторический вестник*. 2015. № 4. С. 139–145. [Sashanov V. V. "Integral collector" or a difficult path to academic research: M. Ya. Syuzyumov in 1920s – early 1940s. *Ural'skij Istoriceskij Vestnik*, 2015, (4): 139–145. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uyjssf>
- Стальбаум Б. К. Ленин. Дети. Филателия. *Советский коллекционер*. 1970. № 8. С. 3–22. [Stalbaum B. K. Lenin. Children. Philately. *Sovetskii kollektzioner*, 1970, (8): 3–22. (In Russ.)]
- Стальбаум Б. К. Тематическая коллекция. In: Уильямс Л., Уильямс М. *Почтовая марка, ее история и признание*. М.: Связь, 1964. С. 132–161. [Stalbaum B. K. Thematic collecting. In: Williams L. N., Williams M. *The postage stamp, its history and recognition*. Moscow: Sviaz, 132–161. (In Russ.)]
- Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 294 с. [Khlevniuk O. V. *Politburo. Mechanisms of political power in the 1930s*. Moscow: ROSSPEN, 1996, 294. (In Russ.)]
- Якуб А. В. Государство и филателия в Советской России начала 1920-х гг.: нормативно-правовая база. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020а. № 66. С. 75–78. [Yakub A. V. State and philately in Soviet Russia in the early 1920s: Legal framework. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2020a, (66): 75–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19988613/66/9>
- Якуб А. В. Становление советского филателистического движения в 1917–1941 гг.: идентификация «свои» и «чужие» глазами современников. *Вестник Томского государственного университета*. 2020b. № 459. С. 178–186. [Yakub A. V. Formation of the Soviet philatelic movement in 1917–1941: Identification of "friends" and "foes" through the eyes of contemporaries. *Tomsk State University Journal*, 2020b, (459): 178–186. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/15617793/459/22>
- Якуб А. В., Якуб Н. В. Журнал «Советский коллекционер» как источник по советско-афганским отношениям первой половины 1920-х гг.: «Филателистический проект» профессора Б. М. Попова. *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2020а. Т. 7. № 2. С. 86–93. [Yakub A. V., Yakub N. V. "Soviet Collector" magazine as a source on Soviet-Afghan relations in the first half of the 1920s: "Philatelic project" by professor Boris M. Popov. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2020a, 7(2): 86–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/grokhg>
- Якуб А. В., Якуб Н. В. Коллекционерская и филателистическая пресса в РСФСР / СССР в первой половине 20-х годов XX века: от плюрализма к монополизму. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2020b. Т. 162. № 6. С. 210–226. [Yakub A. V., Yakub N. V. Collector and philatelic press in the RSFSR / USSR during the first half of the 1920s: From pluralism to monopolism. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020b, 162(6): 210–226. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.6.210-226>
- Якуб Н. В. Визуализация и мемориализация образов советского и партийного руководства РСФСР / СССР в первой половине 1920-х гг.: почта и филателия. *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2021. Т. 8. № 3. С. 54–59. [Yakub N. V. Visualization and materialization of images of the Soviet and party leadership of the RSFSR / USSR in the first half of the 1920s: mail and philately. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2021, 8(3): 54–59. (In Russ.)] [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2021.8\(3\).54-59](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2021.8(3).54-59)
- Grant J. The socialist construction of philately in the early Soviet era. *Comparative Studies in Society and History*, 1995, 37(3): 476–493. <https://doi.org/10.1017/S0010417500019770>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/bsznex>

От радикализма к конформизму: траектория идейной трансформации КПРФ в постсоветский период (сравнительный анализ политического контекста 1990–2020-х гг.)

Майоров Георгий Александрович

Государственный университет управления, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4500-9371

<https://orcid.org/0009-0007-7451-7650>

maiorov.7575@mail.ru

Аннотация: Коммунистическая партия Российской Федерации является одной из ведущих политических сил страны. Цель – проследить эволюцию идейно-политических установок КПРФ в их исторической последовательности и взаимосвязи с трансформацией российской политической системы на протяжении постсоветского периода (1993–2022 гг.). Научная новизна работы заключается в комплексном историческом анализе идейной эволюции КПРФ на протяжении 30 лет с детальной фиксацией изменений взглядов руководства партии по основным доктринальным вопросам в их взаимосвязи с меняющимся историческим контекстом. Методологическую основу исследования составляет сочетание историко-генетического и сравнительного методов. Выявлено, что генезис КПРФ как преемницы КПСС происходил в условиях глубокого идеологического кризиса коммунистического движения. Партия изначально формировалась как синтетическое образование, соединяющее традиционные коммунистические ценности с элементами национал-патриотического дискурса. В 1990-е гг. КПРФ сформировалась как ведущая оппозиционная сила, главный оппонент ельцинского режима. На рубеже 1990–2000-х гг. произошел существенный сдвиг в идеологии КПРФ: от классического марксизма-ленинизма – к синтезу левых и патриотических идей, от интернационализма – к державности, от атеизма – к признанию позитивной роли традиционных религий. В 2000-е гг. КПРФ постепенно интегрировалась в режим управляемой демократии в качестве системной оппозиции. Идеологическая эволюция КПРФ в 2010–2020-е гг. характеризуется дальнейшим размытием коммунистической идентичности, усилением национально-патриотических и консервативных тенденций, фактическим отказом от борьбы за радикальное изменение общественно-экономического строя. Современное состояние КПРФ отмечено нарастающим противоречием между радикальной риторикой и конформистской практикой. Исторический опыт КПРФ демонстрирует сложность адаптации коммунистического движения к условиям рыночной экономики и политического плюрализма.

Ключевые слова: КПРФ, идеологическая эволюция, политическая оппозиция, постсоветская Россия, системная партия, левое движение, кризис идентичности

Цитирование: Майоров Г. А. От радикализма к конформизму: траектория идейной трансформации КПРФ в постсоветский период (сравнительный анализ политического контекста 1990–2020-х гг.). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 433–448. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-433-448>

Поступила в редакцию 19.01.2025. Принята после рецензирования 22.04.2025. Принята в печать 28.04.2025.

full article

From Radicalism to Conformism: Post-Soviet Ideological Trajectory of Russian Communist Party in 1993–2022

Georgy A. Mayorov

State University of Management, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 4500-9371

<https://orcid.org/0009-0007-7451-7650>

maiorov.7575@mail.ru

Abstract: The Communist Party remains one of the leading political powers in the Russian Federation. However, it went through a major ideological evolution in 1993–2022. The article introduces a comprehensive historical analysis of the 30 years of post-Soviet Communist ideology in Russia reflected in the views of Communist leaders on the main doctrinal issues in the changing historical context. The author combined historical-genetic and comparative methods to trace the stages of these ideological changes as a historical sequence, as well as to link them with the political transformations. The comparative method made it possible to see the differences between the ideological and political contexts in the 1990s and 2020s. The Communist Party of the Russian Federation appeared during a deep crisis of Communist ideology. As a result, the party became as a synthetic entity that combined traditional communist values with elements of national patriotic discourse. In the 1990s, it emerged as the leading opposition to Yeltsin's regime. At the turn of the 1990s–2000s, its ideology shifted from classical Marxism-Leninism to a synthesis of leftist and patriotic ideas, i.e., from internationalism to statehood, from atheism to recognition of traditional religions, etc. In the 2000s, the Communist Party integrated the regime of managed democracy as a systemic opposition. The 2010s–2020s saw a further erosion of the communist identity: as the national-patriotic and conservative tendencies kept increasing, the party abandoned any attempts to change the socio-economic system. Currently, the Communist Party is going through a contradiction between radical rhetoric and conformist practice. Historically, the Communist movement always found it very difficult to adapt to market economy and political pluralism.

Keywords: Communist Party, ideological evolution, political opposition, post-Soviet Russia, systemic party, leftist movement, identity crisis

Citation: Mayorov G. A. From Radicalism to Conformism: Post-Soviet Ideological Trajectory of Russian Communist Party in 1993–2022. *SibScript*, 2025, 27(3): 433–448. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-433-448>

Received 19 Jan 2025. Accepted after peer review 24 Apr 2025. Accepted for publication 28 Apr 2025.

Введение

Исторический контекст играет основополагающую роль в формировании идейного ландшафта общества, определяя не только содержание доминирующих мировоззренческих установок, но и сами условия для их формирования и утверждения [Герасимов 2023; Селиванов 2011]. Яркой иллюстрацией этого тезиса служит опыт становления и эволюции Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) – наиболее влиятельной левой организации в постсоветской России. Возникнув после дезорганизации КПСС в начале 1990-х гг. в обстановке, казалось бы, полной дискредитации коммунистической идеи и необратимости рыночных реформ, партия сумела стать ведущей оппозиционной силой

ельцинской эпохи [Клочков, Гернер 2021; Коргунюк, Заславский 1996]. Именно в контексте идейной борьбы через полемику с антикоммунистическими и прокапиталистическими оппонентами формировалась тогда политическая идентичность КПРФ [Коргунюк 2009; Социализм... 2016].

Сопоставление положения КПРФ в партийно-политической системе 1990–2020-х гг. выявляет определенный диссонанс. Если на заре своей истории партия выступала в качестве безусловного флагмана левой оппозиции, главного оппонента ельцинского режима [Волохов 2003; Холмская 1998], то сегодня она де-факто интегрирована в политический ландшафт, связанный с властными

структурами [Тев 2012]. За внешне радикальной риторикой нередко скрывается отказ от реальной борьбы за смену общественно-экономического курса, что дает исследователям повод говорить о формировании в партийной системе РФ управляемой демократии [Кагарлицкий 2005: 188–197].

Цель – проследить эволюцию идейно-политических установок КПРФ в их исторической последовательности и взаимосвязи с трансформацией российской политической системы на протяжении постсоветского периода (1993–2022 гг.). Задачи: выявить ключевые исторические рубежи и факторы, обусловившие переход партии от статуса радикальной оппозиционной силы к положению системного элемента политического режима современной России; определить характер и степень преемственности между идеологическими позициями КПСС и КПРФ.

Научная новизна исследования заключается в комплексном историческом анализе идейной эволюции КПРФ на протяжении 30 лет. Детально прослежена эволюция взглядов руководства КПРФ по основным доктринальным вопросам (отношение к марксизму-ленинизму, частной собственности, национальному вопросу, религии) в их взаимосвязи с меняющимся историческим контекстом. Исследование устанавливает корреляцию между трансформацией политического режима в России и идеологическими сдвигами в позиции КПРФ, демонстрирует взаимосвязь между изменениями в программных установках партии и ее реальной политической практикой в различные периоды постсоветской истории.

Методы и материалы

Исследование базируется на источниках, включающих в себя программные документы КПРФ, стенограммы партийных съездов, публичные выступления лидеров партии, а также аналитические материалы и статистические данные, характеризующие электоральные показатели и общественную поддержку КПРФ на различных этапах ее истории. Кроме того, привлекаются отечественные и зарубежные работы, посвященные проблемам эволюции левого движения в постсоветской России.

Методологическую основу исследования составляет сочетание историко-генетического и сравнительного методов. Историко-генетический метод

позволяет проследить этапы идеологической эволюции КПРФ в их исторической последовательности, выявить причинно-следственные связи между изменениями в идейных установках партии и трансформацией политического режима в России. Сравнительный метод применяется для сопоставления идеологического и политического контекста деятельности КПРФ в 1990–2020-е гг., что позволяет наглядно продемонстрировать масштаб произошедших изменений и их влияние на позиционирование партии в политической системе.

Результаты

Осознание кризиса марксистско-ленинской идеологии и советской версии социализма в конце 1980-х гг. [Никонова 2008] интенсифицировало поиски новых мировоззренческих ориентиров и моделей развития страны [История России 1994]. Даже в официальных документах XXVII съезда КПСС (февраль–март 1986 г.) признавалось наличие серьезных проблем в идеологической работе партии: «Мы не можем не видеть, что в идеологической работе у нас немало формализма, шаблона, что она не всегда достигает умов и сердец людей»¹. В связи с чем на текущем съезде КПСС была принята новая редакция Программы партии, в которой подчеркивалась необходимость совершенствования социализма, преодоления отдельных деформаций советской системы, «выправления ошибок субъективистского, волюнтаристского характера»². Как отмечалось в документе: «КПСС считает, что на современном этапе стратегическая линия развития политической системы общества состоит в совершенствовании советской демократии, все более полном осуществлении социалистического самоуправления народа на основе активного и действенного участия трудящихся, их коллективов и организаций в решении вопросов государственной и общественной жизни»³.

Период перестройки характеризовался бурными идеологическими дискуссиями, противоборством альтернативных концепций и подходов к реформированию советской системы [Шубин 2005]. Одним из магистральных направлений идейного поиска стала концепция «социализма с человеческим лицом» М. С. Горбачева и его сторонников [Плотников 2022; Яшкова, Цветков 2016]. Она нашла

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1987. 85 с.

² XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. Т. 1. С. 554–623.

³ Там же.

отражение в ряде программных выступлений генерального секретаря ЦК КПСС, в частности в его докладе на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, где он выдвинул тезис о необходимости «глубокой демократизации общества» как основы обновления социализма⁴. Концепция предполагала демократизацию политических институтов, расширение гласности, внедрение рыночных элементов в экономику при сохранении доминирующей роли КПСС и социалистического вектора развития. Как подчеркивал М. С. Горбачев в книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» (1988), целью реформ являлось «обновление социализма, раскрытие его гуманистического потенциала, соединение социалистических ценностей с демократией»⁵.

Установки обновленного социализма нашли отражение в 5 резолюциях XIX партконференции (июнь 1988 г.), провозгласившей курс на политику гласности, разграничение функций партийных и государственных органов, введение альтернативных выборов, расширение самоуправления трудовых коллективов⁶. В резолюции «О демократизации советского общества и реформе политической системы» декларировался переход к правовому государству («Конференция считает делом принципиальной важности формирование социалистического правового государства как полностью соответствующей социализму формы организации политической власти»), разделению властей и «контролю общества над аппаратом управления»⁷. Эти положения в определенной мере подрывали монополию КПСС на власть, хотя формально тезис о руководящей функции партии сохранялся.

Важным историческим последствием решений XIX партконференции стало проведение в марте 1989 г. первых альтернативных выборов народных депутатов СССР (согласно принятому 1 декабря 1988 г. закону СССР «О выборах народных депутатов

СССР»)⁸, результаты которых, несмотря на то что большинство по итогам выборов оставалось у КПСС (87 % членов)⁹, продемонстрировали снижение доверия к партийному руководству. Так, в ходе избирательной кампании многие партийные чиновники, избиравшиеся по территориальным округам, в том числе около 30 секретарей обкомов и горкомов КПСС, потерпели поражение [Буянов 2009]. В Москве партийные работники также в основном проиграли, но за Б. Н. Ельцина проголосовало около 90 % москвичей, вопреки тому, что партийный аппарат мобилизовал все административные ресурсы, чтобы поддержать противника Б. Н. Ельцина, директора ЗИЛа Е. А. Бракова¹⁰. В марте 1990 г. ст. 6 Конституции СССР была видоизменена: если ранее здесь обозначалась руководящая роль КПСС в управлении страной, то теперь признавалась возможность многопартийности и политического плюрализма. В новой редакции статья гласила: «Коммунистическая партия Советского Союза, другие политические партии, а также профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения... участвуют в формировании политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами»¹¹. Тем самым был сделан шаг к трансформации политической системы, демонтажу монополии партии на власть и идеологию.

Однако попытки реформирования социализма в духе гуманизации и демократизации натолкнулись на сопротивление консервативных сегментов партийно-государственного аппарата, не желавших утратить своих властных позиций и привилегий. Против курса М. С. Горбачева консолидировалась группа «Союз», объединившая ортодоксальных коммунистов во главе с Е. К. Лигачевым, Н. И. Рыжковым, О. С. Шениным, которые призывали к сохранению командно-административной системы, жесткому подавлению оппозиции, националистических

⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27–28 января 1987 г. М., 1987. С. 6–7.

⁵ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. 270 с.

⁶ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1988. Т. 1. 352 с.

⁷ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1988. Т. 2. С. 108–124.

⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 143. Д. 389. Л. 1–31.

⁹ Первые свободные выборы народных депутатов СССР. Справка. *РИА Новости*. 26.03.2009. URL: <https://ria.ru/20090326/166106064.html> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁰ Млечин Л. М. Борис Ельцин. Послесловие. М.: Центрполиграф, 2007. С. 191.

¹¹ Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР. Закон СССР № 1360-1 от 14.03.1990. *ИППП Гарант*.

и сепаратистских тенденций в республиках. Бывший секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев в мемуарных трудах так высказывался относительно курса М. С. Горбачева: «То, что произошло в нашей стране, – это прежде всего результат ослабления, а затем ликвидации руководящей роли КПСС»¹². При этом идеологическое противостояние внутри КПСС приобрело институциональное выражение с созданием Российской компартии (КП РСФСР) в июне 1990 г. на Учредительном съезде, проходившем в условиях обострения политического кризиса. Первый секретарь ЦК КП РСФСР И. К. Полозков в своем докладе подверг критике политику М. С. Горбачева, заявив: «Мы выступаем за обновление социализма, но не за тот курс, который ведет к реставрации капитализма под видом перехода к рыночной экономике»¹³. Это стало первым шагом к организационному оформлению консервативного крыла в коммунистическом движении, которое в дальнейшем составило организационное ядро КПРФ.

Другим весомым идейным вектором был демократический социализм, адепты которого (Б. Н. Ельцин, Г. Х. Попов, А. Д. Сахаров) выступали за радикальную трансформацию советской системы на принципах политического плюрализма, разделения властей, верховенства закона, многообразия форм собственности [Безбородов и др. 2010]. В заявлении «Демократической платформы» к XXVIII съезду КПСС указывалось, что необходим коренной пересмотр большинства догматических представлений (об основах марксистско-ленинской идеологии: роли пролетариата, революционной теории, экономической модели, политическом устройстве, партийном руководстве и приоритете коллективного над индивидуальным и национальным)¹⁴. Представители данного вектора подвергали жесткой критике КПСС как носительницу тоталитарных практик и идеологии. А. Д. Сахаров, в частности, настаивал на десталинизации и департизации общества, а также на проведении свободных выборов, отказе от государственной идеологии: «Сейчас наша страна вступила на путь самоочистки от скверны "сталинизма". Мы "по капле выдавливаем из себя раба", научаемся выражать свое мнение» [Сахаров 1991: 27].

Одновременно усиливалось влияние либеральных идей, связанных с переходом к рыночной экономике и политической демократии западного типа. Их сторонники (Е. Т. Гайдар, А. Б. Чубайс, Е. Г. Ясин) настаивали на необходимости ускоренной приватизации, либерализации цен, шоковой терапии [Пихоя и др. 2011]. Эти идеи получили концептуальное оформление в программе «500 дней», разработанной группой экономистов во главе с С. С. Шаталиным и Г. А. Явлинским в 1990 г.¹⁵ В их трактовке командно-административная система и идеологический монизм КПСС являлись принципиально неререформируемыми – лишь радикальный слом советского режима, форсированный транзит к свободному рынку и плюралистической демократии могли спасти страну от коллапса. В ноябре 1991 г., уже после распада СССР, на V съезде народных депутатов РСФСР Б. Н. Ельцин заявил: «Хуже будет всем примерно полгода, затем – снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года, как я обещал перед выборами, – стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей»¹⁶. Эти заявления создавали идеологическую основу для радикальных рыночных реформ, начатых правительством Е. Т. Гайдара в январе 1992 г.

На фоне противоборства реформаторов и консерваторов в КПСС нарастали и радикальные антикоммунистические настроения. Активизировались националистические движения в республиках («Саюдис» в Литве, «Народный фронт» в Эстонии, «Рух» на Украине), добивавшиеся выхода из состава СССР [Здравомыслов 1997]. На политической арене появился спектр неформальных объединений и партий социал-демократического, либерального, националистического толка, оппозиционных коммунистической системе: Демократический союз, Демократическая Россия, общество «Мемориал» и др.

В этом контексте официальная идеология стремительно утрачивала свой монопольный статус, становилась объектом острых дискуссий и критики. Сама КПСС переживала углубляющийся идейный и организационный кризис. В 1990 г. из ее состава вышли компартии прибалтийских республик и ряд региональных партийных организаций РСФСР (например,

¹² Лигачев Е. К. Предостережение. М.: Газ. Правда, 1999. С. 93.

¹³ Учредительный съезд Коммунистической партии РСФСР, 19–23 июня, 4–6 сентября 1990 г. Стенографический отчет. М., 1991. С. 42.

¹⁴ Демократическая платформа. 16–31.01.1990. № 1. С. 1, 4–5.

¹⁵ Переход к рынку. Концепция и Программа. М.: Архангельское, 1990. 239 с.

¹⁶ Пятый съезд народных депутатов РСФСР. Стенографический отчет. М., 1992. Т. 1. С. 62.

в Иркутской области из-за выхода из партии распались 142 первичные партийные организации) [Величко 2007: 17], а оставшиеся в КПСС региональные структуры претерпевали массовое сокращение численности (в Тюменской области численность снизилась на треть, в Кемеровской области – практически на четверть, в Красноярском, Алтайском краях, Томской области – в среднем на 18–20 %) ¹⁷, что ускорило процесс дезинтеграции союзного государства. Архивные данные свидетельствуют о масштабном исходе из КПСС в 1989–1991 гг.: если в 1989 г. было без снятия с учета 136 тыс. коммунистов, то в 1990 г. – уже 2,7 млн [Чекменев 2007].

Провал августовского путча 1991 г., инициированного консервативными верхами КПСС с целью сохранения СССР и советской системы, окончательно дискредитировал партию в глазах общества. После поражения ГКЧП и запрета КПСС Указом Президента РСФСР Б. Н. Ельцина от 6 ноября 1991 г. ¹⁸ коммунистическая идеология лишилась своего привилегированного положения. Перспективы эволюционного реформирования советской системы в социалистическом русле становились все более эфемерными. Распад СССР в декабре 1991 г. знаменовал крах и советской модели социализма, и безраздельного господства марксистско-ленинской идеологии [Никандров 2023].

Период перестройки, таким образом, был отмечен острейшим идеологическим кризисом и интенсивным поиском новых мировоззренческих ориентиров развития страны. Попытки модернизации советской системы в духе обновленного социализма потерпели неудачу. В условиях нарастания центробежных тенденций, краха союзной государственности и запрета КПСС коммунистическая идеология утратила доминирующие позиции. Однако различные идейные векторы в рамках левого движения (от ортодоксального марксизма-ленинизма до демократического социализма) не исчезли, а видоизменились, адаптируясь к новым реалиям.

В 1990-е гг. на политической арене страны возник спектр партий и организаций левого толка, претендовавших на наследие КПСС [Коргунюк, Заславский 1996]. Крупнейшей из них стала Коммунистическая партия Российской Федерации, учрежденная на II чрезвычайном съезде КП РСФСР 13–14 февраля 1993 г. ¹⁹ Съезд был созван после решения Конституционного Суда РФ от 30 ноября 1992 г., которое создало юридические предпосылки для возобновления деятельности первичных организаций коммунистической партии. На съезде присутствовало более 650 делегатов из разных регионов России. Делегаты представляли возникшие после запрета КПСС региональные организации коммунистов общей численностью около 500 тыс. человек. Съезд принял решение о возобновлении деятельности КПРФ как преемницы КП РСФСР, утвердил Устав партии ²⁰. Председателем ЦИК КПРФ был избран Г. А. Зюганов, ранее, как отмечается на официальном сайте КПРФ, избранный «председателем Координационного совета народно-патриотических сил России» ²¹, что уже обозначило определенный левопатриотический вектор в идеологии возрожденной партии.

Процесс генезиса КПРФ как ведущей силы левого фланга сопровождался острыми идейными дискуссиями и конфликтами. Формирование идеологического профиля партии происходило в ситуации мировоззренческого вакуума, сложившегося после краха советской системы и дискредитации марксистско-ленинской доктрины. Перед КПРФ стояла сложная задача адаптации коммунистической парадигмы к новым социально-политическим и экономическим реалиям, поиска оптимального сочетания преемственности и инноваций. Историческая особенность КПРФ заключалась в том, что партия формировалась в условиях жесткой конкуренции с другими организациями коммунистического спектра. К моменту проведения II Чрезвычайного съезда КПРФ в России уже действовали Социалистическая

¹⁷ Российский государственный архив новейшей истории (РГНИ). Ф. 77. Оп. 5. Д. 5. Л. 10; РГНИ. Ф. 77. Оп. 5. Д. 10. Л. 112–113; РГНИ. Ф. 77. Оп. 6. Д. 19. Л. 110–113; РГНИ. Ф. 77. Оп. 6. Д. 20. Л. 110–113; РГНИ. Ф. 77. Оп. 6. Д. 21. Л. 110–113; РГНИ. Ф. 77. Оп. 6. Д. 22. Л. 105–108.

¹⁸ О деятельности КПСС и КП РСФСР. Указ Президента РСФСР № 169 от 06.11.1991. *ИПП Гарант*.

¹⁹ II Чрезвычайный съезд Коммунистической партии Российской Федерации (13–14 февраля 1993 г.). *Коммунистическая партия Российской Федерации в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1992–1999)*, сост. В. Ф. Грызлов. М.: ИТРК, 1999. С. 6–13. URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=10221> (дата обращения: 09.10.2024).

²⁰ Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 1375. Оп. 1. Т. 1. Д. 1. С. 1–15.

²¹ Зюганов Геннадий Андреевич. Председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Госдуме ФС РФ. *КПРФ*. URL: <https://kprf.ru/personal/zyuganov> (дата обращения: 09.10.2024).

партия трудящихся (СПТ), Российская партия коммунистов (РПК), Союз коммунистов, Демократическая партия коммунистов России и другие левые организации [Там же]. Это обстоятельство вынуждало руководство КПРФ искать свою идеологическую нишу, совмещая как преемственность по отношению к КПСС (чтобы привлечь бывших членов компартии), так и обновление идеологических установок (чтобы адаптироваться к новым условиям).

Стержневой вопрос, вокруг которого разворачивалась полемика, заключался в отношении к советскому наследию и каноническому марксизму-ленинизму [Зюганов 1993]. КПРФ во главе с Г. А. Зюгановым, В. А. Купцовым, С. Г. Костиным настаивала на верности заветам К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, акцентируя преемственность с КПСС. Они трактовали советскую эпоху как воплощение аутентичного социализма, а распад СССР – как результат «предательства» и «перерождения» партноменклатуры [Коргунюк, Заславский 1996]. Характерен в этом плане тезис из программной статьи Г. А. Зюганова 1993 г.: «[КПРФ] будет настойчиво бороться за возвращение России на путь социалистического развития. Отход от этого пути привел к развалу Союза, поставил под угрозу государственный суверенитет России»²².

Исторически значимым событием стал III съезд КПРФ, прошедший 21–22 января 1995 г. в Москве, на котором была принята первая Программа партии. Анализ этого документа позволяет выявить характерные особенности идеологии КПРФ середины 1990-х гг. Программа декларировала стратегическую цель партии – построение в России социализма (социалистическое преобразование общества) – и состояла из семи опорных пунктов: народовластие, справедливость, равенство, патриотизм, ответственность, социализм, коммунизм²³. При этом подчеркивалось, что «будущее России можно строить только на прочном фундаменте ее созидательных традиций и исторической преемственности»²⁴,

но с использованием достижений современной социалистической мысли и практики. Важно, что в Программе 1995 г. значительное место занимала критика реформ, проводимых российскими властями, которые, по мнению авторов документа, привели к «национальной катастрофе». Документ содержал тезис о том, что нынешний режим в России по своему антинародному духу является диктатурой «мафиозно-компрадорских кругов», тесно связанных с иностранным капиталом и развивающих экономику России как сырьевого придатка западных стран. Программа выдвигала задачу «мирного перехода к социализму» через победу КПРФ на выборах и формирование «правительства национального спасения»²⁵.

Данный внутрипартийный дискурс протекал в обстановке острого идеологического противостояния на политической арене 1990-х гг. С одной стороны, КПРФ вынуждена была противостоять натиску либерально-западнических сил, настаивавших на радикальной десоветизации и форсированном переходе к капитализму [Волгин 2022]. С другой стороны, коммунистам бросали вызов альтернативные левые группы, обвинявшие руководство партии в оппортунизме и отходе от марксистских принципов. Исторический контекст 1993–1996 гг. отличался высоким уровнем социально-политической напряженности. Кульминацией противостояния исполнительной и законодательной ветвей власти стали события сентября-октября 1993 г., когда после указа Президента Б. Н. Ельцина № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»²⁶ разразился политический кризис, завершившийся вооруженным столкновением и расстрелом Верховного Совета. КПРФ решительно осудила действия Б. Н. Ельцина, охарактеризовав их как государственный переворот²⁷. В листовках, выпущенных областными комитетами партии, КПРФ призывала «голосовать против недемократической Конституции, превращающей Президента

²² Опыт советского народовластия и задачи КПРФ в борьбе за подлинную демократию, социальный прогресс и дружбу народов. КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/214504.html> (дата обращения: 09.10.2024).

²³ Программа Коммунистической партии Российской Федерации: Принята III съездом КПРФ 22 янв. 1995 г. М.: Информпечать, 1996. 30 с.

²⁴ Там же. С. 9.

²⁵ Там же. С. 14–15.

²⁶ О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации. Указ Президента РФ от 21.09.1993 № 1400 (ред. от 10.01.2003). СПС КонсультантПлюс.

²⁷ Заявление ЦИК КП РФ. Советская Россия. 23.09.1993. № 113 (10976).

в царя-батюшку»²⁸ (Пермский обком КПРФ). При этом партия заняла более сдержанную позицию, чем радикальные коммунистические организации, чьи активисты приняли непосредственное участие в обороне Дома Советов (сам лидер КПРФ покинул Белый дом за несколько дней до начала штурма). Принятие новой Конституции РФ на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г., признавшей «политическое многообразие, многопартийность» (ст. 13, п. 3)²⁹, и выборы в Государственную Думу первого созыва создали новую правовую и политическую реальность, в которой КПРФ пришлось определять свою стратегию. Руководство партии приняло решение участвовать в выборах, несмотря на протесты радикального крыла, считавшего, что это означает признание нелегитимного режима. Это решение оказалось стратегически успешным: КПРФ получила 12,4 % голосов и сформировала третью по численности фракцию в Думе (45 депутатов)³⁰.

Не менее ярко противоборство идеологических векторов проявилось в ходе кампании по выборам в Государственную Думу второго созыва (1995 г.). КПРФ, выступая под лозунгом *Власть и собственность – трудовому народу!*, сделала основной упор на резкую критику социально-экономических последствий либеральных реформ – обнищания населения, деиндустриализации страны, роста внешнего долга и т.д. Предвыборная платформа КПРФ данного периода (*За нашу Советскую Родину!*) синтезировала коммунистическую и патриотическую риторику: здесь одновременно подчеркивалась борьба за «социальные гарантии» и важность патриотизма и интернационализма как «исторической формулы самосохранения России»³¹. В то же время значительная часть левого электората голосовала за более радикальные силы – блок «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз», выступавший

с позиций воинствующего антиельцинизма и советского традиционализма. Лидер блока В. И. Анпилов обвинял Г. А. Зюганова в «соглашательстве с буржуазным режимом», требовал немедленного восстановления советской власти и социалистической экономики.

Именно в горниле бескомпромиссной идейной борьбы вызревала политическая идентичность КПРФ как крупнейшей левопатриотической силы. Успех партии на выборах в Государственную Думу 1995 г. (22,3 % голосов по партсписку, 157 депутатских мандатов) убедительно продемонстрировал потенциал коммунистической оппозиции [Волгин 2019]. Сам электоральный успех партии имел под собой объективную социально-экономическую основу. По данным Госкомстата РФ, к концу 1995 г. реальные доходы населения составляли менее 34 % от уровня 1991 г.³², уровень безработицы превысил 9 %³³, а промышленное производство и производство гражданской продукции сократились на 15,8 % и 31,7 % соответственно по сравнению с предыдущим годом³⁴. Электорат КПРФ составили те слои населения, которые наиболее болезненно пострадали от шоковой терапии и были настроены на сохранение советских социальных завоеваний (индустриальные рабочие, пенсионеры, часть интеллигенции).

Тем не менее КПРФ не удалось выиграть президентские выборы 1996 г., кандидат от партии Г. А. Зюганов получил треть голосов в первом туре и 40,31 % – во втором, что свидетельствовало о значительной, но недостаточной общественной поддержке левой оппозиции³⁵. Исторический анализ президентской кампании 1996 г. показывает, что предвыборная платформа Г. А. Зюганова «Россия, Родина, Народ» отличалась умеренностью и компромиссным характером³⁶. В документе сообщалось о том, что «настоящие, жизненно необходимые

²⁸ Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 12. Л. 50.

²⁹ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. СПС КонсультантПлюс.

³⁰ Результаты выборов депутатов ГД по общефедеральному округу 12.12.1993. ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS_obshefed_okrug.php (дата обращения: 09.10.2024).

³¹ Предвыборная программа КПРФ «За нашу Советскую Родину!». М., 1995. С. 4.

³² Зарплата и расплата: проблемы задолженности по оплате труда, ред. Т. Малева. М.: Гендальф, 2001. 216 с.

³³ Уровень безработицы (в процентах). 1995–2009 гг. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/04-15.htm (дата обращения: 09.10.2024).

³⁴ Коммерсантъ. 26.12.1995. № 239. С. 2.

³⁵ Абрамян Д. Н. и др. Выборы Президента Российской Федерации. 1996: Электор. статистика. М.: Весь Мир, 1996. 318 с.

³⁶ Зюганов Г. А. Предвыборная платформа кандидата на должность Президента Российской Федерации Геннадия Андреевича Зюганова. М.: МП Палей, 1996. 32 с.

стране реформы так и не начинались»³⁷, о необходимости восстановления единого экономического пространства, возрождения высокотехнологичного производства, развития отечественной культуры и нравственности. Относительно методов ведения борьбы лидер партии ответил следующим образом: «Моя задача... <...> Мирно, без насилия и гражданской войны вывести Россию из катастрофического положения». Так подчеркивалось, что все преобразования будут осуществляться строго конституционным путем (хотя и с необходимостью «менять Конституцию»), без насильственных действий («Мы против громохана оружием»)³⁸. Поражение на выборах 1996 г. в политическом контексте того времени компенсировалось массовой поддержкой партии, но с исторической точки зрения имело долгосрочные последствия для идеологической эволюции КПРФ и ее положения в политической системе России. В исторической перспективе выборы 1996 г. можно рассматривать как поворотный пункт (или точку бифуркации), после которого КПРФ постепенно начала терять свою оппозиционность и радикальность, интегрируясь в существующую политическую систему.

Именно насыщенная конфликтами и противоречиями идейно-политическая атмосфера рубежа 1980–1990-х гг. послужила своего рода «плавильным котлом», в котором выковывался характерный идеологический сплав КПРФ: с одной стороны, преемственность по отношению к традициям и символам советской эпохи, акцент на социалистическом выборе, с другой – признание политического плюрализма, рыночных реформ, парламентских методов борьбы. Центристский курс, балансирующий между ортодоксальным марксизмом-ленинизмом и социал-демократическим ревизионизмом, между идеализацией советского прошлого и адаптацией к постсоветским реалиям, стал визитной карточкой партии в 1990-е гг., обеспечив ей доминирующие позиции в левой части политического спектра. Сама логика политического процесса в ельцинской России, острое противостояние коммунистической оппозиции и правящего режима объективно работали на сплочение и мобилизацию КПРФ, создавали для партии своеобразную идеологическую нишу. В условиях форсированной приватизации, падения

доходов населения, масштабной деиндустриализации страны коммунисты позиционировали себя в качестве защитников социальных завоеваний советской эпохи, противников шоковой терапии и криминального капитализма. Их радикальные лозунги и инициативы (вроде попыток импичмента президенту Б. Н. Ельцину) резонировали с массовыми протестными настроениями, обеспечивали партии значительную электоральную поддержку.

Немаловажную роль играл и внешний фактор – активность прозападных сил, настаивавших на скорейшей интеграции России в глобальную капиталистическую систему, безоговорочном принятии ценностей либеральной демократии. В этом контексте идеологическая ригидность КПРФ, ее последовательная защита принципов национального суверенитета и геополитической самостоятельности страны привлекали под знамена партии патристически настроенную часть общества. Характерный для 1990-х гг. дискурс противопоставления русской идеи вестернизации и американизации активно эксплуатировался коммунистами, придавая их риторике антизападный и традиционалистский окрас.

В то же время успех КПРФ в 1990-е гг. был бы невозможен без наличия реальной политической конкуренции на левом фланге – со стороны Аграрной партии, движения «Трудовая Россия», ряда троцкистских групп. Позиционируя себя как единственную коммунистическую партию, верную марксистско-ленинскому учению, наследницу КПСС, руководство КПРФ вынуждено было доказывать свое идеологическое первенство в полемике с более радикальными некоммунистическими проектами. Внутрипартийная борьба, хотя и в меньшей степени, между сторонниками ортодоксального коммунистического вектора и модернизационного, имевшая место на рубеже 1990–2000-х гг., также способствовала идейной закалке партии [Николенко 2015].

Однако в 2000-е гг. ситуация кардинально изменилась. Добровольная отставка Б. Н. Ельцина 31 декабря 1999 г. и назначение В. В. Путина исполняющим обязанности Президента РФ ознаменовали начало нового этапа в российской политике. Досрочные президентские выборы 26 марта 2000 г. завершились победой В. В. Путина в первом туре

³⁷ Там же. С. 3.

³⁸ Там же. С. 4–8.

(52,94 % голосов). Лидер КПРФ Г. А. Зюганов занял второе место с результатом 29,21 %³⁹. Эти выборы подвели черту под эпохой острого противостояния между коммунистической оппозицией и властью, характерного для 1990-х гг. Приход к власти Владимира Путина, построение властной вертикали, формирование доминирующей партии власти в лице «Единой России» радикально сузили пространство политической конкуренции. В условиях управляемой демократии инструменты влияния оппозиции на принятие ключевых решений оказались де-факто блокированы. На парламентских выборах 2003 г. «Единая Россия» одержала убедительную победу, получив 37,57 % голосов по партийным спискам и 223 места в Государственной Думе. КПРФ заняла второе место с результатом 12,61 % (52 мандата), что было значительно меньше показателей 1999 г. (24,29 % и 113 мандатов)⁴⁰. Характерно, что все знаковые реформы первого десятилетия XXI в. – переход к плоской шкале налогообложения (2001 г.), монетизация социальных льгот (2005 г.), повышение пенсионного возраста (2018 г.) – были реализованы властью, несмотря на активное сопротивление КПРФ в парламенте и на митинговых мероприятиях.

Свою роль сыграл и субъективный фактор – бюрократизация партийных структур, старение и консервация руководящих кадров, неспособность выдвинуть яркие лидерские фигуры, способные возглавить массовый протест. Символом геронтократии стал председатель ЦК КПРФ Геннадий Зюганов, бессменно руководящий партией с 1993 г., некогда сыгравший центральную роль в оппозиционном становлении партии [Фадеева, Думлер 2023]. По замечанию самого партийного лидера в 2006 г., «почти половина (48 %) членов партии – старше 60 лет, 43 % – в возрасте от 30 до 60. И только 7 % членов партии моложе 30 лет»⁴¹, практически аналогичные тенденции наблюдались и 10 лет спустя: по данным

из политического отчета Центрального Комитета КПРФ XVII съезду партии, средний возраст членов КПРФ составлял 55,6 года⁴². При этом идеологический пласт партии также стал размываться. Апофеозом этой тенденции стало выдвижение на президентских выборах 2018 г. беспартийного предпринимателя Павла Грудина, который, однако, представлялся как «человек, которого ждет Россия» [Рафиков 2021], что, в представлении электората, искажало коммунистическую идентичность КПРФ и соответствующим образом сказалось на результатах выборов (11,77 %)⁴³.

Обозначившийся в последние годы сдвиг российского политического режима в сторону консервативного авторитаризма еще больше сузил возможности для легальной оппозиционной деятельности. Пенсионная реформа 2018 г., поправки к Конституции 2020 г.⁴⁴, позволяющие президенту оставаться у власти неопределенное количество времени, достаточно жесткие законы об иностранных агентах и нежелательных организациях, ужесточение правил проведения митингов и шествий – все эти меры в понимании КПРФ воспринимались как существенные ограничения политических свобод граждан. Однако на этом фоне руководство КПРФ скорее предпочло тактику конформизма, хотя в 2018 г. коммунисты активно собирали подписи граждан, выступая против пенсионной реформы, а в 2020 г. высказались однозначно относительно поправок – «Двух сроков президенту достаточно!»⁴⁵, выбор был сделан в общем случае в пользу компромиссной линии – КПРФ воздержалась при голосовании во втором чтении, раскритиковав «обнуление», но поддержав социальный блок поправок, призывы к митингам также обернулись нерешительностью к реальной организации массовых акций протеста. Если в 2020 г. у КПРФ были «все шансы эту [протестную] повестку возглавить», отмечал А. Колядин,

³⁹ Выборы Президента РФ 2000 г. ЦИК РФ. URL: http://old.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000/index.html (дата обращения: 09.10.2024).

⁴⁰ Выборы в ГД ФС РФ 2003 г. ЦИК РФ. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/2003/ (дата обращения: 09.10.2024).

⁴¹ Зюганова тревожит, что численность КПРФ из года в год снижается. РИА Новости. 17.06.2006. URL: <https://ria.ru/20060617/49649570.html> (дата обращения: 09.10.2024).

⁴² Политический отчет Центрального Комитета XVII съезду КПРФ. КПРФ. 17.05.2017. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/165381.html> (дата обращения: 09.10.2024).

⁴³ Выборы Президента РФ 18.03.2018. ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2018/itogi-golosovaniya/> (дата обращения: 09.10.2024).

⁴⁴ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. СПС КонсультантПлюс.

⁴⁵ Полунин А. Геннадий Зюганов: Путину надо помнить реальную историю, а не предлагать стране выдуманную. Свободная пресса. 06.07.2020. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/270164/> (дата обращения: 09.10.2024).

то после ввиду безынициативности партии она «ушла к несистемной оппозиции»⁴⁶. «Капитуляция с угрозами»⁴⁷, «бумажный тигр оппозиции»⁴⁸ – так характеризовали КПрФ известные публицисты того времени.

Новым вызовом для партии стало начало специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. Формально поддержав действия российского руководства, хотя и отметив, что партия «критична к внешней политике руководства России»⁴⁹, фракция КПрФ в Госдуме, однако, не выступила с собственными инициативами, ограничившись обсуждением «украинского излома» на ноябрьском пленуме ЦК КПрФ⁵⁰ в 2022 г. Все это свидетельствует о нарастающем концептуальном кризисе в рядах КПрФ, утрате ею самостоятельной идеологической повестки.

Чтобы наглядно продемонстрировать кардинальные различия в политико-идеологическом контексте, определявшем траекторию эволюции КПрФ на разных этапах ее истории, представим их в виде сравнительной таблицы. Такое сопоставление позволит выявить ключевые факторы, обусловившие трансформацию партии из радикальной оппозиционной силы в системный элемент политического режима современной России.

При этом историко-сравнительный анализ программных документов КПрФ разных лет (Программа 1995 г., Программа 2008 г., программные заявления последующих лет) позволяет проследить конкретные изменения в идеологической доктрине партии по следующим вопросам:

1. Изменение отношения к марксизму-ленинизму. Если в программных документах 1990-х гг. КПрФ

декларировала верность марксистско-ленинскому учению как научной основе деятельности партии («в определении своих программных целей, стратегии и тактики борьбы за их достижение она руководствуется развивающимся марксистско-ленинским учением, материалистической диалектикой»⁵¹), то в Программе 2008 г. говорится уже о «творческом развитии» марксизма-ленинизма и необходимости учета «новых исторических реалий»⁵². Классовый подход все больше соединяется с общенациональной и патриотической риторикой. Так, в 2023 г. В. И. Кашин, председатель ЦК КПрФ, в рамках партийного доклада определил траекторию КПрФ как «опыт борьбы за национальные интересы России, соединенный с глубоким пониманием законов истории и марксистско-ленинской диалектики»⁵³.

2. Изменение подхода к частной собственности и рыночным механизмам. В Программе 1995 г. говорилось о восстановлении общественной собственности на средства производства, «недопущении частной собственности на землю и природные богатства, их купли-продажи» как о стратегической цели партии⁵⁴. В Программе 2008 г. акценты смещаются: хотя конечная цель также видится в «формировании социалистических общественных отношений», речь идет о допущении многоукладной экономики при преобладании общественных форм собственности, о сочетании плановых и рыночных механизмов («народная власть с помощью плановых и рыночных механизмов будет активно регулировать развитие экономики и социальной сферы»⁵⁵).

3. Усиление национал-патриотического курса. В программных документах и публичных

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Кагарлицкий: власть хочет перевести КПрФ в ручное управление. *News.ru*. 20.04.2021. URL: <https://news.ru/vlast/kagarlickij-vlast-hochet-perevesti-kprf-v-ruchnoe-upravlenie/> (дата обращения: 09.10.2024).

⁴⁸ Архипова А., Сокирянская Е., Козлова И., Гаврилова М., Доронин Д., Белянин С. Левый поворот? Российские левые партии и движения и социально-политические взгляды рабочих. I. Системные и несистемные левые в современной России. М., 2019. URL: https://web.archive.org/web/20210602214642/http://cap-center.org/wp-content/uploads/2019/04/I-Левый-поворот_-Системные-и-несистемные-левые.pdf#page=5 (дата обращения: 07.10.2024).

⁴⁹ Зюганов Г. А. Опыт советского народовластия и задачи КПрФ в борьбе за подлинную демократию, социальный прогресс и дружбу народов. *Правда*. 10.11.2022. № 125 (31328). URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/125-31328-10-noyabrya-2022-god/opyt-sovetskogo-narodovlastiya-i-zadachi-kprf-v-borbe-za-podlinnyuyu-demokratiyu-sotsialnyy-progress-/> (дата обращения: 09.10.2024).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Коммунистическая партия Российской Федерации. Программа... С. 4.

⁵² Программа партии. *КПрФ*. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 09.10.2024).

⁵³ В. И. Кашин: Социально-экономическая Программа КПрФ – стратегия социалистического возрождения России. *КПрФ*. 26.10.2023. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/222009.html> (дата обращения: 09.10.2024).

⁵⁴ Коммунистическая партия Российской Федерации. Программа... С. 17.

⁵⁵ Программа партии...

Табл. Сравнительный анализ условий становления и развития КПРФ в 1990–2020-е гг.

Tab. Communist Party of the Russian Federation in 1990s vs. 2020s

Параметры сравнения	1990-е гг.	2020-е гг.
Идеологический климат в обществе	Острая мировоззренческая поляризация, конкуренция коммунистических и анти-коммунистических сил	Доминирование консервативно-охранительных настроений, идеологическая монополия партии власти
Роль КПРФ в партийно-политической системе	Ведущая оппозиционная сила, главный оппонент ельцинского режима	Системная партия с неопределенной идеологической идентичностью
Стратегия политической борьбы	Сочетание парламентских и внепарламентских методов, установка на завоевание власти	Исключительно парламентская деятельность, ситуативная критика власти при отказе от борьбы за власть
Лидерство и внутрипартийная демократия	Острая конкуренция идейных платформ, высокая ротация кадров	Герантократия, несменяемость высшего руководства, подавление внутренней оппозиции
Электоральная база и социальный состав	Многочисленный протестный электорат из рабочих, пенсионеров, части интеллигенции	Преимущественно люди старшего возраста, маргинализация партии в молодежной среде
Программные установки и политическая риторика	Радикальная антикапиталистическая повестка, призывы к социалистическому выбору и смене общественного строя	Идейная эклектика, отказ от последовательной социалистической программы, националистический и державнический дискурс
Характер отношений с исполнительной властью	Непримиримая конфронтация, вплоть до попыток импичмента президента	Конформизм, ситуативная критика при неизменной поддержке базовых установок Кремля
Позиционирование по отношению к политическому режиму	Последовательная антисистемная сила	Системная оппозиция, интегрированная в политический истеблишмент
Перспективы развития	Потенциал превращения в правящую партию на волне массового недовольства и левого поворота	Углубляющийся кризис идентичности, потеря политической субъектности, риск маргинализации

выступлениях лидеров КПРФ 1990-х гг. присутствовал тезис о «единстве патриотических и интернациональных начал»⁵⁶, их балансе. Тем не менее уже в программных установках 1995 г. отмечается важность русской идеи, которая, в понимании авторов, «в своей сущности <...> есть идея глубоко социалистическая»⁵⁷. К 2000-м гг. произошел явный сдвиг в сторону национально-государственной и державной риторики, в программе 2008 г. отмечается, что «сегодня русские стали самым крупным разделенным народом на планете, идет откровенный геноцид великой нации», а «задачи решения русского вопроса и борьбы за социализм по своей

сути совпадают»⁵⁸. Эта тенденция особенно усилилась после 2014 и 2022 годов, когда КПРФ активно поддержала присоединение Крыма к России и заняла патриотические позиции по украинскому вопросу. В программу КПРФ на выборах в 2022 г. «20 неотложных мер для преобразования России» русскому вопросу отводится отдельный пункт, где в качестве мер решения предлагается «поставить вне закона пропаганду русофобии и антисоветизма» (примечательно, что русофобия и антисоветизм упоминаются в связке)⁵⁹.

4. Изменение отношения к религии и церкви. В Программе 1995 г. религия рассматривалась

⁵⁶ Коммунистическая партия Российской Федерации. Программа... С. 3.

⁵⁷ Там же. С. 10.

⁵⁸ Программа партии...

⁵⁹ Двадцать неотложных мер для преобразования России. КПРФ. 29.03.2022. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/209499.html> (дата обращения: 09.10.2024).

нейтрально: партия заявляла об уважении «к православию и другим традиционным религиям народов России»⁶⁰, но подчеркивала свой светский характер. В последующие годы отношения КПрФ с Русской православной церковью становились все более тесными: «образ социальной жизни, соответствующий Православному Христианству, весьма близок, если не тождественен социализму или даже коммунизму»⁶¹. Г. А. Зюганов неоднократно заявлял о близости коммунистических и христианских ценностей, в 2021 г. он отметил: «Первым коммунистом на планете в новом летоисчислении был Иисус Христос. Положите Нагорную проповедь Иисуса и Моральный кодекс строительства коммунизма – один в один»⁶².

Как видно, изменение партийных установок происходило под влиянием меняющегося политического контекста и необходимости адаптации к новым социально-историческим реалиям постсоветской России. При этом руководство КПрФ стремилось сохранить формальную преемственность с классическим марксизмом-ленинизмом, представляя изменения как его творческое развитие, а не отказ от базовых принципов. Особенно заметно это в усилении национал-патриотической риторики и сближении с православной церковью – темах, которые изначально были призваны расширить электоральную базу партии, но со временем оказались перехвачены другими политическими силами, прежде всего «Единой Россией». К 2010-м гг. многие отличительные идеологические позиции КПрФ, особенно в сфере государственного патриотизма, защиты традиционных ценностей и критики западного либерализма, стали неотъемлемой частью официального дискурса российской власти, что дополнительно размывало идеологическую идентичность партии и ограничивало ее политические возможности как оппозиционной силы.

Возможно ли в этих условиях радикальное обновление партии, возвращение к ее истокам как независимой оппозиционной силы? Очевидно, что без глубокой перезагрузки, выдвижения мобилизующего общества идеологического проекта КПрФ рискует окончательно утратить свою политическую

идентичность. Для такого проекта сегодня есть определенные общественные предпосылки – нарастающее социальное недовольство, запрос на социальную справедливость и левый поворот, усталость от милитаристской риторики власти. Однако ключевой вопрос – сможет ли партия предложить массам привлекательный образ будущего, основанный не на советской ностальгии [Мелешкина, Фомин 2022], а на сочетании идей прогрессивного социализма с демократическими ценностями.

Заключение

Итак, проведенное историческое исследование позволяет сделать следующие выводы о траектории идейной трансформации КПрФ в постсоветский период:

1. Генезис КПрФ как преемницы КПСС происходил в условиях глубокого идеологического кризиса коммунистического движения, вызванного крахом советской системы и дискредитацией марксистско-ленинской доктрины. Партия изначально формировалась как синтетическое образование, соединяющее традиционные коммунистические ценности с элементами национал-патриотического дискурса.

2. В 1990-е гг. КПрФ сформировалась как ведущая оппозиционная сила, главный оппонент ельцинского режима, опирающийся на широкий спектр социальных групп, пострадавших от радикальных рыночных реформ. Идеологически партия позиционировала себя как защитнице социалистического выбора, социальной справедливости, национально-государственных интересов России.

3. На рубеже 1990–2000-х гг. произошел существенный сдвиг в идеологии КПрФ: от классического марксизма-ленинизма с его акцентом на классовой борьбе – к синтезу левых и патриотических идей, от интернационализма – к державности и русскому патриотизму, от атеизма – к признанию позитивной роли православия и других традиционных религий.

4. В 2000-е гг., в условиях формирования «путинской» модели политической системы, КПрФ постепенно интегрировалась в режим управляемой демократии в качестве системной оппозиции, критикующей отдельные аспекты политики власти,

⁶⁰ Коммунистическая партия Российской Федерации. Программа... С. 21.

⁶¹ Православие и социализм: есть ли точки соприкосновения? О возможных сферах сотрудничества коммунистов с православными организациями. КПрФ. 01.11.2012. URL: <https://kprf.ru/rusk/112016.html> (дата обращения: 09.10.2024).

⁶² Котляр М. «Нагорная проповедь и кодекс строительства коммунизма – один в один». Зюганов назвал Иисуса Христа коммунистом. Газета.ru. 02.09.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/09/02/13943414.shtml> (дата обращения: 09.10.2024).

но не делающей практических шагов к изменению основы существующего строя.

5. Идеологическая эволюция КППФ в 2010–2020-е гг. характеризуется дальнейшим размытием коммунистической идентичности, усилением национально-патриотических и консервативных тенденций, фактическим отказом от борьбы за радикальное изменение общественно-экономического строя.

6. Современное состояние КППФ отмечено нарастающим противоречием между радикальной риторикой и конформистской практикой, между формальной приверженностью коммунистическим идеалам и фактической интеграцией в существующую политическую систему.

7. Исторический опыт КППФ демонстрирует сложность адаптации коммунистического движения к условиям рыночной экономики и политического плюрализма, поиска баланса между верностью традиционным левым ценностям и необходимостью отвечать на новые вызовы постиндустриальной эпохи.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Безбородов А. Б., Елисеева Н. В., Шестаков В. А. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб.: Норма, 2010. 216 с. [Bezborodov A. B., Eliseeva N. V., Shestakov V. A. *Perestroika and the collapse of the USSR. 1985–1993*. St. Petersburg: Norma, 2010, 216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pukcjd>
- Буянов А. В. Выборы народных депутатов СССР 1989 г. *Россия и современный мир*. 2009. № 3. С. 187–194. [Buyanov A. V. The 1989 elections of the USSR people's deputies. *Russia and the contemporary world*, 2009, (3): 187–194. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kuzzld>
- Величко С. А. Общественно-политическая жизнь в Сибири в 1985–1991 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2007. 44 с. [Velichko S. A. *Social and political life in Siberia in 1985–1991*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2007, 44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nitlsp>
- Волгин Е. И. Новый этап электоральной реформы в РФ в середине 1990-х гг. и феномен «многопартийных» выборов во II Думу. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. № 75. С. 168–193. [Volgin E. I. The new stage of electoral reform in Russia in the mid-1990s and phenomenon of "multi-party" elections to the Second Duma. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 2019, (75): 168–193. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dnlmar>
- Волгин Е. И. Проблема департизации как фактор политического давления на КППФ в 1990-е гг. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2022. № 4. С. 91–103. [Volgin E. I. The problem of departization as a factor of political pressure on the Communist Party in 1990s. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorii i politicheskie nauki*, 2022, (4): 91–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-4-91-103>
- Волохов А. Е. Новейшая история Коммунистической партии: 1990–2003. М.: Импэто, 2003. 136 с. [Volokhov A. E. *The recent history of the Communist Party: 1990–2003*. Moscow: Impeto, 2003, 136. (In Russ.)]
- Герасимов Г. И. Мировоззрение, мышление и история. *История и современное мировоззрение*. 2023. Т. 5. № 2. С. 13–22. [Gerasimov G. I. Worldview, thinking and history. *History and Modern Perspectives*, 2023, 5(2): 13–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33693/2658-4654-2023-5-2-13-22>
- Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 1997. 286 с. [Zdravomyslov A. G. *Interethnic conflicts in the post-Soviet space*. Moscow: Aspekt Press, 1997, 286. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zzkapb>
- Зюганов Г. А. Драма власти: Страницы политической автобиографии. М.: Палея, 1993. 208 с. [Zyuganov G. A. *Drama of power: Pages of political autobiography*. Moscow: Paleia, 1993, 208. (In Russ.)]
- История России, ред. М. Н. Зюев. М.: Высш. шк., 1994. 431 с. [History of Russia, ed. Zuev M. N. Moscow: Vyssh. shk., 1994, 431. (In Russ.)]

- Кагарлицкий Б. Ю. Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 576 с. [Kagarlitsky B. Yu. *Managed democracy: The Russia that was imposed on us*. Ekaterinburg: Ultra. Kultura, 2005, 576. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qoeuwx>
- Клочков Д. А., Гернер М. С. Идеи марксизма в России. *Приоритетные направления развития науки и образования*: XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 20 марта 2021 г.) Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2021. С. 70–73. [Klochkov D. A., Gerner M. S. Ideas of Marxism in Russia. *Priority development directions in science and education*: Proc. XVII Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 20 Mar 2021. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Guliaev G. Yu.), 2021, 70–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/emoyvr>
- Коргунюк Ю. Г. Становление партийной системы в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2009. 45 с. [Korgunyuk Yu. G. *Formation of the party system in modern Russia*. Dr. Polit. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2009, 45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nkyec1>
- Коргунюк Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие). М.: ИНДЕМ, 1996. 239 с. [Korgunyuk Yu. G., Zaslavsky S. E. *Russian multi-party system: Formation, functioning, and development*. Moscow: INDEM, 1996, 239. (In Russ.)]
- Мелешкина Е. Ю., Фомин И. В. Использование образов советского прошлого в дискурсе «Единой России» и КПРФ. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2022. № 3. С. 80–104. [Meleshkina E. Yu., Fomin I. V. Using images of the Soviet past in the discourse of United Russia and CPRF. *Politeia*, 2022, (3): 80–104. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-80-104>
- Никандров А. В. Советский «государственный марксизм» как идейная система. *Вестник Российского философского общества*. 2023. № 1-2. С. 175–193. [Nikandrov A. V. Soviet "state Marxism" as ideal system and ideology. *Vestnik RFO*, 2023, (1-2): 175–193. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wvyikg>
- Николенко К. Д. Идеология и практика КПРФ: проблема исторической преемственности и поиск новой политической идентичности. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. 240 с. [Nikolenko K. D. *The CPRF's ideology and practice: The historical continuity problem and new political identity search*. Moscow: ООО "TD Algoritm", 2015, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cmaatq>
- Никонова С. И. Кризис идеологии и советское общество в 1970–80-е гг. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008. № 7. С. 374–382. [Nikonova S. I. Crisis of ideology and Soviet society in 1970-ies–1980-ies. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2008, (7): 374–382. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kuzkft>
- Пихоя Р. Г., Журавлев С. В., Соколов А. К. История современной России. Десятилетие либеральных реформ: 1991–1999 гг. М.: Новый Хронограф, 2011. 312 с. [Pikhoya R. G., Zhuravlev S. V., Sokolov A. K. *History of modern Russia. A decade of liberal reforms: 1991–1999*. Moscow: Novyi Khronograf, 2011, 312. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/suotcv>
- Плотников Н. С. От «социализма с человеческим лицом» к «национальному социализму». Дискурсы справедливости в постсоветской России. *Новое литературное обозрение*. 2022. № 6. С. 166–188. [Plotnikov N. S. From "socialism with a human face" to "national socialism". Discourses of justice in post-Soviet Russia. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2022, (6): 166–188. (In Russ.)] https://doi.org/10.53953/08696365_2022_178_6_166
- Рафиков А. И. Особенности рекламных коммуникаций оппозиционного кандидата (на материалах предвыборной кампании П. Н. Грудина). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2021. Т. 21. № 2. С. 238–242. [Rafikov A. I. Advertising communications of an opposition candidate (a case study of Pavel Grudinin's electoral campaign). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, 21(2): 238–242. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-238-242>
- Сахаров А. Д. Тревога и надежда. 2-е изд. М.: Интер-Версо, 1991. 336 с. [Sakharov A. D. *Anxiety and hope*. 2nd ed. Moscow: Inter-Verso, 1991, 336. (In Russ.)]
- Селиванов А. А. Идеология и идеологическое мировоззрение личности: исторический контекст. *Социально-гуманитарные знания*. 2011. № 7. С. 167–176. [Selivanov A. A. Ideology and ideological outlook of the person: A historical context. *Social and Humanitarian Knowledge*, 2011, (7): 167–176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pdsczl>
- Социализм: теория, практика, тенденции обновления в XXI веке, ред. И. М. Братищев. М.: РУСО, 2016. 559 с. [Socialism: Theory, practice, and trends of renewal in the XXI century, ed. Bratishchev I. M. Moscow: RUSO, 2016, 559. (In Russ.)]

- Тев Д. Б. Партии «второго эшелона» в региональных парламентах: особенности бассейна рекрутирования депутатов КПРФ, Справедливой России и ЛДПР. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2012. № 1. С. 98–111. [Tev D. B. Second echelon parties in regional parliaments: Features of the recruitment pool of deputies of the Communist Party of the Russian Federation, Fair Russia and the Liberal Democratic Party. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2012, (1): 98–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxrlut>
- Фадеева Л. А., Думлер Д. А. Фактор Зюганова в партийной трансформации КПРФ. *Власть и элиты*. 2023. Т. 10. № 2. С. 170–182. [Fadeeva L. A., Dumler D. A. The Zyuganov factor in the party transformation of the Communist Party of the Russian Federation. *Power and Elites*, 2023, 10(2): 170–182. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31119/re.2023.10.2.7>
- Холмская М. Р. Коммунисты России: факты, идеи, тенденции: информационно-аналитический обзор. М.: Б. и., 1998. 79 с. [Kholmskaya M. R. *Communists of Russia: Facts, ideas, and trends: Information and analytical review*. Moscow, 1998, 79. (In Russ.)]
- Чекменев Д. С. Историческая динамика общественных настроений в СССР во второй половине 1980-х гг. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2007. № S2. С. 121–125. [Chekmenev D. S. Historical dynamics of public sentiment in the USSR in the second half of the 1980s. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2007, (S2): 121–125. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iasmsx>
- Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. 480 с. [Shubin A. V. *Paradoxes of perestroika. The chance the USSR missed*. Moscow: Veche, 2005, 480. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qozoir>
- Яшкова П. С., Цветков В. Ж. Концепция «социализма с человеческим лицом» в перестроечной идеологии СССР. *Апробация*. 2016. № 10. С. 26–29. [Yashkova P. S., Tsvetkov V. Zh. The concept of "socialism with a human face" in the Perestroika ideology of the USSR. *Aprobacia*, 2016, (10): 26–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vuumgo>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/erpydw>

Исторический опыт подготовки педагогов-историков в Сахалинском государственном университете (1949–2024 гг.)

Потапова Наталья Владимировна

Сахалинский государственный университет, Россия, Южно-Сахалинск

eLibrary Author SPIN: 8321-6685

<https://orcid.org/0000-0002-5658-9243>napotapova@yandex.ru

Аннотация: Актуальность статьи обеспечивается важными государственными задачами исторического образования и неизученностью регионального исторического опыта подготовки педагогов-историков. Цель – изучить становление и развитие подготовки педагогов-историков в единственном вузе Сахалинской области с момента основания первого высшего учебного заведения на Сахалине в 1949 г. – Южно-Сахалинского государственного учительского института, позднее преобразованного в Южно-Сахалинский государственный педагогический институт и затем – в Сахалинский государственный университет. Теоретико-методологической основой исследования стала концепция модернизации, в рамках которой рассматриваются реформы в системе высшего образования в России в их региональном аспекте. Статья основана на анализе нормативно-правовых актов и документов из регионального, ведомственного, текущего кафедрального и личного архивов. Предложена авторская периодизация 75-летней истории высшего историко-педагогического образования в Сахалинской области, в основе которой лежат модернизационные процессы и социальные трансформации, определяющие этапы государственных реформ в сфере высшего образования в СССР и Российской Федерации. Выявлены особенности, проблемы и перспективы развития историко-педагогического направления в Сахалинской области как периферийной, отдаленной от центра, пограничной, ресурсной, слабозаселенной территории, имеющей с начала 1990-х гг. негативную специфику миграционного и демографического развития. На этом фоне изучены негативные эффекты и отмечена травматичность реформ системы высшего образования второго десятилетия XXI в. для островного вуза в целом, для профессорско-преподавательского состава и студентов-педагогов (историков). Определена современная позитивная тенденция роста престижности историко-педагогического образования, что отвечает актуальным государственным задачам, стоящим перед историками-преподавателями вузов и учителями школ.

Ключевые слова: СССР, Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинский государственный педагогический институт, Южно-Сахалинский учительский институт, педагоги, учителя, историки, перестройка, постсоветская трансформация, реформы

Цитирование: Потапова Н. В. Исторический опыт подготовки педагогов-историков в Сахалинском государственном университете (1949–2024 гг.). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 449–460. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-449-460>

Поступила в редакцию 12.02.2025. Принята после рецензирования 08.04.2025. Принята в печать 14.04.2025.

full article

Training Teachers of History at Sakhalin State University: Historical Experience of 1949–2024

Natalia V. Potapova

Sakhalin State University, Russia, Yuzhno-Sakhalinsk

eLibrary Author SPIN: 8321-6685

<https://orcid.org/0000-0002-5658-9243>napotapova@yandex.ru

Abstract: Although historical education is now a national priority, the regional experience of its development on the island of Sakhalin remains understudied. The Yuzhno-Sakhalinsk State Institute of Teachers' Training was the first higher education institution on Sakhalin. Eventually, it became the Yuzhno-Sakhalinsk State Pedagogical Institute, which, in its turn, was transformed into the Sakhalin State University. The article traces its experience in training history teachers. Based on the concept of modernization as part of higher education reforms, the author analyzed regulatory legal acts and documents stored in regional, departmental, industrial, and personal archives. The research yielded a periodization of the 75-year history of historical and pedagogical education in the Sakhalin Region, based on modernization processes, social transformations, and state reforms in the field of higher education. The peculiarities, problems, and prospects for the historical and pedagogical education in the Sakhalin Region depend on its status as a sparsely populated frontier territory of resource nature. These factors triggered a strong outmigration in the early 1990s. The recent reforms of the higher education system also caused major damage to the local university and historical faculty members. However, the growing prestige of historical and pedagogical education may yet improve the state of affairs for the local academia and school teachers.

Keywords: USSR, Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk State Pedagogical Institute, Yuzhno-Sakhalinsk Teachers' Training Institute, educators, teachers, historians, Perestroika, post-Soviet transformation, reforms

Citation: Potapova N. V. Training Teachers of History at Sakhalin State University: Historical Experience of 1949–2024. *SibScript*, 2025, 27(3): 449–460. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-449-460>

Received 12 Feb 2025. Accepted after peer review 8 Apr 2025. Accepted for publication 14 Apr 2025.

Введение

Государство и общество в настоящее время уделяют особое внимание истории и историческому образованию как инструменту формирования патриотизма и общероссийской гражданской идентичности. В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹ историческая память и преемственность поколений относятся к традиционным ценностям. Важнейшим нормативно-правовым документом в этом направлении стали «Основы государственной политики Российской Федерации

в области исторического просвещения», утвержденные Указом № 314 Президента РФ от 8 мая 2024 г., рассматривающие историческое просвещение как одну из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти². Задачами государственной политики в области исторического просвещения, в частности, названы: «формирование государственного заказа на подготовку научно-педагогических кадров», «совершенствование системы контроля качества содержания историко-просветительских и образовательных программ в области истории и культуры, разрабатываемых в том числе для подготовки

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022. СПС КонсультантПлюс.

² Об утверждении Основ государственной политики РФ в области исторического просвещения. Указ Президента РФ № 314 от 08.05.2024. С. 1. СПС КонсультантПлюс.

научно-педагогических кадров», «повышение эффективности деятельности образовательных и просветительских организаций»³. В условиях такого пристального внимания государства к истории, без сомнения, особую актуальность приобретает изучение исторического опыта и современного состояния подготовки учителей истории как на общероссийском, так и на региональном уровне. В этом смысле опыт развития высшего историко-педагогического образования в единственном в России островном регионе – Сахалинской области, периферийной, отдаленной и отделенной от Центральной России, пограничной, слабо заселенной, ресурсной территории – представляет научную и практическую значимость.

В настоящее время наблюдается всплеск интереса ученых к истории вузов, в частности, активно пишутся «биографии» вузов [Зайцев 2016; 2019; Кузин 2023; Стрельцова 2017; Федирко, Зайцев 2021], особенно юбилейные издания, ставшие особым жанром современной историографии [Репина 2017]. Вызывает интерес история и современное состояние гуманитарного образования, в том числе исторического, в России в целом [Вяземский 2013; Князева 2023; Костюченко 2012; Ушмаева 2006] и в регионах [Демьянов, Метель 2021; Дударенок 2018; Карелова 2018; Синицын 2023; Хаминов 2011; Хорошенкова 2013]. Некоторые аспекты истории островного вуза в контексте истории педагогического образования на Сахалине рассматриваются в диссертационной работе М. В. Фалей [Фалей 2004], однако подготовка учителей истории оказывается за пределами внимания автора. Справочники 1990-х гг.⁴ и юбилейное издание 2009 г.⁵, содержащие общую и лаконичную информацию по истории Южно-Сахалинского государственного педагогического института (ЮСГПИ) и Сахалинского государственного университета (СахГУ), сведений о предмете нашего исследования также не содержат. Несколько статей бывшего ректора ЮСГПИ Н. И. Колесникова и действующего на момент публикации ректора СахГУ Б. Р. Мисикова освещают страницы истории островного вуза в целом

[Колесников 1994; 1999; Мисиков 1999]. Истории историко-педагогического образования в масштабах макрорегиона посвящена диссертационная работа Е. В. Кареловой [Карелова 2023], но о подготовке учителей истории в Сахалинской области в ней упомянуто поверхностно, в ограниченных временных рамках (рубеж 1980–1990-х гг.). Брошюра «Профессия – историк», написанная студентами-старшекурсниками СахГУ для старшеклассников и абитуриентов, знакомит читателя с краткой информацией о преподавателях-историках⁶. Некоторый материал по теме имеется в публикациях о сахалинских историках в формате некрологов, в юбилейных библиографических указателях [Потапова 2021]. В целом до сих пор нет ни одной научной работы, в которой бы комплексно исследовалась история историко-педагогического образования в островном регионе.

Цель – изучить становление и развитие подготовки педагогов-историков в единственном вузе Сахалинской области в 1949–2024 гг. Задачи:

- выявить основные направления государственной политики, определившие развитие историко-педагогического образования в регионе;
- выделить основные этапы развития предмета исследования;
- изучить основное содержание и особенности этапов истории подготовки учителей истории в Сахалинской области.

Объект исследования – высшее историко-педагогическое образование в Сахалинской области; предмет – процесс становления и развития историко-педагогического образования в Сахалинской области в 1949–2024 гг.

Методы и материалы

Источниковой базой исследования послужили нормативно-правовые акты, делопроизводственные, статистические источники, опубликованные и неопубликованные, из фондов Государственного исторического архива Сахалинской области и ведомственного архива Сахалинского государственного университета, текущего архива кафедры российской

³ Там же. С. 5–6.

⁴ Южно-Сахалинский государственный педагогический институт: история и современность, отв. ред. Б. Р. Мисиков. Южно-Сахалинск: ЮСГПИ, 1994. 84 с.; Мисиков Б. Р., Колесников Н. И. Южно-Сахалинский педагогический: вчера, сегодня, завтра. Справочник. Южно-Сахалинск: ЮСГПИ, 1996. 96 с.

⁵ Главный вуз островной области: Сахалинскому государственному университету 60 лет, ред.-сост. А. В. Тарасов. Южно-Сахалинск: Сахалин – Приамурские ведомости, 2009. 128 с.

⁶ Качалова О. А., Лисыч Ю. М., Пашенцев П. А., Пашенцева Е. А., Ушаков Д. П. Профессия – историк. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2008. 24 с.

и всеобщей истории, личного архива автора. Общими методологическими принципами исследования стали принципы историзма, системности и объективности, т. е. предмет исследования изучается в генезисе и развитии, конкретно-исторической обусловленности и региональной специфике; рассматривается как система, состоящая из взаимосвязанных частей, и как часть более крупной системы; принцип объективности позволяет преодолевать и предотвращать субъективизм, несмотря на то что автор является участником изучаемых процессов, позволяет следовать за фактами, а не встраивать их в заранее заданную схему. Теоретико-методологической основой исследования стала концепция модернизации, в рамках которой рассматриваются реформы в системе высшего образования в России в их региональном аспекте. Из специальных методов исследования наиболее важным стал историко-генетический, позволяющий рассмотреть предмет в развитии и взаимосвязи всех процессов, выстроить периодизацию этого развития. При сборе и обработке нарратива использовались и общенаучные методы исследования: методы анализа и синтеза, статистический метод и др.

Результаты

Подготовка учителей истории в островном регионе начинается после окончания Второй мировой войны. Интеграция островных территорий в экономическое пространство СССР, их активное заселение советскими людьми, развитие здесь ряда важнейших отраслей народного хозяйства потребовали форсированного создания большого числа школ и наполнения их учителями. Руководство СССР, поставившее задачи форсированной модернизации в формате индустриализации, в целях подготовки кадров для экономики с начала 1930-х гг. ввело всеобщее обязательное 7-летнее обучение. Для массовой подготовки учителей 5–7-х классов средних школ началось открытие педагогических и учительских институтов с 2-летним сроком обучения. Необходимость консолидации общества для достижения поставленных

целей предопределяла особое внимание к преподаванию в школах гуманитарных дисциплин, прежде всего истории⁷. 1 сентября 1949 г. был открыт Южно-Сахалинский государственный учительский институт (ЮСГУИ), одним из трех его отделений было историческое (наряду с отделениями русского языка и литературы и физико-математическим). План набора на 1 курс всех отделений был 100 человек⁸. Преподавательский состав института формировался за счет специалистов, направленных Министерством высшего и среднего специального образования (Минвуза) СССР. В 1950 г. была создана кафедра истории, которую возглавил кандидат исторических наук П. К. Лялюков. В институте работал студенческий исторический кружок с секциями: история Древнего мира, история СССР, история Нового времени⁹.

В начале 1950-х гг. развитие высшего образования в СССР определялось задачами очередного этапа модернизации, дальнейшего развития народного хозяйства, переходом на обязательное полное среднее образование, поэтому учительские институты были реорганизованы в педагогические институты¹⁰. 2 августа 1954 г. на базе учительского был организован Южно-Сахалинский государственный педагогический институт¹¹. Одним из четырех факультетов ЮСПИ был исторический, действовали кафедры основ марксизма-ленинизма и истории¹². Прием на 1 курс по всем специальностям был определен в 200 человек на очное отделение, 150 – на заочное. В 1955 г. состоялась первая защита кандидатской диссертаций по истории преподавателя ЮСПИ И. А. Сенченко. В 1957 г. директором, а затем первым ректором (1960–1963 гг.) ЮСПИ стала историк, кандидат наук, доцент К. И. Князева¹³. В 1957 г. в ЮСПИ был образован историко-филологический факультет, объединивший исторический факультет и факультет русского языка и литературы.

В 1968 г. он был вновь разделен на два – факультет русского языка и литературы и факультет иностранных языков, в последнем было два отделения: «история и иностранный язык» и «иностранные

⁷ О преподавании гражданской истории в школах СССР. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15.05.1934. *Известия ЦИК СССР и ВЦИК*. 1934. № 113. С. 368–369.

⁸ Государственный исторический архив Сахалинской области (ГИАСО). Ф. Р-698. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2, 20; ГИАСО. Ф. Р-698. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

⁹ ГИАСО. Ф. Р-698. Оп. 1. Д. 14. Л. 2; ГИАСО. Ф. Р-698. Оп. 1. Д. 27. Л. 23.

¹⁰ XIX съезд ВКП(б) – КПСС (5–14 октября 1952 г.). Документы и материалы. С. 16. URL: https://istmat.org/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf (дата обращения: 23.12.2024).

¹¹ ГИАСО. Ф. Р-698. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

¹² ГИАСО. Ф. Р-53. Оп. 25. Д. 794. Л. 103–105.

¹³ ГИАСО. Ф. Р-698. Оп. 1. Д. 111. Л. 16–17.

языки»¹⁴. На этом этапе были открыты кафедры истории СССР и всеобщей истории, а также межкафедрские кафедры научного коммунизма и истории КПСС.

В 1974 г., когда ректором вновь стал историк – кандидат исторических наук Н. И. Колесников (1974–1983 гг.), акцент был смещен на историческое образование, и факультет иностранных языков был переименован в исторический факультет¹⁵. Деканом историко-филологического факультета (1963–1965 гг.), факультета иностранных языков (1965–1974 гг.), позднее исторического факультета (1974–1988 гг.) был кандидат исторических наук, доцент А. М. Лопачев. В состав факультета входили 3 кафедры: истории СССР, всеобщей истории, английского языка. Состав двух исторических кафедр насчитывал 14 человек, в том числе 11 кандидатов и 1 доктора исторических наук, 8 из них приехали на Сахалин с материка по приглашению ЮСПИ. Преподаватели работали по типовым министерским программам, их учебно-методическая работа состояла только в разработке лекций и планов семинарских занятий. Набор на исторический факультет составлял 100 человек в год: по 50 на очное и заочное отделения. Специальность имела очень большой спрос. Конкурс в первой половине 1980-х гг. составлял 2–3 человека на место. Подготовка учителей в эти годы велась по специальности «учитель истории, обществоведения и английского языка»¹⁶, выпускники были широко востребованы в регионе и работали не только в школах, но и в архивах, музеях, библиотеках, партийных и государственных органах, на телевидении, в редакциях газет и т. п.

Новые попытки приведения системы образования СССР в соответствие с требованиями развития народного хозяйства начались накануне

перестройки. В Постановлении Верховного Совета СССР от 12 апреля 1984 г.¹⁷ были обозначены задачи повышения качества подготовки учителей с акцентом на их практическую подготовку [Мурюкина 2019]. В 1985 г. М. С. Горбачев, провозгласив курс на перестройку, обратил внимание на то, что модернизационные процессы должны опираться на научную основу, обеспечить которую должны обществоведы (в широком смысле), и заявил о необходимости перестройки исторической науки¹⁸. Приказ Минвуза РСФСР от 4 октября 1986 г.¹⁹, Постановление Минвуза СССР, Секретариата ВЦСПС и Секретариата ЦК ВЛКСМ от 17 июня 1987 г. освободили деятельность вузов, преподавателей, студентов от излишнего контроля, идеологического диктата²⁰. В 1988 г. в послании Всесоюзному съезду работников народного образования ЦК КПСС потребовал от высшей и средней профессиональной школы, чтобы их работа была направлена на создание кадрового потенциала, который будет способен совершить революционные изменения в экономике, вывести на мировой уровень отечественную науку и технику²¹. В 1988 г. Минвуз СССР был преобразован в Государственный комитет СССР по народному образованию, его приказом № 685 от 22 августа 1989 г. отменялось изучение «Истории КПСС», вводились обязательные курсы «Философия», «Политическая экономия» и др. [Порохня 2017: 29–30].

Новые социально-экономические и политические условия, складывающиеся в постсоветской России, процессы модернизации, перестройка экономики на рыночный лад требовали обновления нормативно-правовых основ функционирования системы образования. 10 июля 1992 г. был принят Закон РФ «Об образовании», установивший порядок функционирования и управления всей системы

¹⁴ ГИАСО. Ф. Р-698. Оп. 1. Д. 458. Л. 5.

¹⁵ ГИАСО. Ф. Р-698. Оп. 2. Д. 1695. Л. 112.

¹⁶ Ведомственный архив ФГБОУ ВПО «СахГУ» (Архив СахГУ). Ф. 698. Оп. 1. Д. 2477. Л. 47; Архив СахГУ. Ф. 698. Оп. 1. Д. 2529. Л. 46; ГИАСО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 2478. Л. 42.

¹⁷ Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы. Постановление ВС СССР от 12.04.1984. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов*, сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюкова. Т. 15. Ч. 1. 1983 г. – май 1984 г. М.: Политиздат, 1985. С. 401.

¹⁸ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. С. 46.

¹⁹ О развитии инициативы научно-педагогических коллективов вузов, расширении их прав в осуществлении перестройки учебного процесса. Приказ Минвуза РСФСР № 636 от 04.10.1986; О признании утратившими силу ведомственных правовых актов. Приказ Министерства науки, высшей школы и технической политики РФ № 746 от 16.12.1992. *СПС КонсультантПлюс*.

²⁰ О первоочередных мерах по расширению участия студентов в управлении вузами. Постановление Минвуза СССР, Секретариата ВЦСПС и Секретариата ЦК ВЛКСМ № 435/20-11/ст7/10а от 17.06.1987. *Бюллетень Минвуза СССР*. 1987. № 8. С. 2–4.

²¹ Материалы Всесоюзного съезда работников народного образования: Стенографический отчет. 20–22 декабря 1988 г. М.: Просвещение, 1989. С. 4–6.

образования, включая высшее профессиональное образование²². Постановление Правительства РФ № 244 от 13 апреля 1992 г. «О развитии гуманитарного образования в Российской Федерации» призвало усилить работу по интеллектуальному, эстетическому и нравственному развитию личности, повышению уровня образованности будущего специалиста [Там же: 31]. В 1996 г. принципы автономии вузов и академической свободы, понимавшиеся как свобода педагогического работника высшего учебного заведения излагать учебный предмет по своему усмотрению, выбирать темы для научных исследований и проводить их своими методами, были зафиксированы законодательно²³. В 1996 г. на IV съезде Российского союза ректоров вузов Б. Н. Ельцин обратил внимание на важность изучения истории и освобождения ее от политически конъюнктурных искажений: «Сегодня знания о прошлом Отечества нужны как воздух, когда многие по невежеству становятся жертвами прямого обмана и спекуляций на событиях великой российской истории» [Порохня 2016: 11–12].

В годы перестройки и в последующее десятилетие таким образом были предопределены изменения в содержании гуманитарного образования, которое стало формироваться вузами. На заседаниях исторических кафедр ЮСПИ в 1985–1986 гг. систематически рассматривались вопросы повышения качества подготовки учителей, принимались решения усилить связь лекционного материала со школьной программой и учебниками, с задачами практической работы учителя, внедрялись практико-ориентированные спецкурсы, практические занятия проводились в школах Южно-Сахалинска²⁴. Изменения в содержании подготовки учителей-историков в конце 1980-х гг. фиксируются в переходе на новые учебные планы, вводятся новые дисциплины и меняется содержание старых, в 1988 г. «на базе новых партийных документов существенно обновился лекционно-практический курс новейшей истории, переработаны заново все темы по истории стран

социализма и основных стран Запада на современном этапе (80-е гг.)»²⁵.

В 1988 г. было создано востоковедческое направление: началась подготовка историков со знанием японского и корейского языков. В 1991 г. была открыта кафедра восточных языков, историк, кандидат наук С. Ч. Лим исполняла обязанности первой заведующей новой кафедры²⁶. Историко-английское отделение с 1990 г. разделилось на два направления: подготовка «учителей истории», предполагавшая более глубокое освоение студентами именно исторической специальности, до 1994 г. продолжалось обучение студентов по специальности «учитель истории и английского языка». В 1992 г. исторический факультет был переименован в гуманитарный. В этот же период, в дополнение к двум историческим кафедрам, действовавшим на факультете (кафедры отечественной истории и кафедры всеобщей истории), создана общеуниверситетская кафедра социально-политических наук, первым и единственным ее руководителем стал кандидат исторических наук А. С. Тлеков, бывший ректор ЮСПИ (1985–1991 гг.).

Кадровый состав преподавателей-историков оставался стабильным, расширяясь за счет выпускников ЮСПИ. В 1993 г. была открыта аспирантура ЮСПИ по специальности «отечественная история», дававшая возможность подготовки собственных преподавательских и научных кадров. Выпускники вуза по-прежнему трудоустраивались преимущественно в системе образования, архивах, музеях и библиотеках региона. Новые тенденции развития ЮСПИ – появление разнообразных направлений подготовки (специальностей)²⁷, выполнение фундаментальных и прикладных исследований по широкому спектру наук в условиях модернизации системы высшего образования в период постсоветской трансформации – позволили институту претендовать на изменение статуса.

27 мая 1998 г. был образован Сахалинский государственный университет (СахГУ). 25 октября 1999 г.

²² Об образовании в РФ. Закон РФ № 3266-1 от 10.06.1992. СПС КонсультантПлюс.

²³ О высшем и послевузовском профессиональном образовании. ФЗ № 125-ФЗ от 22.08.1996. СПС КонсультантПлюс.

²⁴ Архив СахГУ. Ф. 698. Оп. 1. Д. 2497. Л. 6; Архив СахГУ. Ф. 698. Оп. 1. Д. 2550. Л. 4.

²⁵ ГИАСО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 2718. Л. 10.

²⁶ Архив СахГУ. Ф. 698. Оп. 2. Д. 1194. Л. 108, 126.

²⁷ Аналитическая записка начальника отдела статистики услуг и социальной сферы И. П. Шокиной «О подготовке специалистов с высшим и средним специальным образованием в государственных и негосударственных учебных заведениях Сахалинской области». 30.12.1995. *Сахалинская область в документах и фактах. 1992–2000 годы*, отв. ред. М. В. Гридяева. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2017. С. 235.

в составе СахГУ был создан Институт истории, социологии и управления (ИИСУ). Директором института в 1998–2011 гг. был кандидат, а затем доктор исторических наук М. С. Высоков. В сентябре 2000 г. 3 кафедры – всеобщей, отечественной истории и социально-политических наук – были объединены в кафедру истории в составе ИИСУ. Заведующим кафедрой стал кандидат исторических наук А. А. Василевский. Присоединение России в 2003 г. к Болонской конвенции 1999 г.²⁸ предопределило переход на двухуровневую систему высшего образования (бакалавриат и магистратура) [Стожко, Стожко 2017: 85; Ушмаева 2006: 99]. В марте 2004 г. кафедра была разделена на две – всеобщей и российской истории, которые к концу первого десятилетия XX в. являлись выпускающими по специальности «история» и по направлению подготовки «история» (бакалавриат), позднее стали выпускать историков-краеведов (бакалавриат, направление подготовки «история», профиль «историческое краеведение»), последний выпуск которых (заочное обучение) был в 2020 г.

В начале XXI в. группы студентов-историков насчитывали 30–40 человек, результаты приема студентов в ИИСУ с 2004 г. показывают устойчивую тенденцию к снижению их численности, вызванную демографическим провалом 1990-х гг. и драматическим оттоком населения из региона²⁹. В 2003 г. дипломные работы защитили 57 выпускников (26 – на очном, 32 – на заочном отделении), в 2005 г. – 59, в 2008 г. – 18 (10 – на очном, 8 – на заочном), в 2009 г. – 39 (18 – на очном, 21 – на заочном), в 2010 г. – 30 (9 – на очном, 21 – на заочном)³⁰.

К концу первого десятилетия XXI в. наблюдаются явные признаки целенаправленной формализации и бюрократизации образовательного процесса. С 2007 г. начинается внедрение балльно-рейтинговой системы оценки, технологических карт, вводятся требования по унификации учебно-методических

комплексов (УМК), созданию аттестационных педагогических измерительных материалов (АПИМов). В 2009–2010-х гг. внедряется система менеджмента качества (СМК).

Одновременно начинается оптимизация профессорско-преподавательского состава, резкое сокращение численности преподавателей. К 2009 г. исторические кафедры включали до 30 преподавателей, рост численности был обеспечен за счет собственных выпускников, отучившихся в аспирантуре СахГУ. В это время кафедра российской истории насчитывала 14 преподавателей (9,5 ставки), ученые степени и звания имели 10 человек, в том числе 3 доктора наук, профессора; в составе кафедры всеобщей истории работало 8 преподавателей (6,75 ставки), ученые степени и звания имели 5 человек, в том числе 2 доктора наук, профессора³¹. Уже в следующем учебном году на заседании кафедры российской истории отмечалось, что «в связи с сокращением учебной нагрузки... было выделено 8 ставок для преподавателей. Остальные сотрудники будут переведены на срочные договоры... В этом году было произведено сокращение ставок с 320 до 280 [в университете – *прим. автора статьи*] в связи с сокращением контингента студентов»³². Немаловажным фактором деградации преподавательского коллектива оказались снижение реальной заработной платы преподавателей вузов с начала 1990-х гг., невыплаты зарплат в 1990-е гг. и крайне низкие зарплаты начала XXI в. [Порохня 2017: 47–48].

Закон «Об образовании в Российской Федерации» 2012 г. отразил требования нового, цифрового, этапа модернизации российской экономики, пристальное внимание в нем уделено реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, он усилил государственный контроль (надзор) в сфере образования³³. Цель продолжения реформ

²⁸ Болонский процесс. основополагающие материалы. М.: Финансы и статистика, 2007. С. 41.

²⁹ Отчет о самообследовании за 2009 г. ИИСУ СахГУ (электронная копия). *Личный архив автора*. Л. 11, 14, 34; Протокол заседания кафедры российской истории от 08.09.2011 (электронная копия). *Личный архив автора*. Л. 2; ГИА СО. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 1320. Л. 75–76.

³⁰ Отчет о работе кафедры истории за 2002–2003 учебный год (электронная копия). *Личный архив автора*. Л. 4–7; Отчет о работе Государственной аттестационной комиссии ИИСУ СахГУ, июнь 2005 г. (электронная копия). *Личный архив автора*. Л. 3; Отчет о работе кафедры всеобщей истории за 2007–2008 гг. (электронная копия). *Личный архив автора*. Л. 3, 5, 8; Отчет о работе кафедры российской истории за 2008–2009 гг. (электронная копия). *Личный архив автора*. Л. 8; Результаты защиты дипломных работ по специальности 032600 (050401.65) «История». Июль 2009 г. (электронная копия). *Личный архив автора*. Л. 1.

³¹ Отчет о самообследовании за 2009 г. ИИСУ СахГУ (электронная копия). *Личный архив автора*. Л. 34

³² Протокол заседания кафедры российской истории от 16.09.2009 (электронная копия). *Личный архив автора*. Л. 2–3.

³³ Об образовании в РФ...

была сформулирована в государственной программе РФ «Развитие образования» на 2013–2020 гг. как обеспечение высокого качества российского образования в соответствии с перспективными задачами развития российского общества и экономики³⁴. Новое законодательство создало юридическую основу для дальнейшего реформирования вузов, одним из направлений реформ стала их стратификация, распределение по уровням, имеющим разный статус и объемы государственного финансирования [Курбатова и др. 2021: 109].

Следствием реформ во втором десятилетии XXI в. стал глубокий кризис образования в региональных вузах. В 2012 г. в ходе оптимизации произошло объединение двух исторических кафедр СахГУ в одну кафедру российской и всеобщей истории, существующую до сих пор, заведующим кафедрой стал доктор исторических наук А. А. Василевский. В 2015–2016 гг. кафедра входила в состав Гуманитарного института, позднее – в состав Института филологии, истории и востоковедения СахГУ. К 2020 г. кафедра «потеряла» 4 докторов и 5 кандидатов наук как в связи с «оптимизацией», так и по личным причинам, вынужденных в поисках более высокооплачиваемой работы и комфортных условий труда уехать из региона. В запале «оптимизации» кафедре пришлось расстаться и с опытными старшими преподавателями. Негативное воздействие оказали эффективные, но краткосрочные контракты (1–2 года), на которые стали переводить преподавателей. Такие контракты не дают уверенности в завтрашнем дне, демотивируют преподавателей, не способствуя им в разработке новых и совершенствовании читающихся учебных курсов, учебно-методического обеспечения дисциплин, проведении фундаментальных, а значит – долгосрочных научных исследований.

Сверхбюрократизация создавала негативный фон для трудовой деятельности, как и увеличение

преподавательской нагрузки. Численность студентов в 2012 г. продолжала снижаться также из-за прекращения выделения бюджетных мест для гуманитарных направлений. Для сохранения исторического образования и коллектива кафедры в 2012 г. было открыто педагогическое направление подготовки бакалавров с профилем «история», с 2017 г. – магистратура по этому же направлению, профиль «история и обществознание», с 2018 г. осуществляется подготовка педагогов-бакалавров с таким же профилем. Однако в 2016 г., а затем в 2019 г. впервые в истории вуза не были выделены бюджетные места и на историко-педагогическое направление. В 2016 г. выпуск составил всего 9 человек (очное отделение); 2017 г. – 8 (очное); 2018 г. – 7 (очное) и 8 (заочное); 2019 г. – 7 (очное); в 2020 г. – 12 (заочное) и 2 (очное, магистратура); 2021 г. – 14 (очное); 2022 г. – 9 (заочное, магистратура); в 2023 г. – 11 (очное, бакалавриат). В 2022 и 2024 годах выпуска очного отделения бакалавров не было³⁵. Эти процессы происходили в условиях нехватки педагогов-историков в школах области и стабильно высокого спроса работодателей на выпускников. Глубина кризиса, в котором оказалось историческое образование в России в целом, в том числе и в Сахалинской области, обсуждалась в 2017 г. на Первом всероссийском съезде преподавателей истории в вузах России [Дударенок 2017].

С начала 2020-х гг. отмечаются новые тенденции в развитии историко-педагогического образования. Несмотря на продолжающееся реформирование системы вузов и инерцию «оптимизации», распределение бюджетных мест на исторические специальности стало осуществляться с учетом мнения Российского исторического общества (РИО)³⁶. С. Е. Нарышкин, отметив, что массовая «оптимизация» исторических факультетов привела к дефициту учителей, поставил задачу «сделать высшее

³⁴ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. Утв. постановлением Правительства РФ № 295 от 15.04.2014. *ИПП Гарант*.

³⁵ Потапова Н. В. Материалы к совещанию по проблемам исторического образования при Министерстве образования и науки Российской Федерации от коллектива кафедры российской и всеобщей истории Сахалинского государственного университета (рукопись). 2017 г. *Личный архив автора*. Л. 2.

³⁶ О внесении изменений в перечень федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленных сферах деятельности, других главных распорядителей средств федерального бюджета, общероссийских объединений работодателей и иных организаций, осуществляющих деятельность в соответствующей сфере, предоставляющих предложения об общих объемах контрольных цифр приема для обучения по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры и программам ординатуры за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, утвержденный приказом Министерства науки и высшего образования РФ № 1388 от 09.11.2020. Приказ Минобрнауки России № 543 от 29.06.2021. *СПС КонсультантПлюс*.

историческое образование более качественным и равнодоступным во всех регионах страны»³⁷.

Инициатива РИО увенчалась открытием в СахГУ в 2023 г. направления подготовки бакалавров «история» с профилем «история, археология, этнография», продолжают набираться ежегодно и студенты на педагогическое направление, выпускники которого постоянно востребованы в школах Сахалинской области. Трудоустройство студентов происходит уже на этапе обучения в университете, к 4 курсу не менее 80 % студентов-историков работают в системе образования³⁸. В последние годы выделяется достаточное количество бюджетных мест на исторические направления подготовки, на каждом курсе бакалавриата обучается около 20 студентов.

Происходят позитивные изменения и в деятельности историков-преподавателей, уменьшается бюрократический прессинг, с 2022 г. увеличилось количество часов на обязательную дисциплину «История России», которая читается на неисторических направлениях, что дает возможность вновь увеличить численный состав кафедры³⁹. В связи с этим начался процесс «репатриации» тех преподавателей, которые вынуждены были уйти с кафедры в предыдущие годы. К 2025 г. в составе кафедры трудятся выпускники ЮСПИ-СахГУ разных лет – 2 доктора наук, 4 кандидата наук, 1 старший преподаватель, на основе договора участвуют в ее работе также выпускники островного вуза, представители работодателей, обеспечивающие взаимодействие университета в процессе подготовки учителей-историков со школами, архивами и музеями Сахалинской области.

Заключение

В целом подготовка учителей истории в островном вузе ведется стабильно на протяжении всей его истории, с 1949 г. до настоящего времени. Подготовка педагогов-историков в Сахалинской области напрямую зависит от поворотов отечественной истории, от трансформаций общественно-политической ситуации в стране, от динамики и направленности

модернизационных процессов, которые в совокупности определили периодизацию предмета исследования.

Становление историко-педагогического образования началось в 1949–1954 гг. в рамках ЮСГУИ, где создаются первые кафедры, формируется преподавательский состав, начинаются первые выпуски учителей истории.

В 1954 г. – середине 1980-х гг. продолжилось становление и развитие историко-педагогического образования в ЮСПИ: расширяется число специализированных кафедр, складывается стабильный высококвалифицированный преподавательский коллектив, создается исторический факультет, увеличивается контингент студентов-историков, идет подготовка по специальности «учитель истории, обществознания и английского языка».

В годы перестройки и в постсоветский период (1985–1998 гг.) происходила трансформация историко-педагогического образования в ЮСПИ: изменяется содержание образования, вводятся новые дисциплины, специальность дополняется восточными языками (открывается подготовка учителей истории и японского языка, истории и корейского языка, истории и социологии), усилиями историков создаются новые кафедры, новые направления подготовки отделяются от исторического направления (востоковедение), историко-педагогическое образование было весьма востребованным, о чем свидетельствуют конкурсы на бюджетные места и высокая наполняемость групп студентов на курсах.

В условиях становления СахГУ и реформирования высшего образования в России (1998 г. – начало 2020-х гг.) создаются, а затем несколько раз реорганизуются институты и кафедры, занимающиеся подготовкой историков, с конца первого десятилетия XXI в. начинает сокращаться контингент студентов и количество бюджетных мест для поступающих, начинается сокращение штата преподавателей, во втором десятилетии XXI в. историко-педагогическое образование переживает глубокий кризис, проявившийся в качественной и количественной деградации единственной оставшейся после «оптимизации»

³⁷ Председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин: Кого учит история. *Родина*. 2021. № 9. URL: <https://rodina-history.ru/2021/08/01/naryshkin-celiu-istoricheskoy-nauki-iavliaetsia-poisk-pervoprishin-socialnyh-iavlenij.html> (дата обращения: 12.10.2024). <https://elibrary.ru/mvevcep>

³⁸ Протокол заседания кафедры российской и всеобщей истории СахГУ № 10 от 10.06.2024 (электронная копия). *Текущий архив кафедры российской и всеобщей истории СахГУ*. Л. 2.

³⁹ О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ № 662 от 19.07.2022. *Российская газета*. 31.05.2021.

исторической кафедры, в дальнейшем сокращении контингента студентов, сокращении, а затем и прекращении выделения бюджетных мест для набора студентов.

В начале 2020-х гг. наступает новый этап развития историко-педагогического образования, интерес государства к исторической науке был зафиксирован в комплексе нормативно-правовых актов, имеющих стратегическое значение, в результате чего повысилась значимость исторического знания, роль учителей истории и внимание государства к процессу их подготовки. Позитивные сдвиги в государственной политике в настоящее время очерчивают новые

перспективы деятельности коллектива историков СахГУ, которых специфика островного региона наделяет особой миссией, т. к. вуз является единственной кузницей кадров, выпускающей учителей истории для школ островного региона.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Вяземский Е. Е. Российская система исторического образования. 1992–2012 годы. Становление, итоги, перспективы. *Новая и новейшая история*. 2013. № 4. С. 188–203. [Vyazemsky E. E. Russian system of historical education in 1992–2012. Formation, results, and prospects. *Novaya i Novejshaya Istoriya*, 2013, (4): 188–203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzhqap>
- Демьянов К. В., Метель О. В. Формирование кадрового состава исторических факультетов вузов Западной Сибири во второй половине 1930-х – начале 1950-х годов (на материале Омска и Новосибирска). *Преподаватель XXI*. 2021. № 1-2. С. 245–256. [Demyanov K. V., Metel O. V. Formation of staff at history departments of in Western Siberia higher education institutions in the second half of the 1930th and the early 1950th (on the materials of Omsk and Novosibirsk). *Prepodavatel XXI vek*, 2021, (1-2): 245–256. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-1-245-256>
- Дударенок С. М. С юбилеем, истфак ДВФУ. *Известия Восточного института*. 2018. № 3. С. 13–27. [Dudarenok S. M. To the jubilee of the FEFU faculty of History. *Oriental Institute Journal*, 2018, (3): 13–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/13-27>
- Дударенок С. М. Содержание и состояние исторического образования в вузах Дальнего Востока. *Первый Всероссийский съезд преподавателей истории в вузах России*: конф. (Москва, 16–17 ноября 2017 г.) М.: Наука, 2017. Кн. 1. С. 143–172. [Dudarenok S. M. The content and state of historical education in universities of the Far East. *The First All-Russian Congress of History Teachers in Universities of Russia*: Proc. Conf., Moscow, 16–17 Nov 2017. Moscow: Nauka, 2017, book 1, 143–172. (In Russ.)]
- Зайцев Р. М. Становление Камчатского государственного педагогического института. *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества*: IX Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20–28 мая 2019 г.) Благовещенск: БГПУ, 2019. С. 114–119. [Zaitsev R. M. The formation of Kamchatka State Pedagogical Institute. *Russia and China: History and prospects of cooperation*: Proc. IX Intern. Sci.-Prac. Conf., Blagoveshchensk – Heihe, Tianjin, Beijing, 20–28 May 2019. Blagoveshchensk: BSPU, 2019, 114–119. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uavdst>
- Зайцев Р. М. Становление Магаданского государственного педагогического института. *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества*: VI Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 16–18 мая 2016 г.) Благовещенск: БГПУ, 2016. Вып. 6. С. 42–44. [Zaitsev R. M. Establishment of Magadan State Pedagogical Institute. *Russia and China: History and prospects of cooperation*: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., Blagoveshchensk, 16–18 May 2016. Blagoveshchensk: BSPU, 2016, iss. 6, 42–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxfxbl>
- Карелова Е. В. Организация и развитие высшего профессионального исторического образования на Дальнем Востоке России в 1918–1993 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2023. 264 с. [Karelova E. V. *Organization and development of higher professional historical education in the Russian Far East in 1918–1993*. Cand. Hist. Sci. Diss. Vladivostok, 2023, 264. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xthqbr>

- Карелова Е. В. Этапы развития высшего исторического образования на Дальнем Востоке России. *Общество: философия, история, культура*. 2018. № 12. С. 103–106. [Karelova E. V. The development stages of higher historical education in the Russian Far East. *Society: philosophy, history and culture*, 2018, (12): 103–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/fik.2018.12.19>
- Князева Н. В. Высшее историческое образование в России: современные тренды и опыт постсоветской модернизации. *Исторический поиск*. 2023. Т. 4. № 1. С. 14–22. [Knyazeva N. V. Higher history education in Russia: Modern trends and experience of post-Soviet modernization. *Historical Search*, 2023, 4(1): 14–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynoxwu>
- Колесников Н. И. Листая страницы истории. *Молодая гвардия*. 1994. № 140. С. 3. [Kolesnikov N. I. Leafing through the pages of history. *Molodaia gvardiia*, 1994, (140): 3. (In Russ.)]
- Колесников Н. И. Сахалинский госуниверситет: этапы становления и развития (1949–1999). *Ученые записки Сахалинского государственного университета*. 1999. № 1. С. 51–57. [Kolesnikov N. I. Sakhalin State University: Stages of formation and development (1949–1999). *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1999, (1): 51–57. (In Russ.)]
- Костюченко И. Ю. Модернизация гуманитарного образования в условиях перестройки. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2012. № 34. [Kostyuchenko I. Yu. Modernization of humanitarian education during Perestroika. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*, 2012, (34). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pkpotb>
- Кузин А. Т. Сахалинский железнодорожный вуз: научно-популярный исторический очерк. Южно-Сахалинск: Принт, 2023. 152 с. [Kuzin A. T. *Sakhalin Railway University: A popular science historical essay*. Yuzhno-Sakhalinsk: Print, 2023, 152. (In Russ.)]
- Курбатова М. В., Донова И. В., Кранзеева Е. А. Высшее образование в регионах ресурсного типа: между задачами ведомственного и регионального развития. *Terra Economicus*. 2021. Т. 19. № 1. С. 109–123. [Kurbatova M. V., Donova I. V., Kranzeeva E. A. Higher education in resource-type regions: Between the aims of departmental and regional development. *Terra Economicus*, 2021, 19(1): 109–123. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-1-109-123>
- Мисиков Б. Р. От учительского института – к университету классического образца. *Высшее образование на Дальнем Востоке и в странах АТР на пороге XXI века*: Междунар. конф. Южно-Сахалинск, 1999. Ч. 1. С. 3–8. [Misikov B. R. From a teacher training institute to a classical university. *Higher education in the Far East and in the Asia-Pacific region on the threshold of the 21st century*: Proc. Intern. Conf. Yuzhno-Sakhalinsk, 1999, pt. 1, 3–8. (In Russ.)]
- Мурюкина Е. В. Предпосылки реформирования образовательной системы в СССР перестроечного периода. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2019. № 4. № С. 148–161. [Muryukina E. V. Prerequisites for reforming the educational system in the USSR perestroika period. *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*, 2019, (4): 148–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ecubna>
- Порохня В. С. Мы историю отстаивали. Наша задача – добиться ее стабильного преподавания во всех вузах страны. *Первый Всероссийский съезд преподавателей истории в вузах России*: конф. (Москва, 16–17 ноября 2017 г.) М.: Наука, 2017. Кн. 1. С. 22–59. [Porokhnya V. S. We have defended history. Our task is to achieve its stable teaching in all universities of the country. *The First All-Russian Congress of History Teachers in Universities of Russia*: Proc. Conf., Moscow, 16–17 Nov 2017. Moscow: Nauka, 2017, book 1, 22–59. (In Russ.)]
- Порохня В. С. Программное, учебно-методическое и кадровое обеспечение учебного процесса по истории в вузах России. *Наше Отечество. Страницы истории*, ред. В. С. Порохня. М.: Наука, 2016. Вып. 12. С. 11–20. [Porokhnya V. S. Software, educational-methodical, and personnel support of History in Russian universities. *Our Motherland. Pages of history*, ed. Porokhnya V. S. Moscow: Nauka, 2016, iss. 12, 11–20. (In Russ.)]
- Потапова Н. В. «Дорогая Софья Чунуновна...» (20.04.1951–01.01.2021) (вместо некролога). *Вестник Сахалинского музея*. 2021. № 1. С. 192–212. [Potapova N. V. "Dear Sofya Chununovna..." (04.20.1951–01.01.2021) (instead of an obituary). *Vestnik Sakhalinskogo museia*, 2021, (1): 192–212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ogjcxh>
- Репина Л. П. Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии. *Диалог со временем*. 2017. № 60. С. 142–152. [Repina L. P. Jubilee histories of universities as a genre of recent Russian historiography. *Dialog so Vrememem*, 2017, (60): 142–152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zgfodb>

- Синицын О. В. Исторический факультет Казанского государственного педагогического института / университета: тенденции становления, развития и взаимосвязи с вузами России. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2023. Т. 13. № 1. С. 52–62. [Sinitsyn O. V. History faculty of the Kazan State Pedagogical Institute / University: The trends of formation, development and interrelation with Russian institutes of higher education. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*, 2023, 13(1): 52–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-1.52-62>
- Стожко Д. К., Стожко К. П. Историческое образование в России. *Вестник Вятского государственного университета*. 2017. № 11. С. 84–91. [Stozhko D. K., Stozhko K. P. Historical education in Russia. *Herald of Vyatka State University*, 2017, (11): 84–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yumlyt>
- Стрельцова Н. Я. Сургутский государственный университет: от создания до признания. *Северный регион: наука, образование, культура*. 2017. № 2. С. 121–130. [Streltsova N. Ya. Surgut State University: From foundation to recognition. *Severny region: nauka, obrazovanie, kultura*, 2017, (2): 121–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylxayx>
- Ушмаева К. А. Высшее историческое образование и болонский процесс. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2006. № 1. С. 95–101. [Ushmaeva K. A. Higher historical education and the Bologna process. *University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*, 2006, (1): 95–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hsnlir>
- Фалей М. В. История становления и развития педагогического образования на Сахалине (1925–2002 гг.): дис. ... канд. пед. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2004. 169 с. [Faley M. V. *History of the formation and development of pedagogical education on Sakhalin (1925–2002)*. Cand. Ped. Sci. Diss. Komsomolsk-on-Amur, 2004, 169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nmosjn>
- Федирко О. П., Зайцев Р. М. Благовещенский государственный педагогический институт в начале 1930-х годов: история создания. *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества*: XI Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 11–12 мая 2021 г.) Благовещенск: БГПУ, 2021. С. 129–135. [Fedirko O. P., Zaitsev R. M. The Blagoveshchensk State Pedagogical Institute in the early 1930s: The history of the establishment. *Russia and China: History and prospects of cooperation*: Proc. XI Intern. Sci.-Prac. Conf., Blagoveshchensk, 11–12 May 2021. Blagoveshchensk: BSPU, 2021, 129–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.48344/BSPU.2021.55.27.105>
- Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск: ТГУ, 2011. 270 с. [Khaminov D. V. *Historical education and science at Tomsk University in the late XIX – early XXI centuries*. Tomsk: TSU, 2011, 270. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scikhth>
- Хорошенкова А. В. Реформирование высшего исторического образования в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. (на материалах Нижнего Поволжья). *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2013. № 4. С. 127–131. [Khoroshenkova A. V. Reformation of high historical education in the late of 80s – beginning of 90s of 20th century (on materials of Lower Volga Region). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2013, (4): 127–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qadwfx>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ewfpkh>

Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (Мормоны) на Дальнем Востоке России (1989–2004 гг.)

Федирко Оксана Петровна

Институт истории, археологии и этнографии народов

Дальнего Востока ДВО РАН, Россия, Владивосток

eLibrary Author SPIN: 6809-2630

<https://orcid.org/0000-0002-6644-2421>

Scopus Author ID: 57449670900

fedirkoop@mail.ru

Дударенок Светлана Михайловна

Институт истории, археологии и этнографии народов

Дальнего Востока ДВО РАН, Россия, Владивосток

eLibrary Author SPIN: 2228-0423

<https://orcid.org/0000-0003-4641-7699>

Scopus Author ID: 57449559200

Аннотация: Рассмотрена история возникновения и распространения учения Церкви Иисуса Христа Святых последних дней на российском Дальнем Востоке. Цель – определить ее место в социокультурном и конфессиональном пространстве Дальневосточного региона 1990-х – 2004 г. На основе анализа широкой источниковой базы выделены два периода распространения учения мормонов в регионе: 1) со времени проникновения первых сведений о религиозном учении Церкви Иисуса Христа Святых последних дней и возникновения первых религиозных объединений в крупнейших дальневосточных городах до принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г.; 2) когда численность последователей мормонов достигла максимальных значений, до 2004 г. Сделан вывод, что особенностью распространения учения мормонов стало движение из локальных северных районов на юг региона, в более крупные города дальневосточного фронта. Отмечено, что Церковь Иисуса Христа Святых последних дней заняла особое место в социокультурном пространстве Дальнего Востока, чему способствовал демократический характер учения, активная благотворительная и просветительская деятельность религиозного объединения и подвижнический характер миссионеров. В характере взаимоотношений Церкви Иисуса Христа Святых последних дней с органами государственной власти выявлено стремление религиозного объединения к сотрудничеству и партнерским отношениям с местными и центральными органами власти.

Ключевые слова: Российский Дальний Восток, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, иностранные миссионеры, религиозные общины, органы государственной власти, органы местной власти, благотворительность, просветительские программы

Цитирование: Федирко О. П., Дударенок С. М. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (Мормоны) на Дальнем Востоке России (1989–2004 гг.). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 461–476. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-461-476>

Поступила в редакцию 22.02.2025. Принята после рецензирования 29.04.2025. Принята в печать 05.05.2025.

full article

Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints (Mormons) in the Russian Far East in 1989–2004

Oksana P. Fedirko

Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Vladivostok

eLibrary Author SPIN: 6809-2630

<https://orcid.org/0000-0002-6644-2421>

Scopus Author ID: 57449670900

fedirkoop@mail.ru

Svetlana M. Dudarenok

Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Vladivostok

eLibrary Author SPIN: 2228-0423

<https://orcid.org/0000-0003-4641-7699>

Scopus Author ID: 57449559200

Abstract: The article traces the history of The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints in the Russian Far East to identify its role in the local social, cultural, and religious landscape in 1990s–2004. Based on an extensive source base, the authors distinguished two periods of Mormon preaching in the region: from the earliest religious associations in the largest Far-Eastern cities to the adoption of the Federal Law On Freedom of Conscience and Religious Associations, and from the peak of followers to 2004. The Mormons moved from north to south, i.e., to the urban centers of the Far-Eastern frontier. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints became an important factor in the local sociocultural environment due to its democratic nature, charity activities, and the ascetic life of its missionaries. In addition, the Church authorities were always eager to cooperate with the local and central governments.

Keywords: The Russian Far East, Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, foreign missionaries, religious communities, government state authorities, local authorities, charity, academic programs

Citation: Fedirko O. P., Dudarenok S. M. Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints (Mormons) in the Russian Far East in 1989–2004. *SibScript*, 2025, 27(3): 461–476. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-461-476>

Received 22 Feb 2025. Accepted after peer review 29 Apr 2025. Accepted for publication 5 May 2025.

Введение

Невозможно объективно описать религиозную ситуацию в стране, не проведя анализ распространения конфессиональных учений в отдельных ее субъектах. Учет этих особенностей дает возможность государству выстроить государственно-конфессиональные отношения с учетом интересов обеих сторон. В свою очередь игнорирование специфики отдельных территорий ведет к росту напряженности между центром и провинцией.

Фронтальное положение российского Дальнего Востока в первое постсоветское десятилетие сделало территорию региона привлекательной не только для политиков, экономистов, но и для религиозных миссионеров. 1990-е гг. были ознаменованы ростом религиозности населения и усложнением конфессионального ландшафта края, в котором особое место стали занимать новые, нетрадиционные религии. Среди них были те, что исчезли бесследно

после принятия ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹ (1997 г.), и те, которые укоренились в дальневосточном социуме. К последним мы относим Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (ЦИХСПД), действующую в ряде субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) на протяжении почти 30 лет.

До начала 1990-х гг. в СССР об учении и истории ЦИХСПД практически было ничего не известно. Только позже исследователями были получены сведения о том, что высшие слои Российской империи были знакомы с отдельными представителями церкви и через периодическую печать с историей мормонизма и его особенностями [Егоров 2022; Прилуцкий 2024]. Второе знакомство россиян с учением Мормона состоялось в период перестройки, совпавший с периодами возрождения религиозного сознания и религиозной экспансии в РФ новых

¹ О свободе совести и о религиозных объединениях. Федеральный закон № 125-ФЗ от 26.09.1997. СПС КонсультантПлюс.

религиозных учений. Среди множества нетрадиционных религий в России получило распространение и учение ЦИХСПД.

Возникновение первых приходов в крупных городах России потребовало от религиоведческого сообщества начать изучение основ вероучения, религиозных практики, истории и современного состояния ЦИХСПД как на исторической родине – в США, так и в России [Антоненко 2007; Кантеров 2006; Лункин 2009; 2016; Нечипорова 2011; Чемикосова 2003; Шахляев, Шляхов 2017; Элбакян 2003; 2004; Элбакян, Шабуров 2018].

Региональная историография деятельности мормонов в России стала складываться несколько позже и была представлена в качестве элемента комплексных исследований по истории российских государственно-конфессиональных исследований в отдельных российских субъектах [Денисова и др. 2020; Многообразие религиозных... 2022; Якунин 2024]

Первым дальневосточным исследователем деятельности ЦИХСПД стала С. М. Дударенок, которая включила исторический очерк деятельности мормонов в регионе в диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук [Дударенок 2005] и развила исследование в последующих публикациях [Дударенок 2020; 2021; Дударенок, Федирко 2020]. Вслед за ней к теме истории мормонов в отдельных субъектах ДФО обращались С. В. Поспелова и А. И. Поспелова [Поспелова, Поспелова 2020], С. В. Васильева, С. З. Ахмадулина и Д. Ц. Будаева [Васильева и др. 2022], Н. В. Потапова [Потапова 2022], О. П. Федирко [Федирко 2021].

В настоящее время появилась необходимость свести вместе все разрозненные сведения деятельности общин ЦИХСПД на Дальнем Востоке и, используя новые источники, провести масштабное исследование.

Цель – определить место ЦИХСПД в социокультурном и конфессиональном пространстве Дальневосточного региона 1990-х – 2004 г. В задачи статьи входят определение роли ЦИХСПД в социокультурном пространстве Дальнего Востока 1990-х – 2004 г.; характера взаимоотношений Церкви с органами власти; анализ форм и методов деятельности представителей ЦИХСПД среди жителей региона.

Хронологические рамки исследования охватывают период от возникновения первых общин ЦИХСПД на Дальнем Востоке до 2004 г., когда численность приходов в регионе достигла максимального

значения. С 2005 г. начинается спад численности прихожан, снижение активности миссионеров, обусловленное изменениями в вероисповедной политике государства. В связи с этим авторами принято решение рассмотреть историю с 2005 г. и современность ЦИХСПД в следующей статье.

Методы и материалы

В связи с тем, что хронологические рамки охватывают новейший период истории России, возникла необходимость использовать различные виды источников.

1. Архивные. В Государственных архивах ДФО документы рассматриваемого периода встречаются крайне редко, в связи с чем авторы использовали фонды текущих архивов государственных и правоохранительных структур, где отложились анкеты, отчеты, заявления и другие документы, позволяющие дать характеристику форме, методам и характеру взаимоотношений представителей ЦИХСПД с дальневосточным обществом и органами власти.

2. Внутренняя литература Церкви, периодические издания, книги, записи конфессиональных конференций.

3. Личные архивы авторов, которые содержат записи наблюдений, копии документов.

Поставленные цель и задачи определяют использование междисциплинарного методологического инструментария. Опираясь на институциональный подход, авторы рассматривают религиозные организации как особый социальный институт, выполняющий определенные социально значимые функции, обеспечивающие совместное достижение целей на основе выполняемых его членами своих социальных ролей, задаваемых социальными ценностями, нормами и образцами поведения [Радугин, Радугин 2000]. Метод синтеза социальной и интеллектуальной истории позволяет раскрыть механизмы возрастания или убывания интереса общества и властных структур к религии в целом и к отдельным религиозным объединениям в частности. При обработке текстовых источников применялись элементы современной герменевтики. Такая методика анализа источников позволяет проанализировать документ с учетом того, что автор текста создавал его, находясь в определенной культурно-политической среде. Кроме того, авторы ориентировались на концепцию репрезентативности культуры Ф. Тенбрука: «действующие люди зависят от истолкования

действительности, которые им предоставляет культура. Какими бы ни были их материальные и нематериальные интересы, с одной стороны, и социальные институты, и контроль – с другой, их действия будут обусловлены основополагающей интерпретацией действительности» [Тенбрук 2013: 103]. Это позволяет произвести анализ роли отдельных личностей в становлении и развитии ЦИХСПД на Дальнем Востоке в рассматриваемый исторический период.

Результаты

Возникновение общин и групп ЦИХСПД на российском Дальнем Востоке

Первым регионом на Дальнем Востоке России, где был основан приход ЦИХСПД, стала Магаданская область, куда в феврале 1989 г. для ведения бизнеса приехал с семьей канадский гражданин Томас Барнс. Являясь членом ЦИХСПД, он организовал в Магадане семейный приход, прикрепленный к Анкориджской миссии, расположенной на Аляске². В течение трех лет в приход входили иностранцы, находящиеся в Магадане по служебным делам. При приходе был создан «Клуб любителей английского языка», который привлек большое внимание и российских граждан. На занятиях, кроме изучения языка, желающие могли познакомиться с вероучением и культовой практикой ЦИХСПД. Пропагандируемые ее членами ценности – от здорового образа жизни, любви к своему телу, культуре семьи и образования до требования активного участия в жизни общества и личного материального благополучия – привлекли в Церковь молодых людей, желающих сделать карьеру, добиться успеха в бизнесе и изменить свою жизнь.

Первым российским членом ЦИХСПД в Магадане стал партнер Т. Барнса по бизнесу В. Н.³, принявший крещение в сентябре 1992 г. в Уайтхорсе (Канада). Его жена Елена крестилась в ноябре 1992 г. в Анкоридже (Аляска, США). В 1994 г. они, как первые члены Церкви на Дальнем Востоке России, посетили

храм в Портланде, штат Орегон, где прошли обряд эндаумента и скрепили (запечатали) свой брак и семейный союз с детьми⁴.

К началу 1993 г. число носителей священства Ааронова (имеющих право проводить крещение) в Магадане уже соответствовало требованиям Церкви. В апреле 1993 г. приняли крещение еще 7 человек, и это позволило организовать магаданский приход Церкви, который был зарегистрирован 7 июля 1993 г. Управлением Минюста РФ по Магаданской области. В течение ряда лет обязанности Председателя религиозной организации исполнял Ю. И. Крамеров, советников – В. С. Мартыненко и Д. Ю. Волкова⁵.

В июне 1995 г. Магаданский приход передали Азиатской Северной Зоне ЦИХСПД с управлением в Токио. Члены ЦИХСПД Магадана не имели достаточного опыта для организации нормальной религиозной жизни и нуждались в помощи профессиональных миссионеров. Осенью 1996 г. в Магадан прибыли первые миссионеры: старейшина и сестра Эдмунс, а позже еще 4 старейшины. С этого времени в город ежегодно приезжали миссионеры Церкви⁶ из различных стран мира, чаще всего из США⁷. Помимо миссионерской деятельности приезжавшие обучали английскому языку, проводили концерты духовной музыки, читали лекции и демонстрировали фильмы религиозного содержания, реализовывали благотворительные программы⁸. Благодаря их работе приход довольно быстро рос количественно и к 2000 г. число членов Церкви в Магадане достигло 50 человек⁹.

До октября 2000 г. приход ЦИХСПД в Магадане размещался в здании детской музыкальной школы № 1 (ул. Парковая, д. 17-а). Позже учредители религиозного объединения арендовали три номера в гостинице «ВМ-Центральная» (ул. Ленина, д. 3)¹⁰. Там проходили и воскресная служба, и все другие мероприятия Церкви, включая уроки по английскому языку.

² Текущий архив Управления Минюста РФ Магаданской области (ТАУМЮ РФ МО). Д. 3-03. Л. 27.

³ В. Н. возглавлял Российскую Ассоциацию ЦИХСПД до 2009 г.

⁴ Текущий архив Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (ТАЦИХСПД). Л. 19.

⁵ ТАУМЮ РФ МО. Д. 3-03. Л. 26.

⁶ До отправления на миссию молодые люди проходят подготовку в миссионерском центре ЦИХСПД в Прово (Юта, США). Здесь они в течение двух месяцев изучают методы и приемы миссионерской работы, а также язык страны будущего пребывания.

⁷ ТАЦИХСПД. Л. 19.

⁸ ТАУМЮ РФ МО. Д. 3-03. Л. 24.

⁹ ТАЦИХСПД. Л. 19.

¹⁰ ТАУМЮ РФ МО. Д. 3-03. Л. 11, 18.

В Хабаровском крае первым членом ЦИХСПД стал Максим Александрович Карус, познакомившийся с учением ЦИХСПД и принявший крещение в 1994 г. в Анкоридже (Аляска, США). По возвращении домой, в г. Хабаровск, М. А. Карус начал распространять учение новой религии и пригласил миссионеров Церкви. Первые миссионеры, старейшина и сестра Ким, приехали в Хабаровск в 1995 г. Они стали преподавать английский язык в Хабаровском государственном техническом университете и одновременно вели активную миссионерскую деятельность. В результате в 1996 г. в Хабаровске был организован небольшой приход, который возглавили прибывшие на миссию два старейшины Мерилл и Мэрот. В сентябре того же года М. А. Каруса избрали одним из Советников данного прихода. В 1997 г. он и его жена Татьяна посетили храм ЦИХСПД в Лос-Анджелесе и совершили там обряды эндаумента и запечатывания брака¹¹.

Как правило, пары ЦИХСПД в Хабаровске работали преподавателями английского языка в различных вузах. Например, супружеская пара мормонов-миссионеров Клемонс, прибывшая в Хабаровск в 1998 г., преподавала английский язык в Хабаровском государственном педагогическом университете¹². После аудиторных занятий они приглашали желающих совершенствоваться в знании языка на дополнительных встречах, где речь шла не только о грамматике английского языка, но и об истории и вероучении ЦИХСПД.

В апреле 1998 г. миссионеры ЦИХСПД были вынуждены покинуть Хабаровск: приход не подал документы о вступлении в Российскую Ассоциацию ЦИХСПД и по новому ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.) не мог быть зарегистрирован без подтверждения 15-летнего существования в Хабаровском крае. Находившиеся на миссии

четыре старейшины покинули город. Российских членов ЦИХСПД в 1998 г. насчитывалось всего 8 человек¹³. Лишь в декабре 1999 г. местная религиозная организация ЦИХСПД была официально зарегистрирована. Ее численность к началу 2000 г. удвоилась и составила около 20 человек¹⁴.

После официальной регистрации прихода в Хабаровск приехали старейшины Вильгельм и Гэбриш, а в январе 2000 г. к ним присоединились еще двое старейшин – Коттер и Глейшер. До 2002 г. в Хабаровском крае на постоянной основе ежегодно работало не менее 6 молодых миссионеров, граждан США¹⁵.

В Сахалинской области ЦИХСПД появилась в 1999 г. В начале года в Южно-Сахалинск приехали брат и сестра Иван и Виктория Ивановы, принявшие крещение в 1995 г. в Киеве¹⁶. В августе того же года в город переезжает семья Мальцевых: Александр Юрьевич, крестившийся в апреле 1996 г. в г. Макеевке Донецкой области, и Анастасия Олеговна, крестившаяся в январе 1998 г. во Владивостоке¹⁷. Тогда же на Сахалин преподавать английский язык в школе для детей иностранных специалистов приехали мистер и миссис Купер. Вместе с Ивановыми и Мальцевыми они составили ядро местной религиозной организации¹⁸.

В октябре-декабре 1999 г. на остров несколько раз приезжали старейшины Андерсон, Лейк и Ли, проповедуя и проводя обряды крещения¹⁹. Первыми приняли крещение родители Анастасии Мальцевой Олег Ильич и Нина Васильевна Северюхины²⁰. Следом за ними членами Церкви стали Т. В. Чиняева, Е. П. Ксенофонта, А. С. Летягин и др.²¹

В марте 1999 г. был создан Южно-Сахалинский приход во главе с Президентом Г. Купером. К началу 2000 г. в приходе было 11 человек²². Этого стало достаточно для официальной регистрации. 12 марта

¹¹ ТАЦИХСПД. Л. 19.

¹² Отчет ЦИХСПД Солт Лейк-Сити 2003. С. 16.

¹³ ТАЦИХСПД. Л. 20.

¹⁴ Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Хабаровского края (ТАОСОРОА ХК). Д. 2. Л. 89.

¹⁵ Личный архив С. М. Дударенок. Л. 21.

¹⁶ Текущий архив Управления Минюста РФ по Сахалинской области (ТАУМЮ РФ СО). Д. 127. Л. 63.

¹⁷ ТАУМЮ РФ СО. Д. 127. Л. 64.

¹⁸ ТАЦИХСПД. Л. 20.

¹⁹ ТАУМЮ РФ СО. Д. 127. Л. 31.

²⁰ Там же. Л. 20.

²¹ Там же. Л. 22.

²² ТАЦИХСПД. Л. 25.

2000 г. прошло учредительное собрание членов ЦИХСПД г. Южно-Сахалинска. Участники собрания решили войти в Российскую Ассоциацию ЦИХСПД в качестве коллективного члена и приняли Устав своей религиозной организации²³.

В конце марта 2000 г. учредители ЦИХСПД Южно-Сахалинска подали заявление на регистрацию Устава. 26 апреля 2000 г. религиозное объединение ЦИХСПД Южно-Сахалинска было зарегистрировано в установленном законом порядке²⁴. С этого времени воскресные службы членов ЦИХСПД Южно-Сахалинска стали регулярными, общее число прихожан на начало 2002 г. удвоилось и составило 30 человек. Приход имел воскресную школу, в которую ходили дети прихожан с 2 до 12 лет²⁵.

С момента организации прихода в г. Южно-Сахалинске члены Церкви были заинтересованы в соблюдении миссионерами правил пребывания на территории Сахалинской области. Данный вопрос неоднократно рассматривался на заседаниях руководящего состава прихода и на общих собраниях верующих. Чтобы предотвратить возникновение недоразумений или различных конфликтных ситуаций, 28 июня 2000 г. на заседании представительства Церкви было решено поручить А. Ю. Мальцеву проводить «с каждым миссионером беседу о правилах пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации»²⁶.

28 августа 2001 г. правление Российской Ассоциации ЦИХСПД назначило Председателем организации ЦИХСПД Южно-Сахалинска О. И. Северюхина, советниками – А. С. Летягина и А. Ю. Мальцева²⁷. Приход действует по настоящее время.

Центром религиозной жизни ЦИХСПД на Дальнем Востоке России с середины 1990-х гг. стал Приморский край. Первая община ЦИХСПД в Приморском крае возникла в 1994 г. В октябре 1994 г.

во Владивосток из Токио с гуманитарной помощью для пострадавших от наводнения в г. Партизанске Приморского края прибыл Президент Северо-Азиатского зонального Президентства ЦИХСПД Д. И. Соренсон²⁸. Во время визита он познакомил жителей края с историей и современным состоянием ЦИХСПД. В декабре того же года во Владивосток прибыли три американца – члены ЦИХСПД с семьями: Майкл Дж. Уильмс, Кевин Мэттьюз и Эрик Джонс. Первые двое приступили к работе в АОЗТ «АКОС»: Уильмс – в должности заместителя генерального директора, а Мэттьюз – финансового директора²⁹. Позднее к ним присоединилась семья Дина Нильсона, финансового директора Приморского филиала компании Coca Cola³⁰. Эти семьи сформировали ядро и первое Президентство Владивостокского прихода ЦИХСПД³¹. Президентом прихода, состоявшего поначалу только из иностранных граждан, был назначен М. Уильмс³².

В мае 1995 г. во Владивосток из Южной Кореи прибыли первые миссионеры ЦИХСПД – супруги Ки Йонг Ким и Йаи Ким Ким. Их пригласили преподавать корейский язык в Восточной Школе Дальневосточного государственного университета³³. Помимо педагогической, супруги вели активную миссионерскую деятельность, в которой очень преуспели.

Результаты, достигнутые первой миссионерской парой в Приморском крае, заинтересовали Президента Северо-Азиатской зоны ЦИХСПД Д. И. Соренсена. В октябре 1995 г. он вновь посетил Владивосток. Местные члены Церкви организовали для Д. И. Соренсена публичные выступления перед жителями города 21 и 22 октября в Малом зале Музыкального училища по ул. Русской. В здании Музыкального училища в 1995 г. проходили и воскресные богослужения ЦИХСПД³⁴.

²³ Там же. Л. 27.

²⁴ ТАУМЮ РФ СО. Д. 127. Л. 42.

²⁵ Там же. Л. 47, 66.

²⁶ Там же. Л. 55.

²⁷ Там же. Л. 49.

²⁸ Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Приморского края (ТАОСОРОА ПК). Д. 10. Л. 4.

²⁹ Там же. Л. 5.

³⁰ Там же.

³¹ ТАЦИХСПД. Л. 20.

³² ТАОСОРОА ПК. Д. 10. Л. 1, 3.

³³ Там же. Л. 3.

³⁴ Там же. Л. 1, 2.

Для усиления миссионерской работы в декабре 1995 г. из Московской миссии во Владивосток были переведены двое старейшин. Значительную помощь молодым миссионерам в организации служения оказал старейшина Джозеф Б. Виртлинг, посетивший Дальний Восток в ноябре 1996 г.³⁵

До 1996 г. в ЦИХСПД в Приморском крае не было россиян, первый член, крещенный во Владивостоке, – В. Е. Кузнецова³⁶. К концу 1996 г. число россиян-мормонов превысило 10 человек, что позволяло верующим создать религиозное объединение. В то время община ЦИХСПД во Владивостоке насчитывала не более 30 человек: 10 – россияне, остальные – иностранцы – чиновники консульств, служащие компаний, бизнесмены³⁷.

22 декабря 1996 г. состоялось учредительное собрание религиозного объединения мормонов во Владивостоке. Участники собрания приняли Устав местной религиозной организации и уполномочили Ю. А. Курашова зарегистрировать в соответствии с действующим законодательством религиозное объединение ЦИХСПД, а также утвердили руководящие органы религиозного объединения и ревизионную комиссию³⁸.

Ю. А. Курашов – заместитель генерального директора АО «Приморскуголь», в беседе с журналистом газеты «Новости» говорил о членах ЦИХСПД: «Я с кем встречаюсь, обязательно приглашаю сюда прийти и послушать американцев. Сначала посещал с осторожностью, думал, здесь что-то, принесенное в страну для растления. Но неожиданно влюбился в этих людей, хочу, чтобы моя семья шла их путем. Дочь приняла здесь крещение, сегодня уже сама читала первую проповедь... Здесь учат патриотизму, любви к своему народу... Церковь указывает, что я и моя семья можем вытащить страну из гибели»³⁹.

Религиозная Ассоциация ЦИХСПД в РФ по согласованию с первым Президентством назначила

руководителей владивостокского объединения: Ю. М. Курашова – Президентом религиозного объединения; С. Ю. Щиткова – Первым советником; Н. А. Штец – Вторым советником; в ревизионную комиссию: О. А. Геринг (председателем комиссии), Н. Г. Бородину и Л. Г. Парукова. С назначениями согласились члены учредительного собрания⁴⁰. На момент регистрации религиозного объединения самому молодому члену инициативной группы было 24 года; 3 человека достигли 32 лет; по одному – 34, 39 и 56 лет; 3 человека – в возрасте 49 лет⁴¹.

Религиозное объединение ЦИХСПД во Владивостоке официально зарегистрировали 3 марта 1997 г.⁴² Первоначально оно арендовало помещение в здании ОАО «Приморскстройтранс» по ул. Ильичева, 29⁴³. С начала 1996 г. воскресные религиозные собрания мормонов Владивостока стали проходить в санатории «Союз-Ролиз» на ст. Океанской. Регулярно на собрания собиралось по 40–50 человек, половина из которых – россияне разного возраста (от детей до стариков) из различных социальных слоев (от рабочих до бизнесменов)⁴⁴. Официальная регистрация Владивостокского прихода ЦИХСПД позволила Церкви создать на российском Дальнем Востоке религиозный округ. Его первым Президентом стал М. Уильямс.

Значительную роль в укреплении позиций мормонов в Приморском крае сыграл В. А. Н. – Президент Религиозной Ассоциации ЦИХСПД Российской Федерации в 2002–2009 гг. Он с семьей в сентябре 1997 г. переехал на постоянное место жительства из Магадана во Владивосток⁴⁵. Переезд четы В. А. Н. значительно активизировал работу приморских последователей Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Активные, деятельные, обладающие высокими профессиональными и деловыми качествами В. А. Н. и его жена Е. В. Н.⁴⁶ много сделали для нормализации отношений религиозного объединения с органами

³⁵ ТАЦИХСПД. Л. 21.

³⁶ Там же. Л. 20.

³⁷ Жуков В. Мормон, вождь дальневосточных мормонов. *Новости*. 21.03. 1996. Л. 3.

³⁸ Текущий архив Управления Минюста РФ по Приморскому краю (ТАУМЮ РФ ПК). Д. 1-Р. Л. 96–99.

³⁹ Жуков В. Мормон, вождь дальневосточных мормонов... Л. 3.

⁴⁰ ТАУМЮ РФ ПК. Д. 1-Р. Л. 24–25, 58, 96.

⁴¹ Там же. Л. 41.

⁴² Там же. Л. 94.

⁴³ Там же. Л. 40.

⁴⁴ Жуков В. Мормон, вождь дальневосточных мормонов... Л. 3.

⁴⁵ ТАЦИХСПД. Л. 20.

⁴⁶ Е. В. Н. – руководитель Отдела по связям с общественностью Российской Религиозной Ассоциации ЦИХСПД, 2002–2019 гг.

власти, способствовали реализации Церковью гуманитарных проектов.

12 августа 1998 г. прошло общее собрание религиозного объединения ЦИХСПД во Владивостоке. Собрание приняло новую редакцию Устава религиозного объединения и решило войти в Централизованную Религиозную Ассоциацию Церкви Иисуса Христа Святых последних дней Российской Федерации. 13 августа 1998 г. Правление религиозной Ассоциации ЦИХСПД РФ приняло владивостокский приход в Ассоциацию и утвердило его Устав. Увеличение числа членов Церкви было довольно значительным, и в мае 1998 г. Владивостокский приход ЦИХСПД разделили на два небольших прихода⁴⁷, которые существовали в г. Владивостоке до 2005 г.

8 сентября 1998 г. Владивостокское религиозное объединение ЦИХСПД подало Устав и иные документы для перерегистрации⁴⁸. На момент перерегистрации ЦИХСПД Владивостока, в 1998 г., насчитывала 52 члена. Президентом прихода стал В. А. Н., советниками – Ю. М. Курашов и В. В. Усов⁴⁹.

В июне 1999 г. Российская Религиозная Ассоциация Церкви Иисуса Христа Святых последних дней для нужд Российской Владивостокской миссии арендовала помещение у АОЗТ «Дальневосточная Потребкооперация Севера» по ул. Мордовцева, 12⁵⁰. Здесь в актовом зале проходили причастные собрания владивостокских приходов; проводились занятия воскресной школы и встречи с гостями, впервые посетившими Церковь; собрания местных обществ милосердия и собрания молодых женщин, а также функционировало первоначальное общество для детей до 12 лет; здесь же проводились собрания носителей священства.

Чуть позже в Приморском крае были созданы еще два объединения ЦИХСПД: 10 января 2000 г. в Уссурийске и 22 октября 2000 г. в Находке⁵¹.

Первый член ЦИХСПД в Уссурийске – Н. Ю. Лактионова. Она была крещена 2 декабря 1998 г. 1 июля

1999 г. в Солдатском озере в Уссурийске была крещена Р. П. Перова, а 19 октября того же года – А. И. Соснин. 30 октября 1999 г. была создана религиозная группа, инициировавшая создание местной религиозной организации⁵².

К концу 1999 г. обряд крещения приняли еще 7 человек. Это позволило верующим обратиться в Управление Минюста РФ по Приморскому краю с просьбой о регистрации⁵³. Из 10 учредителей религиозной организации 6 были старше 40 лет, это говорит о том, что нетрадиционным для России религиозным учением интересуется не только молодежь, но и люди старшего возраста.

17 января 2000 г. на заседании Правления Российской Религиозной Ассоциации ЦИХСПД был утвержден Устав и назначены руководители Уссурийского прихода. Председателем прихода стал А. И. Соснин, советниками – Р. П. Перова и Е. А. Велюханова⁵⁴.

3 марта 2000 г. религиозная организация ЦИХСПД Уссурийска была зарегистрирована в Управлении Минюста РФ по Приморскому краю⁵⁵. Первоначально Уссурийский приход ЦИХСПД располагался по месту жительства Р. П. Перовой: ул. Черемкина, 102. Но 15 февраля 2001 г. руководство Российской Владивостокской миссии заключило договор аренды нежилого помещения общей площадью 163,9 м² (ул. Плеханова, 100) с ОАО «Дальневосточный коммерческий банк рыбной промышленности». По данному адресу религиозная организация ЦИХСПД Уссурийска находилась до апреля 2003 г., а 6 мая 2003 г. переехала на ул. Краснознаменную, 198⁵⁶.

Находкинский приход ЦИХСПД образовался 22 октября 2000 г.⁵⁷ 6 декабря 2000 г. Правление Российской Религиозной Ассоциации ЦИХСПД приняло Находкинский приход в Ассоциацию, утвердило его Устав и назначило руководителей: Председателем – М. В. Манзу, советниками –

⁴⁷ ТАЦИХСПД. Л. 111–121.

⁴⁸ Там же. Л. 109.

⁴⁹ Там же. Л. 86.

⁵⁰ ТАУМЮ РФ ПК. Д. 1-Р. Л. 131–141.

⁵¹ ТАУМЮ РФ ПК. Д. 13-Р. Л. 24; ТАУМЮ РФ ПК. Д. 62-Р. Л. 21.

⁵² ТАУМЮ РФ ПК. Д. 13-Р. Л. 15.

⁵³ Там же. Л. 34.

⁵⁴ ТАУМЮ РФ ПК. Д. 1-Р. Л. 121.

⁵⁵ Там же. Л. 136.

⁵⁶ Там же. Л. 160.

⁵⁷ ТАУМЮ РФ ПК. Д. 62-Р. Л. 11.

В. Г. Манзу и Ж. В. Залогину⁵⁸. 26 января 2000 г. религиозная организация ЦИХСПД г. Находки была зарегистрирована в установленном законом порядке⁵⁹. Численно этот приход рос медленнее, чем уссурийский, в июне 2020 г. в нем было всего 14 членов⁶⁰. Особенностью этого прихода было то, что подавляющее большинство его членов были женщины в возрасте старше 40 лет. 17 октября 2002 г. Правление Религиозной Ассоциации ЦИХСПД России освободило от обязанностей Председателя религиозной организации М. В. Манзу и назначило Н. Д. Бегишеву⁶¹.

Эти приходы ЦИХСПД, возникшие на территории Дальнего Востока позже остальных, просуществовали до 2019 г.

В 1996 г. ЦИХСПД хотела распространить влияние на весь российский Дальний Восток, о чем свидетельствует Приказ от 26 ноября 1996 г. Первого Президента ЦИХСПД Г. Б. Хинкли о назначении должностных лиц. Там отмечалось, что Президент Северо-Азиатского зонального президентства Дэвид И. Соренс, Первый Советник Рекс Д. Пинегар и Второй Советник Л. Эдвард Браун назначаются уполномоченными Первого Президентства ЦИХСПД «на совершение всех действий, которые может совершать член Первого Президентства в соответствии с Уставом религиозного объединения Церкви Иисуса Христа Святых последних дней в г. Владивостоке и правилами Церкви, а равно Уставом Религиозного объединения и правилами восточной части России, включая Республику Якутию, Приморский и Хабаровский края, Амурскую, Камчатскую, Магаданскую и Сахалинскую области, Еврейскую автономную область, Корякский и Чукотский автономные округа»⁶².

Но кроме Приморского и Хабаровского краев, Магаданской и Сахалинской областей приходы ЦИХСПД в субъектах ДФО так и не возникли. Возможно, это было связано с трудностями

организации миссионерской работы, прочными позициями других конфессий и с индифферентностью местного населения к этому вероучению. Но более вероятно, что это стало следствием изменений в вероисповедной политике российского государства.

Принятие в 1997 г. ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» серьезно повлияло на процесс регистрации религиозных объединений в РФ. Согласно данному закону, для официальной регистрации в органах юстиции религиозной организации необходимо представить «подтверждение ее существования на данной территории на протяжении не менее пятнадцати лет, выданное органами местного самоуправления, или подтверждение о вхождении в структуру централизованной религиозной организации того же вероисповедания, выданное указанной организацией»⁶³. То, что это положение распространяется только на вновь создаваемые религиозные организации, первоначально не разъяснялось, и дальневосточные верующие полагали, что им долго придется функционировать как религиозная группа. Но 14 мая 1998 г. Религиозную Ассоциацию ЦИХСПД РФ официально перерегистрировало Министерство юстиции Российской Федерации⁶⁴, и ее приходы, в том числе дальневосточные, получили возможность перерегистрироваться как входящие в централизованную религиозную организацию.

Одним из первых перерегистрацию прошел приход г. Владивостока. 20 октября 1998 г. он был зарегистрирован Управлением Минюста РФ по Приморскому краю⁶⁵. 14 марта 2000 г. на заседании правления Российской Ассоциации ЦИХСПД в Ассоциацию приняли Сахалинской приход. Председателем религиозной организации был назначен А. Ю. Мальцев, Советниками – И. Н. Иванова и О. И. Северюхина⁶⁶.

Перерегистрация ЦИХСПД во Владивостоке активизировала деятельность Церкви на территории всего российского Дальнего Востока. Этому способствовала

⁵⁸ Там же. Л. 18–19, 22–30.

⁵⁹ Там же. Л. 32.

⁶⁰ Там же. Л. 38.

⁶¹ Там же. Л. 4.

⁶² ТАУМЮ РФ ПК. Д. 1-Р. Л. 31.

⁶³ Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания: нормативные акты: судебная практика, сост. В. В. Ряховский, А. В. Пчелинцев. М.: Юриспруденция, 2001. С. 50.

⁶⁴ ТАУМЮ РФ ПК. Д. 1-Р. Л. 71.

⁶⁵ Там же. Л. 122, 143.

⁶⁶ ТАУМЮ РФ СО. Д. 127. Л. 25–26.

и деятельность иностранных миссионеров. Уже отмечалось, что в местных религиозных организациях мормонов не было профессиональных священников, поэтому для оказания помощи в «организации и проведении богослужений, распространении вероучения, воспитании последователей, а также реализации гуманитарных проектов»⁶⁷ религиозные организации приглашали миссионеров. Определенная часть иностранных миссионеров прибывала в регион на непродолжительное время для реализации гуманитарных проектов, другая часть несла здесь миссионерское служение на протяжении 1–2 лет: в основном это молодые люди 19–20 лет или супружеские пары преклонного возраста.

С 1997 г. миссионеры из США, систематически приезжавшие в общину Владивостока, распространили свою деятельность и на Хабаровский край. Значительно облегчало работу миссионеров по распространению вероучения Церкви повышение стремления, особенно у студенческой молодежи, совершенствоваться в знании английского языка [Никульников, Свищев 2001: 96].

У нас нет полных данных о миссионерах ЦИХСПД, посетивших для реализации благотворительных проектов или служивших на Дальнем Востоке России. Но и неполные данные подтверждают наш вывод, что Первое Президентство было заинтересовано в упрочении позиций Церкви в регионе. В 1996 г. Приморский край посетили или несли миссионерское служение в крае всего 8 человек из-за рубежа; в 1997 г. – уже 30; в 1998 г. – 6 человек. Сокращение количества миссионеров Церкви, вероятно, было связано с неопределенностью положения дальневосточных приходов после принятия нового Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Как только Министерство юстиции РФ перерегистрировало Российскую Ассоциацию ЦИХСПД и приходы, входящие в Ассоциацию, количество работающих в крае миссионеров начало расти. В 1999 г. в Приморском крае работали на миссии 36 человек;

в 2000 г. – уже 43; правда, в 2001 г. их количество сократилось до 17 человек⁶⁸.

Увеличение числа верующих на российском Дальнем Востоке поставило перед Первым Президентством вопрос о возможности открытия здесь миссии. С этой целью в феврале 1999 г. во Владивосток из Токио прибывают руководители Северо-Азиатского региона ЦИХСПД. Встреча членов Церкви с руководящим составом Северо-Азиатского региона, на которой обсуждался вопрос о возможности организации миссии, прошла 21 февраля 1999 г. в Камерном театре. Сотрудников Комитета по делам национальностей и взаимодействию с религиозными объединениями Администрации Приморского края на встречу не пригласили, что привело к некоторому охлаждению отношений с руководством Владивостокской ЦИХСПД⁶⁹.

Чтобы разрешить это недоразумение, один из старейшин ЦИХСПД Владивостока г-н Дэбэнхам и Е. В. Н. встретились с консультантом Комитета по делам национальностей и взаимодействию с религиозными объединениями Администрации Приморского края А. В. Дмитренко. Во время встречи г-н Дэбэнхам упомянул о желании ЦИХСПД присутствовать на заседаниях Экспертно-консультативного Совета по свободе совести и вероисповеданиям при Администрации Приморского края⁷⁰. Договоренность была достигнута, и уже на следующее заседание Совета были приглашены представители ЦИХСПД⁷¹.

Работа по созданию миссии была завершена к лету 1999 г. А в июле этого года создается Российская Владивостокская Миссия во главе со старейшиной Элвином Х. Прайсом, первым Президентом Миссии⁷². К моменту создания Миссии во Владивостоке находились 26 старейшин и 5 миссионерских пар. Владивостокская миссия объединила все дальневосточные приходы ЦИХСПД.

Осенью 1999 г. первые русские миссионеры из Владивостока отправились на миссию: М. Рудаков – в Сакраменто, штат Калифорния, А. Гришин – в штат Южная Каролина, Н. Великанова – в Лондон⁷³.

⁶⁷ ТАУМЮ РФ ПК. Д. 62-Р. Л. 68.

⁶⁸ ТАОСОРОА ПК. Д. 10. Л. 14–18.

⁶⁹ Там же. Л. 85.

⁷⁰ Там же. Л. 1, 82.

⁷¹ Там же. Л. 75.

⁷² ТАЦИХСПД. Л. 20.

⁷³ Там же. Л. 21.

Впоследствии миссионеры из Владивостокской Миссии призывались на миссионерскую работу как за пределы нашей страны, так и в России. Например, в 2002 г. Н. Игнатьева была направлена в Российскую Ростовскую Миссию, в 2003 г. Е. Глебов – в Московскую Южную Миссию, И. Хай – на Храмовую площадь в Солт Лейк-Сити (Юта, США), А. Оохара – в Российскую Екатеринбургскую миссию, а О. Оохара – в Украинскую Донецкую миссию⁷⁴.

Количество членов ЦИХСПД на российском Дальнем Востоке в рассматриваемый период постоянно увеличивалось. Об этом можно судить по числу проведенных обрядов крещения. Хотя не все, принявшие крещение, остались в лоне Церкви, рост числа крещений отражает стабильную тенденцию к увеличению численности последователей Церкви. В 1996 г. на всей территории российского Дальнего Востока было проведено всего 14 крещений, в 1997 г. – 54, в 1998 г. – 72, в 1999 г. – 92, а в 2000 г. – 200⁷⁵.

До настоящего времени в Российской Федерации нет храма ЦИХСПД, поэтому совершение храмовых церемоний для многих верующих затруднительно. Мормоны Дальнего Востока чаще всего совершают храмовые церемонии в Сеуле. В марте 2002 г. 6 человек из Российской Владивостокской Миссии: супруги Максим и Татьяна Краус, Евгений и Валерия Шубины (Хабаровск), Владимир Миронычев (Владивосток) и Владимир Кан (Уссурийск) – посетили храм в Сеуле и совершили положенные храмовые церемонии⁷⁶. По состоянию на 1 августа 2002 г. в религиозной организации Владивостока лишь 14 человек посетили храмы ЦИХСПД⁷⁷. В начале 2003 г. еще одна семья из Российской Владивостокской миссии – семья Горностаевых из Магадана – посетила Сеульский храм⁷⁸.

С 2004 г. количество посещающих храм значительно возросло: руководители приходов, входящих во Владивостокскую Миссию, увеличили количество рекомендаций Первому Президентству, кто из прихожан их приходов достоин посещения храма. Так как посещение храмов для многих россиян – дело

весьма дорогое, Первое Президентство учредило специальный храмовый фонд, взяв на себя затраты по посещению достойными российскими верующими храмов в различных регионах мира.

Благотворительная, милосердная и культурная деятельность ЦИХСПД на Дальнем Востоке России

Закреплению ЦИХСПД на Дальнем Востоке России способствовала ее благотворительная деятельность. Среди основных форм благотворительной деятельности необходимо отметить гуманитарную помощь наиболее социально незащищенным слоям населения. Помощь осуществлялась через местные органы власти, а до официальной регистрации прихода через другие религиозные объединения.

Первый значимый гуманитарный проект на территории Приморского края ЦИХСПД осуществила в 1992–1994 гг.: через Международную гуманитарную службу «Забота» передала нуждающимся 35,7 кг одежды для женщин и детей⁷⁹.

В декабре 1995 г. во Владивостоке с гуманитарной миссией побывали семьи Берр, Моррис и Бэбкок. Они привезли одежду, медикаменты, продовольствие для пострадавших от наводнения жителей Приморья и организовали техническую помощь приморским пчеловодам⁸⁰.

В 1995–1997 гг. ЦИХСПД активно сотрудничала с Отделом социальной защиты Владивостока, поставляя медикаменты, одежду, продукты, предметы быта, учебные пособия⁸¹. На Сахалине, до создания прихода, мормоны оказывали благотворительную помощь жителям острова через Католическую службу помощи России. Наиболее активно ЦИХСПД на Сахалине оказывала помощь пострадавшим от землетрясения в Нефтегорске в 1995–1997 гг.⁸² Пострадавшим были переданы продовольственные наборы, одежда, одеяла, медикаменты и пр. Позже гуманитарная помощь ЦИХСПД жителям области осуществлялась через местный приход. В июне 2000 г. общее собрание ЦИХСПД Южно-Сахалинска

⁷⁴ Там же. Л. 37.

⁷⁵ Там же. Л. 41–45.

⁷⁶ Там же. Л. 50.

⁷⁷ ТАУМЮ РФ ПК. Д. 62-Р. Л. 164–165.

⁷⁸ ТАЦИХСПД. Л. 55.

⁷⁹ Отчет ЦИХСПД Солт Лейк-Сити. 2003. С. 23.

⁸⁰ Там же. С. 22.

⁸¹ Там же. С. 25.

⁸² Там же. С. 26.

обсудило вопрос об активизации участия женщин прихода в проведении «милосердных акций для бездомных детей»⁸³. В октябре 2000 г. на общем собрании организации постановили: «оказать помощь детской спецшколе Холмского района»⁸⁴.

Необходимо отметить стремление руководителей ЦИХСПД действовать на ниве благотворительности открыто, легально, через систему юридических договоров и соглашений с местными и региональными органами власти.

В сентябре 1997 г. Владивосток посетил новый Президент Северо-Азиатского района ЦИХСПД, старейшина Рекс Д. Пинегар, который совместно с Вице-президентом Благотворительного общества ЦИХСПД Герри Р. Флейком и Президентом района ЦИХСПД Гленом Б. Эдмунсом записался на прием к губернатору Приморского края Е. И. Наздратенко. Предполагаемый предмет обсуждения – объем гуманитарной помощи Приморскому краю от Благотворительного Общества ЦИХСПД. 8 сентября 1997 г. представители ЦИХСПД были приняты вице-губернатором Приморского края К. Б. Толстошеиным. На встрече присутствовали сотрудники Отдела социальной защиты населения Приморского края и отдела по связям с общественными и религиозными организациями⁸⁵.

Р. Д. Пинегар рассказал о состоянии юного жителя Уссурийска Приморского края Саши Золотарева, которому в 1996 г. в Солт Лейк-Сити (Юта, США) была пересажена почка и который находился в то время на лечении в США. Г. Р. Флейк, Вице-президент Благотворительного общества ЦИХСПД, выразил благодарность руководителю Отдела социальной защиты населения И. И. Торянику за помощь в реализации гуманитарных проектов Церкви в Приморском крае и предложил дополнительную медицинскую и техническую помощь через различные гуманитарные службы. Договоренность была достигнута⁸⁶, и ЦИХСПД приступила к реализации благотворительных программ, включающих помощь учебным и медицинским заведениям, а также наименее защищенным слоям населения.

20 октября 1998 г. ЦИХСПД и Религиозная Ассоциация Владивостока заключили договор о пожертвованиях. Согласно договору, Религиозная Ассоциация согласилась передавать, а религиозная организация – принимать в качестве пожертвования вещи и иное имущество, включая денежные средства⁸⁷.

В Хабаровском крае благотворительные проекты ЦИХСПД активно осуществлялись с 1998 г. В основном это была помощь образовательным и медицинским учреждениям.

Миссионеры и члены дальневосточных приходов ЦИХСПД вели и просветительскую деятельность. На всей территории Дальнего Востока – от Магадана до Сахалина – они вели бесплатные уроки английского языка для желающих. В рассматриваемый период «Клубы любителей английского языка» действовали в Магадане, Южно-Сахалинске, Хабаровске, Владивостоке, Уссурийске и Находке. Желающих бесплатно получить дополнительные знания по английскому языку было достаточно: студенты высших и средних специальных учебных заведений, школьники и молодые специалисты, которым необходимо знание языка по роду их профессиональной деятельности, и т.д. Для некоторых из них занятия английским языком с миссионерами Церкви стали первым шагом в принятии вероучения мормонов.

Миссионеры предлагали свои услуги в качестве преподавателей английского языка и в средних школах. Например, в 1998 г. в СШ № 9 г. Владивостока английский язык преподавали два миссионера ЦИХСПД⁸⁸. Но если на курсах английского языка, проводимых в помещениях Церкви, вопросы истории, вероучения и культовой практики Святых последних дней обсуждались часто, то в светских учебных заведениях члены ЦИХСПД занимались только профессиональной педагогической деятельностью – обучением навыкам разговорного английского языка, строго придерживаясь принципа светскости образования. Учащимся на курсах, учебных заведениях и всем желающим предоставлялась учебная и религиозная литература. В 1995–1996 учебном году мормоны передали

⁸³ ТАУМЮ РФ СО. Д. 127. Л. 56.

⁸⁴ Там же. Л. 57.

⁸⁵ ТАОСОРОА ПК. Д. 10. Л. 10, 11.

⁸⁶ Там же. Л. 20.

⁸⁷ Там же. Л. 155–156.

⁸⁸ Там же. Л. 25.

библиотеке Дальневосточного государственного университета 583 учебных пособия⁸⁹.

С 1998 г. владивостокские мормоны стремились не только распространять свое вероучение, но и оказывать влияние на культурную жизнь города. Об этом свидетельствует проведение ЦИХСПД мероприятий не только для членов Церкви, но и для всех желающих. Например, с 1998 г. Церковь регулярно проводила Рождественские и новогодние вечера. Первый прошел 25 декабря 1998 г. в Камерном театре⁹⁰.

Значительным культурным событием для жителей Дальнего Востока стали благотворительные концерты танцевального коллектива Университета Б. Янга (Юта, США), прошедшие в мае 2000 г. во Владивостоке и Хабаровске⁹¹. С некоторыми оговорками к культурным мероприятиям ЦИХСПД можно отнести и ежегодные Дни открытых дверей, проводимые в конце календарного года. Основная их цель – познакомить желающих с историей, вероучением и культовой практикой Церкви. Проводимые в Дни открытых дверей концерты духовной музыки, выставки картин на библейские сюжеты, демонстрация кино- и видеофильмов религиозного содержания – заметные явления культурной жизни Владивостока⁹². На культурные мероприятия, проводимые Церковью во Владивостоке, приезжали верующие из других городов и населенных пунктов российского Дальнего Востока. Посещали данные мероприятия и единоверцы из-за рубежа.

Одно из направлений деятельности Российской Владивостокской миссии – активное участие верующих в мероприятиях, организуемых Религиозной Ассоциацией ЦИХСПД в России. К ним, помимо благотворительных акций, относятся: молодежные конференции, конференции по храмовой и генеалогической работе, а также конференции Общества милосердия⁹³. В Приморском крае такие конференции проходили 2 раза в год. Для этих целей арендовалось здание Пушкинского или Камерного театра⁹⁴. Цель подобных конференций – разъяснение основ вероучения, значения храмовых обрядов

и церемоний в жизни члена Церкви; важности создания крепкой семьи и нравственного образа жизни. По инициативе руководства Южно-Сахалинского прихода ЦИХСПД в 2001 г., помимо благотворительных акций, были организованы молодежная конференция, конференция по храмовой работе и конференция по генеалогической деятельности⁹⁵.

8–10 августа 2002 г. во Владивостоке прошла молодежная зональная конференция ЦИХСПД под девизом *Наши сердца и разум едины*. В ней участвовали более 75 юношей и девушек из Владивостока, Магадана, Хабаровска, Южно-Сахалинска, Уссурийска и Находки, т.е. из всех городов российского Дальнего Востока, где есть приходы ЦИХСПД. В работе конференции приняли участие Е. В. Н. и В. А. Н. В. А. Н. к тому времени стал Президентом Религиозной Ассоциации ЦИХСПД России. В своих выступлениях перед делегатами они говорили «о возможностях и устремлениях молодежи Церкви, о важном значении создания крепкой семьи и заключения брака на вечность»⁹⁶. Присутствовавшие на конференции Президент Российской Владивостокской Миссии У. Освальд, сменивший на этом посту Э. Х. Прайса, и его жена М. Освальд говорили о необходимости служения, в том числе социального служения, добровольного и бескорыстного труда на благо общества. Участники конференции продемонстрировали социальное служение на деле: 5 часов отработали на субботнике по благоустройству города в рамках подготовки к Международному экономическому форуму, за что получили благодарность от главы Администрации Владивостока Ю. М. Копылова⁹⁷.

Заключение

Итак, рассмотрев историю возникновения, распространения и деятельности ЦИХСПД на российском Дальнем Востоке в 1989–2004 гг., можно сделать несколько выводов.

Несмотря на широкое конфессиональное разнообразие, сложившееся вследствие активной деятельности иностранных миссионеров в 1990-е гг.,

⁸⁹ Отчет ЦИХСПД Солт Лейк-Сити. 2003. С. 23.

⁹⁰ ТАОСОРОА ПК. Д. 10. Л. 22.

⁹¹ Там же. Л. 67.

⁹² Там же. Л. 78–79.

⁹³ Там же. Л. 157.

⁹⁴ Там же. Л. 79.

⁹⁵ ТАУМЮ РФ СО. Д. 127. Л. 70.

⁹⁶ ТАОСОРОА ПК. Д. 10. Л. 99.

⁹⁷ Там же. Л. 103.

ЦИХСПД заняла особое место в социокультурном пространстве Дальнего Востока. Этому способствовало не только культивирование во внутри-церковной жизни мормонов демократических норм и ценностей: равноправия, терпимости, лояльности, уважения к праву, законам и к другим религиям, привлекающее ту часть россиян, что не нашли себя в лоне традиционных религий, но и активная благотворительная и просветительская деятельность.

История появления и распространения учения ЦИХСПД на Дальнем Востоке – это история деятельности подвижников, объединивших вокруг себя единомышленников. С этим связана особенность распространения учения из локальных северных районов на юг региона, в наиболее контактные зоны дальневосточного фронта.

В процессе распространения учения мормонов мы выделяем два периода:

- 1) со времени проникновения первых сведений о религиозном учении ЦИХСПД и возникновения первых религиозных объединений в крупнейших дальневосточных городах до принятия ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г.;
- 2) когда численность последователей мормонов достигла максимальных значений, до 2004 г.

Первыми мормонами в регионе стали иностранцы, которые, используя накопленный ранее Церковью опыт, начали свою деятельность с организации просветительских проектов, ориентированных на изучение английского языка, и возможности получить образование за рубежом. Эти программы привлекли внимание молодежи и людей среднего возраста, преимущественно интеллигенции. Часть участников просветительских программ приняла учение

и сформировали российское ядро приходов ЦИХСПД на Дальнем Востоке.

Кроме просветительских программ российские религиозные организации при поддержке миссионеров из-за рубежа организовали широкую благотворительную деятельность, направленную на оказание помощи наиболее уязвимым слоям дальневосточного общества, которая выражалась в покупке медицинского оборудования и препаратов для медицинских и социальных учреждений, раздаче продуктов, одежды, медикаментов нуждающимся.

Анализируя характер взаимоотношений Церкви с органами власти, необходимо отметить стремление религиозного объединения к сотрудничеству, партнерским отношениям. С момента своего возникновения на Дальнем Востоке ЦИХСПД стремилась предотвращать любые правонарушения как членами религиозных организаций, так и интересующимися. В свою очередь, в рассматриваемый период и у государства не было претензий к деятельности ЦИХСПД.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

- Антоненко С. Г. Мормоны в России. Путь длиной в столетие. М.: Родина, 2007. 304 с. [Antonenko S. G. *Mormons in Russia. A century-long path*. Moscow: Rodina, 2007, 304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quepjz>
- Васильева С. В., Ахмадулина С. З., Будаева Д. Ц. Республика Бурятия: взаимоотношения между религиозными организациями и гражданскими институтами. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2022. № 2. С. 45–54. [Vasilyeva S. V., Akhmadulina S. Z., Budaeva D. Ts. Republic of Buryatia: Relationship between religious organizations and civil institutions. *Oikumena. Regional Researches*, 2022, (2): 45–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/45-54>
- Денисова Г. С., Викторин В. М., Волгин В. Л., Голунов С. В., Денисова А. В., Кочергин А. А., Петров В. Н., Петрулевич И. А., Смирнова В. А., Цветков О. М. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе: экспертный доклад (итоги 2019). Ростов н/Д: ООО «Фонд науки и образования», 2020. 198 с. [Denisova G. S., Viktorin V. M., Volgin V. L., Golunov S. V., Denisova A. V., Kochergin A. A., Petrov V. N., Petrulovich I. A., Smirnova V. A., Tsvetkov O. M. *Interethnic relations and religious situation in the Southern*

Federal District: Expert Report 2019. Rostov-on-Don: ООО "Fond nauki i obrazovaniia", 2020, 198. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/obmnsr>

- Дударенок С. М. Влияние трансграничных миграций на распространение нетрадиционных религий в Приморье в конце XX – начале XXI в. *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. 2020. Т. 27. С. 179–193. [Dudarenok S. M. The impact of cross-border migrations on the spread of non-traditional religions in Primorye in the late 20th – the early 21st centuries. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, 2020, 27: 179–193. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qshfxv>
- Дударенок С. М. Нетрадиционные религии и дальневосточная интеллигенция в 1990-е годы. *Интеллигенция и мир*. 2021. № 1. С. 82–102. [Dudarenok S. M. Unconventional religions and Far Eastern intellectuals in the 1990s. *Intelligentsiia i mir*, 2021, (1): 82–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zomejx>
- Дударенок С. М. Нетрадиционные религии на российском Дальнем Востоке (история и современность): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2005. 543 с. [Dudarenok S. M. *Non-traditional religions in the Russian Far East: History and modern times*. Dr. Hist. Sci. Diss. Vladivostok, 2005, 543. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nnvslld>
- Дударенок С. М., Федирко О. П. Возрождение и развитие протестантизма и католицизма на Дальнем Востоке России в 1990-е годы. *Журнал фронтирных исследований*. 2020. Т. 5. № 4. С. 172–208. [Dudarenok S. M., Fedirko O. P. Revival and development of protestantism and catholicism in the Far East of Russia in the 1990s. *Journal of Frontier Studies*, 2020, 5(4): 172–208. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.232>
- Егоров В. А. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней. 190 лет со дня основания и 200 лет со дня Первого видения. *Многообразие религиозных форм современной России*, отв. ред. В. А. Егоров. СПб.: ПХГА, 2022. С. 39–62. [Egorov V. A. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints: 190 years since foundation and 200 years since the First Vision. *The diversity of religious forms in modern Russia*, ed. Egorov V. A. St. Petersburg: RCAH, 2022, 39–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dvcqoi>
- Кантеров И. Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ). М.: Б. и., 2006. 469 с. [Kanterov I. Ya. *New religious movements in Russia: An analysis of religious studies*. Moscow, 2006, 469. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/queswt>
- Лункин Р. Н. Мормоны в России: земная святость для русского человека. *Русское ревью*. 2009. № 34. [Lunkin R. N. Mormons in Russia: Earthly holiness for the Russian people. *Russian Review*, 2009, (34). (In Russ.)] URL: <https://www.keston.org.uk/rr/34/01mormons-from-lunkin.html> (accessed 15 Jan 2025). <https://elibrary.ru/vcancv>
- Лункин Р. Н. Мормоны в России: особенности жизни общины в мегаполисе. In: Красиков А. А., Лункин Р. Н., Филатов С. Б., Цуркан А. А., Смирнов М. Ю., Элбакян Е. С., Шиманская О. К., Лещинский А. Н., Черенков М. Н., Паршаков А. С., Чернышева О. В., Матина Е. Г., Нойнчвандер Д., Йилдыз И., Акгюн С. К., Язькова В. Е., Казьмина О. Е., Иваненко С. И., Сенюткина О. Н., Бибикина О. П. *Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт*. М.: ИЕ РАН, 2016. С. 129–136. [Lunkin R. N. Mormons in Russia: Peculiarities of community life in a megalopolis. In: Krasikov A. A., Lunkin R. N., Filatov S. B., Tsurkan A. A., Smirnov M. Yu., Elbakyan E. S., Shimanskaya O. K., Leshchinsky A. N., Cherenkov M. N., Parshakov A. S., Chernysheva O. V., Matina E. G., Neuenschwander D., Yildiz I., Akgün S. K., Yazkova V. E., Kazmina O. E., Ivanenko S. I., Senyutkina O. N., Bibikova O. P. *Religious missions in the public arena: Russian and foreign experience*. Moscow: IE RAS, 2016, 129–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wyvyzsj>
- Многообразие религиозных форм современной России, отв. ред. В. А. Егоров. СПб.: ПХГА, 2022. 248 с. [*The diversity of religious forms in modern Russia*, ed. Egorov V. A. St. Petersburg: RCAH, 2022, 248. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cdysdd>
- Нечипорова Е. В. Светское и религиозное образование в Церкви Иисуса Христа Святых Последних дней: история и современность. *Вопросы воспитания*. 2011. № 2. С. 149–162 [Nechiporova E. V. Secular and religious education in the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints: History and modernity. *Voprosy vospitaniia*, 2011, (2): 149–162. (In Russ.)]
- Никольников В. А., Свищев М. П. Конфессиональная ситуация в Хабаровском крае. История и современность. Общественно-политическая и религиозная ситуация в Хабаровском крае. Методика. Информация. Практика. Хабаровск: Б. и., 2001. 154 с. [Nikulnikov V. A., Svishchev M. P. *Confessional situation in Khabarovsk Krai. History and modernity. Socio-political and religious situation in Khabarovsk Krai. Methodology. Information. Practice*. Khabarovsk, 2001, 154. (In Russ.)]

- Поспелова С. В., Поспелова А. И. Сравнительный анализ этноконфессиональной ситуации Магаданской области (конец XX – начало XXI вв.). *Социология религии в обществе позднего модерна*. 2020. Т. 9. С. 85–92. [Pospelova S. V., Pospelova A. I. Comparative analysis of ethnoconfessional situation in Magadan region (late XX – early XXI centuries). *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna*, 2020, 9: 85–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kafnis>
- Потапова Н. В. Религиозная ситуация в Сахалинской области: современный этап. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2022. № 2. С. 55–63. [Potapova N. V. The religious situation in the Sakhalin region: The current stage. *Oikumena. Regional Researches*, 2022, (2): 55–63. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/55-63>
- Прилуцкий В. В. Первые сведения о мормонах в российской периодической печати (1850–1857 гг.). *Вестник Брянского государственного университета*. 2024. № 1. С. 77–83. [Prilutskiy V. V. The first information about Mormons in the Russian periodicals (1850–1857). *The Bryansk State University Herald*, 2024, (1): 77–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2024-08-01-77-83>
- Радугин А. А., Радугин К. А. Социология. М.: Центр, 2000. 244 с. [Radugin A. A., Radugin K. A. *Sociology*. Moscow: Tsentr, 2000, 244. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udmmib>
- Тенбрук Ф. Репрезентативная культура. *Социологическое обозрение*. 2013. Т. 12. № 3. С. 93–120. [Tenbruck F. Representative culture. *Russian Sociological Review*, 2013, 12(3): 93–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwxzll>
- Федирко О. П. Проблемы взаимоотношения общества и религиозных объединений в условиях постсоветских реформ: историографический обзор. *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. 2021. Т. 33. С. 194–204. [Fedirko O. P. Problems of relationship of society and religious associations in the conditions of post-Soviet reforms: A historiographic overview. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, 2021, 33: 194–204. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2021-33-194-204>
- Чемикосова Т. А. Мормоны в России: реальное и виртуальное существование. *Вестник Евразии*. 2003. № 2. С. 170–207. [Chemikosova T. A. Mormons in Russia: Real and virtual existence. *Vestnik Evrasii*, 2003, (2): 170–207. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hyrtjn>
- Шахляев А. В., Шляхов М. Ю. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны) в России в конце XX – начале XXI века. *Апробация*. 2017. № 1. С. 23–24. [Shakhlyayev A. V., Shlyakhov M. Yu. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (Mormons) in Russia in the late 20th – early 21st centuries. *Aprobacia*, 2017, (1): 23–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hycjsn>
- Элбакян Е. С. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней: история и современность. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2004. № 3. С. 44–69. [Elbakyan E. S. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints: History and modernity. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 2004, (3): 44–69. (In Russ.)]
- Элбакян Е. С. Церковь Иисуса Христа святых последних дней: прошлое и настоящее. *Религиоведение*. 2003. № 4. С. 23–31 [Elbakyan E. S. The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints: Past and present. *Religiovedenie*, 2003, (4): 23–31. (In Russ.)]
- Элбакян Е. С., Шабуров Н. В. Мормонизм и протестантизм: сравнительный анализ. *Концепт: философия, религия, культура*. 2018. № 4. С. 84–109. [Elbakyan E. S., Shaburov N. V. Mormonism and Protestantism: A comparative analysis. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 2018, (4): 84–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2018-4-8-84-109>
- Якунин В. Н. Религиозные организации Тольятти в 1989–2001 годах. *Исторический поиск*. 2024. Т. 5. № 2. С. 69–84. [Yakunin V. N. Religious organizations of Togliatti in 1989–2001. *Historical Search*, 2024, 5(2): 69–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47026/2712-9454-2024-5-2-69-84>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fnkoax>

Создание и деятельность молодежных организаций в советской оккупационной зоне Германии (1945–1949 гг.)

Жаронкина Елена Алексеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5512-5060

<https://orcid.org/0000-0001-7223-7937>

zharonkina@mail.ru

Кровяков Василий Сергеевич

Музей-заповедник «Красная горка», Россия, Кемерово

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Аннотация: Несмотря на достигнутые успехи в изучении оккупационной политики союзников в Германии после окончания Второй мировой войны, интерес к ней не ослабевает. Особое место занимает проблема демократизации немецкого общества, в котором значимая роль отводилась молодежи. В статье рассмотрена политика Советской военной администрации в Германии в отношении молодежных организаций, создававшихся на территории советской оккупационной зоны. Цель – определить основные направления и методы работы Советской военной администрации в Германии с молодежными организациями. Применены системный подход, исторический, аналитический и сравнительный методы. Источниковую базу исследования составили многочисленные документы Советской военной администрации в Германии. Работа с молодежью была для оккупационных властей не только интересной, но и сложной задачей. Советская военная администрация придавала большое значение созданию единой молодежной организации: 7 марта 1946 г. возник Союз свободной немецкой молодежи – антифашистская организация, объединившая молодежь всех социальных слоев общества. Союз свободной немецкой молодежи играл важную роль не только в идеологическом перевоспитании молодых немцев в демократическом духе, но и в хозяйственно-экономическом восстановлении Германии. После создания в 1946 г. в советской оккупационной зоне Социалистической единой партии Германии Союз свободной немецкой молодежи все больше стал попадать под ее влияние, а представители других партий практически полностью были исключены из руководства организацией. В конечном счете это привело к превращению Союза свободной немецкой молодежи в проводника политики Социалистической единой партии Германии.

Ключевые слова: оккупация, молодежная организация, антифашистские молодежные комитеты, Союз свободной немецкой молодежи, Советская военная администрация в Германии, оккупационная зона, Германия

Цитирование: Жаронкина Е. А., Кровяков В. С. Создание и деятельность молодежных организаций в советской оккупационной зоне Германии (1945–1949 гг.). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 477–488. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-477-488>

Поступила в редакцию 13.03.2025. Принята после рецензирования 17.04.2025. Принята в печать 21.04.2025.

full article

Youth Organizations in the Soviet Occupation Zone in Germany, 1945–1949

Elena A. Zharonkina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5512-5060

<https://orcid.org/0000-0001-7223-7937>

zharonkina@mail.ru

Vasily S. Krovyakov

Krasnaya Gorka Museum Reserve, Russia, Kemerovo

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Abstract: The Allied occupation of Germany after World War II remains a popular research topic. In the democratization of German society, the crucial role belonged to youth policy. The article describes youth organizations organized by the Soviet military administration in the Soviet occupation zone of Germany. The authors applied systemic, historical, analytical, and comparative methods to archival documents in order to identify the strategies that the Soviet military administration used to build a system of youth organizations in post-war Germany. Youth work was a challenge for the occupation authorities. On March 7, 1946, the Soviet military administration created the Free German Youth as an anti-fascist organization that united young people from all social strata. The Free German Youth was responsible for the democratic denazification of young Germans and facilitated the economic recovery of the country. It fell under the influence of the Socialist United Party of Germany (1946) and excluded representatives of other parties from its leadership. As a result, the Free German Youth became an agent of the Socialist Unity Party of Germany.

Keywords: occupation, youth organization, anti-fascist youth committees, Free German Youth, Soviet military administration in Germany, occupation zone, Germany

Citation: Zharonkina E. A., Krovyakov V. S. Youth Organizations in the Soviet Occupation Zone in Germany, 1945–1949. *SibScript*, 2025, 27(3): 477–488. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-477-488>

Received 13 Mar 2025. Accepted after peer review 17 Apr 2025. Accepted for publication 21 Apr 2025.

Введение

Решения союзников по антигитлеровской коалиции, принятые в Ялте и Потсдаме, провозглашали необходимость проведения комплекса мер, которые позволили бы превратить нацистскую Германию в демократическое государство. Особую роль в этих преобразованиях оккупационные власти отводили молодежи. Перевоспитание молодых немцев в антифашистско-демократическом духе имело огромное значение для будущего послевоенной Германии, и советская военная администрация прилагала к этому большие усилия.

Окончание войны и роспуск нацистских организаций оставили немецкую молодежь без привычного досуга, а также контроля и руководства. Апатия, растерянность, страх и недоверие – такие настроения

царили среди немцев. Были и те, кто по-прежнему питал симпатии к нацистской идеологии: так, в ряде городов Саксонии распространялись листовки с призывами к немецкой молодежи «не забывать павших немецких товарищей, погибших за Германию»¹. Усталость от войны, послевоенная разруха, голод, материальные лишения еще более усугубляли ситуацию. Тем важнее было как можно скорее дать немецкой молодежи иные ориентиры, привить новые морально-этические принципы, сплотить ее для решения насущных проблем. И в настоящее время вопрос о важности и необходимости работы с молодежью как никогда имеет особое значение. Поэтому изучение опыта советской военной администрации в Германии в осуществлении

¹ Донесение начальника Политотдела СВА земли Саксония М. И. Зяблова начальнику Политуправления ГСОВГ А. М. Пронину, члену Военного совета СВАГ Ф. Е. Бокову, заместителю Главноначальствующего СВАГ по делам гражданской администрации И. А. Серову, начальнику Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанову о работе с немецким населением, 18 октября 1945 г. *СВАГ и формирование партийно-политической системы в Советской зоне оккупации Германии. 1945–1949: сборник документов. Т. 1: 1945–1946 гг.*, отв. ред. В. В. Захаров, Н. Катцер, М. Уль, сост. В. В. Захаров. М.: РОССПЭН, 2014. С. 146–147.

молодежной политики, взаимодействия с молодежными организациями представляет несомненный интерес.

Рассекречивание документов российских архивов в 1990-е – начале 2000-х гг. способствовало росту интереса к послевоенной истории Германии как со стороны отечественных, так и зарубежных ученых. Проблемы оккупационной политики нашли отражение в ряде общих работ по германской истории [Висков, Кульбакин 1990; Галактионов 2005; История Германии 2005; Deutschland... 1999; Fisher 2007; Kleßmann 1991], в исследованиях, посвященных различным аспектам оккупационной политики СССР в Германии [Беспалько 2024; Зинчук 2020; Козлов, Козлова 2021; Нефедов 2019; Петелин 2022; Семиряга 1995; Шелудченко 2018; Naimark 1995; Neunzig 2014; Slaveski 2013]. Однако работ, в которых рассматривается политика Советской военной администрации в Германии (СВАГ) в отношении молодежных организаций, по-прежнему недостаточно.

Цель – определить основные направления и методы работы СВАГ с молодежными организациями. Методологической основой работы служит системный подход, а также исторический, аналитический и сравнительный методы научного познания. Источниковую базу исследования составили многочисленные документы СВАГ: донесения, докладные записки, директивы, отчеты и т. д.

Результаты

Антифашистские молодежные комитеты

К лету 1945 г. в Восточной Германии насчитывалось около 2,7 млн юношей и девушек 14–25 лет. Из них 1,4 млн было занято в промышленности, более 400 тыс. – в сельском хозяйстве, более 400 тыс. учились в профессиональных школах и 450 тыс. – в школах и университетах [Болдырев 2010: 8].

Уже в первые месяцы после разгрома нацистской Германии в некоторых городах советской оккупационной зоны начали создаваться антифашистские молодежные группы. Они не имели какой-либо единой программы, носили разные названия (антифашистская рабочая молодежь, группа антифашистской молодежи) и действовали разрозненно.

На собрания таких групп приглашались бывшие узники концентрационных лагерей с рассказами об издевательствах нацистов, слушались доклады о сущности национал-социализма, о войне, о будущем Германии. Большое внимание молодежные группы уделяли и развлекательным мероприятиям: организовывались музыкальные вечера и спектакли, проводились игры и занятия спортом. За деятельностью руководителей таких групп следили органы местного самоуправления, главным образом представители Коммунистической партии. Однако существовали и объединения, контроль над которыми не осуществлялся, что для советской военной администрации было крайне нежелательно².

Возвращение к большому количеству молодежных организаций времен Веймарской республики советская военная администрация считала опасным, поскольку это затрудняло бы контроль над ними. Поэтому оккупационные власти пошли по пути создания единой массовой молодежной организации. К тому же это позволило бы проводить единую пропагандистскую и агитационную работу, направленную на демократизацию и денацификацию молодежи. Директивой Военного совета СВАГ № 19498–19500/III от 30 июля 1945 г. было предписано: «не восстанавливая бывшую до гитлеровского порядка организацию молодежи при политических партиях, когда существовали коммунистические, социал-демократические, католические и другие союзы молодежи, создать антифашистские молодежные комитеты Германии»³. Все другие юношеские организации: профсоюзные, спортивные, кооперативные, социалистические и т. п. – были запрещены.

Первые антифашистские молодежные комитеты были организованы в крупных городах зоны – Лейпциге, Дрездене, Хемнице, Цвикау и др., а потом и в средних. Они состояли, как правило, из 5–6 человек и 1 секретаря. Низовой ячейкой являлись местные группы, которые объединялись в участковые группы. Те, в свою очередь, объединялись в районные группы под руководством молодежного комитета города, созданного при отделении народного образования. Центральное руководство молодежными комитетами осуществлял антифашистский

² Донесение начальника Политотдела УСВА земли Саксония М. И. Зяблова начальнику Политического управления ГСОВГ А. М. Пронину о работе антифашистских комитетов молодежи, 3 октября 1945 г. *СВАГ и формирование...* Т. 1. С. 495.

³ Директива начальника УСВА провинции Бранденбург В. М. Шарова военным комендантам округов, районов и городов провинции, их заместителям по политической части о создании антифашистских комитетов молодежи, 3 августа 1945 г. *СВАГ и формирование...* Т. 1. С. 491–492, 957.

молодежный комитет, созданный при земельном отделе народного образования во главе с референтом по работе среди молодежи. Комитет тесно сотрудничал с органами просвещения, профессиональными союзами, политическими объединениями и средствами массовой информации [Старикова 2022: 966]. Подобным образом функционировали молодежные комитеты по всей зоне⁴.

Одними из главных целей деятельности молодежных комитетов являлись воспитание антифашистских кадров и вовлечение молодежи в строительство новой демократической Германии. Предполагалось, что в будущем активисты молодежных комитетов составят ядро новой антифашистской молодежной организации⁵.

На начальном этапе своего существования комитеты испытывали трудности с определением сферы своей деятельности. Например, некоторые комитеты ограничивались только просветительской работой, другие же увлеклись спортивной работой в ущерб воспитательной.

Политико-воспитательная работа проводилась через так называемые молодежные (или юношеские) дома. Как правило, такие учреждения располагались в отдельных зданиях, в том числе ранее принадлежавших нацистским организациям. По сути, это были молодежные клубы, в которых организовывались различные тематические кружки и секции по интересам: музыкальные, драматические, шахматные, кружки по изучению русского языка, литературные и др. Советской военной администрацией ставилась задача превратить юношеские дома в центры культурно-просветительской работы среди молодежи. Создание юношеских домов в каждом районе крупных городов, безусловно, сыграло свою роль в росте популярности комитетов среди молодежи.

Важную роль молодежные комитеты играли в политической работе с местным населением. Раз в неделю проводились вечера вопросов и ответов

на темы социализма, демократии, преимуществ советской системы. Проводились собрания, на которых обсуждалась вина Германии в развязывании Второй мировой войны, политические и экономические проблемы послевоенного устройства и задачи молодежи в построении новой демократической Германии⁶. Активно участвовали молодежные комитеты и в пропаганде земельной реформы Советской военной администрации, что позволило им расширить свою работу в среде сельской молодежи⁷.

Уделялось внимание и практической работе. Так, молодежь помогала в восстановлении городов и сел, был организован сбор фруктов и овощей для нуждающихся и пострадавших во время войны семей, а также новогодних и рождественских подарков детям. Комитеты принимали участие и в подготовке к новому учебному году: помогали в выборе новых учителей, изымали нацистскую литературу из библиотек и т.д.⁸

Но несмотря на развернувшуюся работу, молодежь в целом была пассивна, и добиться ее широкого охвата не удалось: так, в Саксонии в мероприятиях комитетов участвовало всего 10 % от общего количества молодежи. Причин тому было несколько. Одной из них можно назвать влияние на молодежь католической церкви. Как говорилось в докладной записке начальника управления Советской военной администрации земли Тюрингия И. С. Колесниченко, «духовенство, подчеркивая название "антифашистские молодежные комитеты", заявляет, что эти комитеты опустошают духовно молодежь»⁹. На работе молодежных комитетов сказывалось отсутствие четких инструкций по их деятельности и центрального руководства. Сами руководители комитетов еще не имели достаточного опыта и были не готовы к проведению массовой политической работы в молодежной среде. Определенную роль сыграли и противоречия в антифашистском блоке партий: Христианский демократический союз

⁴ Докладная записка начальника УСВА земли Тюрингия И. С. Колесниченко члену Военного совета СВАГ Ф. и Е. Бокову, заместителю Главноначальствующего СВАГ по гражданским делам И. А. Серову, начальнику Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанову о деятельности антифашистских комитетов молодежи, 13 декабря 1945 г. *СВАГ и формирование...* Т. 1. С. 526.

⁵ Директива заместителя начальника СВА провинции Мекленбург и Западные Померания М. А. Скосырева военным комендантам уездов и их заместителям по политической части о создании антифашистских комитетов молодежи, 7 августа 1945 г. *СВАГ и формирование...* Т. 1. С. 494.

⁶ Докладная записка начальника УСВА земли Тюрингия И. С. Колесниченко... о деятельности антифашистских комитетов молодежи... С. 527–528.

⁷ Там же. С. 528–529.

⁸ Донесение начальника Политотдела УСВА земли Саксония... о работе антифашистских комитетов молодежи... С. 498–499.

⁹ Докладная записка начальника УСВА земли Тюрингия И. С. Колесниченко... о деятельности антифашистских комитетов молодежи... С. 529

и Либеральная демократическая партия не приняли участия в комитетах и отчасти даже саботировали их деятельность. Например, в Тюрингии комитеты были сначала организованы не из активных антифашистов, а при равном представительстве партий. Буржуазные партии пытались использовать сложившуюся ситуацию как возможность организовать свой молодежный актив, однако, узнав об этом, Советская военная администрация распорядилась реорганизовать комитеты по общему зональному стандарту¹⁰. Приходилось сталкиваться и с проявлениями откровенно враждебного сопротивления: в Магдебурге в окно здания, где проходило собрание молодежного комитета, одним из бывших руководителей союза гитлеровской молодежи (Гитлерюгенда) была брошена бутылка со слезоточивым газом¹¹.

Работа антифашистских молодежных комитетов стала подготовительным этапом к созданию единой молодежной организации. К весне 1946 г. численность антифашистских молодежных комитетов достигла 160 тыс. человек [Дацишина 2018: 112]. На ускорение процесса создания Союза свободной немецкой молодежи (ССНМ) также повлияло создание социалистических молодежных организаций в западных оккупационных зонах, что, по мнению одного из лидеров коммунистической партии Вальтера Ульбрихта, «могло внести раскол в ряды молодежи, подорвать готовящееся объединение СДПГ и КПП»¹².

Союз свободной немецкой молодежи

7 марта 1946 г. советская военная администрация официально разрешила создание организации, призванной объединить всю демократическую молодежь советской зоны без различия социального происхождения и политической направленности. Такой организацией стал ССНМ. Вся пропагандистская и организационная работа по созданию Союза была возложена на антифашистские молодежные

комитеты под контролем и руководством окружных отделов пропаганды СВАГ.

Низовой ячейкой Союза являлась местная группа, которая также могла быть создана на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях. Это позволяло охватить как учащуюся, так и рабочую молодежь. Местные молодежные группы подчинялись городским комитетам, те в свою очередь – районным. Окружные комитеты являлись связующим звеном между районным и провинциальным комитетом, который избирался сроком на 1 год и состоял из 25 человек. В Союз могли вступать юноши и девушки от 14 до 21 года, а также молодежь до 25 лет, но при условии, что она составляет не более одной трети всех членов организации¹³. Уже в апреле 1946 г. прошли выборы руководящих органов ССНМ.

7–8 июня 1946 г. в Бранденбурге состоялся I съезд ССНМ, на котором был избран Центральный совет, состоящий из 61 человека, 44 из которых были членами Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), 12 – Христианско-демократического союза (ХДС), 3 – Либерально-демократической партии (ЛДП) и 2 беспартийных. Председателем Союза был избран член СЕПГ Эрих Хонеккер¹⁴.

К сентябрю 1946 г. созданный Союз свободной немецкой молодежи полноценно развернул свою деятельность по всей советской оккупационной зоне. За короткий срок он смог значительно расширить свое влияние и привлечь молодежь к политическому и хозяйственному строительству новой Германии. Согласно докладной записке начальника управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанова, к 1 августа 1946 г. в Союзе состояло 292 тыс. человек, в том числе в федеральной земле Саксония – 91 тыс., в провинции Саксония – 81 тыс., в федеральной земле Тюрингия – 46 тыс., в провинции Бранденбург – 40 тыс., в провинции Мекленбург – 34 тыс. В среднем ежемесячно в Союз вступало от 12 до 15 тыс. человек. Всего деятельностью Союза к этому моменту было

¹⁰ Там же. С. 526–527.

¹¹ Донесение начальника отделения пропаганды округа Магдебург В. Я. Гришина начальнику Отдела пропаганды УСВА провинции Саксония В. М. Демидову о срыве собрания антифашистской молодежи в г. Магдебург, 28 ноября 1945 г. *СВАГ и формирование...* Т. 1. С. 511–512.

¹² Письмо секретаря ЦК КПП В. Ульбрихта в ЦК ВКП(б) о деятельности Коммунистической партии Германии, 17 января 1946 г. *СВАГ и формирование...* Т. 1. С. 435.

¹³ Указание начальника Отдела пропаганды УСВА провинции Саксония В. М. Демидова начальникам отделений пропаганды округов о создании местных организаций Союза свободной немецкой молодежи, 9 марта 1945 г. *СВАГ и формирование...* Т. 1. С. 571–572.

¹⁴ Докладная записка начальника Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанова первому заместителю заведующего Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) А. С. Панюшкину о работе с молодежью в Советской зоне оккупации Германии, 4 сентября 1946 г. *СВАГ и формирование...* Т. 1. С. 607.

охвачено 18 % молодежи всей зоны, средний возраст членов составлял 14–18 лет (59 % от общего числа членов Союза)¹⁵.

Большинство членов ССНМ были выходцами из рабочей и крестьянской среды. Напротив, «молодежь мелкобуржуазных слоев населения, верующая молодежь, а также учащаяся и студенческая молодежь настроена к Союзу молодежи отрицательно, а зачастую даже враждебно, считая его организацией Социалистической единой партии»¹⁶, – говорилось в докладной записке С. И. Тюльпанова. В отношении ССНМ они заняли выжидательную позицию, опасаясь, что Союз может постичь судьба Гитлерюгенда: «Мы уже были однажды обмануты, вступив в организацию гитлеровской молодежи. За это нас сейчас преследуют и не доверяют нам. Если мы вступим в Союз молодежи, нас будут преследовать позже. Ведь когда-то молодежь считала и Гитлерюгенд хорошей организацией»¹⁷.

Управление пропаганды советской военной администрации видело в сложившейся ситуации недочеты работы со стороны СЕПГ. Указывалось, что партия недостаточно помогает Союзу в области политического воспитания молодежи, отталкивает от себя религиозную молодежь, перенося свои методы партийной работы на Союз свободной немецкой молодежи, и мало взаимодействует с молодежью из интеллигенции. К тому же сама СЕПГ не привлекает в Союз своих членов: так, в Саксонии из 63 тыс. молодых членов СЕПГ только 8 тыс. являлись членами ССНМ¹⁸. По-прежнему остро ощущалась нехватка подготовленных кадров, мало использовались радио и печать для пропаганды в молодежной среде, не популяризировался опыт работы лучших организаций молодежи.

Практическая работа ССНМ развернулась по двум направлениям: участие в восстановлении хозяйства Германии и политико-воспитательная работа. Как отмечает Т. Тимофеева: «Молодежь в советской зоне оккупации наиболее привлекательным моментом тех лет считала участие в работах по разборке

руин и восстановлению зданий, а позже получение места ученика на производстве, – и все это во многом из-за 72 пфеннигов в час и карточки "занятого на тяжелых работах"» [Тимофеева 2007: 348], которая давала право на получение более калорийного пайка.

Одним из результатов деятельности Союза (а до него и антифашистских комитетов) стала ликвидация безработицы среди молодежи. Так, к 30 апреля 1946 г. среди юношей безработица составила всего 0,5 %, а среди девушек – 3,4 %. Во всех землях советской оккупационной зоны для помощи крестьянам, получившим землю, были организованы молодежные тракторные и ремонтные бригады, во многих районах молодежь строила дома для крестьян. Благодаря программе производственного обучения «Творчество молодежи» (Верк дер Югенд) были созданы учебные мастерские, где молодежь могла пройти переквалификацию¹⁹. Большое значение имело и обучение в профессионально-технических училищах, которые в 1946 г. закончили 163 тыс. юношей и девушек [Балашов 2018: 8].

В области политико-воспитательной работы главное внимание уделялось демократическому воспитанию молодежи, центром которой по-прежнему являлись молодежные дома, где проводились политические занятия и вечера дискуссий. Важным направлением деятельности ССНМ стало участие в процессах денацификации советской оккупационной зоны. Например, в комиссию по денацификации земли Саксонии-Ангальт, состоящей из 8 членов, входил один представитель от Союза свободной немецкой молодежи, что свидетельствовало о доверии к Союзу со стороны руководства Советской зоны²⁰.

Активное участие ССНМ принял в подготовке референдума в Саксонии по передаче имущества нацистских и военных преступников в руки местных органов самоуправления. На общинных выборах 1946 г. активисты ССНМ продвигали требования «равной оплаты за равный труд, ограничения

¹⁵ Там же. С. 606.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 610.

¹⁹ Там же. С. 606–609.

²⁰ Донесение начальника Отдела информации УСВА земли Саксония-Ангальт Н. С. Родионова начальнику Управления информации СВАГ С. И. Тюльпанову о работе земельных комиссий по денацификации, 15 декабря 1947 г. *СВАГ и формирование партийно-политической системы в Советской зоне оккупации Германии. 1945–1949: сборник документов. Т. 2: 1947–1949 гг.*, отв. ред. В. В. Захаров, Н. Катцер, М. Уль, сост. В. В. Захаров. М.: РОССПЭН, 2014. С. 55–56.

рабочего дня для молодежи до 16-летнего возраста 42 часами в неделю и предоставления избирательного права с 18-летнего возраста»²¹ и др. Кроме того, члены Союза работали на избирательных участках и агитировали голосовать за кандидатов от СЕПГ, что вызвало критику со стороны ХДС и ЛДП о нарушении надпартийного принципа деятельности этой организации.

В ходе подготовки к общинным выборам активную работу среди молодежи развернули ХДС и ЛДП, выступавшие под лозунгами борьбы за свободу личности и свободу индивидуального развития. Они пытались бойкотировать вступление молодежи в ССНМ, называя ее марксистской организацией, пытались создавать внутри Союза подконтрольные молодежные группы, чтобы получить в нем влияние и захватить руководство низовыми ячейками, что им порой удавалось²². Пользуясь влиянием среди священников, представители ХДС призывали их проводить беседы с прихожанами, в том числе с молодежью, с целью склонить ее к вступлению в партию²³.

Попытки ХДС и ЛДП организовать свои собственные молодежные организации пресекались советской военной администрацией, которая справедливо полагала, что это может привести к расколу в рядах ССНМ. Однако ХДС использовала все свое влияние среди христианских молодежных организаций, действовавших на территории советской оккупационной зоны нелегально.

Одной из таких организаций стал Союз решительного христианства, который был образован еще в конце XIX в. из молодежи партии «Центр». До 1933 г. в его состав входило 1,5 тыс. местных организаций. Союз имел свою форму, издавал газету, создавал молодежные кружки, проводил собрания, митинги и демонстрации. Однако с приходом нацистов к власти это было запрещено, и вся работа проводилась во время проповедей. Осенью 1945 г. Союз решительного христианства возобновил свою

работу по всей советской оккупационной зоне. Его главной целью объявлялось воспитание молодежи в религиозном духе, на основе изучения Библии²⁴. Практически сразу организация попала под пристальное внимание оккупационных властей. Вскоре стало известно, что большинство членов Союза решительного христианства одновременно являются и членами ХДС, а на его собраниях идет агитация среди молодежи по вступлению в ряды Христианско-демократической партии. Поскольку Союз занимался не только сугубо религиозными вопросами, но и политической деятельностью, СВАГ приняла решение запретить его и распустить все местные организации²⁵. Однако он продолжал свою работу на нелегальном положении.

Еще одной крупной религиозной организацией, действовавшей во многих городах и районах советской оккупационной зоны, была «Молодая община» (Юнге Гемайнде). Советские оккупационные власти считали, что ее существование противоречит распоряжениям СВАГ о запрете деятельности всех иных молодежных организаций, кроме Союза свободной немецкой молодежи. Однако церковные инстанции рассматривали их как обычные общины, в которых могли состоять не только молодежь, но и верующие других возрастов. Поэтому, чтобы не вступать в открытую конфронтацию с церковью и не оттолкнуть религиозно настроенное население, СВАГ действовала осторожно, проводя проверки членов организации, а сами организации держала под постоянным контролем. Репрессивные же меры предпринимались против тех организаций «Молодых общин», которые, по мнению оккупационных властей, «действительно выросли в самостоятельные молодежные организации с постоянным руководством, членскими билетами, взносами и отличительными знаками и проводят антисоветскую и антидемократическую пропаганду или культурно-массовую, просветительную, социально-политическую работу среди молодежи»

²¹ Докладная записка начальника Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанова... с молодежью в Советской зоне оккупации Германии... С. 606–609.

²² Там же. С. 609–610.

²³ Донесение начальника Отдела пропаганды УСВА провинции Саксония Н. С. Родионова начальнику Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанову о деятельности провинциального правления ХДС, 2 августа 1946 г. *СВАГ и формирование...* Т. 1. С. 467.

²⁴ Донесение начальника Отдела пропаганды УСВА провинции Саксония В. М. Демидова начальнику Управления пропаганды СВАГ С. И. Тюльпанову о выявлении и роспуске местных организаций «Союза решительного христианства» в провинции Саксония, 30 марта 1946 г. *СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии, 1945–1949 гг.: сборник документов*, отв. ред. и авт. вступ. ст. В. В. Зазаров. М.: РОССПЭН, 2006. С. 246.

²⁵ Там же. С. 244–247.

[Захаров 2006: 82]. «Деятельность церковных молодежных общин отвлекает молодежь от активного участия в демократическом строительстве Советской зоны и воспитывает ее в идеалистическом духе, ...подрывает базу роста Союза немецкой молодежи и отвлекает молодежь от участия в работе организации, а для отдельных организаций СМН представляет угрозу разложения»²⁶, – сообщалось в донесении начальнику Отдела информации Управления СВАГ земли Саксония.

Важной задачей, которая стояла перед СВАГ в области молодежной политики, стала задача увеличения численности ССНМ, вовлечения как можно большего числа молодежи, в особенности работающих и учащейся, в мероприятия организации. Было организовано более 5 тыс. кружков художественной самодеятельности, а летом 1948 г. около 120 тыс. молодых людей смогли провести время в лагерях отдыха. Мощным средством привлечения симпатий немецкой молодежи к СВАГ и ССНМ стала спортивная деятельность, находившаяся с начала оккупации под запретом. С конца 1947 г. позиция оккупационных властей в вопросе организации массового спортивного движения в советской зоне изменилась: сперва она была восстановлена на уровне городов, районов и земель, а 1 октября 1948 г. был создан общезональный Немецкий спортивный комитет. Одним из его основателей стал Центральный совет ССНМ, который одновременно являлся и его куратором. К концу 1949 г. численность спортивного комитета достигла 542 тыс. членов²⁷. 11–13 февраля 1949 г. в Оберхофе была проведена первая олимпиада среди молодежи по зимним видам спорта, в которой приняло участие более 500 спортсменов и 10 тыс. зрителей [Болдырев 2010: 10]. А в начале июня этого же года в Лейпциге состоялся спортивный фестиваль, в котором участвовало 20 тыс. спортсменов из советской оккупационной зоны.

Расширилось молодежное представительство как в профсоюзных объединениях, так и в Культурбунде, в котором была отдельная секция молодежи.

Например, в Саксонии при Культурбунде окружным правлением ССНМ совместно с молодежным отделом профсоюза и студенческим советом был создан молодежный совет, в котором три раза в месяц проводились вечера по культурно-политическим вопросам, естественно-научным темам, а также актуальным вопросам экономики советской зоны²⁸. Делегаты от Союза свободной немецкой молодежи присутствовали и на всех трех Народных конгрессах, выступая за сохранение единства Германии, принимали активное участие в обсуждении проекта конституции будущей ГДР.

Несмотря на достигнутые успехи, осуществление Союзом идеологической работы по-прежнему вызывало нарекания со стороны оккупационных властей. Как отмечалось в записке заместителя Главного начальствующего СВАГ по политическим вопросам А. Г. Русских и начальника Управления информации СВАГ С. И. Тюльпанова, «идеологическая работа, политическое воспитание молодежи в целом руководством Союза неоправданно отодвигались на второй план. Поэтому политико-воспитательная работа среди молодежи серьезно отставала не только от задач, но даже от конкретных практических дел Союза. Руководство Союза... проявляет недооценку проведения политико-просветительной работы среди студентов, учащейся и сельской молодежи, а также среди девушек. Не случайно Союз не имеет серьезного влияния среди этих слоев молодежи. ...Руководство Союза не подготовило пособия для политической учебы членов Свободной немецкой молодежи, не упорядочило проведение вечеров политической учебы в низовых организациях. Союз плохо руководит своей печатью. Газеты и журналы Союза делаются часто на низком уровне, серьезно отстают от жизни организации»²⁹. В сложившейся ситуации видели в том числе и недостатки работы СЕПГ, которая «уделяла мало внимания вопросам идеологической работы среди молодежи, не помогала Союзу в политическом просвещении молодых немцев»³⁰.

²⁶ Донесение начальника отделения информации УВК г. Хемниц Н. И. Блесткина начальнику Отдела информации УСВА земли Саксония о деятельности церковного общества молодежи «Юнге Гемайнде» в г. Хемниц, 24 марта 1949 г. *СВАГ и религиозные конфессии...* С. 273–276.

²⁷ СВАГ и формирование... Т. 2. С. 978.

²⁸ Донесение начальника отделения информации военной комендатуры г. Лейпциг Г. С. Шишкова начальнику Отдела информации УСВА земли Саксония Н. А. Кузьминову о деятельности организации Культурбунд, 24 января 1949 г. *СВАГ и формирование...* Т. 2. С. 809.

²⁹ А. Г. Русских и С. И. Тюльпанов В. Г. Григорьяну, 29 июля 1949 г. *СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из российских архивов. Т. IV. 18 июня 1948 г. – 5 ноября 1949 г. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 493–494.*

³⁰ Там же.

В феврале 1949 г. началась подготовка к проведению III съезда ССНМ, сопровождавшаяся активным ростом Союза, в основном за счет рабочей молодежи. На съезде, проходившем с 1 по 4 июня в Лейпциге, присутствовало 1977 делегатов и более 500 гостей, в том числе из западных оккупационных зон, а также из стран Восточной и Западной Европы. Был принят новый устав Союза и переизбран его председатель, которым вновь стал Эрих Хонеккер. Проведение съезда способствовало укреплению позиций и руководящей роли СЕПГ в Союзе свободной немецкой молодежи.

В результате всех предпринятых советской военной администрацией мер численность Союза возросла, составив к лету 1949 г. 680 тыс. человек (55 % юношей и 45 % девушек). В донесении председателю Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В. Г. Григорьяну приводятся такие цифры относительно социального состава членов ССНМ: «рабочих – 45 %, служащих – 16 %, сельскохозяйственных рабочих – 11 %, учащихся – 11 %, молодых крестьян – 3 %, лиц свободных профессий – 2,7 %, студентов – 1,3 %, ремесленников и частных – 5,6 %, не имеющих профессий – 3,8 %. Молодежь от 14 до 17 лет составляла в Союзе 47 %, от 18 до 21 года – 38 %, от 22 до 25 лет – 10,5 % и свыше 25 лет – 4,5 %»³¹. К июню 1950 г. в ССНМ состояли 1 млн 200 тыс. человек, что составляло чуть более 45 % молодежи советской оккупационной зоны [Болдырев 2010: 10]

Большое внимание ССНМ уделял подготовке руководящих кадров. Только за первое полугодие 1949 г. школы по подготовке функционеров Союза, работающие во всех землях зоны, закончили более 1 тыс. человек. Специальным решением руководства СЕПГ с октября 1948 г. Союз свободной немецкой молодежи становится «резервом компартии» и «проводником ее политики среди молодежи» [Петелин 2024: 199]. Однако, как отмечает Л. Н. Корнева: «Стремление обеспечить господствующее положение СЕПГ и оттеснить другие партии на периферию политической жизни приводило к заорганизованности и идеологизированности культурной и молодежной политики» [Корнева 2014: 266]. С начала 1948 г. около 3 тыс. функционеров ССНМ заняли руководящие должности в партийных, профсоюзных и государственных органах. Например, Эдит Бауман была избрана

в члены малого секретариата политбюро СЕПГ, члены Центрального совета ССНМ Пауль Фернер, Герман Аксен, Эрих Хениш назначены заведующими отделами Центрального правления СЕПГ. Несколько функционеров ССНМ занялись ответственной работой в народной полиции³². Свое представительство ССНМ имел и в органах самоуправления: в собраниях депутатов местных общин и округов, земельных ландтагах.

В 1949 г., согласно новому уставу организации, в Союзе закрепился принцип демократического централизма, что на деле означало борьбу с разными фракциями с целью подавления оппозиции. Началась смена кадров на всех уровнях, в результате только 2 % представителей от буржуазных партий смогли сохранить руководящие должности. Критерием пригодности руководителя в Союзе считалось абсолютно положительное отношение к СССР, антисоветские элементы изгонялись из рядов организации. Активно работала и пропаганда социалистического строя: ее действенной формой стали регулярные поездки в Советский Союз немецких делегаций от функционеров Союза свободной немецкой молодежи [Болдырев, Морре 2019: 212]. Насаждался и культ личности И. В. Сталина. В июле 1949 г. правление Союза свободной немецкой молодежи впервые поставило на повестку заседания вопрос о проведении серии мероприятий по случаю празднования 70-летнего юбилея И. В. Сталина. Эта инициатива была поддержана Политбюро ЦК СЕПГ [Mählert 1994: 81]. Были организованы поездки молодежных делегаций в СССР с целью изучения опыта работы комсомольской организации, возвращены социалистические соревнования среди молодежных бригад на предприятиях, публиковались книги и брошюры о СССР, готовились подарки «вождю всех народов».

Таким образом, Союз свободной немецкой молодежи постепенно начал превращаться из объединения различных молодежных движений в единую организацию, призванную бороться за укрепление и развитие нового демократического строя в Восточной Германии. Однако, как отмечает Р. Ю. Болдырев, «формальное закрепление ССНМ в качестве единственной молодежной организации произошло уже после создания ГДР и прекращения оккупационного режима» [Болдырев 2010: 10].

³¹ Там же. С. 495.

³² Там же. С. 491.

Заключение

Работа с молодежью являлась неотъемлемой частью советской оккупационной политики в Германии. От того, насколько она будет эффективна, зависел успех усилий военной администрации по демократизации и демилитаризации страны. В отличие от западных зон, где уже в первые месяцы оккупации было разрешено создание молодежных объединений самой разнообразной направленности, СВАГ пошла по пути объединения немецкой молодежи в рамках единой организации. Однако надежды на то, что ССНМ станет не только зональной, но и общегерманской организацией, не оправдались.

Советская военная администрация привлекала молодых немцев к демократическим преобразованиям, проведению денацификации, обсуждению проекта конституции германского демократического государства. Молодежь активно участвовала и в хозяйственно-экономическом восстановлении Восточной Германии: помощь пострадавшим после войны, очистка городов от руин, сельскохозяйственные работы, производственные соревнования

на предприятиях. Среди молодежи рос интерес к культуре и образованию. Однако СВАГ и СЕПГ так и не смогли полноценно вовлечь в эти процессы религиозную молодежь, конкурируя с ХДС и ЛДП за влияние на нее. Несмотря на то что формально ССНМ считался надпартийной организацией, постепенно СЕПГ укрепляла в нем свои позиции, заняв в конечном счете руководящую роль.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

- Балашов Д. Г. Проблема занятости немецкого населения в советской оккупационной зоне Германии (1945–1949 годы): социальный аспект. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2018. № 5. С. 5–14. [Balashov D. G. Unemployment among the German population of the Soviet occupation zone, 1945–1949: Social dimension. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, (5): 5–14. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.5.5>
- Беспалько Г. Н. Современная историография процессов организации советского оккупационного режима на территории Германии (1945–1949). *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2024. Т. 24. № 6. С. 28–39. [Bespalko G. N. Modern historiography of the establishment of the soviet occupation regime in Germany (1945–1949). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, 24(6): 28–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V386>
- Болдырев Р. Ю. Деятельность детских и молодежных организаций в советской оккупационной зоне Германии, 1945–1949. *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2010. № 2. С. 7–16. [Boldyrev R. Yu. Activity of childrens and youth organizations in the Soviet occupation zone of Germany, 1945–1949. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2010, (2): 7–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mbffzl>
- Болдырев Р. Ю., Морре Й. Организация, каналы и методы пропагандистской работы органов Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 годах. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. Т. 24. № 5. С. 205–221. [Boldyrev R. Yu., Morr  J. Organizational structure, channels and methods of propaganda work of the soviet military administration in Germany, 1945–1949. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya 4: Istoriia, Regionovedenie, Mezhdunarodnye Otnosheniia*, 2019, 24(5): 205–221. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.15>

- Висков С. И., Кульбакин В. Д. Союзники и «германский вопрос», 1945–1949 гг. М.: Наука, 1990. 301 с. [Viskov S. I., Kulbakin V. D. *Allies and the German Question*, 1945–1949. Moscow: Nauka, 1990, 301. (In Russ.)]
- Галактионов Ю. В. Духовная жизнь и культура послевоенной Германии (1945–1949 гг.). *Уральский вестник международных исследований*, отв. ред. В. И. Михайленко. Екатеринбург: УрГУ, 2005. Вып. 3. С. 108–116. [Galaktionov Yu. V. *Spiritual life and culture of post-war Germany 1945–1949*. Ural Bulletin of International Studies, ed. Mikhailenko V. I. Ekaterinburg: USU, 2005, iss. 3, 108–116. (In Russ.)]
- Дацишина М. В. После Гитлера: битва за молодежь Германии. 1945–1949 гг. *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2018. № 6. С. 108–115. [Datsishina M. V. *After Hitler: The battle for the youth of Germany. Years of 1945–1949*. *Alma mater (Vestnik Vysshey Shkoly)*, 2018, (6): 108–115. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20339/AM.06-18.108>
- Захаров В. В. Между властью и верой: религиозные конфессии Восточной Германии в годы советского оккупационного режима, 1945–1949. *СВАГ и религиозные конфессии советской зоны оккупации Германии*, отв. ред. и авт. вступ. ст. В. В. Зазаров. М.: РОССПЭН, 2006. С. 32–134. [Zakharov V. V. *Between power and faith: Religious denominations of East Germany during the Soviet occupation regime, 1945–1949*. *Soviet Military Administration of Germany and religious denominations in the Soviet zone of occupation of Germany*, ed. Zazarpv. Moscow: ROSSPEN, 2006, 32–134. (In Russ.)]
- Зинчук Д. А. О роли социокультурного аспекта в демократизации Германии в американской и советской оккупационных зонах. *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 4. С. 151–156. [Zinchuck D. A. *On the role of sociocultural aspect in the process of democratization in the zones of American and soviet occupation in Germany*. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2020, (4): 151–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gcscos>
- История Германии. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века, отв. ред. С. А. Васютин, Ю. В. Галактионов, Л. Н. Корнева. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 624 с. [History of Germany. Vol. 2. *From the creation of the German Empire to the early 21st century*, eds. Vasytin S. A., Galaktionov Yu. V., Korneva L. N. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005, 624. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpawwt>
- Козлов В., Козлова М. «Маленький СССР» и его обитатели. Очерки социальной истории советского оккупационного сообщества в Германии. 1945–1949. М.: НЛО, 2021. 288 с. [Kozlov V., Kozlova M. *"The Little USSR" and its inhabitants. Essays on the social history of the Soviet occupation community in Germany. 1945–1949*. Moscow: NLO, 2021, 288. (In Russ.)]
- Корнева Л. Н. Преодоление последствий войны и социальная политика в оккупированной Германии (1945–1949 гг.). In: Корнева Л. Н., Арапина С. В., Бетмакаев А. М., Ипатенко Е. В., Мони́на Л. В., Сербина А. С., Супрыгина Г. Г., Терехов О. Э. *Социальная политика и социальное государство в Германии*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. С. 209–271. [Korneva L. N. *Overcoming the consequences of war and social policy in occupied Germany (1945–1949)*. In: Korneva L. N., Arapina S. V., Betmakaev A. M., Ipatenko E. V., Monina L. V., Serbina A. S., Suprygina G. G., Terekhov O. E. *German social policy and social state*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2014, 209–271. (In Russ.)]
- Нефедов В. В. Влияние Советского Союза на послевоенное развитие культуры Восточной Германии (1945–1949 гг.). *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2019. Т. 24. № 178. С. 175–181. [Nefedov V. V. *The influence of Soviet Union on the post-war culture development of Eastern Germany (1945–1949)*. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2019, 24(178): 175–181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxcqff>
- Петелин Б. В. Денацификации идеологии национал-социализма в оккупированной Германии 1945–49 гг. *Вестник Костромского государственного университета*. 2024. Т. 30. № 3. С. 196–204. [Petelin B. V. *Denazification of the ideology of national socialism in occupied Germany 1945–1949*. *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, 30(3); 196–204. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-196-204>
- Петелин Б. В. Советский опыт на немецкой земле: культурные преобразования в Восточной Германии 1945–1955 гг. *Электронный научно-исследовательский журнал «История»*. 2022. Т. 13. № 7. [Petelin B. V. *Soviet experience on German land: Cultural transformations in East Germany 1945–1955*. *Istoriya*, 2022, 13(7). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18254/S207987840022272-8>
- Семиряга М. И. Как мы управляли Германией: политика и жизнь. М.: РОССПЭН, 1995. 400 с. [Semiriaga M. I. *How we ruled Germany: Politics and life*. Moscow, ROSSPEN, 1995, 400. (In Russ.)]

- Старикова О. Н. Особенности проведения денацификации в советской зоне оккупации Германии. *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР)*: XIX Междунар. науч.-теор. конф. (Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г.) СПб.: СПбУ МВД России, 2022. Ч. 1. С. 960–968. [Starikova O. N. Features of denazification in the Soviet zone of occupation of Germany. *State and law: Evolution, current state, and development prospects (to the 100th anniversary of the formation of the USSR)*: Proc. XIX Intern. Sci.-Theoretical Conf., St. Petersburg, 28–29 Apr 2022. St. Petersburg: SPU of MIA of Russia, 2022, pt. 1, 960–968. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hoyiei>
- Тимофеева Т. Повседневная жизнь в Берлине в 1943–1948 гг.: опыт исследования. *Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы*: конф. (Москва, 28–30 октября 2005 г.) М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2007. С. 338–351. [Timofeeva T. Everyday life in Berlin in 1943–1948: A research experience. *Post-war history of Germany: Russian-German experience and prospects*: Proc. Conf., Moscow, 28–30 Oct 2005. Moscow: DirektMedia Publishing, 2007, 338–351. (In Russ.)]
- Шелудченко Н. П. К вопросу о деятельности советской военной администрации в Германии в 1945–1947 гг. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2018. № 4. С. 133–144. [Sheludchenko N. P. On the activities of the Soviet military administration in Germany in 1945–1947. *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political sciences*, 2018, (4): 133–144. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-4-133-144>
- Deutschland unter alliierten Besatzung 1945–1949/55*, Hrsg. Benz W. von. Berlin: Akademie, 1999, 494 s.
- Fisher J. *Disciplining Germany: Youth, reeducation, and reconstruction after the Second World War*. Detroit: Wayne State University Press, 2007, 375.
- Kleßmann Ch. *Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945–1955*. Bonn: Bundeszentrale für Bildung, 1991, 605.
- Mählert U. "Die gesamte junge Generation für den Sozialismus begeistern". Zur Geschichte der Freien Deutschen Jugend. *Der SED-Staat: Neues über eine vergangene Diktatur*, Hrsg. Weber J. München: Olzog, 1994, 73–98.
- Naimark N. M. *The Russians in Germany: A history of the Soviet zone of occupation, 1945–1949*. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 1995, XV+586.
- Neunzig A. *Staatsjugendorganisationen – Ein Traum der Herrschenden: Hitlerjugend / Bund Deutscher Mädchen und Freie Deutsche Jugend im Vergleich*. Verlag: Engelsdorfer Verlag, 2014, 341.
- Slaveski F. *The Soviet occupation of Germany: Hunger, mass violence, and the struggle for peace, 1945–1947*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, 168.

© 2025. Ким О. В.

Капитализм и ранний модерн на фоне Средневековья

обзорная статья

<https://elibrary.ru/gfjskc>

Капитализм и ранний модерн на фоне Средневековья: обзор идейных направлений

Ким Олег Витальевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 9447-4532

<https://orcid.org/0000-0003-1873-8663>

zaecposad@gmail.com

Аннотация: Зарождение капитализма в Средние века происходило на фоне внедрения разнообразных социальных и культурных инноваций. Сумма этих инноваций существенно меняет представление о Средневековье как об эпохе феодализма. Новшества носили глобальный характер и отразили взаимное влияние цивилизаций Запада и Востока. В них также выражалась преемственность по отношению к античной культуре и социальным структурам. Для описания этих явлений и тенденций в статье предлагается термин *ранний модерн*. Фокус историографического анализа обращен к зарубежным и отечественным исследованиям 1970–2020-х гг. Идеи, институты и практики раннего модерна отразились в теориях переходного общества, модернизации, протоиндустриализации, мир-системного анализа. Большое внимание в исследованиях этого направления уделяется торговой революции XII–XIII вв. Новая темпоральность и пространство глобального Средневековья выражены в образах единой Афро-Евразии и постклассического периода. Повышается статус средневековых технологий, системы знаний и представлений об окружающем мире. Утвердилась концепция мирового технологического и культурного подъема в XI–XIII вв. Предложенные концепты вызвали сдержанную и критическую реакцию академических историков-медиевистов на такое расширенное толкование Средневековья и генезиса капитализма. Они признают недостатки эталонного подхода к западноевропейскому феодализму, но отмечают устойчивость основных критериев определения классического Средневековья и феодальной революции. При этом мир-системная перспектива и контекст глобальной истории серьезно учитываются в академических макроисторических исследованиях.

Ключевые слова: ранний модерн, средневековая мир-система, средневековый капитализм, протоиндустриализация, глобальная история

Цитирование: Ким О. В. Капитализм и ранний модерн на фоне Средневековья: обзор идейных направлений. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 489–505. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-489-505>

Поступила в редакцию 14.02.2025. Принята после рецензирования 05.05.2025. Принята в печать 05.05.2025.

review article

Capitalism and Early Modernity in the Middle Ages: An Overview of Ideological Trends

Oleg V. Kim

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 9447-4532

<https://orcid.org/0000-0003-1873-8663>

zaecposad@gmail.com

Abstract: Capitalism first emerged in the Middle Ages against the backdrop of social and cultural innovations that may change the traditional concept of the Middle Ages as a period of pure feudalism. These innovations were global in nature and reflected the mutual influence of Western and Eastern civilizations. They also manifested a certain continuity with Classical European culture and society. The article introduces the term of Early Modernity to describe

these phenomena and trends. The historiographic analysis focused on foreign and domestic studies published in 1970–2024. The ideas, institutions, and practices of early modernity found their reflection in the theories of transitional society, modernization, and proto-industrialization, as well as in the studies that covered the trade revolution of XII–XIII centuries. The new temporality and space arrangement of the global Middle Ages appeared in the images of a single Afro-Eurasia and the Post-Classical Period. As the status of medieval technologies, knowledge systems, and ideas about the world increased, it yielded the concept of global technological and cultural rise in the XI–XIII centuries. Such expanded interpretation of the Middle Ages and genesis of capitalism caused a critical reaction from medievalists. While acknowledging the shortcomings of the standard approach to Western European feudalism, they stick to the key criteria in defining the classical Middle Ages and the feudal revolution. However, macrohistorical studies seriously consider the world-system perspective and the context of global history.

Keywords: Early Modernity, medieval world-system, medieval capitalism, proto-industrialization, global history

Citation: Kim O. V. Capitalism and Early Modernity in the Middle Ages: An Overview of Ideological Trends. *SibScript*, 2025, 27(3): 489–505. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-489-505>

Received 14 Feb 2025. Accepted after peer review 5 May 2025. Accepted for publication 5 May 2025.

Введение. Постановка историографической проблемы

Во второй половине XX в. в исторических и социологических исследованиях была выражена идея о том, что капитализм как многомерное явление возник задолго до XVI в. Ему приписывались глубокие основания в разных сферах социального бытия уже в период Средневековья. Эта идея оказалась востребована в гуманитарной мысли на рубеже XX–XXI вв. и набирает силу сейчас. Причем в рамках одних подходов она выступала как часть программы системной критики классовой природы и эксплуататорской сути капитализма, а в рамках другой программы, наоборот, капитализм представал как многовековой атрибут торговых городов в рамках глобальной цивилизации. При этом сам капитализм изображается как комплексное историческое явление, существенно более широкое, чем капиталистический способ производства, основанный на частной собственности, наемном труде и рыночном обмене.

В современных трактовках капитализм в период своего генезиса и средневекового бытования – так называемый ранний капитализм, протокапитализм – вбирает в себя сложный агломерат отношений и институтов в духе *протоиндустриализации* и *постклассической эпохи*. У этой модели иное пространственно-временное измерение. Она состоит из религиозных обоснований новых социальных практик, морально-психологических установок к буржуазному поведению, особых ценностных ориентаций, характерных для обществ в период ранней модернизации. Эта парадигма также подразумевает космополитическое разнообразие влияний

и опыта предшественников и соседей, включает в себя адаптацию традиционных практик и проявления глобальных ритмов экономического и культурного развития.

Идеологическая потребность в таком инвариантном и оторванном от европейского модерна капитализме объясняется по крайней мере двумя современными контекстами. Первый из них связан с потребностью исторического объяснения процессов интеграции и глобализации. Теория и идеология глобальной истории занимает авторитетное место в зарубежной науке и политической идеологии на Западе. В рамках этого подхода подчеркивается, что региональные версии раннего капитализма возникали в мир-системных центрах Востока и Запада в периоды Античности и Средневековья. Они существовали на фоне аграрных экономик и сословных обществ, построенных на отношениях рентной эксплуатации, до 1500 г.

Второй подход развился в историографии, критикующей линейность всемирно-исторического развития и европоцентризм. К этому направлению также можно отнести современные исследования, комбинирующие модернизационную, цивилизационную и формационную парадигмы – то, что исследователь И. В. Побережников называет факторными моделями исторического процесса [Побережников 2010]. Эти вопросы входили в круг проблем широких академических дискуссий, происходивших в западной науке и у нас в стране в 1980–1990-е и 2000-е гг. [Гросул 2007; Ключев, Метель 2020; Уваров 2009; 2023; Goodman et al. 1987; Holton, Hill 1985].

В дискуссиях важное значение приобрел тезис об инвариантных путях, ведущих к появлению современного общества с расширенным производством и эффективным государством. Эти пути могли значительно отклоняться от европейской траектории разложения феодализма и генезиса капитализма в XV–XVII вв. В таких исторических сообществах мог возникнуть фрагментарный, но устойчивый вариант массового производства, монетарной экономики и крупнооптовой торговли. В условиях актуальной мировой многополярности эти теоретические построения являются идеологической основой для конструирования исторической идентичности в странах, так или иначе противопоставляющих себя Западу.

Таким образом, в современных исследованиях поле научного анализа существенно расширяется по сравнению с формационной проблематикой генезиса капитализма в XVI–XVII вв. Периодизация расширяется до границ классического Средневековья, ее нижняя граница сдвигается к рубежу 1100–1200-х гг. Территориальные рамки охватывают мир-экономические ареалы не только Европы, но и мусульманского Востока, а в глобальной перспективе – Великой Степи, Индийского и Тихого океанов, Китая. Расширяется предметное поле критериев и атрибутов раннего капитализма. Традиционное внимание к экономическим институтам, буржуазной ментальности и специфическим социальным практикам дополняется и усложняется. Новые исследовательские подходы связаны с теорией игр, теорией элит, идеями синергетики, цивилизационных проявлений особой темпоральности, парадигмой глобальных климатических, технологических, культурных циклов, новой композицией исторического процесса в духе глобальной истории [Богатуров 2002; Васютин 2020; Гордон 1996; Гринин, Коротаев 2009; История человечества 2004; Ким 2020; Крадин 2024; Фурсов 1991; Abu-Lughod 1990; Berger et al. 2016; Chase-Dunn, Hall 1997; Frank 1990; Global Middle Ages 2018; Marks 2024; Stearns 2017; Weller 2017; Wiesner-Hanks 2021].

Единого фронта исследований и общепринятой картины раннего средневекового капитализма нет. Но в зарубежной и отечественной историографии 1970–2020-х гг. есть очертания этой новой исторической конструкции. Она имеет многоукладный вид и адаптирована к региональным цивилизационным и мир-системным реалиям.

Результаты

Как назвать экономический и социальный уклад, связанный с рациональной хозяйственной деятельностью, товарным производством и дальней оптовой торговлей, но существующий в «феодалном космосе» (выражение А. Я. Гуревича) институтов и отношений? В поисках названия для совокупного обозначения этих явлений и процессов в статье предлагается термин *ранний модерн*. В отличие от англоязычного термина *Early Modern period* (1500–1800) ранний модерн определяет не хронологию, а характер социальных явлений. Ранний модерн обозначает особые тенденции развития, а не всеобъемлющее содержание исторического процесса. Явления раннего модерна наблюдаются в Европе начиная с X–XI вв. и охватывают весь доиндустриальный период. К ним относятся явления, институты и процессы, которые отразили инновационный отход, разрыв традиционности по отношению к средневековым способам экономической, политической, социальной и культурной жизни [История человечества 2004: 4–6]. Можно выделить четыре основных вектора, по которым развиваются концептуальные очертания раннего модерна.

1. Средневековая Европа в 1100–1350-е гг. находилась на фазе значительного культурного, социального и технологического подъема. Волны Ренессанса (под ними понимается широкая социально-культурная рецепция и адаптация античного наследия) в Европе происходили в VIII–IX вв., XII в., XIII–XVI вв. и привели к существенному оживлению всего культурного интерьера, особенно в элитарной и городской средах. Католическая церковь и христианство в целом не препятствовали развитию современных практик, но сообщали им средневековую специфику. Европейский феодализм отличала значительная многоукладность и социальная пластика. Традиционализм Средневековья ослабевал в космополитических торговых городах-республиках. Ментальные и поведенческие склонности европейцев к рационализму, индивидуализму, технике проявились еще в Средневековье как характерная цивилизационная черта. Со сходными проявлениями связаны расширенные глобально-исторические трактовки вне Европы: конструирование ренессанса в средневековой Японии по отношению к китайской классике; на Ближнем Востоке – в отношении эллинизма; на Среднем Востоке и в Северной Индии – по отношению к персидской культуре.

2. Децентрализация дискурса европоцентризма и эталонной интерпретации европейского феодализма. В широком ряду исследований отмечается, что для развития средневековой Европы большое значение имели технологические и культурные импульсы, зародившиеся в Азии. Сохранение и трансляция античных знаний на мусульманском Востоке, а также регулярный обмен с Китаем на Великом Шелковом пути привели к распространению в Европе ряда прорывных изобретений и технологий. Астрономия и навигация, бумага и книгопечатание, порох и снаряжение тяжелой кавалерии зародились на Востоке и стали основами значительных социальных изменений на Западе. Прорыв Европы к глобальной гегемонии в Новое время носил субъективный характер и наступил в период временного коллапса восточных империй. В 1500–1750-е гг. между цивилизациями Запада и Востока существовало напряженное равновесие в экономике, технологиях, военных силах. Гегемония Европы привела к появлению мирового колониализма и империализма, но эта фаза глобального развития по сути завершается в наши дни, и мировой баланс цивилизаций восстанавливается.

3. Парадигма глобальной истории предлагает новые объекты для изучения и анализа. Не традиционная дихотомия средневекового Запада и Востока, а системное единство Афро-Евразии в рамках концепции постклассического периода и в мир-системной перспективе. Особое внимание уделяется процессам планетарного масштаба, которые влияли на популяцию в целом. Это колебания климата (климатический оптимум Средневековья и малый ледниковый период в раннее Новое время); мировые эпидемии VI и XIV веков; масштабные миграции внутри и между континентами; революционные изменения в технологиях. Особое значение в этом подходе приобретает изучение мировой торговли, финансов, коммуникаций, чередование гегемоний в узловых точках мирового пространства. Ранний капитализм и ранний модерн отражают пульсирующий ритм медленного подъема всего человечества в эпоху Средневековья.

4. На Западе и Востоке в Средние века существовали раннекапиталистические формы хозяйственной деятельности и связанные с ними формы мировоззрения и поведения. Они сосуществовали с традиционными средневековыми моделями, основанными на аграрной экономике, натуральном хозяйстве, корпоративной сословной структуре

общества, институте собственности на личность производителя. Новые практики были связаны с хозяйственным индивидуализмом, монетарной экономикой, наемным трудом и раннекапиталистической арендой. Этот торговый капитализм существовал в приморских городах Великой Ганзы, Венеции, Флоренции, Генуи. Но он мог быть реализован вне выраженного буржуазного контекста, в политиях имперского типа.

Остановимся внимательнее на этих и некоторых других идейных построениях, в которых развивается изучаемая проблематика. Фокус историографического анализа обращен к зарубежным и отечественным исследованиям 1970–2020-х гг. Большая часть представленной историографии относится к направлениям мир-системного анализа, глобальной истории, теории протоиндустриализации, теории торгового капитализма, теории модернизации. В статье рассматриваются современные академические дискуссии отечественных медиевистов по проблемам хронологии и сущностного содержания периодов Средневековья и раннего Нового времени.

Новые временные и пространственные границы раннего модерна

Возникший в 1970-е гг. мир-системный анализ (МСА) представил новую концепцию упорядоченного исторического пространства. Это образ глобальной иерархической системы, состоящей из взаимосвязанных центров и периферий, объединенных отношениями экспансии и международной торговли. МСА придает огромное значение экономическим коммуникациям и информационному обмену. Мир Средневековья предстал динамичной структурой, которая периодически меняет центровку и пульсирует в ритмах подъема и упадка вдоль главных морских и континентальных дорог. Основатель подхода И. Валлерстайн исходил из классической идеи о зарождении капитализма в Западной Европе в 1500–1750-е гг. При этом он противопоставлял политически децентрализованную, но внутренне взаимосвязанную капиталистическую мир-экономику консервативным мир-империям, построенным на военной централизации и принудительном сборе дани, в духе противостояния англо-голландского капитализма и империи Габсбургов в XVI–XVII вв. [Wallerstein 1974]. Но вскоре идейные, пространственные и хронологические границы мир-системы были существенно раздвинуты.

Дж. Абу-Лугход в книге «До капиталистической гегемонии» выразила две коренные идеи. Первая заключалась в том, что в эпоху Древности и Средневековья существовало три или четыре локальных мир-системы. Они близко соответствовали очертаниям китайской, индийской исламской цивилизации и миру Средиземного моря. Их связывала коммуникация Великого Шелкового пути и логика региональных производств и обменов. Вторая идея – это консолидирующая роль монгольских завоеваний в XIII в. Благодаря им сложилась первая евразийская мир-экономика [Abu-Lughod 1990]. Вслед за этим А. Г. Франк выдвинул тезис о том, что капиталистические мир-экономики существуют со времен возникновения цивилизации, городов и оптовой торговли на большие расстояния, не менее 5000 лет. Он предположил, что первая мир-экономика возникла на средиземноморском берегу Ближнего Востока, а к Средневековью ее производственный и технологический центр сместился в ареал Китая [Frank 1990].

В 1970–1990-е гг. в работах К. Чейз-Данна, Т. Холла, Т. Скокполл, И. Валлерстайна, Д. Уилкинсона и др. сложился фронт мир-системных исследований, в которых Западная Европа выступала дальней периферией по отношению к огромной азиатской мир-системе с культурным и технологическим центром в Китае [Chase-Dunn, Hall 1997; Skocpol 1977; Wilkinson 1987]. Представление о глобальном консолидирующем значении монгольского завоевания Евразии получило развитие в ряде работ Н. Н. Крадина. Он теоретически развил модели средневековых мир-систем А. Г. Франка и Дж. Абу-Лугход и предложил собственную гипотезу о пульсирующем ритме циклов подъемов и упадков мир-систем. На период евразийского Средневековья пришлось три цикла подъема и упадка единой Афро-Евразийской мир-системы. Это ханьско-римский (200 г. до н. э. – 200 г.); танско-византийско-исламский (500–900 гг.); монгольский (1200–1400 гг.) циклы. Одновременно каждый из них был связан с важными событиями в евразийских степях – с могуществом Хуннской державы, эпохой Тюркских каганатов и Монгольской империей. Система сохраняла стабильность, пока в XIV в. не произошли обозначенные Дж. Абу-Лугход коллапсы средневекового Востока: эпидемия чумы, упадок монгольской династии Юань и дефрагментация Великого Шелкового пути.

В 1990–2000 гг. в мир-системной модели истории укоренилось представление о том, что в Средние

века синхронно существовало несколько моделей политической и экономической организации, основанных на разных комбинациях аграрной экономики, силового принуждения и раннекапиталистических отношений. К. Чейз-Данн и Т. Холл выделили три генеральных типа, связанных с разными способами накопления: 1) основанный на родственных связях (взаимные обмены и внеэкономическое распределение); 2) даннический (характерный для мир-империй); 3) рыночный (характерный для мир-экономик). Системное влияние достигается за счет пространственного наложения друг на друга четырех сетей: сеть массовых товаров; сеть престижных товаров; сеть политического и военного влияния; информационная сеть (от религиозных учений до военных технологий). Границы этих влияний могли значительно различаться по охвату и не совпадать [Chase-Dunn, Hall 1997: 112–113]. Большую роль в распространении МСА в изучении истории Средневековья сыграли отечественные исследователи номадов. Они развили представления о кочевых мир-империях, в целом подняли мир-системный статус Великой Степи как связующего системного пространства и самих кочевников как активных агентов континентальных взаимодействий. С. А. Васютин предложил типологию кочевых мир-империй. Он показал, что земледельцы Запада и кочевники Востока были объединены в нерасторжимый континуум конфликтных взаимодействий, попадали под взаимное военные, технологические и информационные влияния [Васютин 2020: 6, 126].

Н. Н. Крадин в ряде публикаций представил модель системной динамики. По ней в эпоху монгольской глобализации пространство Евразии структурировалось в систему под мощным влиянием двух процессов. На востоке Евразии формировалась держава Чингисхана, а на Западе происходил подъем экономики и культуры классического Средневековья. Монгольское завоевание помимо прямых жертв и разрушений привело в последующем к политической консолидации мир-системы на Великом Шелковом пути. Трансконтинентальная торговля способствовала новой волне урбанизации от Каракорума до Волги и культурным влияниям в технологиях и искусстве. Монгольская глобализация привела к тому, что все крупные центры – Европа, исламский мир, Индия, сунский Китай, Золотая Орда – объединились в средневековую мир-систему [Крадин 2024: 148, 150–151]. Следует отметить, что Н. Н. Крадин и его коллеги не фиксируются на сугубо

положительном значении монгольской консолидации, понимая, чем в исторической реальности являлись набеги и завоевания. Экзополитарный способ производства, основанный на различных способах внешней эксплуатации земледельческих обществ (набеги, вымогание даров, завоевания и др.), не имел больших исторических перспектив, и к XVI в. земледельческие империи в основном победили кочевые.

Концептуальное внимание к глобальным экономическим и технологическим волнам оказало серьезное влияние на проблематику и подходы глобальной истории. Начиная с 2000-х гг. сторонники Global History конструируют особую транснациональную историческую перспективу, в которой декларируется отказ от европоцентризма и сугубо феодальной интерпретации Средних веков. Сам термин *Средневековье* выводится из употребления как мало связанный с историей неевропейских ареалов и заменяется термином *постклассический период*. При этом ведущей единицей исторического пространства заявляется регион Аффо-Евразии. Это континуум античной ойкумены, христианского и исламского миров, в которых мы видим проявления институтов и практик раннего модерна. Идейные основания средиземноморского мира как центральной цивилизации представлены Д. Уилкинсоном [Wilkinson 1987]. Внутренняя динамика Аффо-Евразии при этом определяется течением разнообразных влияний, конфликтными взаимодействиями, миграциями, перемещениями центров и периферий. Общая периодизация всемирно-исторического процесса глобальной истории в построениях П. Стернса и Ч. Уиллера выглядит так:

- 1) ранняя цивилизация – 5000–1500 до н. э.;
- 2) классический период истории – 800 до н. э. – 500 н. э.;
- 3) постклассический период – 500–1450 гг.;
- 4) ранний модерн – 1500–1800 гг.;
- 5) долгий девятнадцатый век;
- 6) современная эпоха [Stearns 2017; Weller 2017].

В предложенной постклассической перспективе основное внимание уделено глобальным процессам и тенденциям. Аффо-Евразия предстает в исследованиях как пространство напряженных взаимодействий Востока и Запада на фоне медленного, но неуклонного экономического и культурного подъема. В работах Г. Клейна и соавторов заявляется, что в период 450–1450-гг. происходило

расширение и рост цивилизации в новых географических регионах по всей Аффо-Евразии, а человеческая популяция выросла вдвое, с 240 до 450–500 млн человек [Klein et al. 2010]. Происходило появление и распространение трех основных мировых религий. Великий Шелковый путь расцвел в XIII в. во время правления Монгольской империи, которая благодаря завоеваниям обеспечила стабильность в Центральной Азии [A Companion to the Global Early Middle Ages 2020: 24, 46; Atlas of World History 1999: 146]. Среди других глобальных процессов историки отмечают колебания климата (климатический оптимум в Евразии в 1100–1500-х гг., который сменился малым ледниковым периодом XVII в.), миграции народов, евразийскую интеграцию в рамках Монгольской империи, мировые эпидемии 530-х и 1340-х гг., великий голод 1315–1322 гг. [Baek et al. 2020; Beard 2001; Borgolte 2022]. Концепт Аффо-Евразии усиливает общее представление о том, что системные проблемы в первую половину XIV в. подорвали стабильность и подтолкнули развитие явлений раннего модерна по всему континенту. Большое значение в глобальной истории предается череде культурных подъемов в духе Ренессанса на Западе и Востоке, которые рассматриваются как мировой цивилизационный тренд в развитии поэзии, драмы и прозы. Так, отмечается, что в результате персидской торговли в Китае и битвы на реке Талас китайские инновации проникли в исламский интеллектуальный мир. Производство бумаги распространилось по исламскому миру вплоть до исламской Испании, прежде чем было приобретено для Европы в результате Реконкисты [Renaissance... 1994: 162]. Ведутся споры относительно того, завезли ли монголы китайское пороховое оружие в Европу или пороховое оружие было независимо изобретено в Европе [Ким 2023: 57; Morillo et al. 2008]. В 1303 г. монгольская династия Юань объединила китайскую и исламскую картографию, чтобы создать карту, которая, вероятно, включала всю Евразию, включая Западную Европу [The Cambridge world... 2020].

Феодализм в этих построениях трактуется как не такой уж редкий, но локализованный вариант политической организации, характерный для некоторых регионов Европы, Ближнего Востока, мусульманской Индии и Японии. В широком смысле феодализм связывался с появлением корпораций военной землевладельческой элиты, которая эксплуатирует сельских производителей. Длительные

научные дискуссии в отечественной и зарубежной науке во второй половине XX в. привели к смещению центра внимания от институтов феодальной земельной собственности к изучению многомерных реалий традиционного общества в режиме истории повседневности. Феодализм рассматривается не как общественно-историческая формация с феодальным способом производства, а как историческая система и экологическая среда бытования органичных институтов сословно-корпоративного общества в условиях аграрной экономики и в многообразии региональных вариантов. В этом смысле феодальный способ эксплуатации – это рентный способ эксплуатации, основанный на определенном варианте внеэкономического изъятия ренты у непосредственных производителей. В условно-западных вариантах получатели ренты были частными лицами (феодалами), в условно-восточном варианте рента изымалась внесословной бюрократией в пользу правителя и государства. Специфическое явление нерасторжимой власти-собственности, на которое указывал в 1980-е гг. Л. С. Васильев, было характерным для всех региональных версий феодализма [Васильев 1983: 42]. Но если на Востоке это явление сохранило целостный характер, то в Европе, под воздействием ряда природно-географических, технологических и социальных условий, произошло отделение собственности от власти. То есть сформировалась деятельная, относительно полноправная и консолидированная группировка буржуазии и предпринимательского дворянства вокруг мир-системных городов.

При этом главным антагонистом феодализма считается не капитализм с институтами рыночной торговли и наемного труда. Ему противопоставляется синхронно существующий в мир-империях Средиземноморья, Среднего и Дальнего Востока экономический уклад, построенный на имперских военных ресурсах, на централизованной налоговой политике, государственной армии и господстве внесословной бюрократии [Berger et al. 2016: 101; Global Middle Ages 2018: 42–43]. Таким образом, в перспективе МСА и глобальной истории феодально-европейский дискурс Средневековья значительно децентрализован, а локальные проявления раннего модерна представлены как важная мировая тенденция. Подъем светской культуры и развитие технологий рассматриваются как проявления глобального ритма развития человечества и не связываются напрямую с генезисом капитализма на Западе.

Торговая революция и протоиндустриализация как отражение процессов раннего модерна

Теория торгового капитализма опирается на идею о том, что эпохе Средневековья соответствует два экономических уклада. Она возникла в сочинениях либеральных русских историков Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, А. К. Дживелегова. По их мнению, с появлением городских экономик и внедрением денежных отношений в рамках феодального поместья (условный рубеж XII–XIII вв.) началась новая историческая эпоха [Дживелегов 1904; Кареев 1904; Ковалевский 1899]. Идея получила развитие в трудах Ю. Борхардта, В. Зомбарта, А. Богданова, И. М. Кулишера. Они фактически разделяли Средневековье на две глобально-исторические эпохи: 1) эпоха натурального, докапиталистического хозяйства, основанного на корпоративных формах собственности, организации труда и внеэкономическом принуждении; 2) капиталистическое хозяйство, в основу которого положены меновые отношения, свободный труд и капитал. Время торгового капитализма продолжалось с XIII по XVIII в. [Богданов 1923; Борхардт 1926; Зомбарт 1904; Кулишер 1931; Радек 1927]. Эта теория серьезно занимала отечественных историков, но к 1930-м гг. от нее отказались по идеологическим причинам на фоне утверждения пятичленной концепции В. В. Струве.

В 1960-е гг. в западной историографии утвердился концепт торговой революции, которая существенно изменила экономические отношения в эпоху классического Средневековья (1050–1350-е гг.). В 1960–1980-е гг. на этой базе возникли концептуальные модели переходных премодерных обществ. Это транзитное состояние У. Ростоу выразил в идее двух доиндустриальных стадий экономического роста: между стадиями аграрного и индустриального общества английский экономист видел две промежуточные – стадию переходного общества и стадию отрыва (take-off) [Rostow 1960].

Коммерческая революция сформировала многие политические и экономические институты и сильно повлияла на мировой экономический баланс и геополитические расклады. По мнению К. Поланьи, она была важнейшим фактором становления централизованных государств в Европе, которые испытывали потребность в постоянном притоке денег [Поланьи 2002: 58]. В 1950–1970-е гг. португальский историк Р. Лопес существенно дополнил модель. В развитии европейского капитализма

он перенес основной фокус внимания с промышленной революции в Англии на более ранние процессы в итало-византийском восточном Средиземноморье [Lopez 1976]. Эти взгляды разделили А. Лайу, П. Спаффорд, согласившись с тем, что в XI–XIII вв. в Евразии в целом произошли фундаментальные экономические изменения, связанные с развитием посреднической торговли, акционерного капитала, наемного труда и аренды [Laïou 2012: 241; Spufford 1988: 140]. По мнению К. Рейерсон, центром торговой революции в XII–XIII вв. была Италия. На фоне аграрной революции и развития торговли население полуострова выросло вдвое. Венеция, Флоренция и Милан к XIII в. насчитывали более 100 тыс. жителей, а в Генуе, Болонье и Вероне проживало более 50 тыс. человек [Reyerson 1999: 50]. По данным Дж. Мартина и Д. Романо, доход на душу населения в период классического Средневековья в Италии вырос в три раза. Это общество стремительно росло и генерировало социальные предпосылки Ренессанса. В начале XIV в. Северная Италия являлась фактическим центром Европы, в том числе центром чеканки золотых и серебряных монет из североафриканского сырья [Venice Reconsidered... 2000: 43].

Идея институционально специфического средневекового капитализма поддержана современным историком экономики А. Грейфом. На примере Генуи XI–XII вв. А. Грейф показывает эволюцию эндогенных социальных институтов, которые заменяли тогда формальное право. Понятия личной и корпоративной чести, строгое соблюдение балансов общественных и цеховых интересов позволяли торговцам и производителям XII в. вполне уверенно действовать в международной торговле. В книге описывается прецедент того, как генуэзский купец Рубеус де Кампо в 1210 г. выплачивает долг в 100 марок в Лондоне незнакомым предъявителям письма с поручением. Обыденность этой транзакции свидетельствовала для автора о высоком уровне функционирования рынков и отлаженных механизмах власти [Грейф 2013: 29]. По мнению автора, к середине XIII в. в Европе созрели самоуправляющиеся структуры, которые позволяли снижать издержки по транзакциям. При этом большое значение имели институты родства и категории религиозной морали [Там же: 50–51].

В ходе торговой революции происходил альянс новых экономических элит с государством. По мнению Р. Лахмана, на переходе от феодализма к капитализму моменты классовой борьбы

были относительно редки. Конфликты возникали не между классами, а между группировками правящих элит, каждая из которых действовала в узких диапазонах сословных возможностей. Даже буржуазные революции отражали не столько мегатренды классовой борьбы, сколько временные коалиции разнообразных социально-классовых группировок и элит. В кратковременной и средневременной перспективах они вовсе не означали побед тех или иных политических или экономических институтов [Лахман 2010: 9–10]. Новизна наступающей эпохи, по Р. Лахману, определялась «стратегическими просветами в структурной обстановке» (т.е. разрывами традиционности), которые позволяли представителям раннего модерна совершать неординарные действия внутри феодального контекста [Там же: 50–51].

Стимулом роста торгового капитализма стал растущий спрос европейцев на пряности, шелк и другие восточные товары, усилившийся в эпоху крестовых походов. Стремление европейских государств найти альтернативные пути на Восток сопровождалось созданием международных торговых компаний, таких как Великая Ганза или дом Фуггеров. По мнению Р. Старка, в городах-государствах Италии возникло сочетание трех сопутствующих факторов: а) обновленная христианская доктрина, допускавшая мирское богатство; б) влиятельные корпорации городских ремесленников и торговцев; в) политические гибкие правительства, понимающие пользу меркантилизма [Stark 2005: 45]. Опираясь на идентичные суждения и примеры, один из классиков мир-системного анализа, Дж. Арриги, в книге «Долгий двадцатый век» выделил особый генуэзский цикл развития капиталистической мир-экономики XV – начала XVII в. [Арриги 2006: 161].

Очагами развития новых коммерческих отношений стали приморские города-республики, вышедшие из-под власти феодалов. Эта политическая практика быстро распространилась за пределы Италии в XI–XII вв., например в ганзейских Любеке, Бремене и русском Новгороде. Средневековая балтийская мир-экономика являлась полупериферией в отношении атлантических и средиземноморских центров [Ким 2024]. Торговцы и ремесленники Милана, Венеции или Генуи искали баланс интересов между волей германского императора, интересами и идейными установками католической церкви и соображениями собственной прибыли. Эти города стали торговыми и банковскими центрами и интеллектуальными перекрестками, где развивались новые

формы социальной и экономической организации [Ferguson 2008: 52]. В руках монархов и влиятельных банковских домов оказалась стабильная денежная система, способная финансировать большой объем международной торговли. Важное значение в рамках концепта придается инновациям в кораблестроении, навигации, математических знаниях и географии. Сторонники торговой революции рассматривают ее как синергетическую взаимосвязанную систему в духе раннего модерна в макрорегионе Афро-Евразии. Негативными факторами торговой революции были голодовки и эпидемии XIV в. Они привели к катастрофическому падению численности населения, до 30–60 % в ведущих городских центрах [Beard 2001; John 2001]. В конечном итоге вынужденные изменения в технологиях сельского хозяйства и рост городской потребности в наличных деньгах стимулировал развитие наемного труда и торговли.

Концепция протоиндустриализации оказалась органично связана с идеями торгового капитализма, переходного общества и раннего модерна. Она демонстрирует примеры вызревания капиталистических моделей поведения в традиционном аграрном обществе. Протоиндустриализация представлена ранней фазой в развитии капиталистических тенденций. Особенности этой модели производственных и социальных отношений раскрываются в том, что они не связаны с экспроприацией производителей; это относительно мирный процесс. Основатель проблематики Ф. Мендельс выдвинул два основных предложения. Во-первых, о значительных объемах сельской протоиндустрии, которая связывала крестьянские семьи с растущими национальными и международными рынками. Крестьянские хозяйства Германии, Швеции, Англии в товарных объемах производили текстиль, металл и другие продукты на экспорт. Во-вторых, о том, что индустриализация в сельских районах была настолько распространена и настолько динамична в экономическом и социальном плане, что стала основной силой, движущей экономику в направлении промышленного капитализма [Mendels 1972: 246].

В дальнейших исследованиях процесс протоиндустриализации отображался как новая социальная система отношений, помещенная внутри средневекового социального контекста [Kriedte et al. 1981; Medick 1981]. Историческая специфика протоиндустриализации проявлялась в том, что в нее были втянуты вполне традиционные социальные группы:

повсеместно преобладал ручной, сельский труд, а промышленность была встроена в аграрную экономику и цеховой строй. Так, Ю. Шлюмбур и А. Флорен выделили три этапа протоиндустриализации: 1) *простое товарное хозяйство*, в котором производители владеют орудиями труда, приобретают сырье, распоряжаются своим трудом в рамках домохозяйства; 2) *Käufe-system* (система закупок), при которой появляется купец-скупщик, олицетворяющий капитал; 3) *Putting-out-system* (система выдачи заказов) [Флорен 1992: 8].

Протоиндустриализация существенно расширила хронологические рамки (от XIII до XIX в.), отраслевые границы и географию переходной эпохи от феодализма к капитализму. Ее проявления нашли в истории всей Европы, России, стран Азии, колониальной Африки и Америки. Опираясь на идеи переходного общества, А. Д. Богатуров и А. В. Виноградов предложили выделить *анклавно-конгломеративный тип развития*. Для общества такого типа характерно сосуществование, наложение, специализация и иерархия различных моделирующих анклавов. Эти анклавные сообщества имеют аутентичные способы внутренних взаимодействий, в том числе производственных отношений, но в целом вписываются в рамки единого, объединяющего общества-конгломерата [Богатуров, Виноградов 2002].

Значительная часть академических отечественных медиевистов критически относится к концепту протоиндустриализации. Среди объектов критики – предметная связь с линейной теорией модернизации, в рамках которой завышенное значение придается парадигме непрерывного развития; затянувшийся период переходного общества, который в некоторых сферах тянется около 500 лет, с XIII по XIX в. Выдвигаются три основные критические позиции.

1. Эффектность протоиндустриализации проявляется наиболее сильно на фоне упрощенных и вульгарных трактовок средневековой социальной истории. По мнению П. Ю. Уварова, М. А. Юсима, В. М. Володарского, экономический и социальный динамизм классического Средневековья в эпоху подъема Запада существенно утрачивается в последующие периоды, и говорить о линейном прогрессе отношений протоиндустриализации нельзя [Володарский и др. 2009: 136–138]. По мнению В. М. Володарского и др., динамизм развития капитализма в Средние века преувеличивается – в XV–XVII вв. «с точки зрения эволюции

социально-политических структур, происходит их явное "окаменение": чтобы увидеть это, достаточно обратиться к столь разным сферам социальной истории, как история дворянства, городских корпораций» [Там же: 136–137].

2. Представления о консервативном, негибком характере социальных отношений в Средневековье являются идеологическим штампом эпохи Просвещения, который был унаследован позитивистской историографией, что во многом не соответствует исторической реальности [Согомонов, Уваров 2001].

3. Третья позиция, выраженная А. А. Сванидзе, – эволюция раннекапиталистического уклада в целом непротиворечиво разворачивается в рамках единого средневекового континуитета (ментальность + технологии + социальный строй + социальные практики), во второй период длинного Средневековья, который разрушается только в эпоху Французской революции [Уваров и др. 2009: 58].

Как объяснить параллельное существование двух хозяйственных традиций в континууме аграрной экономики традиционного сословного общества? Если одна из них была ориентирована на баланс потребления и производства и в подавляющей степени регулировалась неэкономическими методами, то вторая ориентировалась на прибыльное товарное производство, была связана с межрегиональным разделением труда. И. Валлерстайн считал это проявлением разных иерархических уровней внутри принципиально единой системы. Тенденция к товарному производству и раннекапиталистическим формам обмена проявлялась в узловых пунктах сети, раскинувшейся над пространствами, в которых господствовала традиционная аграрная экономика [Wallerstein 1974: 22]. В этом качестве протоиндустриализацию целесообразно рассматривать как субпроцесс и *идеальный* тип, определяющий ряд векторов социальной динамики в эпоху раннего модерна [Побережников 2015: 34].

Ранний модерн на фоне расцвета классического феодализма в 1100–1300 гг.

Капитализм как экономический уклад, технология и образ мысли опирался на идейные и технические достижения Высокого Средневековья в 1100–1300 гг. Он не создавал собственную цивилизацию, а представлял собой длительный исторический тренд технологического и социального развития, которое заметно ускорилось к середине XIV в. Среди факторов этого подъема – демографический

рост, трансконтинентальные культурные и технологические влияния, мир-системный рост городских экономик, усиление центров королевской власти. Этот подход был представлен в работах историка Ж. Гимпеля «Средневековая машина» [Gimpel 1976] и «Время соборов» [Gimpel 1983]. Он развил тезис о проникающем германском отношении к природе, постоянно свойственном европейцам. Он приводил аргументы, что технологии западного Средневековья превосходили древнеримские и по крайней мере не уступали восточной технике. Ж. Гимпель указал на малоизвестный факт изобретения кулачкового механизма, превращавшего вращательное движение в переменное. Это изобретение имело прорывное значение при создании первых станков, сукновальных машин и водяных двигателей – так, в Англии в 1086 г. насчитывалось 5624 мельницы [Фурсов 1995: 156]. Европейскими изобретениями прорывного значения были аграрная технология трехполья и тяжелый железный плуг. Жители Европы использовали более производительную жесткую конную упряжь с хомутом и подковами, которая позволяла перевозить в 2–4 раза большие грузы, чем римские аналоги. Развитие сухопутного транспорта способствовало росту урожайности и товарных обменов, развитию сельской кооперации. Ренессанс XII в., по мнению Ж. Гимпеля, имел выраженный технический акцент, что выразилось в высочайших достижениях готической архитектуры.

В европейском стремлении к интенсификации и большей энерговооруженности Г. Дерлугьян увидел альтернативу античному и восточному принудительному труду. Технические инновации средневекового Запада позволяли решать сложные комплексные проблемы – от фортификации и производства доспехов до дальней транспортировки засоленной сельди в дубовых бочках [Дерлугьян 2010: 18]. Историк и социолог Х. Даалдер предположил, что ключевые атрибуты западной цивилизации сложились в средневековый период, до 1500 г.: 1) разделение светской и духовной власти; 2) понятие суверенитета; 3) понятие о гражданстве; 4) обособление общественного и личного; 5) рост значения права; 6) вмешательство государства в социальные и экономические дела; 7) взаимное обособление общества и государства в масштабах, невозможных в других цивилизациях [Daalder 1987: 38]. Устойчивая урбанизация классического Средневековья рассматривается как свидетельство экономического и технического подъема Европы [Berger et al. 2016: 101].

Новые версии теории военной революции, появившиеся в 2000-е гг., захватывают средневековый период. Если в первых редакциях М. Робертса и Дж. Паркера военная революция трактовалась как сумма европейских процессов XVI–XVIII вв., то в более поздних исследованиях авторы уверенно говорят о ее средневековом этапе и восточных вариантах [Parker 1996: 8–9, 110]. Революционные изменения в тактике и вооружении пехоты, распространение наемничества, появление разных видов регулярной кавалерии, социальные трансформации рыцарства, организация дорогостоящих артиллерийских парков, изменение социально-экономических основ войны – все это и многое другое позволяет отнести начало военной революции к XIV в. В новых трактовках военная революция фактически трансформировалась в многоэтапную военную эволюцию под влиянием волн культурной диффузии с Востока на Запад [Axelrod 2014; Brunner 2012; Morillo et al. 2008; Turnbull 2018]. Война тоже отразила Ренессанс и ранний модерн. Так, в совместном исследовании П. В. Турчина, С. А. Нефедова, А. В. Коротаева представлены инженерные достижения военной мысли Средневековья, воплощенные в осадных боевых машинах и военном флоте, позволяющие фактически говорить о допороховой фазе военной революции, и в целом военная революция рассматривается как единый глобальный ритм [Turchin et al. 2021].

В ряде исследований средневековая церковь также выступает как генератор и проводник современных тенденций. В экономическом аспекте отмечается, что монастыри серьезно конкурировали с городскими цехами и гильдиями в производстве широкого ассортимента товаров, нередко определяли местные правила торговли, курсы монет и регламенты производств. Духовные лица во Франции и Италии X–XIV вв. зачастую являлись главными специалистами по каменному строительству, ювелирному производству, изготовлению элитной мебели и домашней утвари, произведений искусства, а главное – книг, пергамента и бумаги. Церкви выступали организаторами и местами проведения многих ярмарок, которые в свою очередь приурочивались к религиозным праздникам. С XII в. монастыри и аббатства становятся активными агентами товарного и денежного хозяйства, в том числе способствуя переходу феодальных майоратов в краткосрочные земельные держания под патронажем церкви.

В ментальном аспекте историками подчеркивается значение психологической адаптации

модерных практик. Богословы Альберт Великий и Фома Аквинский в своих учениях ограничивали стяжательские порывы паствы. Оба теолога связывали представления о богатстве с моральной целесообразностью, общественной иерархией и строгими представлениями о честных и бесчестных занятиях. По понятиям средневекового христианства любая деятельность в конечном итоге должна быть направлена на служение богу и исполнение нравственного долга перед ближними. Поэтому обязательным условием хозяйственной активности была широкая благотворительность, которая может компенсировать грех. Если «путь Марии» к Богу подразумевал духовную, отрешенно-созерцательную жизнь, то «путь Марфы» к Богу был деятельным и мирским. В обстановке повседневного греха богатство и активность более продуктивны для христианина, чем бедность [Стецюра 2020]. Фома Аквинский развивал идеи о том, что Адам в раю владел растениями и зверями, а первоисточником всех богатств является сам Бог, создатель мира. Стремление к благотворительности и осознанное желание сохранять баланс общественных и личных интересов приводили к моральным ограничениям капиталистического стремления к прибыли [Ким 2023]. Так, в исследовании М. А. Рябовой указано на значительные самоограничения купцов из соображений морали и соблюдения баланса интересов, которые приводили к умеренной норме прибыли в 9,6 % в венецианской торговле XV в. [Рябова 2022: 138].

В современной историографии высокую оценку получает интеллектуальная жизнь в средневековой церкви. В книге британского историка С. Фалька «Светлые века» европейские монастыри XIII–XIV вв. охарактеризованы как места притяжения ученых и систематического обмена знаниями. В центре книги – биография монаха Джона Вествика, который проявил себя в астрономии, а также медицине, философии и других науках в Британии и за ее пределами. Герой повествования живет и действует в среде множества таких же энтузиастов науки и богословия, далеких от обскурантизма [Фальк 2023].

Заявленные трактовки средневекового капитализма и раннего модерна вызывают критическую реакцию в отечественной академической среде. Медиевисты Института всеобщей истории РАН выступают против избыточной, по их мнению, модернизации исторического процесса. В целом они сохраняют приверженность классической модели Средневековья и подчеркивают системное

значение феодальной сеньориальной революции X–XI вв. При этом они согласны с тем, что позитивистская историография отразила архаичный на сегодня стереотип эпохи Ренессанса с характерным для интеллектуалов-гуманистов трехчастным делением прошлого на Античность, Средневековье и Древность [Юсим 2023: 12–13]. Всё же академические историки соглашаются с реальностью формирования нового смыслового ядра представлений о феодализме и с необходимостью взгляда на средневековое общество как на целостность [Винокурова 2020: 54]. Отрицая эту реальность, профессиональное сообщество медиевистов, по выражению П. Ю. Уварова, прекратит свое существование за счет эффекта сверхспециализации [Уваров 2023: 26].

Заключение

Со времени 1990-х гг. историческая наука далеко ушла от экономического детерминизма и эталонного подхода в интерпретации феодализма. Глобальная история, мир-системный анализ, теория модернизации и цивилизационный поход сформировали новый онтологический контекст. В соответствии с ним Средневековье – это не стадия развития и не социально-экономический порядок, а материальная и информационная среда с комплексом специфических условий и свойств. В этой среде происходит доиндустриальный этап развития человечества. Для него в целом были характерны аграрная экономика, сословный строй, корпоративная социальная организация, приоритет личных отношений, внеэкономическое принуждение, эксплуатация, основанная на ренте, религиозное сознание и другие атрибуты традиционного социума. Феодализм выступал как важный системный институт общественных отношений. Но современные исследования оспаривают тотальность феодализма и допускают существенные отклонения в региональных версиях и в социально-экономических альтернативах, особенно в центрах активного мир-системного взаимодействия в Афро-Евразии. В XI–XIII вв. разнообразные явления раннего модерна проявлялись прежде всего в торговых городах Италии, Северной Европы, Франции, на Ближнем Востоке, в Китае и постепенно приводили к изменению и модернизации всей системы. К ним относятся проявления торгового капитализма, протоиндустриализации, рациональные модели хозяйственной деятельности, переходные, многоукладные формы социальных

и экономических практик. Особенность раннего капитализма выражалась в дуализме современных и средневековых институтов. Стремление к прибыли в практиках раннего модерна сочеталось с религиозностью, наемный труд – с родовыми и клановыми отношениями, индивидуализм сдерживался корпоративной этикой, идеалами умеренности и благотворительности.

В культурной жизни Средневековья ранний модерн проявлялся прежде всего как подъем светской и городской культуры. В современной историографии преодолено представление о Темных веках в истории Европы. Снят с повестки вопрос о технологической отсталости Средневековья. Значительный акцент в исследованиях сделан на культурной диффузии между Востоком и Западом, глобальном круговороте технологий и культурных влияний. В истории Европы выделяют каролингский Ренессанс VIII–IX вв. Культурный подъем второй половины XII–XIII вв. рассматривается как глобальная тенденция, его яркие проявления историки находят на арабском Востоке, в мусульманской Испании, в Иране, Хорезме, Северной Индии, Японии.

В целом можно отметить, что в рамках разных научных направлений поставлена проблема средневекового капитализма. Он был исторически своеобразный, с пространственными (мир-экономические центры и связанные с ними периферии), социальными (кондотьеры, моряки, купцы, лица свободных профессий, свободные производители, монастыри) и ментальными (религиозная и корпоративная мораль) ограничителями. Средневековый капитализм существовал как достаточно влиятельная, но относительно изолированная социальная технология, его концентрация существенно зависела от степени удаленности или приближения к мир-системным центрам. Капитализм, освобожденный от исторического обязательства формационного перехода, институционально органично встраивается в средневековый социум. С учетом вышеприведенной критики глобально-исторические явления проторенессанса и протоиндустриализации не следует пока генерализировать в качестве маркера определяющей социальной реальности и рассматривать в отрыве от конкретного исторического контекста. Преемственность и взаимосвязь эпох Средневековья и раннего Нового времени будет осознаваться больше и представляться полнее, чем в линейной традиции их формационного противопоставления и взаимного отрицания.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. 470 с. [Arrighi G. *The long twentieth century: Money, power and the origins of our times*. Moscow: Territoria buduchshego, 2006, 470. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrvokl>
- Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории. *Восток – Запад – Россия*. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–128. [Bogaturov A. D., Vinogradov A. V. Enclave-conglomerate type of development. The experience of trans-system theory. *East – West – Russia: Collection of articles*. Moscow: Progress-Traditiia, 2002, 109–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ttpukl>
- Богданов А. Краткий курс экономической науки. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1923. 240 с. [Bogdanov A. *A short course of economics*. Kharkov: Gos. izd-vo Ukrainy, 1923, 240. (In Russ.)]
- Борхардт Ю. Накопление капитала. М.-Л.: Госиздат, 1926. 336 с. [Borchardt J. *Accumulation of capital*. Moscow-Leningrad: Gosizdat, 1926, 336. (In Russ.)]
- Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука, 1983. 327 с. [Vasiliev L. S. *Problems of the genesis of the Chinese State*. Moscow: Nauka, 1983, 327. (In Russ.)]
- Васютин С. А. Кочевники Внутренней Азии VI – начала XII века в глобальной истории. Иркутск: Оттиск, 2020. 351 с. [Vasyutin S. A. *Nomads of Inner Asia of the VI – early XII century in global history*. Irkutsk: Ottisk, 2020, 351. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hubbej>
- Винокурова М. В. Что удалось обсудить в ходе сессии по феодализму на конференции «Переосмысление Средневековья, или аудит российской средневековщины». *Средние века*. 2020. Т. 81. № 1. С. 48–56. [Vinokurova M. V. What was discussed during the session on feudalism at the conference "Rethinking the Middle Ages, or audit Russian Medieval history". *Srednie Veka*, 2020, 81(1): 48–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S0131878020010055>
- Володарский В. М., Юсим М. А., Винокурова М. В., Брагина Л. М., Николаева И. Ю., Кузнецов В. Н., Зарецкий Ю. П., Дмитриева О. В., Уваров П. Ю. День третий: раннее Новое время и теория модернизации. *Средние века*. 2009. Т. 70. № 1-2. С. 98–138. [Volodarsky V. V., Yusim M. A., Vinokurova M. V., Bragina L. M., Nikolaeva I. Yu., Kuznetsov V. N., Zaretsky Yu. P., Dmitrieva O. V., Uvarov P. Yu. Day three. Early Modern period and the theory of modernization. *Srednie Veka*, 2009, 70(1-2): 98–138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nxcbcn>
- Гордон А. В. Новое время как тип цивилизации: научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1996. 63 с. [Gordon A. V. *Modern period as a type of Civilization: Scientific and analytical review*. Moscow: INION, 1996, 63. (In Russ.)]
- Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли. М.: ВШЭ, 2013. 531 с. [Greif A. *Institutions and the path to the modern economy. Lessons from Medieval trade*. Moscow: HSE, 2013, 531. (In Russ.)]
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Социальная макроэволюция: генезис и трансформации Мир-Системы. М.: Либроком, 2009. 568 с. [Grinin L. E., Korotaev A. V. *Social macroevolution: The genesis and transformation of the World-System*. Moscow: Librokom, 2009, 568. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rvxmlp>
- Гросул В. Я. О периодизации всемирной и отечественной истории. *Отечественная история*. 2007. № 3. С. 122–139. [Grosul V. Ya. On the periodization of general and native history. *Otechestvennaia istoriia*, 2007, (3): 122–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hzxlnf>
- Дерлугьян Г. Модерн и модернизаторы. *Эксперт*. 2010. № 1. С. 18–24. [Derlugyan G. Modernity and modernizers. *Ekspert*, 2010, (1): 18–24. (In Russ.)]
- Дживелегов А. К. Торговля на Западе в средние века. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1904. 223 с. [Dzhevelegov A. K. *Trade in the West in the Middle Ages*. St. Petersburg: Brokgaus-Efron, 1904, 223. (In Russ.)]

- Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 2. Теория капиталистического развития. М.: Изд. С. Скимунта, 1904. VI+487 с. [Sombart W. *Modern capitalism. Vol. 2. Theory of capitalist development*. Moscow: Izd. S. Skirmunta, 1904, VI+487. (In Russ.)]
- История человечества, ред. П. Берк, Х. Инальчик. Т. V. XVI–XVIII века. М.: Магистр-Пресс, 2004. 500 с. [*The history of mankind. Vol. V. XVI–XVII centuries*, eds. Berk P., Inalcik H. Moscow: Magistr-Press, 2004, 500. (In Russ.)]
- Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время. Т. I. Переход от Средневековья к Новому времени. 3-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904, VI+416. [Kareev N. I. *The Modern history of Western Europe. Vol. I. The transition from the Middle Ages to Modern history*. 3rd ed. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha, 1904, VI+416. (In Russ.)]
- Ким О. В. Балтийская полупериферия в международных отношениях Средневековья и Нового времени. *Международные отношения и региональные процессы: III Всерос. с Междунар. уч. науч.-практ. конф. (Омск, 19 декабря 2023 г.)* Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2024. С. 35–40. [Kim O. V. The Baltic semi-periphery in international relations during Medieval and Modern periods. *International relations and regional processes: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation*, Omsk, 19 Dec 2023. Omsk: OmSU, 2024, 35–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vafjmk>
- Ким О. В. Вклад традиционного Китая в мировой технический прогресс в Средние века и Новое время. *Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития: II Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 15 июня 2022 г.)* Краснодар: КГИУ, 2023. С. 54–60. [Kim O. V. The role of traditional China at world technological progress in the Middle ages and Modern age. *Historical and cultural heritage of Russia and China: Studies, preservation, and development: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Krasnodar, 15 Jun 2022. Krasnodar: KSIC, 2023, 54–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/peqrue>
- Ким О. В. Экономические и культурные предпосылки раннего модерна в средневековой Европе. *Вестник Северо-Восточного государственного университета. История*. 2020. Т. 1. № 4. С. 28–36. [Kim O. V. Economical and cultural preconditions of Early Modern in Medieval Europe. *Bulletin of North-Eastern State University. History*, 2020, 1(4): 28–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fiycrx>
- Клюев А. И., Метель О. В. В поисках хронологических рубежей: проблема перехода от Средних веков к Новому времени в советской историографии. *Средние века*. 2020. Т. 81. № 3. С. 135–163. [Klyuev A. I., Metel O. V. Searching for chronological marks: The problem of transition from the Middle Ages to a Modern Time in the Soviet historiography. *Srednie Veka*, 2009, 81(3): 135–163. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S0131878020030071>
- Ковалевский М. М. Краткий обзор экономической эволюции и подразделение ее на периоды. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. печ. дела Е. Евдокимов, 1899. 28 с. [Kovalevskiy M. M. *A brief overview of Economic Evolution and its division into periods*. St. Petersburg: Tip. SPb. akts. obchsh. pech. dela E. Evdokimov, 1899, 28. (In Russ.)]
- Крадин Н. Н. Мир-системный анализ и динамика древних и средневековых обществ. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2024. № 6. С. 141–155. [Kradin N. N. World-system analysis and the dynamics of Ancient and Medieval Societies. *Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology*, 2024, (6): 141–155. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55086/sp246141153>
- Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. 8-е изд., пересм. и доп. М.-Л.: Огиз, 1931. Т. 1. XVI+450 с. [Kulisher I. M. *The History of economic life in Western Europe*. 8th ed. Moscow-Leningrad: Ogiz, 1931, vol. 1, XVI+450. (In Russ.)]
- Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М.: Территория будущего, 2010. 454 с. [Lachmann R. *Capitalists in spite of themselves. Elite Conflict and economic transitions in Early Modern Europe*. Moscow: Territoria buduchshego, 2010, 454. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpobqr>
- Побережников И. В. Пространственные аспекты российской модернизации. *Экономическая история*. 2010. № 2. С. 18–26. [Poberezhnikov I. V. The spase aspects of Russian modernization. *Economicheskaya istoriya*, 2010, (2): 18–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncwujx>
- Побережников И. В. Протоиндустриализация как субпроцесс и стадия модернизации: теоретические проблемы. *Экономическое развитие и практика реформ*, ред. Ю. П. Бокарев и др. М.: ИЭ РАН, 2015. Вып. 4. С. 14–34. [Poberezhnikov I. V. Protoindustrialization as a subprocess and stage of Modernization: Theoretical

- problems. *Economic Development and the Practice of Reforms*, eds. Bokarev Yu. P. et al. Moscow: IE RAS, 2015, 14–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uwvvt>
- Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетея, 2002. 320 с. [Polanyi K. *The great transformation: The political and economic origins of our time*. St. Petersburg: Aleteia, 2002, 320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vumqir>
- Радек К. Б. История революционного движения в Китае (курс лекций 1926–1927). М.: Ун-т трудящихся Китая им. Сун-Ят-Сена, 1927. 44 с. [Radek K. B. *The history of the revolutionary movement in China: Lectures, 1926–1927*. Moscow: Sun Yat-sen University, 1927, 44. (In Russ.)]
- Рябова М. А. Норма прибыли в венецианской торговле первой половины XV в. *Средние века*. 2022. Т. 83. № 4. С. 111–141. [Ryabova M. A. The rate of profit in the Venetian trade in the first half of the fifteenth century. *Srednie Veka*, 2009, 83(4): 111–141. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S0131878022040055>
- Согомонов А. Ю., Уваров П. Ю. Открытие социального (парадокс XVI века). *Одиссей. Человек в истории*. 2001. Т. 2001. С. 199–215. [Sogomonov A. Yu., Uvarov P. Yu. The discovery of the social: The paradox of the XVI century. *Odysseus. Man in History*, 2001, 2001: 199–215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyblmf>
- Стецюра Т. Д. Категория собственности в схоластике XIII – начала XIV в. *Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья*, отв. ред. Н. А. Хачатурян. СПб.: Алетея, 2020. С. 380–392. [Stetsyura T. D. Category of property in the scholasticism of the XIII – beginning XIV centuries. *The phenomenon of property in the social structure of the Western European Middle Ages*, ed. Khachaturyan N. A. St. Petersburg: Aleteia, 2020: 380–392. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dfplrp>
- Уваров П. Ю. На «поляне» раннего Нового времени. *Средние века*. 2009. Т. 70. № 1-2. С. 129–138. [Uvarov P. Yu. On the "clearing" of the Early Modern Age. *Srednie Veka*, 2009, 70(1-2): 129–138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thdlyp>
- Уваров П. Ю. Феодализм на горизонте, или сорок лет спустя (Часть 1). *Средние века*. 2023. Т. 84. № 4. С. 8–28. [Uvarov P. Yu. Feudalism on the horizon, or forty years later (part 1). *Srednie Veka*, 2023, 84(4): 8–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S0131878023040013>
- Уваров П. Ю., Сванидзе А. А., Юсим М. А., Бойцов М. А., Горский А. А., Коротаев А. В., Алаев Л. Б., Рябинин А. Л., Васютин С. А., Уваров П. Ю. День второй: что такое Средние века? *Средние века*. 2009. Т. 70. № 1-2. С. 45–97. [Yusim M. A., Svanidze A. A., Yusim M. A., Boytsov M. A., Gorsky A. A., Korotaev A. V., Alaev L. B., Ryabinin A. L., Vasyutin S. A., Uvarov P. Yu. Day two. Discussion what are the Middle Ages? *Srednie Veka*, 2009, 70(1-2): 45–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nxcbed>
- Фальк С. Светлые века: Путешествие в мир средневековой науки. М.: Альпина Паблишер, 2023. 440 с. [Falk S. *The light ages: The surprising story of Medieval science*. Moscow: Alpina Publisher, 2023, 440. (In Russ.)]
- Флорен А. Классовая борьба и протоиндустриализация (борьба за контроль над производством в железо-добывающих районах Норы и Линда в Швеции в XVI–XVIII вв.). *Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период*, отв. ред. Н. А. Миненко, Р. Торстендаль. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 3–17. [Florèn A. The class struggle and protoindustrialization: The struggle for control over production in the iron-mining areas of Nora and Linda in Sweden in the XVI–XVIII centuries. *Metallurgical plants and the peasantry: Problems of the social organization of industry in Russia and Sweden in the early industrial period*, eds. Minenko N. A., Torstendal R. Ekaterinburg: UrB RAS, 1992, 3–17. (In Russ.)]
- Фурсов А. И. «Средневековая машина». По страницам книги Жана Гимпеля. *Российская провинция*. 1995. № 3. С. 152–163. [Fursov A. I. "The medieval machine" in Jean Gimpel's book. *Rossiskaia provintsia*, 1995, (3): 152–163. (In Russ.)]
- Фурсов А. И. Европейская цивилизация и капитализм: культура и экономика в развитии общества. Обзор. М.; ИНИОН, 1991. 59 с. [Fursov A. I. *European civilization and capitalism: Culture and economics in the development of society. Review*. Moscow: INION, 1991, 59. (In Russ.)]
- Юсим М. А. Кто все-таки придумал Средние века? *Средние века*. 2023. Т. 84. № 1. С. 9–21. [Yusim M. A. Who, after all, invented the Middle Ages? *Srednie Veka*, 2023, 84(1): 9–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S0131878023010014>
- A companion to the Global Early Middle Ages*, ed. Hermans E. Yorkshire: Arc Humanities Press, 2020, 554. <https://doi.org/doi:10.2307/j.ctvz0h9cf>

- Abu-Lughod J. L. Restructuring the pre-modern world-system. *Review*, 1990, 13(2): 273–286. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195067743.003.0014>
- Atlas of world history*, ed. Barraclough G., Overy R. J. 5th ed. L.: Hammond, 1999, 375.
- Axelrod A. *Mercenaries: A guide to private armies and private military companies*. CQ Press, 2014, 440. <https://doi.org/10.4135/9781483340319>
- Baek S. H., Smerdon J., Dobrin G.-C., Naimark J., Cook E., Cook B., Seager R., Cane M. A quantitative hydroclimatic context for the European great famine of 1315–1317. *EGU General Assembly*, 4–8 May 2020. <https://doi.org/10.5194/egusphere-egu2020-613>
- Beard J. In the wake of the plague: The Black Death and the world it made. *Endeavour*, 2001, 25(3): 136. [https://doi.org/10.1016/s0160-9327\(00\)01368-5](https://doi.org/10.1016/s0160-9327(00)01368-5)
- Berger E., Israel G., Miller C., Parkinson B., Reeves A., Williams N. *World history: Cultures, states and societies to 1500*. Dahlonega: University of North Georgia Press, 2016, 488.
- Borgolte M. *Die Welten des Mittelalters. Globalgeschichte Eines Jahrtausends*. München: C. H. Beck, 2022, 1102.
- Brunner J. C. The revival of infantry tactics in the Late Middle Ages. Historical Introduction. *Medieval Warfare Magazine*, 2012, 2(3): 5–58.
- Chase-Dunn C., Hall T. D. *Rise and demise: Comparing world-systems*. Boulder, Colorado: Westview Press, 1997, 336.
- Daalder H. European political tradition and processes of modernization: Groups, the individual and State. *Patterns of modernity. Vol. 1. The West*, ed. Eisenstadt S. N. L.: Pinter, 1987, 22–43.
- Ferguson N. *The ascent of money: The financial history of the world*. N. Y.: Penguin Press, 2008, 441.
- Frank A. G. A theoretical introduction to 5000 years of world system history. *Review*, 1990, 13(2): 155–248.
- Gimpel J. *The cathedral builders*. N. Y.: Grove Press, 1983, XIII+282.
- Gimpel J. *The Medieval machine: Industrial revolution of the Middle Ages*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1976, 274.
- Global Middle Ages. The Later Middle Ages*, eds. Holmes C., Standen N. Oxford-N. Y., Athens: Oxford University Press, 2018, 441.
- Goodman J., Aston T. H., Philpin C. H. E. *The Brenner debate: Agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 339.
- Holton R. H., Hill C. *The transition from feudalism to capitalism*. L.: Verso Books, 1985, 196. https://doi.org/10.1007/978-1-349-17745-5_7
- John A. *From the brink of the apocalypse: Confronting famine, plague, war and death in the Later Middle Ages*. N. Y.: Routledge, 2001, XVI+304. <https://doi.org/10.4324/9781315881133>
- Klein G., Beusen A., Janssen P. Long-term dynamic modeling of global population and built-up area in a spatially explicit way: HYDE 3.1. *The Holocene*, 2010, 20(4): 565–573. <https://doi.org/doi:10.1177/0959683609356587>
- Kriedte P., Medick H., Shlumbohm J. *Industrialization before industrialization: Rural industry in the genesis of capitalism*. Cambridge-N. Y.: Cambridge University Press, 1981, 335.
- Laiou A. E. *Byzantium and the other: Relations and exchanges*. L.: Routledge, 2012, 340. <https://doi.org/10.4324/9781351219747>
- Lopez R. S. *The commercial revolution of the Middle Ages, 950–1350*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976, 180.
- Marks R. B. *The origins of the modern world: A global and environmental narrative from the fifteenth to the twenty-first century*. Rowman & Littlefield Publishers, 2024, 328.
- Medick H. The transition from feudalism to capitalism: Renewal of debate. *Peoples history and socialist theory*, ed. Samuel R. L.: Routledge & Kegan Paul, 1981, 120–129. <https://doi.org/10.1111/aehr.242br10>
- Mendels F. F. Proto-industrialization: The first phase of the industrialization process. *The Journal of Economic History*, 1972, 32(1): 241–261. <https://doi.org/10.1017/s0022050700075495>
- Morillo S., Black J., Lococo P. *War in world history: Society, technology, and war from Ancient times to the present*, Vol. 2 – from 1500 AD. McGraw-Hill, 2008, 330.
- Parker G. *The military revolution: Military innovation and the rise of the West, 1500–1800*. 2nd ed. N. Y.: Cambridge University Press, 1996, 234.
- Renaissance of sciences in Islamic countries: Muhammad Abdus Salam*, eds. Dalafi H. R., Hassan H. A. Singapore-River Edge-New Jersey: World Scientific, 1994, 351.

- Reyerson K. Commerce and communications. *The New Cambridge Medieval History. Vol. 5. 1198–1300*, ed. Abulafia D. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 50–70. <https://doi.org/10.1017/chol9780521362894.006>
- Rostow W. W. *The stages of economic growth: A non-communist manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960, 178. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511625824>
- Skocpol T. Wallerstein's world capitalist system: A theoretical and historical critique. *American Journal of Sociology*, 1977, 82(5):1075–1089. <https://doi.org/10.1086/226431>
- Spufford P. *Money and its use in Medieval Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, 467. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511583544>
- Stark R. *The victory of reason: How christianity led to freedom, capitalism and Western success*. N. Y.: Random House, 2005, 357.
- Stearns P. N. Periodization in world history: Challenges and opportunities. *21st-Century Narratives of World History: Global and Multidisciplinary Perspectives*, ed. Weller R. C. Palgrave Macmillan Cham, 2017, 83–109. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62078-7_3
- The Cambridge world history of violence. Vol. 2: AD 500–1500 CE*, eds. Gordon M., Kaeuper R., Zurndorfer H. Cambridge, Cambridge University Press, 2020, 722.
- Turchin P., Hoyer D., Korotayev A., Kradin N., Nefedov S., Feinman G., Levine J., Reddish J., Cioni E., Thorpe C., Bennett J. S., Francois P., Whitehouse H. Rise of the war machines: Charting the evolution of military technologies from the Neolithic to the Industrial Revolution. *PLoS ONE*, 2021, 16(10). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258161>
- Turnbull S. *The art of Renaissance warfare: From the fall of Constantinople to the Thirty Years War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 272.
- Venice Reconsidered. History and Civilization of an Italian City – State, 1297–1797*, eds. Martin J., Romano D. Baltimore (Md.): Johns Hopkins university press, 2000, 538. <https://doi.org/10.3138/cjh.37.3.517>
- Wallerstein I. *The modern world-system. 1: Capitalist agriculture and the origin of the European world-economy in the sixteenth century*. N. Y.: Academic Press, 1974, 763. <https://doi.org/10.1525/9780520948570>
- Weller C. R. *21st-century narratives of world history: Global and multidisciplinary perspectives*. Palgrave Macmillan Cham, 2017, XXXIII+412. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-62078-7>
- Wiesner-Hanks M. E. *What is early modern history?* Medford, MA and Cambridge: Polity Press, 2021, 154.
- Wilkinson D. O. Central civilization. *Comparative Civilizations Review*, 1987, 17(17): 31–59. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.125>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/gsvxzq>

Идеологические направления развития галисийского национализма второй половины 1910-х – 1920-х гг. (по материалам газеты *A Nosa Terra*)

Кирчанов Максим Валерьевич

Воронежский государственный университет, Россия, Воронеж

eLibrary Author SPIN: 6547-1027

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Scopus Author ID: 57193934324

maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Аннотация: *A Nosa Terra* в середине 1910-х – 1920-х гг. была ведущим печатным органом и фактически идеологическим рупором галисийского политического культурного этнического национализма. Цель – анализ основных направлений и форм идеологии галисийского национализма середины 1910-х – 1920-х гг. в той версии, в которой они пропагандировались на страницах газеты *A Nosa Terra*. Методологически статья основана на принципах междисциплинарной историографии национализма, которая позволяет анализировать галисийский национализм как социальное, интеллектуальное, политическое или культурное движение. Проблемы истории галисийского националистического движения рассмотрены с позиции, что активность националистов существенно повлияла на последующие этапы в истории Галисии как региона в контекстах радикализации национализма. Новизна исследования состоит в анализе истории идеологии галисийского национализма как фактора интеллектуальной истории и истории идей в Галисии. В статье проанализированы: 1) основные проблемы истории национализма в период 1910–1920-х гг.; 2) роль интеллектуалов в развитии и трансформации идеологии галисийского национализма; 3) особенности политической программы, предложенной активистами националистического движения в Галисии; 4) роль идеологических концептов и конструктов, предложенных националистическими интеллектуалами в развитии галисийской этничности, включая язык и культуру; 5) место идеологических исканий националистов 1910–1920-х гг. в общей логике истории галисийского националистического движения. Результаты исследования позволяют предположить, что идеологические поиски националистов 1910–1920-х гг. стали важным этапом в интеллектуальной истории национализма в Галисии, предопределив особенности его развития в последующие годы, когда в Испании политический режим франкизма маргинализировал региональные национализмы, включая галисийский.

Ключевые слова: политический национализм, социальные проблемы, националистическая идеология, националистическое воображение, идентичность, *A Nosa Terra*, Галисия

Цитирование: Кирчанов М. В. Идеологические направления развития галисийского национализма второй половины 1910-х – 1920-х гг. (по материалам газеты *A Nosa Terra*). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 506–518. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-506-518>

Поступила в редакцию 18.02.2025. Принята после рецензирования 09.04.2025. Принята в печать 14.04.2025.

full article

Ideology of Galician Nationalism from mid-1910 through 1920s: *A Nosa Terra* Newspaper

Maksim V. Kirchanov

Voronezh State University, Russia, Voronezh

eLibrary Author SPIN: 6547-1027

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Scopus Author ID: 57193934324

maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Abstract: *A Nosa Terra* was the major newspaper and the ideological mouthpiece of Galician political, cultural, and ethnic nationalism in the mid-1910s and 1920s. The principles of interdisciplinary historiography made it possible to analyze Galician nationalism as a social, intellectual, political, or cultural phenomenon, i.e., the history of Galician nationalistic ideology as a factor in the local intellectual history. Galician nationalists had a great impact on the subsequent period radicalization of nationalism. The article covers the following issues: 1) the main points in the history of nationalism from mid-1910s through 1920s, 2) the role of intellectuals in the development and transformation of Galician nationalism, 3) the political program proposed by nationalist activists, 4) the ideological concepts and constructs coined by nationalist intellectuals for the development of Galician ethnicity, language, and culture, 5) the role of nationalistic ideological concepts in the general history of Galician nationalism. The ideological activities of Galician nationalists in the mid-1910s–1920s became an important stage in the intellectual history of nationalism in Galicia, predetermining its future development to the moment when Spanish Francoism marginalized all regional nationalisms, including Galician.

Keywords: political nationalism, social problems, nationalist ideology, nationalist imagination, identity, *A Nosa Terra*, Galicia

Citation: Kirchanov M. V. Ideology of Galician Nationalism from mid-1910 through 1920s: *A Nosa Terra* Newspaper. *SibScript*, 2025, 27(3): 506–518. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-506-518>

Received 18 Feb 2025. Accepted after peer review 9 Apr 2025. Accepted for publication 14 Apr 2025.

Введение

Начиная с XIX в. национализм стал одним из тех факторов, которые определяли основные векторы и траектории развития европейских государств [Hermet 1996]. Не вызывает сомнений влияние национализма как на общенациональном, государственном уровне, так и на уровне отдельных регионов, которые входили в структуру многосоставных композитарных европейских государств XIX и XX веков. Не была исключением из этой универсальной логики развития и Испания, где наряду с попытками развития и насаждения общегосударственного, испанского, национализма не менее активно, но даже более эффективно и успешно развивались региональные национализмы [Castelos Paredes 1977]. Одним из подобных миноритарных национализмов был галисийский [Beramendi González, Núñez Seixas 1996], возникший в первой половине XIX в. на базе провинциализма, позднее укрепившийся во время

национального Возрождения, получивший развитие в период деятельности разного рода национальных и националистических организаций на протяжении 1910–1920-х гг., достигший пика своего развития во время Испанской Республики и гражданской войны, ставший одним из важнейших региональных и миноритарных национализмов в истории Испании первой половины XX в.

Для современной российской историографии изучение истории миноритарных национализмов в Испании, в том числе галисийского, представляется чрезвычайно актуальной задачей. Опыт галисийского националистического движения свидетельствует о значительном трансформационном и адаптивном потенциале неравноправных групп в рамках многосоставных обществ и композитарных государств. История национализма в Галисии показывает, как несмотря на доминирование

традиционных отношений и фактическую институционализацию периферийного статуса [Pablo del Valle 2021], региональное движение может быть источником перемен и изменений, которые ведут к появлению не просто этнической, но политической нации как основы гражданского общества. Кроме этого, опыт как истории галисийского национализма, так и националистической модернизации показывает, как миноритарный национализм может эффективно и успешно противостоять внешним вызовам от испанского централизма до франкизма, не подвергаясь при этом существенной радикализации, о чем свидетельствует опыт других националистических движений, которые в ходе своей новейшей истории не смогли избежать актуализации радикальных и экстремистских тенденций. Изучение истории и интеллектуальной трансформации галисийского национализма как миноритарного может оказаться важным для общественных и культурных активистов на территории современной Российской Федерации как многонационального государства, где часть миноритарных национализмов фактически решает схожие задачи, связанные с сохранением этнической идентичности. Таким образом, описанная выше актуальность темы исследования определяет ее научную новизну, связанную также с источниковой базой, которая, будучи репрезентативной, практически не введена в научный оборот в силу малой степени изученности и несравнимо меньшего внимания со стороны историков к галисийскому национализму в сравнении с другими региональными и миноритарными националистическими движениями.

Анализируя историю галисийского национализма, во внимание следует принимать целый ряд факторов, связанных с особенностями этого движения. В отличие от других регионов Испании, например Страны басков, галисийский национализм не имел столь однозначных этнических и культурных оснований, которые позволяли бы отличать галисийцев от испанцев. Ситуация осложнялась и тем, что исторически галисийцы были не менее, но, вероятно, даже более родственны и близки в культурном и языковом плане к португальцам. Поэтому галисийский язык, его самостоятельный статус ставились под сомнение как с испанской, так и португальской стороны. В ряде исследований XIX – начала XX в. предпринимались попытки представить галисийский язык как совокупность испанских или португальских диалектов. Кроме этого,

галисийский национализм существенно отличался от каталонского национализма. Если каталонский национализм имел не только этнические и языковые основания, но и открытые политические претензии и более явные экономические предпосылки для развития, то галисийский национализм на протяжении длительного времени был вынужден ограничиваться рационалистскими формами [Agua, Mariño 2017], в сравнении с испанским и каталонским не имел столь ярко выраженных тенденций и оснований для собственной политической институционализации и закрепления его места в политической системе даже на региональном уровне. Таким образом, галисийский национализм был классическим периферийным европейским национализмом первой половины XX в.

Тем не менее, изучая историю галисийского национализма, следует учитывать, что для его трансформации и эволюции была характерна совершенно уникальная и особая идеологическая динамика. На протяжении нескольких десятилетий основные идеологические постулаты национализма в Галисии определялись известной националистической галисийской газетой *A Nosa Terra*. Первоначально основанная в 1907 г. и издававшаяся до 1908 г., в 1916 г. газета была возрождена и выходила в Галисии до 1936 г., став ведущим печатным органом и фактически идеологическим рупором галисийского политического культурного этнического национализма. Поэтому программа национализма в Галисии, представленная на страницах этого националистического периодического издания, находится в центре авторского внимания в данной статье.

Цель – анализ основных направлений и форм идеологии галисийского национализма середины 1910-х – 1920-х гг. в той версии, в которой они пропагандировались на страницах газеты *A Nosa Terra*. Задачи:

- изучение особенностей политического национализма в той форме, в которой он был представлен в изучаемом периодическом издании;
- анализ основных положений этнического национализма;
- выявление особенностей развития культурного национализма на страницах газеты;
- выявление и выяснение роли этого периодического издания в общей трансформации эволюции идеологических положений постулатов галисийского националистического дискурса и развития национальной идентичности.

Методы и материалы

Методологически представленная статья основана на принципах, предложенных в междисциплинарной историографии национализма. Автор полагает, что те видения и версии национализма, которые содержались на страницах газеты *A Nosa Terra*, мы можем анализировать как культурные, политические, идеологические и социальные конструкторы. Поэтому дискурс национализма, представленный в этом периодическом издании, мы можем изучать в рамках конструктивистской парадигмы в современной междисциплинарной историографии национализма. В качестве основного источника выбрано именно это издание, т. к. в изучаемый период в истории галисийского движения стали заметны новые тенденции, важнейшей из которых стала трансформация регионализма в национализм, что существенно меняло формы политической активности движения, актуализируя роль средств массовой информации [Bolaño Amigo 2020] как каналов националистической агитации и пропаганды.

Кроме этого, мы можем использовать концепции воображения сообщества и изобретения традиций, т. к. именно *A Nosa Terra* внесла существенный вклад в оформление представлений о галисийцах как нации и в распространение в обществе представлений о Галисии как самостоятельной этнической группе, отличной как от португальцев, так и от испанцев. В этом контексте *A Nosa Terra* принадлежит существенный вклад в развитии образов Галисии и галисийцев как воображаемых сообществ. Именно на страницах *A Nosa Terra* были представлены многочисленные националистические версии актуальной политической повестки дня и событий прошлого, что превращало *A Nosa Terra* в важное реальное политическое и культурное символическое пространство для изобретения традиций галисийского национализма, что в итоге сформировало политический идеологический публичный дискурс национализма в галисийском обществе на протяжении середины 1910-х – начала 1930-х гг.

Результаты

Галисийский национализм второй половины 1910-х – 1920-х гг.: основные характеристики

Во второй половине 1910-х – 1920-х гг. галисийский национализм превратился в важный фактор развития Галисии. Процессы усиления национализма в регионе стали отголоском общеевропейской тенденции к усилению роли и значения региональных

национализмов [Granja Sainz 2021], что в историографии связывается с последствиями Первой мировой войны [Núñez Seixas 2021]. В такой ситуации региональные национализмы в Испании стали не только оперативно реагировать на испанскую политическую повестку дня, но и проявлять больший интерес к европейской политике в целом [Villares Paz 2021]. Именно такие тенденции стимулировали изменения в галисийском движении как на организационном, так и на идеологическом уровне.

В 1916 г. в истории национализма начался новый этап, связанный с его формальной институционализацией, т. к. именно в этом году была создана организация *Irmandades da Fala* (Братства речи), которая существовала до 1931 г. *Irmandades da Fala* представляла собой организацию галисийских националистов, заинтересованных в сохранении и развитии идентичности Галисии, основанной на этничности. Период второй половины 1910-х – 1920-х гг. был принципиально важен для галисийского национального движения, т. к. именно на этом этапе усилились тенденции трансформации регионализма в направлении национализма [Beramendi 2023], а также более активно в рамках политического и идеологического дискурса стал использоваться галисийский язык. Идейными лидерами и вдохновителями галисийства на данном этапе были Аурелио Рибальта (1864–1940) и Антон Вильяр Понте (1881–1936). Если первый был преимущественно культурным националистом и языковым активистом, то второй содействовал политизации националистического движения, т. к. интегрировал в идеологический дискурс социально-экономические и политические проблемы, значимые для галисийского общества того времени.

Данная тенденция впервые была актуализирована в 1916 г. в книге А. Вильяра Понте "Nacionalismo gallego, nuestra afirmación regional" (Галисийский национализм. Наше региональное утверждение) [Villar Ponte 1916], которая фактически означала переход от культурного и языкового регионализма и активизма к политическому национализму. Тем не менее последний не игнорировал важность языка как мобилизационного ресурса. А. Вильяр Понте, например, подчеркивал, что «наш язык – это золотой путь к нашему искуплению и прогрессу: без языка мы умрем как народ и никогда ничего не будем значить в мировой культуре... Я думаю, что единственные стрелы, которые всегда летят прямо, чтобы пронзить цель будущего, это те, которые пускаются

с помощью лука нашего языка, поскольку только тогда мы показываем свою идентичность. Те, кто отворачивается от своих истоков, вряд ли смогут освободиться от рабства подражания. Что может быть более оригинальным, чем язык народа, созданный в результате вековых действий и взаимодействий между человеком и Природой»¹ [Ibid.: 6].

Признавая важность культурного национализма, националисты Галисии второй половины 1910-х – 1920-х гг. существенно пересмотрели общие цели движения, разделив их на национальные и региональные: первые включали борьбу за получение автономии, проведение муниципальной реформы, вступление Галисии в Лигу Наций и создание федерации или конфедерации с Португалией; вторые – за поддержку языка и его внедрение в систему образования. В первой половине 1920-х гг. галисийское движение раскололось, т.к. выделилось два течения – радикальные националисты-республиканцы (Антон Вильяр Понте, Лоис Портейро, Хаиме Кинтанилья Мартинес) и культурные националисты-традиционалисты (Сальвадор Кабеса де Леон, Хуан Барсия Кабальеро, Фелипе Хиль Касарес). С расколом националистов стала более заметна активность националистов нового политического поколения, в первую очередь Висенте Риско (1884–1963), который сочетал культурный национализм, традиционализм, католицизм, этнический национализм и антимодернизм, что предопределило его крен в направлении правых и франкизма, что произошло в 1930-е гг.

К концу 1920-х гг. галисийские националисты предприняли неудачную попытку объединения, создав в 1930 г. Автономную галисийскую республиканскую организацию (Organización Republicana Gallega Autónoma) и Аграрную республиканскую автономную партию (Partido Autonomista Republicano Agrario), которые быстро утратили свои позиции, т.к. начало 1930-х гг. стало временем очередной смены политических поколений в галисийском движении. Но несмотря на фрагментацию националистического движения, деятельность его участников на протяжении второй половины 1910-х – 1920-х гг. имела важное значение для идеологической эволюции галисийского национализма.

Социально-экономические проблемы Галисии второй половины 1910-х – 1920-х гг. в дискурсе галисийского национализма

На протяжении второй половины 1910-х – 1920-х гг. галисийское движение начало уделять особое внимание социально-экономическим проблемам [Ibid.], что было связано с тенденциями его радикализации, т.к. галисийству как идеологии становилось тесно в рамках регионалистского дискурса, и оно постепенно трансформировалось в политический национализм [Torres Feijó 2023]. Среди проблем, которые интересовали националистов, особое место занимали аграрные [Cabo 2017], т.к. исторически Галисия относилась к числу периферийных и наименее развитых регионов Испании. На территории Галисии аграрные проблемы являлись основой социальных и классовых противоречий среди местного населения. Галисийские националисты осознавали сложность и важность аграрных проблем и сельского населения. Именно поэтому они периодически актуализировали важность в политической повестке дня конца 1910-х – 1920-х гг. аграрных проблем². Националисты учитывали широкий спектр социальных факторов и осознавали, что в решении аграрных экономических вопросов основную оппозицию и конкуренцию им будут составлять набирающие силу галисийские левые.

Анализируя восприятие аграрных проблем в дискурсе галисийского национализма [Cabo Villaverde 1998], во внимание следует принять то, что эта тематика получила двойственное отражение в националистическом интеллектуальном дискурсе [Beramendi 1991]. С одной стороны, галисийские националисты рассматривали социальные и экономические проблемы в своей политической программе через призму идеологии [Insua López 2016], с другой – культурный национализм также постоянно актуализировал образ традиционной галисийской идентичности³, основанной на аграрной экономике, что фактически превращало отсталость региона в важный ресурс для националистического воображения и формирования идентичности, основанной именно на традиционно аграрных ценностях [Medeiros 2005]. Галисийские поэты в различных литературных и поэтических текстах, анализируя социальные

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

² Sanz R. Do noso problema rural. *A Nosa Terra*. 1917. № 16; Nogueira A. O problema agrario. *A Nosa Terra*. 1918. № 62; Porteiro L. Socialistas e radicás. *A Nosa Terra*. 1918. № 63.

³ Vázquez Gundín E. ¡Érguete e anda, Galicia! *A Nosa Terra*. 1918. № 54.

и экономические проблемы Галисии, как националисты указывали на роль фактора Мадрида [Máiz Suárez 2000], потому что именно политический центр воспринимался ими как ответственный за процессы периферизации и отставания Галисии от остальных испанских регионов. Именно поэтому особую актуальность в политической программе галисийского национализма приобретали вопросы, связанные с региональной реформой и предполагаемым новым административно-территориальным делением, в рамках которого, по мнению националистов, Галисии следовало получить больше прав для решения местных социально-экономических проблем, в том числе и аграрных, на региональном уровне⁴.

Последовательно выступая с критикой Мадрида, в 1910-х – 1920-х гг. галисийские националисты активно популяризировали достижения других региональных национализмов, в первую очередь каталонского⁵. Каталония интересовала галисийских националистов своим позитивным и положительным опытом конфронтации и противостояния с Мадридом. Кроме этого, именно Каталония воспринималась галисийскими националистами как пример для развития языкового и политического строительства⁶. Националисты в Галисии апеллировали к опыту и других региональных национализмов на территории Испании, например андалусского и арагонского⁷. Националисты Галисии, рефлексируя относительно опыта других национализмов и его возможного использования, указывали на важность и необходимость сотрудничества с другими антимадридски ориентированными региональными националистами. Такая кооперация, по их мнению, могла самым существенным образом повлиять на усиление национализма в Галисии⁸. Помимо испанских националистов галисийские националисты уделяли особое внимание проблемам развития

региональных национализмов в других странах, например на территории Великобритании⁹, полагая, что они также могут служить примерами для подражания в проведении националистической агитации и построении современной нации, в первую очередь в плоскости создания эффективных действующих националистических массовых партий.

В условиях политизации и идеологизации галисийского национализма в 1920-е гг. особую актуальность для националистов обрели проблемы, связанные с критикой Мадрида¹⁰, с одной стороны, и испанской государственности в целом – с другой. На протяжении 1920-х гг. Кастилия воспринималась как страна, угнетающая Галисию и галисийцев, усилиями националистов формировался и продвигался негативный образ централистской испанской политики, а в вину Мадриду ставились попытки языковой ассимиляции и преследование галисийцев в культурном плане. В связи с этим особой критике подвергался проект развития Испании как централизованного государства, что превратило унитаризм в объект националистической критики. В связи с этим в рамках националистического дискурса ставился вопрос, является ли Галисия частью Испании¹¹.

Галисийские националисты стремились на этот вопрос отвечать негативно, что было также связано с формированием крайне негативного и непривлекательного образа Испании как государственного проекта¹². С одной стороны, националисты видели в Испании государство, но отрицали, что Испания является родиной для галисийцев. Усилиями националистов в противовес Испании ставился и культивировался образ Галисии как самодостаточного государства, подлинной галисийской родины, которая угнеталась Мадридом. Анализируя политику Мадрида, галисийские националисты не упускали возможности указать на те реальные сложности и проблемы, с которыми сталкивалась испанская

⁴ Casas V. A autitude dos agrarios galegos. *A Nosa Terra*. 1924. № 205; Fraga X. Sobre a reforma da división rexional. *A Nosa Terra*. 1923. № 194; Villar Ponte R. Novos aldraxes a Galizia. A nosa costa i as nosas industrias, según unhos xeógrafos casteláns. *A Nosa Terra*. 1921. № 136; Villar Ponte A. A escravitude económica da nosa terra. *A Nosa Terra*. 1921. № 152.

⁵ A diada da lingua catalana. *A Nosa Terra*. 1917. № 7.

⁶ Valcárcel A. Cataluña-Galicia: Pidamos paz espiritual. *A Nosa Terra*. 1922. № 167.

⁷ Alaiz F. Aragón da leccións de nazionalismo. *A Nosa Terra*. 1919. № 101; Rexionalismo andalus. *A Nosa Terra*. 1917. № 20.

⁸ Vázquez Enríquez F. As nazóns ibéricas. *A Nosa Terra*. 1919. № 78.

⁹ Casas L. de las. Inglaterra e o idioma rexional galés: a língoa materna na escola e na vida. *A Nosa Terra*. 1924. № 195.

¹⁰ Villar Ponte R. Froitos do illamento castelán. *A Nosa Terra*. 1917. № 17.

¹¹ Villar Ponte R. Fatalidade asimilista. *A Nosa Terra*. 1917. № 31; Villar Ponte R. A nazionalidade e o estado centralizado. *A Nosa Terra*. 1917. № 37; Bueno M. A Hespaña pode. *A Nosa Terra*. 1919. № 77.

¹² Fouciño X. Galicia ¿e d'España? *A Nosa Terra*. 1919. № 78.

государственность¹³. В связи с этим особое развитие в националистическом воображении получила идея того, что испанское государство пребывает в состоянии перманентного политического, социального, экономического и культурного упадка¹⁴. В рамках националистической риторики такие нарративы были призваны подчеркнуть неэффективность испанской модели¹⁵, основанной на угнетении и подчинении периферийных национальных регионов, в том числе Галисии, что стимулировало националистов, в свою очередь, продвигать концепты галисийской идентичности как альтернативы испанской модели национального строительства.

Изобретение нации как основная интеллектуальная практика галисийского национализма

Особое место в идеологии галисийского национализма конца 1910-х – 1920-х гг. занимали попытки формирования особой галисийской идентичности [Villares Paz 2018], включая образы Галисии и галисийской земли как воображаемого сообщества и изобретенной традиции [Beramendi 2020]. В связи с этим Галисия наделялась самыми позитивными качествами и характеристиками постепенно, подвергаясь положительной идеализации и мифологизации со стороны идеологов и теоретиков галисийского национализма [Soutelo Vázquez 1999; 2001]. Формируя такой привлекательный образ Галисии, особое внимание галисийские националисты уделяли традиционным качествам и измерениям галисийского проекта¹⁶, подчеркивая связь галисийства с католической церковью.

Таким образом, усилия галисийских националистов были направлены на трансформацию доминировавших ранее представлений о Галисии¹⁷ как периферии и как исторической части Испании, как фронтальной зоны между Испанией и Португалией в направлении формирования концептов Галисии как самостоятельного политического субъекта [Maceira Fernández 2007]. Формирование

образов Галисии было в первую очередь направлено на ее субъективизацию с целью преодолеть объективизацию, которой регион подвергался ранее в рамках испанского националистического воображения [Beramendi 2007].

Подобные настроения в галисийском национализме 1920-х гг. имели два измерения. С одной стороны, политическая публицистика лидеров националистического движения содействовала субъективизации Галисии и ее превращению в изобретенную традицию, воображаемое сообщество, в политическую и гражданскую нацию. С другой – не меньшую роль в подобных процессах играл культурный национализм. Благодаря усилиям культурных националистов, которые актуализировали образы Галисии в прозаических и поэтических текстах, она обрела качества и характеристики идеального отечества¹⁸. Так культурные националисты самым непосредственным образом оказались вовлеченными в процессы изобретения и воображения Галисии как националистической традиции и галисийцев как политической нации и воображаемого сообщества.

Несмотря на тенденции к политизации и идеологизации, значительную роль в развитии галисийского национализма во второй половине 1910-х – 1920-е гг. играли культурные тенденции [Beramendi González 1981]. На протяжении 1920-х гг. галисийская националистическая пресса особое внимание уделяла развитию галисийской национальной культуры [Villar Ponte 1971], фактически запустив процессы консолидации последней и ее национализации, что стимулировало превращение культурной сферы жизни галисийского общества в часть националистического дискурса. Поэтому галисийские националисты активно писали относительно проблем национального искусства, его истории и развития галисийских этнических и народных традиций. В этом контексте особое внимание националистами уделялось последовательной

¹³ Calderón B. O centralismo que nos abafa. *A Nosa Terra*. 1919. № 100; Golpe S. O estado non é a patria. *A Nosa Terra*. 1920. № 110; Villar Ponte A. A decadencia de castelán: notas para un estudo. *A Nosa Terra*. 1921. № 146.

¹⁴ Peña Novo L. ¿Onde está España? *A Nosa Terra*. 1922. № 164.

¹⁵ Risco V. A ineficacia do Estado hespañol. *A Nosa Terra*. 1922. № 171.

¹⁶ Rodríguez González E. A terra nai (versos). *A Nosa Terra*. 1922. № 167; Fraga X. O Himno galego. *A Nosa Terra*. 1925. № 210; Montes E. No día do patrón da Nosa Terra. *A Nosa Terra*. 1924. № 203; Cabeza de León S. O amor á Terra. *A Nosa Terra*. 1924. № 203; Curros Enríquez M. A fouce do abó (Poema). *A Nosa Terra*. 1925. № 210.

¹⁷ Viqueira J. V. A canción galega. *A Nosa Terra*. 1926. № 229.

¹⁸ Lamas Carvajal V. Os aires da miña terra (poema). *A Nosa Terra*. 1926. № 226; Lesta Meis J. No día de Galicia. *A Nosa Terra*. 1925. № 215; García Romero C. A Galicia (Himno). *A Nosa Terra*. 1929. № 260.

историзации культурного наследия Галисии¹⁹, что ставило ее и галисийцев в один ряд с другими регионами и национальными группами Испании. Таким образом, культурная программа галисийского национализма в значительной степени носила романтический и идеалистический характер [Ínsua López 2006], но вместе с тем разного рода публикации, сфокусированные на вопросах галисийской культуры, литературы, прозы и лирики²⁰, а также музыки, вели к тому, что Галисия превращалась усилиями поэтов и писателей в воображаемую политическую нацию [Castro 1985], а создание воображаемой нации было необходимым шагом на пути ее институционализации в качестве политической нации и независимого актора в политических процессах в Испании. Последние тенденции в националистическом воображении стимулировались и наличием развитых галисийско-португальских культурных связей, которые стимулировали галисийский национализм, обеспечивая его примерами эффективного и успешного развития нации и национализма вне политической системы, контролируемой Мадридом.

Португало-галисийские нарративы в националистическом воображении

Значительное внимание в галисийском националистическом воображении второй половины 1920-х – 1930-х гг. уделялось португальским образам [Duarte Figueiredo 2010]. Галисийские националисты понимали и осознавали культурную, историческую и языковую²¹, а также этическую близость между галисийцами и португальцами [Núñez Seixas 1991]. Среди националистов получило распространение убеждение, что ранее существовал единый галисийско-португальский литературный язык, который воспринимался в качестве общего языка-предка для галисийского и португальского. Поэтому Португалия воспринималась ими

как страна-образец [Medeiros 2003], к которому следует стремиться галисийским националистам. Поэтому националисты периодически сравнивали развитие политической культуры и национализма Галисии и Португалии, проецируя португальский опыт на другие испанские регионы²².

В галисийском националистическом воображении постепенно получала развитие идея культурной и духовной общности между Галисией и Португалией [Álvarez, Estraviz 1999]. В рамках такого дискурса португальцы стали восприниматься как представители одного общего пространства, культурного и языкового мира и континуума. Поэтому размышления галисийских националистов относительно контактов и связей между Португалией и Галисией стали общим местом в идеологии галисийского национализма²³. В интеллектуальной атмосфере 1920-х гг. разного рода культурные и политические практики, связанные с развитием в первую очередь языка и культурных активностей, включая прозу и поэзию Португалии, воспринимались галисийскими националистами как необходимые образцы для подражания. Кроме этого, галисийские интеллектуалы, анализируя роль и место Португалии в современности и на Иберийском полуострове, проецировали свои выводы на Галисию, хотя последняя не только не была независимой, но и не имела институционализированного статуса в составе Испании²⁴.

Несмотря на это, галисийско-португальские отношения анализировались как отношения равных культурных и языковых партнеров. Симпатии националистов по отношению к Португалии получили наибольшее распространение в культурных практиках националистов, не мутуруя в направлении политики и поэтому не превращаясь в ирредентизм [López Mira 1998]. Португальские культура и литература воспринимались в качестве общего португало-галисийского культурного наследия²⁵,

¹⁹ Paz Andrade V. Nazionalización da cultura: Galizia e a Universidade de Compostela. *A Nosa Terra*. 1921. № 133; Sergude L. De. Polo arte gallego. *A Nosa Terra*. 1917. № 7; Gulín M. Problemas da cultura galega. *A Nosa Terra*. 1929. № 267; Os xogos froaes no progreso da literatura. *A Nosa Terra*. 1927. № 237.

²⁰ Fontenla B. Ao pobo galego. *A Nosa Terra*. 1922. № 186; Gulín M. O galeguismo eterno. *A Nosa Terra*. 1930. № 278.

²¹ Villar Ponte A. Portugal e Galiza. *A Nosa Terra*. 1920. № 128.

²² Pedro Guisado A. Galiza e Portugal. *A Nosa Terra*. 1921. № 140; Encol do centenario de Camoes. *A Nosa Terra*. 1925. № 208; A festa do homenaxe a Camoes. *A Nosa Terra*. 1924. № 206.

²³ Flores de Portugal (Poema). *A Nosa Terra*. 1927. № 233.

²⁴ Carré L. A Cátedra de literatura Galaico-Portuguesa. *A Nosa Terra*. 1922. № 173; Casimiro A., Pascoaes T. De. Galicia e Portugal (versos). *A Nosa Terra*. 1925. № 209.

²⁵ Morais P. De. Portugal na península. *A Nosa Terra*. 1920. № 131–132; Acevedo M. R. Portugal e Galiza no bon camiño. *A Nosa Terra*. 1921. № 147–148.

а опыт соседнего государства в развитии нации и идентичности оценивался позитивно [Leal 2000]. Поэтому Португалия стала одной из изобретенных традиций галисийского национализма, чему в значительной степени содействовало то, что португальские образы регулярно на протяжении 1920-х гг. визуализировались и актуализировались в рамках галисийского национализма²⁶, что делалось одновременно на уровне как политической идеологии, так и поэтического дискурса.

Несмотря на формальные успехи галисийского национализма [Granja et al. 2003], одну из центральных ролей в его идеологии второй половины 1910-х – 1920-х гг. играли концепты саудади [Leal 1999]. В самом общем плане саудади представляет собой поэтическую и текстуализованную форму культурной депрессии [Lourenço 1978]. Саудади относилось к числу тех культурных особенностей галисийской идентичности, которые содействовали ее сближению с португальской, т. к. исторически в Португалии получили развитие аналогичные тенденции, также представленные в рамках преимущественно культурного дискурса. В контекстах развития концептов саудади галисийские националисты рефлексировали относительно прошлого Галисии²⁷, воспринимая и конструируя ее образы через призму трагедии, депрессии и меланхолии. Таким образом, несмотря на фактические успехи и усиление национализма, определенные достижения националистов в языковой сфере, пессимистические тенденции²⁸, тем не менее связанные с развитием концептов саудади как элемента национальной идентичности в галисийском национализме, продолжали играть важную роль, что было связано с рефлексией националистически ориентированных интеллектуалов и политических активистов относительно смерти и неспособности Галисии

превратиться в полноценную эффективную нацию, т. к. будущее националистического проекта продолжало оставаться неопределенным, а галисийцы, как и ранее, были уязвимы перед угрозой политики ассимиляции, проводимой со стороны Мадрида²⁹, что стимулировало интеллектуалов активно развивать этнический и культурный национализм.

Этнический и культурный национализм

Несмотря на тенденции последовательной и постепенной идеологизации и политизации галисийский национализм 1920-х гг. развивался в значительной степени еще и как этническое и культурное движение [Risco 2000]. Поэтому особую роль в формировании идеологической повестки дня галисийского национализма продолжали занимать культурные вопросы³⁰, связанные в первую очередь с языком [Allegue 2017]. Галисийские националисты уделяли внимание проблемам продвижения языка, его месту в идентичности и связи с национальной культурой³¹. Особое место в националистической публицистике занимали тексты, связанные с подчеркиванием и доказательством того, что галисийский язык является самостоятельным и отдельным романским языком, который отличается от кастильского³². Поэтому много текстов не только актуализировали независимый статус языка, но и подчеркивали его реальные особенности, связанные с развитием галисийской грамматики, синтаксиса и лексики³³.

Поэтому галисийский национализм уделял внимание вопросам нормализации и стандартизации галисийского языка [Diéguez 2016], т. к. в сравнении с кастильским и португальским языками как близкородственными галисийскому последний уступал им. Вопрос стандартизации и наличия единой литературной нормы оставался актуальным для националистов 1920-х гг.³⁴, т. к. их исторические

²⁶ Herrera Garrido F. Portugal e Galiza (versos). *A Nosa Terra*. 1922. № 168.

²⁷ Rodríguez Elías A. A morte qu'eu quero (poema). *A Nosa Terra*. 1922. № 179.

²⁸ López Abente G. Saudades (poema). *A Nosa Terra*. 1925. № 213; López Abente G. Non me esperes (versos). *A Nosa Terra*. 1929. № 263; Rei S. Saudade (Poema). *A Nosa Terra*. 1928. № 256.

²⁹ Amado Carballo L. Os piñeiros mortos (Poema). *A Nosa Terra*. 1927. № 239; Herrera e Garrido F. Follas murchas (Poema). *A Nosa Terra*. 1927. № 239.

³⁰ Risco V. O chao galego. *A Nosa Terra*. 1922. № 156.

³¹ Salgado e López Quiroga F. A nosa fala. *A Nosa Terra*. 1918. № 72; Risco V. A fala galega. *A Nosa Terra*. 1922. № 160; Viqueira J. A nosa lingua. *A Nosa Terra*. 1918. № 52.

³² García Acuña J. Idioma e patriotismo. *A Nosa Terra*. 1922. № 167; Taibo V. A patria á Galicia, a miña língoa a galega. *A Nosa Terra*. 1920. № 114; Viqueira Corton J. Pola reforma ortográfica. *A Nosa Terra*. 1919. № 102.

³³ Pinto M. Escallos lingüísticos. *A Nosa Terra*. 1928. № 253, 255; Pazos X. de. Do idioma. *A Nosa Terra*. 1925. № 214; Peña Novo L. A santidad da língua. *A Nosa Terra*. 1922. № 177.

³⁴ Carré Alvarellos L. A gramática galega. *A Nosa Terra*. 1919. № 87; Carré L. A fala nos une e nos alenta. *A Nosa Terra*. 1923. № 192.

предшественники в этом направлении не достигли прогресса. Поэтому усилия галисийских культурных и языковых националистов 1920-х гг.³⁵ были направлены на стандартизацию языка в сфере грамматики, лексики и орфографии³⁶. Наряду с этим, в рамках языкового воображения галисийского национализма [Ínsua López, Martínez González 2018] активно критиковался лингвистический империализм Мадрида, подвергались критике и осуждению кастильские идеи относительно того, что галисийский является совокупностью диалектов и не имеет самостоятельного статуса³⁷.

Подобные националистические настроения в галисийском культурном национализме сочетались с попытками развития языкового пуризма. Вместе с тем национализм воспринимался как одна из центральных основ галисийской национальной идентичности и этничности. Именно язык осознавался как фундамент и основополагающий принцип галисийского патриотизма³⁸. В условиях трансформации регионализма в направлении национализма именно язык постепенно становился одной из центральных концепций в националистическом галисийском воображении. Участвуя в развитии галисийского языка, националисты 1920-х гг. указывали на необходимость его активного использования, т.е. инструментализации языкового дискурса, что фактически превращало написание и издание текстов политической направленности, а также прозы и поэзии на галисийском языке в форму функционирования национализма³⁹. Таким образом, язык подвергался политический и идеологический инструментализации, превращаясь в важное орудие в руках идеологов галисийского национализма и националистического политического воображения.

Наряду с языковыми проблемами особое место в националистическом воображении галисийского национализма конца 1910-х – 1920-х гг. играли образы кельтизма [Medeiros 2004] и связанные с ними идеи расы и культурного расизма⁴⁰. Несмотря на то что Галисия принадлежала к числу романоязычных регионов, галисийским националистам было известно, что до начала романизации Испания, включая Галисию, была населена кельтами, и поэтому в 1920-е гг. особое развитие в галисийском национализме получает кельтизм, связанный с кельтским мифом, согласно которому именно кельты являлись предками галисийцев, позиционируемых, в свою очередь, в качестве героических потомков и наследников древних кельтов, боровшихся против внешних завоевателей и захватчиков⁴¹. Эта идея получила чисто политическое прочтение в идеологии галисийского национализма и подверглась инструментализации, что было необходимо галисийским националистам для полемики и идеологической борьбы с Мадридом. Вместе с тем кельтский миф стал одним из самых распространенных концептов романтического и этнического галисийского национализма⁴².

Анализируя такие идеи в националистическом воображении галисийства, следует учитывать то, что кельтизм сочетался с идеями культурного и социального расизма. Галисийцы воспринимались как потомки кельтов и представители угнетенной расы, что позволяло идеологам национализма приписывать и проецировать на кастильцев качества завоевателей и угнетателей⁴³. Используя подобную социальную риторику, апеллируя к солидарности угнетенных народов, особое развитие в идеологии галисийского национализма 1920-х гг. получают

³⁵ Consideración sobre a fala galega. *A Nosa Terra*. 1917. № 12, 17.

³⁶ Os dicionarios galegos: o de D. Eladio Rodríguez. *A Nosa Terra*. 1926. № 222; Carré Aldao L. O vocabulario castelán-galego. *A Nosa Terra*. 1922. № 170–173, 176.

³⁷ Villar Ponte A. Imperialismo da língoa. *A Nosa Terra*. 1920. № 114; Viqueira J. Pola pureza lingüística. *A Nosa Terra*. 1920. № 121–122.

³⁸ Rodríguez M. R. Unificación e melloramento do idioma gallego. *A Nosa Terra*. 1921. № 141; Vicetto A. De ortografía galega. *A Nosa Terra*. 1919. № 104; Santos Vila A. Deus e o noso idioma. *A Nosa Terra*. 1920. № 118.

³⁹ Un bispo e un pintor falan en galego. *A Nosa Terra*. 1917. № 31; Palacios X. Ortografía fonética. *A Nosa Terra*. 1919. № 100.

⁴⁰ Nunes J. J. Lingua galega. *A Nosa Terra*. 1920. № 119; Ares Miramontes X. O idioma galego é de moito proveito. *A Nosa Terra*. 1918. № 72; Risco V. Eslavos e celtas. *A Nosa Terra*. 1921. № 154.

⁴¹ Risco V. O druidismo no século XX. *A Nosa Terra*. 1919. № 93; Risco V. Triadas druídicas. *A Nosa Terra*. 1919. № 94; Fernández Merino X. As covas dos céltigos. *A Nosa Terra*. 1927. № 233; Cabanillas R. Do poeta da raza. *A Nosa Terra*. 1919. № 81; Fernández Merino J. O porvir d'a nosa raza. *A Nosa Terra*. 1917. № 13; Otero Pedrayo R. O celta sin nome. *A Nosa Terra*. 1930. № 269.

⁴² Banet e Fontenla M. Polo abolengo e a raza. *A Nosa Terra*. 1918. № 50; Villar Ponte A. Do rebaixamento da raza. *A Nosa Terra*. 1920. № 123; Queiroz E. de. Irlanda. *A Nosa Terra*. 1921. № 136.

⁴³ Na victoria da Irlanda. *A Nosa Terra*. 1921. № 153; Risco V. O despertamento dos pobos célticos e o porvir da Europa. *A Nosa Terra*. 1921. № 133; Os pobos celtas: intertroque cultural e ideolóxico. *A Nosa Terra*. 1924. № 206.

ирландские образы. Галисийские националисты внимательно следили за событиями в Ирландии начиная с Пасхального восстания 1916 г., которое воспринималось ими как пример вооруженной борьбы миноритарной, угнетенной и неправомерной группы за свои права и за получение политической и государственной независимости⁴⁴. Галисийский национализм пристально следил за событиями, связанными с ирландской революцией, гражданской войной и появлением Ирландского Свободного Государства⁴⁵. Националистические авторы в Галисии последовательно отражали эти противоречивые события на страницах своих публикаций. Анализируя восприятие ирландской проблематики в галисийском культурном национализме, следует подчеркнуть, что последняя имела два проявления. С одной стороны, галисийские националисты анализировали ирландские проблемы в критических статьях и политической эссеистике именно через призму опыта националистического движения⁴⁶. С другой стороны, образы Ирландии, ирландцев как кельтов оказывались в галисийском националистическом воображении неразрывно связаны с идеями друидизма и кельтской цивилизации, став распространенными сюжетами галисийской поэзии⁴⁷, которая наряду с идеологией фактически была пространством формирования, развития и воспроизводства традиций национализма.

Заключение

Подводя итоги, следует обозначить ряд факторов, связанных с актуализацией и визуализацией галисийского националистического дискурса на страницах периодического издания *A Nosa Terra*.

A Nosa Terra развивала политический национализм, культивируя именно националистическое видение аграрных и социальных проблем, муниципальной реформы, критикуя Мадрид как центр испанской государственности и солидаризируясь с другими националистическими движениями и партиями не только в Испании, но и в Европе. В этом плане *A Nosa Terra* сыграла значительную роль в трансформации галисийского национального движения из регионализма в направлении политического и гражданского национализма, формируя

образы и видение Галисии как политической гражданской нации. Успех этого проекта был невозможен без активного развития этнической компоненты в национализме. Именно поэтому *A Nosa Terra* внесла существенный вклад в развитие таких атрибутов и характеристик национализма, как галисийский язык и история. Особое внимание, уделяемое языковым и историческим проблемам на страницах *A Nosa Terra*, обеспечивало галисийцев как политическую нацию не менее важными символическими и практическими атрибутами, качествами и характеристиками, связанными с независимым статусом галисийского языка.

A Nosa Terra сыграла свою роль и в продвижении идеи о том, что галисийцы как отдельная политическая и гражданская нация обладают собственной самостоятельной историей, что позволяло ставить их в один ряд с другими европейскими нациями, в первую очередь в рамках этнически многосоставной и регионально композитарной испанской государственности. Не менее значимым компонентом в идеологической программе *A Nosa Terra* был культурный национализм, который на страницах этого издания проявлялся в регулярной актуализации образов Галисии и в культивировании концептов галисийской национальной идентичности. Кроме этого, *A Nosa Terra* не обошла своим вниманием важные для галисийского общества концепты кельтизма и расизма. Несмотря на то что в языковом отношении Галисия относится к Западной Романии, в галисийском националистическом воображении получили развитие явно неакадемические, но фактически идеалистические образы галисийцев как потомков древних кельтов, что сочеталось с идеями культурного расизма.

В целом изучаемый период в истории галисийского движения отличается переходным характером. С одной стороны, к середине 1910-х гг. сложились условия для трансформации галисийства как формы культурного и литературного регионализма в национализм. Галисийский национализм на новом этапе развития актуализировал комплексную направленность своего идеологического дискурса, сочетая культурные и языковые тенденции с социальными и политическими трендами.

⁴⁴ Rovira Virgili A. A cuestión da Irlanda durante a guerra. *A Nosa Terra*. 1921. № 138.

⁴⁵ Historia dos movementos nacionalistas: Irlanda. *A Nosa Terra*. 1921. № 131–135, 184.

⁴⁶ López Picó J. M. O outro irlandés. *A Nosa Terra*. 1921. № 136.

⁴⁷ Cabanillas R.; Irlanda! (versos). *A Nosa Terra*. 1921. № 133; Taibo V. Ao bon irlandés (versos). *A Nosa Terra*. 1921. № 138.

С другой стороны, для развития галисийской националистической мысли, отраженной на страницах *A Nosa Terra*, также была характерна уникальная динамика. Последняя проявилась в смене политических и идеологических поколений идеологов галисийского движения, т.к. националисты старшего поколения (например, Антон Вильяр Понте), которые заложили основы трансформации регионализма в национализм, постепенно уступили место идеологам нового времени (включая Висенте Риско), наполнившим галисийскую идею новыми, более радикальными смыслами. Именно эта идеологическая динамика и трансформация идеологии национализма и получила свое отражение в интеллектуальной истории галисийского движения благодаря газете *A Nosa Terra*, подготовив общество к резкой активизации национализма и политической борьбы в последующее десятилетие, что

было связано как с провозглашением Республики, так и гражданской войной в Испании.

Таким образом, национализм, представленный на страницах *A Nosa Terra*, в совокупности носил комплексный характер, что указывает на важность и необходимость его дальнейшего изучения как в контексте истории галисийского национализма в частности, так и в рамках анализа истории идей и интеллектуальной трансформации миноритарных региональных национализмов в Испании в целом.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Agra M. X., Mariño M. A. *Fraternidade nas Irmandades da Fala 1916–1922. Repensar Galicia. As Irmandades da Fala*, eds. Beramendi J. et al. Santiago de Compostela: Xunta de Galicia e Museo do Pobo Galego, 2017, 87–104.
- Allegue A. *As Irmandades da Fala e a Liga Gaélica. Puntos en común e diverxencias de dúas iniciativas a prol da lingua minorizada. Repensar Galicia. As Irmandades da Fala*, eds. Beramendi J. et al. Santiago de Compostela: Xunta de Galicia e Museo do Pobo Galego, 2017, 359–374.
- Álvarez E., Estraviz I. A. *Os Intelectuais Galegos e Teixeira de Pascoaes*. Sada-A Coruña: Edicións do Castro, 1999, 168.
- Beramendi González J. *Vicente Risco no nacionalismo galego. Tomo 2. Escisión-unidade-escisión*. Santiago de Compostela: Eds. do Cerne, 1981, 151.
- Beramendi González J., Núñez Seixas X. M. *O nacionalismo galego*. Vigo: A Nosa Terra, 1996, 343.
- Beramendi J. *A vida e a obra de Ramón Villar Ponte*. Sada: Edicións do Castro, 1991, 214.
- Beramendi J. *Do provincialismo ao rexionalismo protonacionalista. Centenario de Manuel Murguía 1923 > 2023*, ed. Aleixandre M. A Coruña: Real Academia Galega, 2023, 179–193. <https://doi.org/10.32766/rag.421.07>
- Beramendi J. *No nacionalismo galego de anteguerra. Boletín da Real Academia Galega*, 2020, (381): 13–28. <https://doi.org/10.32766/brag.381.784>
- Beramendi X. G. *De provincia a nación. Historia do galeguismo político*. Vigo: Xerais, 2007, 1244.
- Bolaño Amigo M. E. Identity, education, gender and nation. A Galiza imaxinada through the Galician emigration press (1915–1936). *Historia y memoria de la educación*, 2020, 12, 81–99. <https://doi.org/10.5944/hme.12.2020.26287>
- Cabo M. *As Irmandades da Fala perante o agrarismo: Expectativas e realidades. Repensar Galicia. As Irmandades da Fala*, eds. Beramendi J. et al. Santiago de Compostela: Xunta de Galicia e Museo do Pobo Galego, 2017, 235–249.
- Cabo Villaverde M. *O Agrarismo*. Vigo: ANT, 1998, 211.
- Castelos Paredes J. *Los orígenes del nacionalismo gallego*. Universidade de Barcelona, 1977, 388.
- Castro X. *O galeguismo na encrucillada republicana*. Ourense: Deputación Provincial de Ourense, 1985, 988.
- Diéguez U.-B. *As Irmandades da Fala (1916–1931)*. Compostela: Edicións Laiovento, 2016, 294.
- Duarte Figueiredo M. de F. S. *O Nacionalismo Galego (o percurso político e literário do século XIX à década de 1950)*. Évora: Universidade de Évora, 2010, 178.
- Granja J. L. de la, Beramendi J., Anguera P. *La España de los nacionalismos y las autonomías*. Madrid: Síntesis, 2003, 462.
- Granja Sainz J. L. de la. *El nacionalismo vasco en el tiempo de las Irmandades da Fala: Moderados, radicales y heterodoxos (1916–1923). As Irmandades da Fala no seu tempo: Perspectivas cruzadas*, eds. Villares Paz R., Núñez Seixas X. M., Máiz Suárez R. Santiago de Compostela: Consello da Cultura Galega, 2021, 273–295.

- Hermet G. *História das Nações e do Nacionalismo na Europa*. Lisboa: Editorial Presença, 1996, 296.
- Ínsua López E. X. *A nosa terra é nosa! A xeira das Irmandades da Fala (1916–1931)*. A Coruña: Baía Edicións, 2016, 752.
- Ínsua López E. X. *Antón Villar Ponte e a Academia Galega: Contributos para a historia crítica dunha institución centenaria*. Vigo: Do Cumio, 2006, 168.
- Ínsua López E. X., Martínez González X. *Común temos a patria. Biografía dos irmáns Villar Ponte*. Vigo: Xerais, 2018, 664.
- Leal J. *Etnografías Portuguesas (1870–1970): Cultura Popular e Identidade Nacional*. Lisboa, Publicações Dom Quixote, 2000, 274.
- Leal J. Saudade, la Construction d'un Symbole: 'Caractère National' et Identité National. *Ethnologie Française*, 1999, XXX(2): 177–189.
- López Mira Á. X. *A Galicia Irredenta*. Vigo: Xerais, 1998, 222.
- Lourenço E. *O Labirinto da Saudade: Psicanálise Mítica do Destino Português*. Lisboa: Publicações Dom Quixote, 1978, 201.
- Maceira Fernández X. M. *O nacionalismo cívico. Interpretación do contributo da Irmandade da Fala da Coruña*. Ames: Laiovento, 2007, 56.
- Máiz Suárez R. "España" y "Estado español" en el discurso político del nacionalismo gallego histórico (1886–1993). *Historia y política: Ideas, procesos y movimientos sociales*, 2000, (4): 171–208.
- Medeiros A. Discurso nacionalista e imagens de Portugal na Galiza. *Etnográfica*, 2003, 7(2): 321–349. <https://doi.org/10.4000/etnografica.2902>
- Medeiros A. Emergent iconographies: Regional identity and rural icons in Northwestern Iberia. *Etnográfica*, 2005, 9(1): 65–80. <https://doi.org/10.4000/etnografica.2948>
- Medeiros A. Rastros de Celtas y Lusitanos, Creencias Etnogenealógicas, Consumos e identidades en Portugal y Galicia. *Política y Sociedad*, 2004, 41(3): 151–166.
- Núñez Seixas X. M. Esperando a Wilson: A Primeira Gerra Mundial e os movementos nacionalistas da Europa occidental. *As Irmandades da Fala no seu tempo: Perspectivas cruzadas*, eds. Villares Paz R., Núñez Seixas X. M., Máiz Suárez R. Santiago de Compostela: Consello da Cultura Galega, 2021, 51–86.
- Núñez Seixas X. M. Portugal e o Galeguismo ata 1936: Algunhas Consideracións Históricas. *Grial*, 1991, (113): 61–77.
- Pablo del Valle J. de. La dimensión social del colonialismo interno. *El caso gallego. Anduli: Revista andaluza de ciencias sociales*, 2021, (20): 117–136. <https://doi.org/10.12795/anduli.2021.i20.07>
- Risco V. Teoría do nacionalismo galego. Santiago de Compostela: Sotelo Blanco, 2000, 110.
- Soutelo Vázquez R. A Pegada dos irmáns Vilar Ponte no nacionalismo galego de antes da guerra. *Anuario Brigantino*, 2001, (24): 261–282.
- Soutelo Vázquez R. *Os intelectuais do agrarismo*. Vigo: Servicio de Publicacións da Universidade de Vigo, 1999, 238.
- Torres Feijó E. J. A legitimación regionalista perante o surto nacionalista: A lógica das preguntas de Vida Gallega a Nacionalismo Gallego. Nuestra afirmación regional como caso. *Madrygal: Revista de estudios gallegos*, 2023, 26: 1–37. <https://doi.org/10.5209/madr.92984>
- Villar Ponte A. *Nacionalismo gallego, nuestra afirmación regional*. A Coruña: Voz de Galicia, 1916, 95.
- Villar Ponte A. *Pensamento e sementeira. Leiciós de patriotismo galego*. Buenos Aires: Centro Gallego de Buenos Aires, 1971, 413.
- Villares Paz R. Ecos europeos na formación do nacionalismo galego: As irmandades da Fala (1916–1923). *As Irmandades da Fala no seu tempo: Perspectivas cruzadas*, eds. Villares Paz R., Núñez Seixas X. M., Máiz Suárez R. Santiago de Compostela: Consello da Cultura Galega, 2021, 87–128.
- Villares Paz R. O nacionalismo galego no contexto da Grande Guerra: "Regaleguizar" e internacionalizar. *Ler História*, 2018, (73): 217–240. <https://doi.org/10.4000/lerhistoria.4382>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ndsfqa>

Происхождение и эволюция понятия *викинги*: этимологический, исторический и культурологический подходы

Мартыненко Владислав Олегович

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0009-0009-7431-7119>vladumgard@mail.ru

Аннотация: Предложены систематизированная характеристика и углубленное рассмотрение ключевых подходов к понятию *викинги* в исторической науке. Цель – исследовать происхождение и процесс эволюции понятия *викинги* с опорой на основные научные подходы к данной проблеме и анализ исторических источников. В статье рассмотрены следующие подходы к понятию *викинги*, существующие в скандинавистике: этимологический, исторический и культурологический. С применением историко-генетического, сравнительно-исторического и контент-аналитического методов была выявлена этимология понятия *викинги* и признаки, образующие это понятие на разных исторических этапах. С опорой преимущественно на зарубежную и отечественную историографию, а также скандинавские и исландские исторические источники сделаны выводы о том, что этимологический подход не может дать полноценное понимание значения данного понятия, поскольку в саму эпоху викингов оно имело другое смысловое значение. В век саг понятие *викинги* приобрело основные признаки: морские походы, грабительский и групповой характер деятельности викингов, что соответствует историческому подходу к использованию рассматриваемого понятия. Начиная с XIX в., когда в ряде стран происходил процесс национального строительства, грань между историческим и культурологическим подходами размывается. Понятие *викинги* используется применимо ко всем народам скандинавского происхождения, которые активно занимались торговлей, колонизацией и грабежами. Сегодня большинство исследователей используют понятие *викинги* в широком смысле, включая в него всех скандинавов VIII–XI вв.

Ключевые слова: викинги, скандинавы, эпоха викингов, походы викингов, исландские саги, Скандинавия

Цитирование: Мартыненко В. О. Происхождение и эволюция понятия *викинги*: этимологический, исторический и культурологический подходы. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 519–530. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-519-530>

Поступила в редакцию 19.11.2024. Принята после рецензирования 27.01.2025. Принята в печать 27.01.2025.

full article

Vikings as a Concept: Etymological, Historical, and Cultural Approaches to Origin and Evolution

Vladislav O. Martynenko

Altai State University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0009-0009-7431-7119>vladumgard@mail.ru

Abstract: The article contains a systematic in-depth examination of key approaches to the concept of *Vikings* in historical science with a focus on its origin and evolution. Scandinavian historical studies and linguistics know the etymological, historical, and cultural approaches to *Vikings* as a term and a concept. The historical-genetic, comparative-historical, and content-analytical research methods made it possible to reveal its etymology and diachronic concept signs. Both foreign and domestic historiography, as well as Scandinavian and Icelandic

historical sources, prove that the etymological approach alone cannot provide a full understanding of this concept because it had a different semantics in the Viking age. Only in sagas did it acquire its key features of seafarers, looters, gangs, etc. These features correspond to the historical approach to the concept. The Scandinavian nation-building process in the 19th century blurred the line between the historical and cultural approaches: the term *Vikings* started to be applied to all peoples of Scandinavian origin engaged in trade, colonization, and looting. Today, most researchers use it as an umbrella term for all Scandinavians of the VIII–XI centuries.

Keywords: Vikings, Norsemen, Viking Age, Viking campaigns, Icelandic sagas, Scandinavia

Citation: Martynenko V. O. Vikings as a Concept: Etymological, Historical, and Cultural Approaches to Origin and Evolution. *SibScript*, 2025, 27(3): 519–530. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-519-530>

Received 19 Nov 2024. Accepted after peer review 27 Jan 2025. Accepted for publication 27 Jan 2025.

Введение

В последние десятилетия в массовой культуре наблюдается повышенный интерес к эпохе викингов и самим викингам в частности. Викинги превратились в глобальный бренд, символ Скандинавии и культурный образ Европейского Севера. Богатое культурное наследие, которое сами викинги оставили после себя не только в Скандинавии, но и в значительной части земного шара, завораживает и привлекает людей. Викинги стали объектом внимания в Голливуде, их воинственный и мистический образ лег в основу многих фильмов и проектов видеотелеиндустрии. По мотивам многочисленных исторических сюжетов пишут исторические романы, комиксы и музыкальные произведения, которые опираются на культурное наследие эпохи викингов. Образ викинга используется в сувенирной продукции и рекламе, от пивоварен до мужских средств по уходу за волосами¹. По маршрутам исторических путешествий скандинавских мореходов располагаются современные музеи. Экспозиции, посвященные викингам, являются настолько популярными для посещения, что многие критики выражают свои опасения по поводу того, что музеи попадают в «заложники» от этого культурно-исторического образа [Tuckley 2022: 44]. Емкое слово *викинг* стало отражением социокультурной жизни целой эпохи и нескольких народностей. Обращение к данному термину объясняется тем, что это понятие укрепились в массовом сознании и научном употреблении и обладает глубокой историко-символической емкостью. Само слово *викинг* сегодня означает нечто сильное, могущественное и великое [Whitehead 2013: 50].

Интерес ученых и общественности к эпохе викингов возникал в различные моменты на протяжении прошедших столетий, что также нашло отражение в растущем интересе к ней в конце XX и начале XXI в. [Nilsson, Nyzell 2024: 6]. Современные научные исследования значительно расширили и углубили наше представление об эпохе викингов. Однако, несмотря на новые открытия в области исторической скандинавистики, стереотипные представления о викингах прочно закрепились в научном и культурном пространстве. В современной науке по-прежнему нет устоявшегося мнения о происхождении понятия *викинг* и его эволюции на протяжении длительного времени. Нет единой позиции в том, какие признаки необходимо включать в понятие *викинг* и насколько уместно использование данного понятия в контексте характеристики целой культуры и исторической эпохи. Смысловая насыщенность термина, широта его употребления в медиапространстве порождают сложности для правильного и качественного использования соответствующего понятийного аппарата. Многочисленные публикации, посвященные викингам, дискуссии между учеными и исследователями, ограниченный набор исторических источников не позволяют взглянуть на это понятие однобоко. Поэтому проблемы смыслового наполнения понятия *викинг* и конкретизации этого понятия в подходах ученых разных специальностей являются актуальными на сегодняшний день.

Цель статьи – исследовать происхождение и процесс эволюции понятия *викинг* с опорой на основные научные подходы к данной проблеме и анализ исторических источников. Задачи:

¹ Gornichev G. Why We Love the Vikings. *Origins: Current Events in Historical Perspective*. 20 Sep 2024. URL: <https://origins.osu.edu/read/why-we-love-vikings> (accessed 17 Nov 2024).

- 1) определить основные подходы к интерпретации понятия *викинги* в современной исторической науке;
- 2) выявить основные признаки, входящие в понятие *викинги*, в соответствии с различными подходами;
- 3) установить характерные особенности употребления рассматриваемого понятия в исторических источниках;
- 4) сделать выводы о перспективах более глубокого изучения понятия *викинги* и его использования.

Объектом исследования являются современные научные подходы к рассмотрению понятия *викинги*, предметом исследования – эволюция понятия *викинги* и его существенных признаков в разных научных подходах.

Значимость работы видится в том, что предлагается систематизированная характеристика и углубленное рассмотрение ключевых подходов к понятию *викинги* в исторической науке, сложившихся на сегодняшний день. Анализ его возникновения и употребления с древности и до современности позволяет проследить влияние исторических образов на массовую культуру, а также увидеть роль конкретных исторических личностей в этом процессе. Эти знания можно использовать для изучения механизма создания исторических мифов и их воздействия на национальную идентичность, на формирование имиджа организации, региона, государства.

Отечественные исследования, посвященные эпохе викингов, можно разделить на две группы. К первой группе можно отнести работы, в которых представлены переводы скандинавских и исландских исторических источников на русский язык и комментарии к ним² [Глазырина 1996; Джаксон 2012; Стеблин-Каменский 1958]. Второй группой работ являются исследования, комплексно и всесторонне освещающие эпоху викингов VIII–XI вв. и внутреннее устройство скандинавского общества в рассмотренный период [Гуревич 2007; История Норвегии 1980; Лебедев 2005; Сванидзе 2014]. Особенностью отечественной историографии является то, что авторы не ставят целью проанализировать происхождение и эволюцию понятия *викинги* в историческом контексте, а изучают саму эпоху и людей внутри нее.

Иная ситуация сложилась за рубежом, где исследования на разных языках, хоть и редко, но касаются проблемы трансформации понятия *викинги* на разных исторических этапах, проводятся дополнительные этимологические или культурологические исследования [Буайе 2012; Зимек 2001; Роэсдаль 2001; Сойер 2006; Brink 2008; Heebøll-Holm 2012; Heide 2005; Jesch 2015; Lind 2012]. Таким образом, изучение самого понятия *викинги* происходит не так часто. Преимущественно результаты исследований данной проблемы представлены в зарубежных работах.

Методы и материалы

Источниковую базу исследования составили несколько групп исторических материалов:

1. Археологические источники, представленные руническими камнями, найденными в Скандинавии, которые непосредственно относятся к самой эпохе викингов.

2. Скальдическая поэзия, которая также относится к самой эпохе викингов. Как считается, она являлась достоянием устного народного творчества и имела пограничное положение между фольклором и письменностью. Как вид творчества она существовала уже в первой половине IX в. [Стеблин-Каменский 1958].

3. Исландские саги являются основным комплексом источников, в которых заключена информация об эпохе викингов и истории раннесредневековой Скандинавии. Саги возникли намного позже рассматриваемой эпохи, в XIII–XIV вв., в так называемый век саг. Сегодня не все исследователи признают саги в качестве исторического источника. Но даже наиболее скептически настроенные соглашаются, что полностью исключить саги при изучении скандинавского прошлого нельзя, поскольку они отражают духовную культуру, мировосприятие, менталитет и религиозные убеждения самих авторов. Саги обычно рассматриваются с позиции критического доверия, учитывающего их информацию в сочетании с другими источниками [Мартыненко 2023: 132]. В современном саговедении выделяется семь видов саг, среди которых родовые, королевские, эпические саги и «саги о недавних временах» привлекают внимание исследователей, поскольку считаются историческими сагами. Все остальные виды саг – неисторические, включая довольно широкий перечень саг о древних временах [Глазырина 1996: 8].

² Младшая Эдда, ред. М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука, 1970. 258 с.; Исландские саги. В 2 т., ред. О. А. Смирницкая. СПб.: Нева; Летний сад, 1999. Т. 1. 829 с.

Работа опирается на принципы системности, историзма и комплексности. Общетеоретический и общеметодологический потенциал современных гуманитарных наук позволил применить комплексный подход с использованием историко-генетического, сравнительно-исторического и контент-аналитического методов исследования.

Результаты

На сегодняшний день существует три возможных подхода к интерпретации понятия, в современном языке используемого как *викинги*, которые вызывают путаницу как в научных, так и в популярных дискуссиях:

1. Этимологический подход, в рамках которого рассматривается происхождение слова и первоначальные смыслы, вкладываемые в него.

2. Исторический подход, который позволяет выявить признаки, вкладываемые в понятие *викинги* теми, кто использовал его более ранние формы в эпоху викингов и позднее, в эпоху Высокого и Позднего Средневековья, а также значение понятия в разных языках того времени.

3. Культурологический подход позволяет определить, какие признаки и культурно-исторические смыслы несет в себе это понятие в современном мире. В XIX в. благодаря многим энтузиастам, писателям, поэтам, драматургам произошел подъем интереса к скандинавской истории, а восприятие образа викингов поменялось. В зарубежной литературе данный подход нередко называется современным [Jesch 2015: 4]. Это противоречит научному употреблению понятия, поскольку современный подход не исключает применения других подходов.

Применение слова *викинги* в научном или популярном контексте нуждается в разграничении всех трех подходов, учитывая принципиальную разницу между ними, поскольку это позволяет воссоздать и использовать достоверно-исторический образ викингов. В частности, многие научно-популярные или академические работы о викингах допускают этимологическую ошибку, предполагая, что указание этимологии слова эквивалентно его определению. Однако с развитием языка значение слов меняется, и на момент того, когда это слово обнаруживается в исторических источниках, используемых для анализа, оно уже несет другие смыслы. То есть

этимология полезна для установления того, как и где возникло понятие *викинги*, но с помощью нее нельзя с уверенностью установить, что оно на самом деле означало в эпоху викингов и позднее.

Проблема этимологии стала предметом многочисленных споров среди ученых, а единая теория еще не выработана. Сегодня в бытовом употреблении есть множество понятий, так или иначе связанных с эпохой викингов: норманны, варяги, аскаманны, варинги [Никитин 2021: 185]. Они ошибочно считаются синонимами слова *викинги* и поэтому требуют корректного использования в понятийном аппарате. Исследования показывают, что в VIII–XI вв. лишь небольшое число жителей Севера называли себя викингами³. Обычные скандинавские фермеры и рыбаки редко использовали это слово, хотя имя *Viking* встречалось. Следует уточнить, что на самом деле существуют только два соответствующих слова, которые в древнескандинавском звучат приблизительно к слову *викинги*. Они относятся к воинам, отправлявшимся в морские экспедиции (*vikingr* – мужской род), и к самим экспедициям (*viking* – женский род), куда отправлялись скандинавы за богатством и славой. Выражение *fara i viking* означало *плавать в викинге*. Возможно, что абстрактное существительное *viking* было первичным и что существительное *vikingr*, обозначающее человека, произошло от него, но это трудно доказать [Heide 2005: 54]. В источниках, дошедших до наших дней, понятие *vikingr* используется главным образом во множественном числе – *vikingar*. Несмотря на то что в единственном числе употребление этого понятия встречается, чаще всего викинги действовали коллективно, как пиратская группа [Driscoll 2020: 20].

Одним из традиционных подходов является трактовка термина *викинги* как производного от слова *vik*, означающего *бухта* или *залив*. Таким образом, викингом считали того, кто скрывался в заливе, чтобы устроить засаду. Однако эта точка зрения в современной науке потеряла актуальность, т. к. в бухтах могли прятаться не только пираты, но и мирные купцы, к которым это слово не применялось. Рядом с этой точкой зрения соседствует предположение о том, что слово *viking* может происходить от названия норвежского района Викин, дословно это может означать *человек из Викина*.

³ Harrison D. Vad Betyder "viking"? *Svenska Dagbladet*. 11 Nov 2016. URL: <https://www.svd.se/a/aKPda/vad-betyder-viking> (accessed 17 Nov 2024).

Но, во-первых, людей из области Викин в древнескандинавских рукописях называли *vikverjar* (обитатели Вика) [Гуревич 2007: 124], во-вторых, не все викинги родились в одном и том же месте, и их основным занятием не было бродяжничество по заливам, фьордам⁴.

Существует и другая гипотеза, связывающая слово с древнеанглийским *wic*, соответствующим латинскому *vicus*, т.е. торговый город. Так, викингами называли тех, кто посещал торговые поселения, и этим объясняется их прозвище как людей, связанных с торговлей [Brink 2008: 6]. Со временем и эта точка зрения была поставлена под сомнение, поскольку маловероятно, чтобы воинственные скандинавы были названы по названию торговых поселений в Англии [Джаксон 2012: 102].

В последнее время в научный оборот стало вводиться другое толкование, которое становится не менее популярным. Наука стала возводить термин *vikingr* от глагола *vikja* (поворачивать, отклоняться), т.е. в данном значении викинг – человек, отклонившийся от своего образа жизни, изменивший его, ушедший из дома, покинувший родину [История Норвегии 1980: 100]. По другой версии, выдвинутой шведским исследователем Бертилем Даггфельдом, а в дальнейшем поддержанной Э. Хейде, слово *викинги* восходит к тому же корню, что и древнескандинавское словосочетание *vika sjovar*, означавшее отрезок между сменой гребцов. То есть викингами изначально могли называть людей, гребущих посменно, что сходится с тем фактом, что термин *vika*, скорее всего, появился до начала использования паруса. В этом случае смысл заключался в том, что уставший гребец «удалялся», «сдвигался в сторону», «уступал место» на гребной скамье для отдохнувшего гребца [Heide 2005: 46]. Американский лингвист Анатолий Либерман, анализируя эти подходы, утверждает, что уже в прошлом сужение значения слова *викинги* было естественным. Викинги – это участники гребной экспедиции⁵. Независимо от принятой в научном сообществе концепции происхождения понятия *викинги* следует помнить, что этимология направлена в первую очередь на реконструкцию первоначального смысла слова. Это дает

полезную информацию для исторического исследования о происхождении понятия, но его значение может быть получено только из фактического употребления понятия в анализируемых источниках.

Таким образом, в исследовании понятийного аппарата эпохи викингов нельзя не учитывать другой подход – исторический, который отражает контекст более поздних употреблений данного понятия. Причем его употребление необходимо рассматривать относительно той местности, где был найден исторический источник, и сложившихся исторических условий на момент его создания. Фактическое использование слов *viking* и *vikingr* в эпоху викингов VIII–XI вв. и позже показывает, что их смысл изменился по сравнению с первоначальными значениями. Поздний смысл этих понятий стал более обобщенным, охватывающим широкий спектр деятельностей и характеристик, связанных с культурой и образом жизни скандинавов.

Скандинавы эпохи раннего Средневековья не оставили письменных источников, из которых можно было бы получить информацию о роли викингов в их обществе. Источники, созданные в самой Скандинавии непосредственно в эпоху викингов, – это скальдические стихи, археологические находки и рунические камни. Кажется странным, но в саму эпоху викингов ни один из терминов, рассмотренных выше, не был широко употребим ни в Англии, ни в Скандинавии, ни в других регионах, имеющих контакты со скандинавами. Однако он встречался на мемориальных камнях и в рунических надписях [Jesch 2015: 5]. Там *Viking* используется в качестве личного имени, что может свидетельствовать о положительном восприятии слова. Но есть предположение, что его можно интерпретировать и в уничижительном контексте, когда речь идет о врагах и оппонентах. Другим примечательным примером неоднозначного употребления слова *викинг* является рунический камень XI в. из Бро, расположенного в Уппланде, Швеция (U617). В надписи на этом камне говорится о человеке, которого поминают как *vikingav orðr*⁶. Это выражение можно интерпретировать двояко: оно может обозначать как *страж викингов*, т.е. лидер викингской группы, так и *страж*

⁴ Liberman A. What Did The Vikings Do Before They Began to Play Football? *OUPblog*. 15 Jul 2009. URL: <https://blog.oup.com/2009/07/vikings/> (accessed 17 Nov 2024).

⁵ Ibid.

⁶ Rune Stone U617, L2017:3124 in Bro Parish. *The Swedish Rune Map*. URL: <https://runkartan.se/runristningar/runsten-u617-l2017-3124-bro-78-1-i-upplands-bro-stockholm.html#gsc.tab=0> (accessed 17 Nov 2024).

против викингов, т. е. тот, кто защищал свой народ от набегов других от викингов. Термин неоднозначен и, вероятно, подвержен региональным и временным изменениям. Его употребление в период активности викингов показывает, что ни одно из потенциальных этимологических значений не было ведущим для этого слова в том виде, в котором его использовали древние скандинавы. Также отсутствуют подтверждения какого-либо этнического или регионального значения данного термина [Ibid.]. Викинги были и остались представителями разных этносов, несмотря на сравнительную похожесть языков, они имели разные интересы, их образ действий ощущимо различался, даже если судьбе было угодно в те или иные периоды объединять их историю [Буайе 2012: 7].

В скальдической поэзии большой редкостью является упоминание викингов, их рода деятельности или походов. Но если это слово упоминалось, то исходя из контекста можно понять, что занятия викингов были тесно связаны с военным делом и ассоциировались с морем. В стихах известного скандинавского скальда Эгиля Скаллагримссона, жившего приблизительно в 910–990 гг., присутствует несколько из немногих упоминаний викингов:

1. Молвила мне мать:
Мне корабль-де купят —
Весла красны вольны —
викингам и выехать.
Будет стать мне, смелу,
Мило у кормила
И врагов негодных
Повергать поганых <...>
5. Я с оралом ратным
Странствовал. На раны
Ворон вихрем несся.
Викинги ярились.
Мы огонь по городу
Гневно разогнали,
У ворот и вала
Вороги валились⁷.

В этом примере, как и во всех иных скальдических и рунических упоминаниях этого слова (за исключением тех случаев, когда это личное имя), викинги употребляются во множественном числе, что может свидетельствовать о том, что они, как правило,

были группой людей, которые делали всё вместе. Ни в одном из рассмотренных выше примеров явной положительной или отрицательной окраски данного понятия в эпоху викингов не наблюдается.

К середине XI в. военные походы викингов утратили свое значение, что, по мнению северогерманского хрониста Адама Бременского, произошло благодаря христианизации Скандинавии [Heebøll-Holm 2012: 149]. По общепринятой версии эпоха викингов завершилась в 1066 г., и вскоре количество наших источников на древнескандинавском языке увеличилось. Этому способствовали саги и другие исторические или литературные тексты, созданные в Исландии с начала XII в. С пополнением источниковой базы расширялось употребление слова *викинги*, менялось его значение. Поскольку саги содержат в себе большой объем материала, относящегося к эпохе викингов, упоминания викингов в различном контексте присутствуют практически в каждом жанре с поправкой на его специфику.

Саги о древних временах основаны на мифах и героических сказаниях, включают в себя уникальный поджанр – викингские саги, которые с трудом могут быть соотнесены с реальными историческими событиями и личностями. Тем не менее данные источники позволяют сделать выводы о том, как авторы саг, жившие спустя 200–300 лет после эпохи викингов, относились к воинственной деятельности предков.

В известной «Саге об Одде Стреле», созданной во второй половине XIII в., викинги предстают в качестве героев-путешественников, отправившихся в интересное приключение. Во время своих морских странствий они встречают множество трудностей, захватывающих испытаний, состоящих из посещения опасных мест, грабежей, погонь за добычей и жестоких схваток с врагами, в основном с другими викингами. Часто выходит из всех передряг героям получается, не прибегая к силе оружия, при помощи хитрости и сверхъестественных помощников, а в отношениях с другими персонажами герои проявляют моральные ценности более поздней эпохи. В отрывке из «Саги об Одде Стреле» присутствует диалог:

– Хочу я, чтобы вы признавали тот же закон викингов, который был принят у меня и раньше, – сказал Хьяльмар. – Ни я, ни люди мои не хотим ни есть сырого

⁷ Поэзия скальдов, пер. с древнеисланд. С. В. Петрова, сост. С. В. Петров, М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1979. С. 28.

мяса, ни пить крови. Есть много людей, которые закручивают мясо в матерю, потом бьют его и после этого считают пригодным в пищу, но мне кажется, что это волчья еда. Я не хочу обирать купцов или береговых жителей более, чем это необходимо в походе, и не позволяю обижать и грабить женщин.

– Очень нравится мне твой закон, – сказал Odd, – всему этому согласен я подчиняться⁸.

Как можно заметить, у викингов есть свой кодекс моральных норм, запреты и правила,ставляющие викингов в положительном свете. Исследователи полагают, что в сагах о древних временах происходит переосмысление роли викингов их потомками-исландцами. Используя модель рыцарской идентичности, авторы саг представляют викингов как людей, стремящихся к чести, избегающих ненужного кровопролития между равными и заинтересованных в поддержании королевской власти [Larrington 2008: 285]. Здесь, как и в других сагах этого поджанра, скандинавское прошлое до эпохи викингов описывается в стиле, отражающем влияние норм и традиций средневекового европейского романа. Поэтому понятие *викинги* используется в отрыве от реальных исторических условий, но сохраняются его ключевые признаки: грабительские морские экспедиции и групповой характер деятельности. Однако в сагах о древних временах викинги – это местные герои, чье поведение ближе к рыцарскому духу, чем к кодексу героев самой эпохи викингов.

В наиболее известном сборнике королевских саг «Круг Земной», созданном исландским автором Snorri Sturluson в XIII в., слово, эквивалентное современному понятию *викинги*, встречается часто. Автор избегает использовать слово *vikingr* (в единственном числе), чаще используется *vikingar* (во множественном числе), а также *viking* в значении морских экспедиций⁹. При упоминании викингов здесь обнаруживается негативное отношение автора к викингам, если они являются противниками главного героя саги. Например, в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» упоминается факт:

Харальд конунг слышал, что **викинги**, зимующие на западе за морем, совершают набеги далеко внутрь его страны, и он каждое лето собирал войско и обслеживал все острова и островки, и как только **викинги** узнавали о приближении его войска, они все обращались в бегство, и большинство их уходило в море. Когда конунгу надоела эта докуча, он однажды летом поплыл со своим войском на запад за море. Он сначала подошел к Хьяльтланду и перебил там всех **викингов**, которые не успели спастись бегством. Затем он поплыл на юг к Оркнейским островам и очистил их от **викингов**¹⁰.

Можно заметить, что, во-первых, по-прежнему неотъемлемым признаком викингов являлись морские набеги и грабежи. Во-вторых, уже демонстрируется пренебрежение к людям этой «профессии», можно предположить, что неуважение к викингам необходимо было показать на контрасте с положительным влиянием складывающейся в Скандинавии королевской власти. Ближе к завершению «Круга Земного» описываются моменты, когда в Норвегии уже укрепилась королевская власть, поэтому викинги все чаще соседствуют со словами *злодей* и *разбойник*¹¹. Судьба людей, занимающихся викингством, чаще всего весьма трагична – гибель. Однако описания викингских походов с участием главных действующих лиц саги показаны в более позитивном или нейтральном свете, если они происходят в далеких землях и осуществляются под руководством самого конунга [Jesch 2015: 6].

В ином, не менее значимом произведении исландской литературы за авторством Snorri Sturluson – «Младшая Эдда» – дается определение того, кто такие викинги. В вымышленном диалоге богов об исландской поэзии Snorri Sturluson упоминает следующий хейти (синоним слова) викингов. Викинги и моряки – это корабельная рать¹².

В сагах об исландцах – другой основной ветви саговой литературы, имеющей отношение к эпохе викингов, также присутствует упоминание центральных персонажей эпохи. Во всем корпусе исландских саг и прядей, т.е. более кратких произведений,

⁸ Сокровище Нифлунгов, пер. Е. Балобановой, сост. Е. Балобанова, О. Петерсон. М.: Аргус, 1996. С. 171.

⁹ Haralds Saga Hins Hárfagra. Heimskringla. Snorra Sturlusonar, eds. Linder N., Haggson H. A. 24 Aug 2020. URL: https://www.heimskringla.no/wiki/Haralds_saga_hins_harfagra (accessed 17 Nov 2024).

¹⁰ Snorri Sturluson. Круг Земной, сост. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. С. 53.

¹¹ Там же. С. 471.

¹² Младшая Эдда, ред. М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука, 1970. С. 172.

присутствует 144 ссылки на викингов и 39 упоминаний *viking* как состояния викингского похода [Зимек 2001: 15]. Здесь викинги используются практически в том же контексте, что и в сагах о королях. При описании отдельных людей-викингов чаще присутствует уничижительный контекст, но описание их деятельности имеет нейтральный или позитивный оттенок, поскольку для большинства героев саг викингские походы были занятием, которое они совершали в молодости, пока не ушли на покой, или таким, которое можно совершать время от времени. Здесь, как и во всех сагах, викинги – это морские рейдеры, осуществляющие грабежи как на суше, так и на море, перемещающиеся на кораблях на большие расстояния. Примечательно и важно, что авторы саг отделяют походы викингов от мореплавания с целью торговли. Так, в «Саге об Эгиле» говорится:

*Бьёрн много плавал по морям, иногда как викинг, а иногда занимаясь торговлей. Он был очень достойный человек*¹³.

В отрывке заметно одно из немногих описаний, где викинг оценивается положительно.

В другом отрывке можно проследить, что военный рейд или торговля зависели от конкретных обстоятельств, к которым мореплаватели были всегда готовы:

*Торольв и Эгиль жили у Торира в большом почете. А весной братья снарядили большой боевой корабль, набрали на него людей и отправились воевать в восточные земли. Они много раз вступали в бой и добыли себе большое богатство. Приехали они в Курляндию, пристали к берегу и договорились с жителями полмесяца сохранять мир и торговать. Когда этот срок истек, они стали совершать набеги, высаживаясь в разных местах*¹⁴.

Таким образом, в поствикингскую эпоху сами викинги воспринимались скандинавскими авторами как пираты и грабители, совершающие морские налеты. Как убедительно подтверждается многими источниками, походы викингов отличались от морских походов с целью торговли или колонизации другой территории с последующим проживанием на ней. Викингами называли тех скандинавов,

кто занимался завоевательными походами, жил за счет добычи, захваченной на море или в других землях [Розсдаль 2001: 13]. Зачастую, несмотря на нелицеприятную характеристику викингов, она часто давалась в отношении людей, которые вели себя недостойно, были противниками конунгов или главных действующих персонажей саг. Тем не менее само занятие военными грабежами со стороны их предков – авторов саг XIII–XIV вв. – не осуждалось, а принималось как что-то естественное и законное. Кроме того, на примере некоторых жанров заметно обеление, романтизация или даже идеализация образа викингов, что объясняется вполне естественным переосмыслением древнего скандинавского прошлого и попытками выгодно представить викингов современным читателям и будущим поколениям [Larrington 2008: 285]. Общественные нормы XIII–XIV вв. христианизированных скандинавских государств с укрепившейся королевской властью, с существующими демократическими институтами не могли нормально учитывать варварский опыт прошлых эпох, но и не могли его отбросить, поскольку традиции народного творчества сохраняли предания о прошлом.

Сложно определить, когда возникла современная интерпретация викингов и новое использование данного исторического образа. Концепции викингов и эпохи викингов многократно конструировались, разбирались и реконструировались. Результат зависел от того, когда и где это происходило [Nilsson, Nyzell 2024: 5]. Скандинавские произведения, в которых упоминались викинги и их образ жизни, так или иначе создавались начиная с периода Высокого Средневековья вплоть до раннего Нового времени. Так, в 1514 г. публикуется печатное издание «Деяния данов» Саксона Грамматика, которое было написано в XII в. В 1665 г. были опубликованы латинские переводы известных исландских произведений: Младшей и Старшей Эдды. Это способствовало тому, что внешние аудитории узнали о более цивилизованном характере ранней скандинавской культуры с ее особой системой ценностей и морали, демократическими традициями и структурами. Но слово *викинги* в этих документах почти не встречается.

Настоящее возрождение образ викингов пережил в XIX в. в эпоху романтизма, причем в той стране, которую 1000 лет назад без стеснения громили.

¹³ Исландские саги. В 2 т., ред. О. А. Смирницкая. СПб.: Нева; Летний сад, 1999. Т. 1. С. 45.

¹⁴ Там же. С. 64.

Именно викторианская Британия на самом деле изобрела викингов в том виде, в каком мы их знаем сейчас. Термин *viking* был практически неизвестен до начала XIX в. (первое упоминание в Оксфордском словаре английского языка датируется 1807 г.). В течение этого столетия исторический образ викинга и само понятие испытало на себе множество словесных и художественных интерпретаций: *викингр*, *викингурр*, *Викинг-король*, *Морской король*, *Морской странник*, *северянин*, *скандинав* и т. д. стали фигурировать в многочисленных перефразированных сагах, эссе, стихах, пьесах, романах, статьях¹⁵. Та самая идеализация эпохи викингов исландцами XIV в., несравнимо далекая от реальной эпохи викингов, находит благодатную почву в чрезмерной заинтересованности английских и северных романтиков XIX в. [Зимек 2001: 23]. Наиболее известным примером является роман сэра Вальтера Скотта «Пират», впервые опубликованный в 1822 г., где *viking* встречается очень часто, причем используется автором и в женском, и в мужском роде [Fell 1987: 117].

В этот период понятие *викинги* меняется в сторону культурологической интерпретации, включая в один из признаков скандинавское происхождение данного рода занятий: «Один из тех скандинавских авантюристов, которые занимались пиратством на море и совершали набеги на сушу в Северной и Западной Европе с восьмого по одиннадцатый век»¹⁶. Использование этого слова по-настоящему набирает обороты в XIX в., когда происходит процесс национального строительства наряду с растущим интересом ко всему, что связано с викингами в викторианский период. Популярность образа викингов в XIX в., интерес к истории их завоевательной активности и к культуре средневековой Скандинавии были связаны с идеалами национальных культур и политической ситуацией в каждой европейской стране того времени [Langer 2021: 133]. В XIX в. викинги обрастают теми мифами, которые до сих пор не может развеять научное сообщество: рогатые шлемы, длинные мечи, варварский облик, воинственные позы и т. д. В Северной Европе данное понятие не теряло актуальности и в начале XX в., став важным фактором укрепления национальной

идентичности в Скандинавии. «Викинги представляют современную Скандинавию, и наоборот. Они стали ресурсом, придающим индивидуальность в гораздо более широком контексте»¹⁷.

Наиболее распространенное использование понятия *викинги* в современном академическом контексте шире, чем определение Оксфордского словаря английского языка. Сегодня чаще всего исследователи не сводят всех скандинавских мореплавателей к условному понятию *пираты* или *морские захватчики*. Понятие *викинги* используется для характеристики народов скандинавского происхождения, которые активно занимались торговлей и обустройством поселений, а также пиратством и набегами как внутри Скандинавии, так и за ее пределами в определенный исторический период. Он определяется по-разному, но, как правило, в широком диапазоне VIII–XI вв. Отдельные ученые называют скандинавское общество раннего Средневековья «викингской цивилизацией» [Буайе 2012: 231], «викингской диаспорой» [Jesch 2015: 30] и т. д. Есть сомнения насчет того, насколько культурологический подход верен и отвечает принципу историчности, ведь в эпоху викингов викингами были не все скандинавы, поскольку очевидно, что среди скандинавов-мореплавателей были не только рейдеры, но и торговцы, переселенцы, стремившиеся найти мир и покой на новых землях [Соьер 2006: 13]. Викинг – функция, которую скандинав мог сколько угодно раз взять на себя и отказаться от нее, руководствуясь собственными мотивами [Lind 2012: 153]. По мнению Г. С. Лебедева, викинг – «состояние временное, переходное (как и внутри "викинга" – временная, ограниченная и обычно вынужденная его форма – торговля)» [Лебедев 2005: 177].

Многие научные монографии, посвященные эпохе викингов и самим викингам, исходят из допущения, что в грабительских зарубежных походах – в разной мере и в разное время – участвовала значительная часть свободного населения региона [Сванидзе 2014: 34]. Поэтому авторы публикуют монументальные труды, освещая весь культурно-исторический облик скандинавского региона в VIII–XI вв., включая в него и скандинавов,

¹⁵ Wawn A. The Viking Revival. BBC. 17 Feb 2011. URL: https://www.bbc.co.uk/history/ancient/vikings/revival_01.shtml (accessed 17 Nov 24).

¹⁶ Viking. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=viking> (accessed 17 Nov 2024). Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

¹⁷ Remaking the Vikings in Our Own Image. Eberhard Karls Universität Tübingen. 6 Mar 2017. URL: <https://uni-tuebingen.de/en/university/news-and-publications/newsfullview-news/article/remaking-the-vikings-in-our-own-image/> (accessed 17 Nov 2024).

и викингов. Тем не менее именно викинги задавали ей тон, они наложили наибольший отпечаток на всю эпоху. Понятия *походы викингов*, *эпоха викингов* прочно утвердились в исторической науке, но нужно иметь в виду, что эти названия в большой мере условные [Гуревич 2007: 124].

Заключение

Анализ зарубежной и отечественной историографии, а также ряда исторических источников позволил выявить и разграничить ключевые подходы к понятию *викинги* как в науке, так и в повседневном использовании. Ни одним из этих подходов нельзя пренебречь, характеризуя занятия, социальные отношения, политическую жизнь, культуру скандинавского общества в эпоху викингов. Однако понимание каждого из подходов позволяет глубже и детальнее взглянуть на тех, кого мы называем викингами сегодня.

Систематизируя полученные результаты, необходимо сделать вывод о применении и взаимосвязи рассмотренных подходов. Ни один из них не является концептуально изолированным от другого. Например, историография, посвященная проблематике эпохи викингов, на первых порах с трудом отделяла этимологический и исторический подходы. Знание этимологии понятия *викинги* позволяет проследить его происхождение и характерные признаки на момент возникновения слова и до его фиксации в различных письменных источниках. На сегодняшний день в науке этимология понятия не определена однозначно. Существующие версии дают следующий вывод: древнескандинавские слова, приближенные к исследуемому понятию, могли означать воинов, отправлявшихся в морские экспедиции (*vikigr*), и сами экспедиции (*viking*). Сегодня ученые, анализируя образ жизни викингов, не ограничиваются этимологией, но практически всегда освещают в своих работах научные дискуссии вокруг проблемы. Этимологический подход продолжает вносить вклад в исследования, но уступает историческому и культурологическому.

Именно из-за неоднозначности и неконкретности этимологии понятия ряд исследователей ориентируется на его позднее историческое употребление. Но и его позднее употребление содержит в себе принципиальные противоречия. Вторую жизнь понятию *викинги* дали не ученые, а писатели, поэты и другие деятели культуры, романтизированные произведения которых нашли отклик

в общественном сознании XIX – начала XX в. Поэтому культурологический подход к пониманию викингов как части скандинавского общества предшествовал историческому подходу, который сформировался позднее и оказался преимущественно в сфере научных, а не творческих изысканий. Однако дальнейшие фундаментальные исследования эпохи викингов в конце XIX – первой половине XX в. во многом определялись взглядами и идеями людей эпохи романтизма. Не представляется возможным выделить отдельные историографические школы, рассматривающие викингов под призмой того или иного подхода. Тем не менее можно охарактеризовать научные тенденции, характерные для разных периодов. Например, после Второй мировой войны викинги начали приобретать образ торговцев и колонизаторов, однако ближе к 1990-м гг. маятник качнулся в другую сторону, и в науке они вновь стали рассматриваться как варвары [Somerville, McDonald 2013: 36].

Сегодня в научной среде грань между теми, кого мы считаем вооруженными средневековыми торговцами, совершавшими морские путешествия, защищавшими себя или добывавшими ресурсы силой, и кого называем морскими разбойниками, оказалась размыта. Поэтому следует различать викингов в узком смысле, сугубо исторически – как пиратов и морских налетчиков, отправляющихся в рейд коллективно. Именно такие признаки имеет понятие *викинги* в скандинавских скальдических стихах и исландских сагах. С этой стороны понятие происходит от самого занятия, которым занималась часть скандинавского общества. В широком смысле викинги не могут рассматриваться в отрыве от своего общества и культуры, поэтому нельзя игнорировать и культурологический подход, который является более перспективным в современных междисциплинарных исследованиях. В данном случае понятие *викинги* несет в себе еще и ряд этнических признаков, в него включают всех скандинавов периода VIII–XI вв.

Таким образом, неоднозначность происхождения понятия *викинги* и эволюции ключевых признаков этого понятия до сегодняшних дней отражает сложность и противоречивость эпохи викингов. Несмотря на условность понятия, оно обладает глубокой культурно-исторической емкостью, включает в себя определенный этап развития скандинавского общества. Тем самым это позволяет не сводить саму эпоху и образ жизни отдельных категорий людей

преимущественно к набегам и военным событиям за рубежом. Использование понятия *викинги* требует внимательного подхода и обязательного уточнения со стороны исследователей, чтобы избежать распространенных стереотипов и упрощенного видения сразу нескольких исторических этапов. Не последнюю роль в толковании понятия *викинги* играет субъективное отношение человека, а также то, как он позиционирует коллективный образ викингов. Мировоззренческие установки, культурный контекст и даже личные интересы интерпретатора (историка, писателя, художника, идеолога, представителя массовой культуры и др.) оказывают значительное влияние на то, как описываются викинги и как трактуются исторические факты, имеющиеся в распоряжении исследователя. В современной

культурной ситуации каждый человек или группа может выбирать и действительно выбирает из множества интерпретаций образ викингов, который лучше соответствует их целям и ценностям. Однако создание «своих» викингов отрывает этот образ от исторической действительности, что порождает необходимость в научной конкретизации и систематизации понятий, признаков, подходов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Буайе Р. Викинги: история и цивилизация. СПб.: Евразия, 2012. 416 с. [Boyer R. *Vikings: History and civilization*. St. Petersburg: Evrasia, 2012, 416. (In Russ.)]
- Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М.: Ладомир, 1996. 240 с. [Glazyrina G. V. *The Icelandic Viking sagas of Northern Russia*. Moscow: Ladomir, 1996, 240. (In Russ.)]
- Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб.: СПбГУ, 2007. 352 с. [Gurevich A. Ya. *Selected works. The ancient Germans. Vikings*. St. Petersburg: SPbSU, 2007, 352. (In Russ.)]
- Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. 2-е изд. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 799 с. [Dzhakson T. N. *The Icelandic Royal Sagas of Eastern Europe*. 2nd ed. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2012, 799. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rklknn>
- Зимек Р. Викинги: Миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов. *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2001. № 1999. С. 9–25. [Simek R. Vikings: Myth and epoch. The medieval concept of the Viking age. *The Earliest States of Eastern Europe*, 2001, (1999): 9–25. (In Russ.)]
- История Норвегии, отв. ред. А. С. Кан. М.: Наука, 1980. 715 с. [*The history of Norway*, ed. Kan A. S. Moscow: Nauka, 1980, 715. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hyxua>
- Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с. [Lebedev G. S. *The Viking Age in Northern Europe and Russia*. St. Petersburg: Evrasia, 2005, 640. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpbefn>
- Мартыненко В. О. Исландские саги как источник изучения духовной культуры средневековой Скандинавии в дискуссиях отечественных и зарубежных исследователей. XXV Всерос. студенч. науч.-практ. конф. *Нижегородского государственного университета*. (Нижегород, 4–5 апреля 2023 г.) Нижегородск: НВГУ, 2023. Ч. 7. История. Документоведение. Архивоведение. С. 126–133. [Martynenko V. O. Icelandic sagas as a source of studying the spiritual culture of medieval Scandinavia in the discussions of domestic and foreign researchers. *Proc. XXV All-Russian Student Sci.-Prac. Conf. of Nizhnevartovsk State University*, Nizhnevartovsk, 4–5 Apr 2023. Nizhnevartovsk: NVSU, 2023, vol. 7. History. Documentation. Archival science, 126–133. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dcowur>
- Никитин М. А. Временной и территориальный контексты этимологии понятий: «варяги», «викинги», «норманны». *Студенческое сообщество и современная наука*: Всерос. науч.-практ. конф. (Елец, 8 апреля 2021 г.) Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2021. Вып. 7. С. 185–192. [Nikitin M. A. The temporal and territorial contexts of the etymology of the concepts: Varangians, Vikings, and Normans. *Student community and Modern Science*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Yelets, 8 Apr 2021. Yelets: Bunin Yelets State University, 2021, iss. 7, 185–192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scebsg>

- Розсдаль Э. Мир викингов: Викинги дома и за рубежом. СПб.: Всемирное слово, 2001. 271 с. [Roesdahl E. *The Vikings*. St. Petersburg: Vsemirnoe slovo, 2001, 271. (In Russ.)]
- Сванидзе А. А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. М.: НЛО, 2014. 800 с. [Svanidze A. A. *Vikings – people of the saga: Life and morals*. Moscow: NLO, 2014, 800. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlvglld>
- Сойер П. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2006. 351 с. [Sawyer P. H. *Age of the Vikings*. St. Petersburg: Evrasiia, 2006, 351. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpdaff>
- Стеблин-Каменский М. И. Происхождение поэзии скальдов. *Скандинавский сборник*, ред. В. В. Похлебкин, Л. К. Роотс. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1958. Вып. 3. С. 175–201. [Steblin-Kamensky M. I. The origin of the poetry of the Skalds. *Scandinavian collection*, eds. Pokhlebkin V. V., Roots L. K. Tallin: Estonskoe gos. izd-vo, 1958, iss. 3, 175–201. (In Russ.)]
- Brink S. Who were the Vikings? *The Viking World*, eds. Brink S., Price N. NY: Routledge, 2008, 4–7.
- Driscoll M. J. Vikings! *The Vikings reimagined: Reception, recovery, engagement*, eds. Birkett T., Dale R. Berlin-Boston: Medieval Institute Publications, 2020, 19–27. <https://doi.org/10.1515/9781501513886-002>
- Fell C. E. Modern English Viking. *Leeds Studies in English*, 1987, (18): 111–123.
- Heebøll-Holm T. K. Between pagan pirates and glorious sea-warriors: The portrayal of the Viking pirate in Danish twelfth-century Latin historiography. *Viking and Medieval Scandinavia*, 2012, 8: 141–170. <https://doi.org/10.1484/j.vms.1.103196>
- Heide E. Viking – ‘Rower Shifting’? An Etymological Contribution. *Arkiv för Nordisk Filologi*, 2005, 120: 41–54.
- Jesch J. *The Viking diaspora*. N. Y.: Routledge, 2015, 244. <https://doi.org/10.4324/9781315708331>
- Langer J. Horned, Barbarian, hero: The visual invention of the Viking through European art (1824–1851). *Scandia Journal of Medieval Norse Studies*, 2021, 4: 131–180. <https://doi.org/10.22478/ufpb.2595-9107.2021v1n4.59146>
- Larrington C. A Viking in shining armour? Vikings and chivalry in the Fornaldarsögur. *Viking and Medieval Scandinavia*, 2008, 4: 269–288. <https://doi.org/10.1484/j.vms.1.100315>
- Lind J. H. "Vikinger", vikingetid og vikerromantik. *Kuml*, 2012, 61(61): 151–170. <https://doi.org/10.7146/kuml.v61i61.24501>
- Nilsson S. E., Nyzell S. The mythopoetic Viking in European cultural heritage. *Viking Heritage and History in Europe: Practices and Re-creations (Critical Heritages of Europe)*, eds. Nilsson S. E., Nyzell S. N. Y.: Routledge, 2024, 3–17.
- Somerville A. A., McDonald R. A. *The Vikings and their age*. 2nd ed. Toronto: University of Toronto Press, 2013, 160.
- Tuckley C. The Viking brand in crisis? *Current Swedish Archaeology*, 2022, 30: 41–44. <https://doi.org/10.37718/csa.2022.04>
- Whitehead G. D. *Vikings, the Barbaric heroes: Exploring the Viking image in museums in Iceland and England and its impact on identity*. Dr. Philosophy Thesis. Leicester: School of Museum Studies University of Leicester, 2013, 373.

© 2025. Черкашина Т. Н.

Первые шаги лейбористского правительства К. Стармера

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/pmxtote>

Первые шаги лейбористского правительства К. Стармера: «перезагрузка» отношений с Европейским союзом

Черкашина Татьяна Николаевна

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Россия, Омск

eLibrary Author SPIN: 7508-1964

<https://orcid.org/0000-0003-0103-4694>

tata_davydoffa@mail.ru

Аннотация: Лейбористское правительство, которое возглавило страну спустя 14 лет оппозиции, столкнулось с необходимостью налаживания связей с Европейским союзом. Отношения были разрушены после выхода Великобритании из Евросоюза, которому предшествовали сложные и затянувшиеся переговоры. Цель – изучить первые шаги правительства К. Стармера для восстановления отношений с Брюсселем, при этом выявить внутренние и внешние факторы, влияющие на подобное формирование внешне-политического курса страны. В ходе исследования установлено, что для нормализации отношений с Европой британский премьер-министр решил их «перезагрузить», что подразумевает их близкое взаимодействие в некоторых областях. Определяются первостепенные задачи в этом направлении, обозначаются «красные линии» в процессе сближения для каждой из сторон, указывается существующий на данный момент ряд нерешенных вопросов. В статье раскрываются конкретные шаги, которые провел К. Стармер для реализации своей идеи «перезагрузки». Описаны проведенные встречи и достигнутые договоренности с Евросоюзом. Основываясь на принципах историзма и объективизма, а также используя сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, выявлены взаимосвязь проводимых мероприятий с концепцией «Глобальной Британии», а также зависимость внешней политики Великобритании от процессов, происходящих в мире. В заключении определяются объективные и субъективные факторы, способствующие сближению двух сторон, и объясняется, почему «перезагрузка» отношений с Евросоюзом является на данный момент важнее, чем укрепление особых отношений с США.

Ключевые слова: брекзит, Европейский союз, Великобритания, лейбористское правительство, Кир Стармер, отношения США и Великобритании

Цитирование: Черкашина Т. Н. Первые шаги лейбористского правительства К. Стармера: «перезагрузка» отношений с Европейским союзом. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 531–540. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-531-540>

Поступила в редакцию 24.02.2025. Принята после рецензирования 12.05.2025. Принята в печать 12.05.2025.

full article

Keir Starmer's Labor Government: Resetting the UK's Relations with the European Union

Tatyana N. Cherkashina

Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk

eLibrary Author SPIN: 7508-1964

<https://orcid.org/0000-0003-0103-4694>

tata_davydoffa@mail.ru

Abstract: After a 14-year gap, the UK's Labor government needs to re-establish its post-Brexit ties with the European Union. The author seeks to interpret the early steps made by Prime Minister Keir Starmer in this direction, as well as to understand the internal and external factors that affect the current British foreign policy. To improve its

relations with Brussels, the British government intends to reset them, which implies close cooperation in some areas. The article outlines the priority tasks, red lines, and unresolved issues for each side. Relying on the principles of historicism and objectivism, the author used the comparative-historical and problem-chronological methods to explain particular events, actions, meetings, and agreements as part of the reset. The Global Britain strategy depends on global political processes, with a number of objective and subjective factors contributing to the rapprochement of the two sides. For the United Kingdom, the reset of its relations with the European Union is currently more important than improving its special relationship with the United States.

Keywords: Brexit, European Union, United Kingdom, Labor Government, Keir Starmer, relationship between the USA and Great Britain

Citation: Cherkashina T. N. Keir Starmer's Labor Government: Resetting the UK's Relations with the European Union. *SibScript*, 2025, 27(3): 531–540. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-531-540>

Received 24 Feb 2025. Accepted after peer review 12 May 2025. Accepted for publication 12 May 2025.

Введение

5 июля 2024 г. в Великобритании спустя 14 лет правления консерваторов к власти пришло лейбористское правительство во главе с Кирилом Стармером, которое объявило о своем намерении «перезагрузить» отношения с ЕС, чтобы наладить с ним связи. Необходимость такой «перезагрузки» во многом была предопределена тем, что после консерваторов лейбористы получили весьма сложное наследство в вопросах коммуницирования с ЕС. К примеру, с момента, когда Великобритания официально после длительного и непростого процесса покинула ЕС в декабре 2020 г., он ввел полный пограничный контроль британских сельскохозяйственных товаров. И хотя Лондон в ответ ввел аналогичные меры, упорядочение торговых отношений стало одной из первостепенных задач для К. Стармера. Так, консервативное правительство оценило подобные проверки импорта продуктов сельского хозяйства для бизнеса в сумму 330 млн ф. ст. в год, а сама промышленность – в 3 млрд ф. ст.¹

Цель – изучить первые шаги правительства К. Стармера для восстановления отношений с Брюсселем, при этом выявить внутренние и внешние факторы, влияющие на подобное формирование внешнеполитического курса страны. В ходе исследования мы проследим, почему К. Стармер на текущий момент в качестве приоритета выбрал «перезагрузку» отношений с ЕС, а не укрепление особых отношений с США, обозначив, чем его действия отличаются от действий его предшественников. В работе также установлена зависимость

британской внешней политики от мировой конъюнктуры, обозначены сюжеты, способствующие нормализации отношений.

Методы и материалы

В работе используются сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, которые позволяют объяснить мотивы действий нынешней британской политической элиты и выявить их специфику. Основываясь на принципах историзма и объективизма, прослеживается взаимосвязь реализуемых К. Стармером мероприятий с общей концепцией внешней политики Великобритании и определяется, какие внутренние и внешние факторы формируют подобную внешнеполитическую линию.

Основными исследуемыми в статье материалами являются работы отечественных и иностранных специалистов в области международных отношений, которые помогли определить причины политики «перезагрузки», ее цели и основные проблемы, с которыми столкнулось правительство К. Стармера.

Результаты

Непростое наследие консерваторов как предтеча «перезагрузки»

Соглашение о торговле и сотрудничестве, которое консервативному правительству Б. Джонсона удалось подписать с ЕС 30 декабря 2020 г., было составлено в условиях цейтнота, буквально за пару дней до окончания обозначенного переходного периода,

¹ Перезагрузка отношений между ЕС и Великобританией: каковы перспективы более тесного сотрудничества? *Euronews*. 26.08.2024. URL: <https://ru.euronews.com/my-europe/2024/08/26/eu-and-uk-relations-expert-opinion> (дата обращения: 21.02.2025).

в котором Великобритания выходила из единого рынка и таможенного союза ЕС [Rutter 2025]. Разумеется, что этот договор был несовершенен и требовал пересмотра [Бабынина 2021: 5]. Так, в соответствии с этим соглашением стороны решили не вводить тарифы и квоты на товары, участвующие во взаимной торговле. Однако на практике с 1 января 2021 г., когда Великобритания перестала быть частью ЕС, она сразу же столкнулась с действием различных нетарифных барьеров [Кораблева 2023: 47].

Б. Джонсон в ходе сложных и затянувшихся переговоров о выходе Великобритании из ЕС сделал ставку на особые отношения с США и заключение американо-британского соглашения о свободной торговле [Годованюк 2018: 142]. Подписание такого рода документа являлось крайне важным для Лондона, ведь с помощью него можно было оказывать воздействие на ЕС в ходе переговоров с ним [Большаков 2021]. И здесь, казалось бы, весьма кстати пришлось то, что Д. Трамп был поклонником евроскептиков. Да и сам брекзит открывал дорогу для заключения соглашения о свободной торговле [Кадомцев 2021]. Однако на практике политика Д. Трампа преследовала цель получить мгновенные выгоды для США от сложившегося мирового порядка, а потому очень быстро перестала способствовать укреплению особых отношений [Андреева 2018: 27]. И хотя в 2020 г. состоялось 5 раундов переговоров по подписанию договора о свободной торговле и были разработаны основные положения, он так и не был подписан. К тому же при Дж. Байдене консультации по этому вопросу даже не возобновлялись. Эксперты полагают, что в настоящее время не приходится говорить о существовании объективных условий для его подписания. Возможно лишь заключение сделки в обрезанном варианте [Кадомцев 2020].

Более того, в период первого президентства Д. Трампа особым отношениям был нанесен ущерб, поскольку Д. Трамп, бравировавший существованием привилегированных отношений с Великобританией, на деле применял бизнес-подход при решении внешнеполитических вопросов [Бушов 2020: 13]. К тому же он позволял себе пренебрежительную риторику, что привело к низкому уровню двусторонних отношений [Хлопов 2022: 25].

В итоге, не подписав долгожданный договор с США, который брекзитеры называли одним из основных дивидендов от «развода» с ЕС, Б. Джонсон попытался возместить убытки от ухода Великобритании

с единого рынка ЕС путем заключения двусторонних соглашений. Но эти отдельные меры тоже себя не оправдали. Так, уже подписанные соглашения по сути повторяют те, что были у страны, когда она была в составе ЕС. Новые соглашения с Австралией и Новой Зеландией вызывают шквал критики, а торговые сделки с крупнейшими игроками (США или Китай) так и не подписаны.

«Перезагрузка» отношений с ЕС: основные факторы, задачи и «красные линии»

Неудивительно, что новое правительство лейбористов во главе со К. Стармером заявило о своем желании улучшить отношения с Брюсселем путем «перезагрузки», подразумевая под этим налаживание «остывших» в последние годы связей с ЕС.

При этом можно выделить ряд внешних и внутренних факторов, которые определили подобную внешнеполитическую линию нынешнего лейбористского правительства. Среди внешних обстоятельств прежде всего стоит выделить нарастающий экономический кризис и глобальное противостояние. Одним из его проявлений является то, что развитые страны значительно замедлили темпы своего развития. Мы наблюдаем сегодня кризис глобального валютно-финансового порядка, значительно усугубившийся из-за введенных санкций против России.

Еще одним фактором, тесно вытекающим из первого, можно считать противостояние глобалистов и национальных элит, что привело к появлению деглобализации, которая знаменует собой кризис глобализации западных стран и кризис глобального управления. И хотя глобализация способствовала подъему остального мира, она спровоцировала и кризис самого западного мира, когда космополитическая элита оказалась оторванной от остального населения, значительно усилилось неравенство и был разрушен средний класс.

Не стоит сбрасывать со счетов и фактор Д. Трампа в мировой политике, который объявил всему миру торговую войну, введя торговые пошлины практически против всех стран [Kane et al. 2025].

Кроме того, не стоит забывать и о налаженных экономических связях Великобритании и Евросоюза. Как бы то ни было, но ЕС остается для Великобритании наиболее важным экономическим партнером. Например, из Европы в Великобританию привозят порядка 80 % овощей, 50 % свинины, 40 % фруктов. Поэтому очевидно, что британцы не могут сильно

отклоняться от норм, установленных регулятором ЕС, скажем, в угоду тех же США.

Вышеперечисленные факторы, повлиявшие на выбор «перезагрузки» в качестве ключевой линии в отношениях Великобритании и ЕС, свидетельствуют о зависимости британской внешней политики от мировой конъюнктуры и взаимозависимости мира в целом. При этом можно выделить и внутренние факторы в самой Великобритании. Стоит отметить обозначенные выше негативные последствия, с которыми страна столкнулась после выхода из ЕС, такие как рост цен на энергоносители, инфляция и сокращение социальных расходов. Лондон стал терять своих клиентов из сферы крупного капитала, поскольку изменения налогового законодательства привели к тому, что крупные инвесторы стали вывозить свой капитал из страны.

Страну сотрясали политические кризисы: за небольшой промежуток времени в стране сменилось 3 премьер-министра в правительстве консерваторов. Это, безусловно, стало свидетельством глубочайшего кризиса в самой консервативной партии. Все это говорило о политической нестабильности, сложившейся в стране, и о том, что находящаяся у власти политическая элита не соответствовала сложившимся в стране реалиям.

Результаты выборов в июле 2024 г. стали закономерным итогом провалившейся политики консерваторов. Так, избиратели не простили им снижение уровня жизни, самые высокие налоги за 70 лет, государственный долг под 100 % ВВП и нерешенную проблему иммиграции.

На этом фоне лейбористы представили вполне достойную программу, основная цель которой сводилась к стабильности – переменам после хаоса правления консерваторов. К. Стармер зарекомендовал себя в роли состоятельного антикризисного управленца. Основным посылом его программы было создание общественного богатства на основе экономического роста. Он заявил о том, что хочет вернуть стране как минимум экономическую стабильность, и одним из инструментов для этого была выбрана «перезагрузка» отношений с ЕС.

О ней лейбористы объявили еще в своем предвыборном манифесте, где четко обозначается,

что «перезагрузка» не подразумевает отмену брекзита, возвращение страны в единый рынок или таможенный союз ЕС и свободу передвижения. Наоборот, в данном документе лейбористы заявляют о своем намерении заставить брекзит работать². Сама же «перезагрузка» означает близкое взаимодействие в некоторых областях, прежде всего в экономике и обороне.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в предвыборном манифесте лейбористов стратегии развития отношений с ЕС уделено больше внимания, нежели США. Но фактически лейбористы ограничиваются только констатацией, что США являются их незаменимым союзником, и подтверждают важность сохранения особого характера отношений между странами. Развитие отношений с ЕС описано более подробно.

С одной стороны, Великобритания заплатила очень большую цену за «развод» с Брюсселем. Так, данное решение уже обошлось британцам в 140 млрд ф. ст. Это при том, что они согласились выплатить ЕС 39 млрд ф. ст. [Степанова 2021: 344]. Великобритания лишилась 2,5 млн рабочих мест, а из-за замедленного роста основного капитала британский ВВП ежегодно недополучает 29 млрд ф. ст.³ Можно отметить и дефицит государственных инвестиций, нехватку рабочих рук в различных областях и пр. Очевидно, что экономические потери не будут возмещены за счет освободившихся средств, которые шли на уплату взносов в бюджет ЕС. А также пока сложно оценить, удастся ли Великобритании обернуть бонусы, которые дает стране независимость от ЕС, в фактор экономического роста.

С другой стороны, после выхода Великобритании из ЕС в стране не произошло глобального экономического коллапса. Лондон по-прежнему является центром финансовых услуг, хотя брекзит не способствовал реализации процветающей Великобритании в реальность. И вопреки ожиданиям брекзитеров, что выход страны из ЕС превратит ее в более успешную в глобальной экономике, этого не произошло. Так, за 3 года, с 2020 по 2023 г., рейтинг Великобритании упал на 11,85 %, а ее экономика потеряла статус «в основном свободная» и стала «умеренно свободной» [Соколова 2023].

² Change. Labour Party Manifesto 2024. URL: <https://labour.org.uk/wp-content/uploads/2024/06/Labour-Party-manifesto-2024.pdf> (accessed 15 Feb 2025).

³ Financial Stability Review. May, 2023. *European Central Bank*. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/financial-stability-publications/fsr/html/ecb.fsr202305-65f8cb74d7.en.html> (accessed 13 Feb 2025).

Интересно, что, согласно одному из последних опросов, 75 % респондентов считают 4 сменявших друг друга консервативных правительства виновными в провале брекзита из-за неправильного управления страной, а 56 % признали брекзит ошибкой⁴.

Налаживание отношений между Великобританией и ЕС началось еще при Р. Сунаке. Он смог договориться с Брюсселем по такому сложному вопросу, как торговый статус Северной Ирландии, подписав Виндзорское рамочное соглашение. В частности, было решено выделить 2 коридора для прохождения товаров: зеленый (для товаров внутренней грузоперевозки) и красный (для товаров, перевозимых в другое государство и подлежащих досмотру)⁵.

Но именно К. Стармер четко обозначил задачу восстановления контактов с ЕС в виде «перезагрузки» отношений. Первоочередными задачами в этом направлении для К. Стармера являются меры по упорядочению торговых отношений и укреплению связей в сферах безопасности, защиты окружающей среды, энергетики и миграции. Это предполагает достижение определенного пакета соглашений, которые позволили бы сторонам более тесно сотрудничать друг с другом.

Публично заявленные цели К. Стармера в сфере торговли достаточно скромны. Сюда входит соглашение по санитарным и фитосанитарным нормам для уменьшения препятствий в торговле сельскохозяйственной продукцией, соглашение о послаблении административных требований к гастролирующим артистам и взаимное признание профессиональных квалификаций [Черкашина 2024b: 86]. Разумеется, эти меры не окажут серьезного экономического влияния, но здесь следует иметь в виду их скорее политический эффект. Ведь в случае заключения такого рода договоренностей они станут первыми «шажками» К. Стармера в реализации заявленной им «перезагрузки» и могут способствовать нивелированию экономических противоречий между сторонами.

Пакт по безопасности, который предлагают британцы, подразумевает более плотное сотрудничество

в различных областях, начиная непосредственно с внешней политики и заканчивая миграцией, энергетической безопасностью, здравоохранением и пр.

При этом можно выделить определенные «красные линии», за которые обе стороны не готовы переступать в процессе коммуникаций. Например, для Великобритании таковым является возвращение в какую-либо форму интеграции с ЕС, будь то единый рынок, таможенный союз или свободное передвижение людей. Это закреплено в манифесте лейбористов, и сам К. Стармер неоднократно публично заявлял о том, что отмены брекзита не будет.

Для ЕС подобной линией является заключение пакта о безопасности без торгового соглашения по таким направлениям, как зеленый курс, продовольственная безопасность и производство оружия⁶.

На данный момент в отношениях Великобритании и остальной Европы есть ряд нерешенных текущих вопросов:

- требование по проверке импортируемых в ЕС товаров;
- требования по маркировке продукции;
- права граждан ЕС, проживающих в Великобритании;
- соглашение о мобильности молодежи и др.⁷

Представляется, что без урегулирования этих насущных для Брюсселя задач Великобритании сложно будет достичь серьезного прогресса в налаживании отношений между сторонами после разрушенных брекзитом связей.

Последовательность К. Стармера при реализации «перезагрузки»

Если говорить о конкретных действиях лейбористского правительства в направлении «перезагрузки» отношений с ЕС, то стоит отметить, что шаги в этом направлении К. Стармер начал предпринимать сразу же после прихода к власти [Rutter 2024]. Так, он стал премьер-министром 5 июля 2024 г., а уже спустя 2 дня, 7 июля, новый министр иностранных дел Дэвид Лэмми поехал в Европу с визитом, посетив Германию, Швецию и Польшу. 16 июля новый министр Великобритании по связям с Евросоюзом

⁴ Demianyk G. The number of Brits who regrets Brexit has soared. *Yahoo!news*. 22 May 2023. URL: https://uk.news.yahoo.com/number-brits-regret-brexit-soared-164713578.html?_guc_consent_skip=1734880581 (accessed 21 Feb 2025).

⁵ The Windsor framework: a new way forward. 2023. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/63fcc07e90e0740d3cd6ed6/The_Windsor_Framework_a_new_way_forward.pdf (accessed 21 Feb 2025).

⁶ Пауэлл Н. Перезагрузка отношений: к чему приведут переговоры между ЕС и Великобританией? *EU Reporter*. 16.07.2024. URL: <https://ru.eureporter.co/world/uk/brexit/2024/07/16/resetting-the-relationship-where-will-eu-uk-talks-lead/> (дата обращения: 13.02.2025).

⁷ Перезагрузка отношений между ЕС и Великобританией...

Ник Томас-Саймондс отправился в Брюссель, где встретился с исполнительным вице-президентом Еврокомиссии М. Шефчовичем. Этими встречами уже с первых дней пребывания лейбористов у власти было положено начало для дальнейших коммуникаций между Лондоном и Брюсселем в рамках объявленной «перезагрузки».

Сам же К. Стармер свой первый визит в качестве премьер-министра совершил с 9 по 11 июля 2024 г. в Вашингтон, но не на встречу с Джо Байденом, а на саммит НАТО, где, помимо прочего, заявил, что его стране пора «перезагрузить» отношения с Европой. В конце августа он отправился в европейское турне, где первой посетил Германию. Во время этого визита был дан старт разработке оборонного договора с Германией, который был обозначен в качестве ключевого элемента «перезагрузки» отношений с Европейским союзом. В результате плодотворной работы и менее чем через 2 месяца, 23 октября 2024 г., Великобритания и Германия подписали первый полномасштабный договор об оборонном сотрудничестве между двумя странами. Помимо прочего, пакт включает в себя обязательство разработать новое оружие, обладающее большей дальностью и точностью, а также обязательство Германии периодически размещать самолеты в Шотландии для защиты северной части Атлантического океана.

Примечательно, что встреча с немецким канцлером прошла раньше, чем встреча с Джо Байденом (она состоялась 14 сентября 2024 г.), и носила стратегический, а не тактический характер, поскольку речь на ней не шла о каком-то конкретном решении. Да и сам факт, что Великобритания подписывает оборонный договор с европейской страной, имея привилегированный характер отношений с самой влиятельной страной мира, еще раз подчеркивает решительный настрой К. Стармера в пользу «перезагрузки» отношений с Европой уже с самого начала его пребывания у власти. И это при том, что основой особых отношений с США изначально было сотрудничество в области обороны и безопасности [Алешин, Кислицын 2019: 138]. А его жизнеспособность во многом объяснялась высочайшим уровнем институционализации прежде всего в военной, разведывательной областях и в сфере ядерных технологий, а также солидной договорной базой

[Годованюк 2017]. Кроме того, именно благодаря американской поддержке со стороны вооруженных сил и научно-техническому сотрудничеству Лондон сэкономил на обороне и добивался хороших результатов в экономике [Мамедова 2018].

Следующим шагом К. Стармера на пути восстановления отношений с Европой стал его официальный визит в Брюссель 2 октября 2024 г., где он встречался с первыми лицами ЕС: председателем Еврокомиссии, председателем Европарламента и главой Европейского совета. Итоги визита оказались достаточно скромными: стороны не договорились о чем-то конкретном, кроме намерения регулярно встречаться, т. е. по сути это была некая «встреча о встрече». Но ее значимость, равно как и других визитов, совершенных британцами в Европу при К. Стармере, состоит в создании лагеря сторонников поддержки концепции К. Стармера в ЕС.

Интересно, что после победы Д. Трампа на выборах в риторике К. Стармера все чаще стала появляться идея о том, что Лондон будет укреплять свои отношения как с США, так и с ЕС. В частности, 2 декабря 2024 г., выступая на банкете, устраиваемом лорд-мэром лондонского Сити, он заявил, что британские национальные интересы требуют, чтобы страна работала с обоими союзниками⁸.

С одной стороны, рассуждая о причинах появления такой риторики, не стоит сбрасывать со счетов привилегированный характер партнерства, который существует между США и Великобританией несколько десятилетий. Сторонами разработана внушительная институциональная база, которая помогает минимизировать издержки при возникающих разногласиях [Черкашина 2024а: 54]. Разумеется, есть объективные факторы, обуславливающие взаимный интерес двух стран в сохранении их особого характера отношений: Великобритания интересна США своими военными базами, инвестициями, военным потенциалом, а для британцев США, помимо прочего, привлекательны технологиями в ядерной сфере и инвестициями.

С другой стороны, не стоит забывать о фигуре Д. Трампа как политика и его полной непредсказуемости в первый срок президентского правления [Черняев 2024: 113]. Помимо уже упоминавшегося ущерба, который был нанесен отношениям США

⁸ PM speech at Lord Mayor's Banquet: 2 Dec 2024. GOV.UK. 3 Dec 2024. URL: <http://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-lord-mayors-banquet-2-december-2024> (accessed 21 Feb 2025).

и Великобритании при Д. Трампе, можно вспомнить о том, что между США и ЕС возникли серьезные разногласия, которые значительно подорвали доверие между ними [Pierce 2019]. И в целом трансатлантические отношения при Д. Трампе характеризовались неопределенностью [Riddervold, Newsome 2018].

В этой ситуации вполне понятно появление заявлений К. Стармера о том, что Лондон будет укреплять отношения с обоими союзниками. Их вполне можно расценивать как дань политкорректности. Как справедливо отмечает по этому поводу Е. Ананьева, западные политики часто дают эмоциональные оценки, но меняют их по мере необходимости [Ананьева 2024]. Также лейбористы ставили на К. Харрис и принимали участие в избирательной кампании США на стороне демократов.

К тому же, как представляется, подобными заявлениями Лондон пытается восстановить утраченную после брекзита роль трансатлантического моста. И здесь уместным будет вспомнить концепцию «Глобальной Британии», которая стала основной внешнеполитической концепции страны при правительстве Б. Джонсона [Хахалкина 2021: 21]. Суть ее состоит в том, что Великобритания после выхода из ЕС имеет все предпосылки, чтобы вновь, как когда-то в бытность существования Британской империи, стать глобальным игроком на мировой арене [Богдасарова 2020]. Эту идею активно развивали сторонники брекзита в качестве альтернативы членству в ЕС, указывая на огромное количество возможностей, которые появятся у Британии [Годованюк 2020: 45]. А уже непосредственно после брекзита эта идея получила свое концептуальное оформление и стала реализовываться [Черкашина 2022: 161].

Что касается К. Стармера, то в этом смысле он продолжает заложенную консерваторами линию на возвращение Великобритании ее глобальной роли на мировой арене. В первую очередь, это проявляется на примере украинского кризиса, где британцы продолжают пытаться играть центральную, координирующую роль при оказании помощи Украине [Громыко и др. 2022: 32]. Так, Великобритания первой подписала двустороннее соглашение по безопасности с Украиной⁹. Она является организатором

многих коалиций, оказывающих помощь Украине. Зачастую она инициирует принятие санкций против России. Например, она приняла 2 подзаконных акта, которые дополнительно ужесточают антироссийские санкции. По первому акту снижается объем экспорта британских товаров в Россию. Второй запретил ввоз в страну российских алмазов с 1 января 2024 г.¹⁰ Более того, позиция лейбористов по вопросу украинского кризиса еще более ужесточилась, чем при консерваторах.

В манифесте лейбористов обозначается намерение Великобритании занять лидирующее место в области дипломатии, климата, стать сверхдержавой в сфере чистой энергии, чтобы в итоге приобрести глобальное лидерство. И налаживание отношений с европейскими партнерами в ситуации неопределенности при администрации Д. Трампа выглядит вполне закономерным шагом.

К тому же Д. Трамп после вступления в должность свою первую официальную встречу провел не с К. Стармером, а с Б. Нетаньяху. На текущий момент К. Стармер так пока и не встретился с Д. Трампом в качестве вновь избранного главы Белого Дома (хотя встреча уже запланирована на конец февраля). Это еще раз подтверждает мысль о непредсказуемости Д. Трампа и в то же время демонстрирует, что на данный момент особые отношения с Великобританией не являются для него самым важным приоритетом.

В этой ситуации Великобритания и ЕС официально начали «перезагрузку» отношений. Так, 4 февраля 2025 г. состоялся неофициальный саммит ЕС по обороне, на который впервые за 5 лет была приглашена Великобритания. Она же стала единственной страной на этой встрече, не являющейся членом Европейского союза. Несмотря на отсутствие принятых договоренностей по итогам встречи, стороны сделали серьезный шаг навстречу друг другу, т.к. у всех есть понимание потребности как минимум в оборонном сотрудничестве на фоне ситуации неопределенности с крупнейшим партнером по ту сторону Атлантики и уже сделанных заявлений администрации Д. Трампа о том, что Европа должна понимать свою ответственность за обеспечение безопасности на континенте.

⁹ Полный текст соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности между Великобританией и Украиной от 12 января 2024 года. URL: <https://european-court-help.ru/60835-2/> (дата обращения: 22.04.2025).

¹⁰ New trade and financial sanctions against Russia come into force. GOV.UK. 14 Dec 2023. URL: <https://www.gov.uk/government/news/new-trade-and-financial-sanctions-against-russia-come-into-force> (accessed 15 Feb 2025).

Заключение

Несмотря на заявления лейбористов о желании укреплять отношения как с США, так и с Евросоюзом, первые шаги лейбористского правительства К. Стармера свидетельствуют о том, что «перезагрузка» отношений с Европой для К. Стармера является сейчас в приоритете. Данную идею подтверждают уже проведенные встречи и достигнутая договоренность с Германией. И здесь можно выделить как объективные, так и субъективные причины.

С одной стороны, ЕС является одним из важнейших экономических партнеров Великобритании, и, несмотря на имеющийся ряд нерешенных вопросов, экономический фактор объективно подталкивает обе стороны к сотрудничеству.

С другой стороны, сотрудничеству в сфере обороны способствует неопределенность со стороны

США и вновь избранного президента Д. Трампа, который известен своей непредсказуемостью.

Как видится, в условиях действия фактора Д. Трампа и отсутствия шагов с его стороны в сторону поддержания особых отношений с Лондоном К. Стармер, который является полной противоположностью Д. Трампа, будет и дальше делать ставку на Брюссель, постепенно налаживая с ним разрушенные после брексита отношения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Алешин А. А., Кислицын С. В. Брекзит и будущее «особых отношений» США и Великобритании. *Вестн. Моск. ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2019. Т. 11. № 1. С. 138–171. [Aleshin A. A., Kislitsyn S. V. Brexit and the future of the special relationship between the United States and the United Kingdom. *Lomonosov World Politics Journal*, 2019, 11(1): 138–171. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tlxzcg>
- Ананьева Е. Британия – США: что не так между близкими и почитаемыми союзниками? *Международная жизнь*. 11.12.2024. [Ananieva E. Britain – USA: What has gone wrong between close and revered allies? *The International Affairs*, 11 Dec 2024. (In Russ.)] URL: <https://interaffairs.ru/news/show/49314> (accessed 13 Feb 2025).
- Андреева Т. Н. Британо-американские «особые отношения» на начальном этапе Брекзита (июль 2016 г. – начало 2018 г.). *Британия: история, культура, образование: Междунар. науч. конф. (Ярославль, 13–14 сентября 2018 г.)* Ярославль: ЯГПУ, 2018. Вып. 4. С. 26–34. [Andreeva T. N. British-American "special relationship" at the Brexit beginning (July 2016 – the beginning of 2018). *Britain: History, Culture, Education: Proc. Intern. Sci. Conf., Yaroslavl, 13–14 Sep 2018*. Yaroslavl: YSPU, 2018, iss. 4, 26–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysrwjf>
- Бабынина Л. О. Соглашение о торговле и сотрудничестве ЕС и Великобритании: между кондициональностью и суверенитетом. *Современная Европа*. 2021. № 2. С. 5–16. [Babynina L. O. Trade and cooperation agreement between the EU and the UK: Conditionality versus sovereignty. *Sovremennaya Evropa*, 2021, (2): 5–16. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220210516>
- Богдасарова Т. Трансформация концепции «Глобальная Британия» после Brexit. *РСМД*. 21.05.2020. [Bogdasarova T. Transformation of the concept of Global Britain after Brexit. *Russian International Affairs Council*, 21 May 2020. (In Russ.)] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/transformatsiya-kontseptsii-globalnaya-britaniya-posle-brexit/> (accessed 22 Feb 2025).
- Большаков А. В. Актуальные проблемы британо-американских торговых отношений. *Мировое и национальное хозяйство*. 2021. № 3. [Bolshakov A. V. The actual problems of the UK-US trade relationship. *World and National Economy*, 2021, (3). (In Russ.)] URL: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-03/actual-problems-uk-us-trade> (accessed 21 Feb 2025). <https://elibrary.ru/xswspj>
- Бушов А. С. Трампизм во внешней политике США. Истоки, особенности и перспективы. *Administrative Consulting*. 2020. Т. 6. № 2. С. 13–20. [Bushov A. S. Trumpism in US foreign policy. The origins, characteristics and prospects. *Administrative Consulting*, 2020, 6(2): 13–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kpaaeh>
- Годованюк К. А. «Глобальная Британия» в преддверии брексита. М.: ИЕ РАН, 2020. 160 с. [Godovanyuk K. A. "Global Britain" in the run-up to Brexit. Moscow: IE RAS, 2020, 160. (In Russ.)] https://doi.org/10.15211/report62020_373

- Годованюк К. А. «Особые отношения» США и Великобритании: фактор Трампа. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2018. № 4. С. 142–149. [Godovanyuk K. A. US-UK "special relationship": Trump's factor. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2018, (4): 142–149. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42018142149>
- Годованюк К. А. Об «особых отношениях» Великобритании и США в эпоху перемен. *Аналитические записки Института Европы РАН*. 2017. № 76. [Godovanyuk K. A. About the special relationshs between Great Britain and the United States in an era of change. *Analytical papers of the Institute of Europe RAS*, 2017, (76). (In Russ.)] URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/an76.pdf> (accessed 8 Feb 2025).
- Громыко А. А., Айвазян А. С., Алексеенкова Е. С., Ананьева Е. В., Бабынина Л. О., Белов В. Б. и др. Этап специальной военной операции на Украине. *Анатомия антироссийской политики в Европе*. М.: ИЕ РАН, 2022. 194 с. [Gromyko A. A., Aivazyana A. S., Alekseenkova E. S., Ananieva E. V., Babynina L. O., Belov V. B. et al. The stage of the special military operation in Ukraine. *The anatomy of the anti-Russia policy in Europe*. Moscow: IE RAS, 2022, 194. (In Russ.)] https://doi.org/10.15211/report42022_390
- Кадомицев А. Великобритания после Брекзит – между США и ЕС. *Международная жизнь*. 05.02.2020. [Kadomtsev A. Great Britain after Brexit: between the USA and the EU. *The International Affairs*, 5 Feb 2020. (In Russ.)] URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25271> (accessed 21 Feb 2025).
- Кадомицев А. Старые друзья или новые соперники: как будут развиваться отношения Евросоюза и Великобритании? *Международная жизнь*. 11.01.2021. [Kadomtsev A. Old friends or new rivals: How are relations between the European Union and Great Britain going to develop? *The International Affairs*, 11 Jan 2021. (In Russ.)] URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28689> (accessed 8 Feb 2025).
- Кораблева Н. Ю. Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией: практическая имплементация. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2023. Т. 13. № 1. С. 43–52. [Korableva N. U. Trade and cooperation agreement between EU and UK: Practical implementation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 2023, 13(1): 43–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xgprwsa>
- Мамедова А. О. Дискуссия в США и Великобритании о состоянии и перспективах особых отношений. *Вестн. Моск. ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2018. Т. 10. № 2. С. 33–60. [Mamedova A. O. The present and the future of the special relationship: The debate in the United States and the United Kingdom. *Lomonosov World Politics Journal*, 2018, 10(2): 33–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tytyoff>
- Соколова А. Brexit семь лет спустя. Почему выход из ЕС разочаровал британцев? Политико-экономическое развитие Великобритании после выхода из ЕС. *РСМД*. 20.07.2023. [Sokolova A. Brexit seven years later. Why does Brexit disappoint the British? Political and economic development of Great Britain after Brexit. *Russian International Affairs Council*, 20 Jul 2023. (In Russ.)] URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/a-sokolova/brexit-sem-let-spustya-pochemu-vykhod-iz-es-razocharoval-britantsev-po/> (accessed 13 Feb 2025).
- Степанова С. Н. Великобритания после брексита. *Экономика, прикладная информатика, гуманитарные науки: современные тренды и перспективы развития*: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 апреля 2021 г.) М.: АИ и СО, 2021. С. 344–350. [Stepanova C. N. Post-Brexit UK. *Economics, applied computer science, and humanities: Modern trends and development prospects*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 14 Apr 2021. Moscow: AL&SR, 2021, 344–350. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/doefnu>
- Хахалкина Е. В. «Глобальная Британия»: от идеи к воплощению. *Современная Европа*. 2021. № 1. С. 21–32. [Khakhalkina E. V. "Global Britain": From idea to implementation. *Sovremennaya Evropa*, 2021, (1): 21–32. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120212132>
- Хлопов О. А. «Особые отношения» США и Великобритании при Д. Трампе и Дж. Байдене. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2022. № 5. С. 20–33. [Khlopov O. A. Special relationship of the US and the UK under Trump and Biden. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, 2022, (5): 20–33. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S2686673022050029>
- Черкашина Т. Н. «Особые отношения» Великобритании и США: испытание временем. *Власть истории и история власти*. 2024а. Т. 10. № 5. С. 47–57. [Cherkashina T. N. The "special relationship" of the UK and the USA: The test of time. *The Power of History – the History of Power*, 2024а, 10(5): 47–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/einggb>

- Черкашина Т. Н. Концептуальная основа постбрекзитовской внешней политики Великобритании: идея глобальной Британии». *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2022. Т. 9. № 1. С. 160–165. [Cherkashina T. N. The conceptual basis of British post-Brexit foreign policy: The idea of "Global Britain". *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2022, 9(1): 160–165. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cacnnv>
- Черкашина Т. Н. Отношения Великобритании и ЕС: от брексита до «перезагрузки». *Высшая школа: научные исследования: межвуз. Междунар. конгресс. (Москва, 26 декабря 2024 г.)* М.: Инфинити, 2024b. Т. 2. С. 80–87. [Cherkashina T. N. Relations between the UK and the EU: From Brexit to the Reset. *Graduate School: Scientific Research: Proc. Interuniv. Intern. Congress, Moscow, 26 Dec 2024*. Moscow: Infinity, 2024b, vol. 2, 80–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eeeytwl>
- Черняев М. С. «Особые отношения» Великобритании и США через призму стратегических документов. *Международные отношения*. 2024. № 1. С. 113–124. [Cherniaev M. S. The UK-US special relationship through the lens of strategic documents. *Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2024, (1): 113–124. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2024.1.70210>
- Kane J., Rutter J., Pope T. What tariffs has Donald Trump announced – and what do they mean for the UK? *Institute for Government*, 7 Apr 2020. URL: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/explainer/trade-tariffs> (accessed 5 May 2025).
- Pierce S. Immigration-related policy changes in the first two years of the Trump administration. *Migration Policy Institute*, 2019. URL: <https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/ImmigrationChangesTrumpAdministration-FinalWEB.pdf> (accessed 23 Feb 2025).
- Riddervold M., Newsome A. Transatlantic relations in times of uncertainty: Crises and EU-US relations. *Journal of European Integration*, 2018, 40(5): 505–521. <https://doi.org/10.1080/07036337.2018.1488839>
- Rutter J. Five years since Brexit: The future of the EU-UK relations still haunt the government. *Institute for Government*, 31 Jan 2025. URL: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/comment/five-years-brexit> (accessed 5 Feb 2025).
- Rutter J. The government needs to develop a robust EU strategy. *Institute for Government*, 12 Dec 2024. URL: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/comment/government-needs-eu-strategy> (accessed 5 Feb 2025).

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/umdogs>

Политика Украины в Каспийском регионе в 1991–2024 гг.: от многовекторности к кризису

Белащенко Дмитрий Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Россия, Нижний Новгород
eLibrary Author SPIN: 8974-7667
<https://orcid.org/0000-0002-0692-3418>
Scopus Author ID: 58161197300
dmi-belashhenko@yandex.ru

Шоджонов Имомидин Фозилович

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Россия, Нижний Новгород
eLibrary Author SPIN: 2113-3846
<https://orcid.org/0000-0003-0913-2440>

Гудкова Елизавета Олеговна

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Россия, Нижний Новгород
eLibrary Author SPIN: 9631-8303
<https://orcid.org/0009-0008-5959-4831>

Аннотация: Рассмотрены особенности внешней политики Украины в Каспийском регионе в постсоветский период. Основной акцент сделан на ключевых региональных приоритетах Киева (двусторонние отношения с государствами региона), институтах (региональные и межрегиональные международные организации) и сферах взаимодействия (энергетика, логистика). В статье представлены результаты исследования декларируемых Украиной направлений и принципов внешней политики, отраженных в доктринальных документах, двусторонних и многосторонних соглашениях, уставных документах, и реальные практические результаты, достигнутые за период 1991–2024 гг. Цель – выявить основные особенности, характеристики и тенденции каспийского вектора внешней политики Украины. Применены принципы историзма и объективности, теории среднего звена (уровня) и теория международных режимов в трактовке Стивена Краснера, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы. Выявлено, что Украина имела достаточный потенциал для становления в качестве важного связующего звена между Каспийским регионом в целом или его отдельными государствами и другими регионами мира, а также могла выступить в качестве катализатора формирования перспективного Черноморско-Каспийского региона. Однако имеющиеся возможности были упущены Киевом либо не получили практической реализации в силу ряда причин, среди которых основными, по мнению авторов, являются отсутствие стратегического внешнеполитического планирования, распыление ограниченных ресурсов на курс многовекторности, замещение реальных государственных интересов эфемерными лозунгами о европейском выборе, преобладание политической конъюнктуры над долгосрочными перспективами.

Ключевые слова: энергетические проекты, логистика, транспортные коридоры, ГУАМ, внешняя политика Украины, многовекторность, Украинский кризис, Каспийский регион

Цитирование: Белащенко Д. А., Шоджонов И. Ф., Гудкова Е. О. Политика Украины в Каспийском регионе в 1991–2024 гг.: от многовекторности к кризису. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 541–551. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-541-551>

Поступила в редакцию 17.02.2025. Принята после рецензирования 30.04.2025. Принята в печать 05.05.2025.

full article

Ukraine's Policy in the Caspian Region in 1991–2024: From Multi-Vector to Crisis

Dmitry A. Belashchenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

Russia, Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 8974-7667

<https://orcid.org/0000-0002-0692-3418>

Scopus Author ID: 58161197300

dmi-belashchenko@yandex.ru

Imomidin F. Shodzhonov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

Russia, Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 2113-3846

<https://orcid.org/0000-0003-0913-2440>

Elizaveta O. Gudkova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

Russia, Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 9631-8303

<https://orcid.org/0009-0008-5959-4831>

Abstract: Ukraine's post-Soviet foreign policy in the Caspian region is reflected in doctrines, bilateral and multilateral agreements, and statutory documents, as well as in the actual steps performed by the country in this direction in 1991–2024. The article describes various aspects of the Caspian vector, e.g., regional priorities, local and international institutions, and areas of interaction (energy, logistics, etc.). The authors combined the principles of historicism and objectivity with the middle range theory and Stephen Krasner's regime theory to conduct a comparative historical and chronological study of political documents and actual results. Ukraine could have become a link between the entire Caspian region or some of its states and the rest of the world, thus catalyzing the development of a prosperous Black Sea-Caspian region. However, it either missed these opportunities or failed to implement them. The reasons included poorly strategized foreign policy, when the country dispersed its limited resources on a multi-vector course, replacing its actual interests with abstract slogans about the European choice while choosing political conjuncture over long-term prospects.

Keywords: energy projects, logistics, transport corridors, GUAM Organization for Democracy and Economic Development, Ukraine's foreign policy, multi-vector, Ukrainian crisis, Caspian region

Citation: Belashchenko D. A., Shodzhonov I. F., Gudkova E. O. Ukraine's Policy in the Caspian Region in 1991–2024: From Multi-Vector to Crisis. *SibScript*, 2025, 27(3): 541–551. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-541-551>

Received 17 Feb 2025. Accepted after peer review 30 Apr 2025. Accepted for publication 5 May 2025.

Введение

С момента распада СССР в декабре 1991 г. Украина являлась одним из ключевых государств новообразованного региона постсоветского пространства. Это объяснялось многочисленными факторами геополитического, демографического, экономического, инфраструктурного характера [Жильцов 2018; Курылев, Дертеев 2018а; 2018б]. Выгодное географическое положение страны, наличие больших запасов природных ресурсов, богатое наследие в виде большого количества предприятий, вовлеченность в региональные и трансрегиональные логистические маршруты позволяли Украине претендовать на статус лидера среди бывших союзных республик, а в перспективе как минимум и Восточной Европы.

Одним из регионов, долгое время находившихся в фокусе внешнеполитического внимания Украины, был Каспий. После распада СССР геополитическая борьба вокруг этого уникального по своим природным характеристикам и географическому положению водоема существенно обострилась. Если ранее Каспийский регион всецело находился в ведении всего двух государств – СССР и Ирана, которые, несмотря на большое количество противоречий в отношениях, тем не менее не допускали какого-либо обострения ситуации и не предъявляли друг другу претензий относительно пересмотра статуса Каспийского моря или смещения установленных водных границ, то после 1991 г. число

прибрежных государств увеличилось до пяти за счет появления независимых Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. Рост числа прикаспийских государств привел к значительному усложнению внутрирегиональных отношений, поскольку стороны долгое время не могли договориться об окончательном статусе Каспия (является он морем или озером), принципах его раздела, урегулировать многочисленные проблемы двусторонних отношений (например, раздел спорных месторождений углеводородов) [Жильцов, Тулинов 2023: 131–133; Рубан 2018: 118–120]. Кроме того, в новых геополитических условиях к Каспийскому морю и региону в целом стали проявлять повышенный интерес ведущие глобальные акторы (Соединенные Штаты Америки, Европейский союз, Китайская Народная Республика, Индия) и ряд менее влиятельных государств и международных организаций [Вардомский и др. 2023; Черницына 2017: 119–120].

Заинтересованность Украины в Каспийском регионе объяснялась двумя ключевыми факторами: потребность в диверсификации источников поставок энергоносителей в целях обеспечения энергетической безопасности и возможность участвовать в трансрегиональных логических проектах, таких как международные транспортные коридоры или строительство новых трубопроводов. Несмотря на невозможность полноценно конкурировать с более влиятельными участниками международных отношений, Киев вполне мог рассчитывать на выстраивание эффективной внешнеполитической линии, опираясь на собственные преимущества и на опыт взаимодействия с четырьмя членами «Каспийской пятерки», ранее бывшими в составе СССР. В перспективе это могло позволить Украине создать хорошую стартовую площадку в Каспийском регионе для дальнейшего продвижения своих интересов за его пределы и для закрепления за собой статуса одного из ведущих центров формировавшегося Каспийско-Черноморского региона [Айвазян 2020: 209–213].

Однако имевшиеся реальные и потенциальные преимущества Украины были во многом нивелированы теми трудностями, с которыми Украина, как и любое молодое государство, неизбежно столкнулась на самых ранних этапах своего независимого существования. В данном случае речь идет не о внутренних проблемах экономического и социального плана, свойственных всем республикам бывшего СССР в первые годы и даже десятилетия

независимого существования, а о неспособности четко определить и сформулировать государственные и национальные интересы, определить внешнеполитические приоритеты, а также об отсутствии стратегического внешнеполитического планирования, замещавшегося в основном позицией и восприятием различных групп политических и финансово-экономических элит [Курылев 2012: 114–121].

Актуальность исследования политики Украины в Каспийском регионе в 1991–2024 гг. заключается в возможности анализа и оценки характера, методов, форм и направлений деятельности Киева в стратегическом, как для России, так и для глобальных международных отношений, районе. На протяжении последних трех с лишним десятилетий менялся не только статус Каспийского моря, но и характер взаимоотношений прикаспийских государств, усиливались попытки внерегиональных акторов упрочить свои позиции. Украинский кризис, начавшийся в 2014 г. и получивший новый импульс с началом Специальной военной операции (СВО), актуализировал необходимость серьезных изменений в действующей системе международных отношений и конфигурации существующего миропорядка, привел к переоценке Россией своих внешнеполитических приоритетов [Высоцкий 2024]. В новых условиях, когда на более важные геополитические роли выдвигаются новые регионы, одним из которых является Каспийский, важным моментом является пресечение в нем деятельности либо минимизация активности недружественных и враждебных государств.

Новизна представленного исследования состоит в комплексной оценке политики Украины в Каспийском регионе, что предполагает не только выявление и характеристику основных особенностей, тенденций, форм и инструментов ее осуществления, но и анализ корпуса источников (доктринальные документы, двусторонние соглашения и т. д.), сопоставление их положений с реалиями и практической деятельностью Киева, обозначение специфики подходов украинского политического руководства на разных этапах. В отечественной историографии фактически отсутствуют всеобъемлющие исследования политики Украины на Каспии. Предпочтение обычно отдается либо анализу отдельных аспектов (энергетическая политика и инфраструктурные проекты, деятельность ГУАМ и иных организаций, двусторонние отношения Киева с государствами

региона и т.д.), либо характеристике событий и процессов в Каспийском регионе в целом, где Украине совершенно справедливо отводятся второстепенные роли. Пик активности украинских исследований Каспийского региона и деятельности в нем Киева приходится на вторую половину 1990-х – 2000-е гг., т.е. на те периоды, когда Украина декларировала повышенный интерес к Каспию и трансрегиональным проектам. В европейских и североамериканских исследованиях приоритет чаще всего отдавался не оценке политики Украины в рассматриваемом регионе, а отдельным аспектам и процессам, где Украина часто вовсе не упоминалась либо выступала в роли своеобразного фона.

Цель – выявить основные особенности, характеристики и тенденции каспийского вектора внешней политики Украины. Задачи:

- проследить эволюцию политики Украины в Каспийском регионе в обозначенный период, а также изменения форм, методов и инструментов ее осуществления;
- выявить ключевые точки расхождения государственных интересов, положений доктринальных и иных документов с практической деятельностью Киева;
- обозначить схожие черты и отличия внешней политики Украины в Каспийском регионе при президентах Л. М. Кравчуке, Л. Д. Кучме, В. А. Ющенко, В. Ф. Януковиче, П. А. Порошенко и В. А. Зеленском;
- оценить изменение роли Украины в региональных процессах на Каспии (и шире – в Черноморско-Каспийском регионе).

Методы и материалы

Методологической основой для анализа внешней политики государства выступают теории среднего звена (уровня), впервые появившиеся в социологии в середине XX в. Впоследствии такой подход стали применять и в рамках анализа внешней политики и международных отношений. В частности, первый успешный пример синтеза нескольких теорий был продемонстрирован в работе Грэхама Аллисона, посвященной событиям Карибского кризиса [Allison 1969]. В представленном исследовании авторы исходят из того, что внешнюю политику любого государства невозможно проанализировать и оценить с точки зрения одной теории или модели, особенно при рассмотрении этого процесса на длительном хронологическом этапе. В свою очередь,

использование сразу нескольких теорий или моделей дает возможность комплексного исследования, выявления большего количества причинно-следственных связей и т.д.

Применение теорий среднего звена (уровня) для исследования внешней политики Украины в Каспийском регионе позволяет детально изучить, как Киев осуществлял свои подходы ко всему региону и отдельным государствам, какие формы и методы взаимодействия использовал, какие интересы пытался реализовать. В то же время за три с лишним десятилетия независимого существования внешняя политика Украины в отношении Каспийского региона далеко не всегда отличалась последовательностью, а иногда и логикой, поскольку Киев действовал в ущерб собственным стратегическим интересам, увлекаясь политической конъюнктурой либо следуя в фарватере чужой политики.

Другой важной частью методологической основы стала теория международных режимов в трактовке Стивена Краснера (функциональный подход), согласно которой государства создают режим, действуя в рамках законов и соглашений, а также путем выработки неформальных норм [International regimes 1983]. В рамках данного исследования рассматривается система взаимодействия, которая долгое время с большим трудом формировалась странами «Каспийской пятерки». В тот период, когда противоречия между каспийскими государствами не позволяли достичь консенсуса, т.е. режим существовал по сути в неоформленной (имплицитной) форме, Украина могла играть на противоречиях между ними и решать свои собственные задачи. Однако по мере формирования нормативной базы и особенно после принятия в 2018 г. Конвенции о статусе Каспийского моря, придавшей режиму явную (эксплицитную) форму, пространство для внешнеполитических маневров Киева в регионе существенно ограничилось.

Результаты

Первым концептуальным документом внешней политики Украины, отражавшим цели, задачи, принципы и основные направления деятельности Киева на международной арене, стало Постановление Верховной Рады от 2 июля 1993 г. «Об Основных направлениях внешней политики Украины», где к числу ключевых приоритетов относились отношения с приграничными государствами (в первую очередь, с Россией), «географически близкими

государствами», отдельно было выделено «сотрудничество в рамках Содружества независимых государств»¹ (СНГ). Кроме того, стоит отметить, что Украина, согласно тексту документа, намеревалась «развивать свою внешнеполитическую активность на субрегиональных направлениях»².

Каспийский регион или Каспийское море отдельно в документе не упоминаются (разве что опосредованно через упоминание стран Кавказского региона, с которыми предполагалось «сохранять и развивать дружественные взаимовыгодные отношения»³), однако, если принимать во внимание указанные в Постановлении функции внешней политики «обеспечение национальной безопасности» и «создание условий, необходимых для нормального функционирования национальной экономики»⁴, а также группы национальных интересов Украины в сфере международных отношений («стратегические и геополитические интересы, связанные с обеспечением национальной безопасности и защитой политической независимости», «экономические интересы, связанные с интегрированием экономики в мировое хозяйство», «региональные, субрегиональные, локальные интересы, связанные с обеспечением разнообразных специфических потребностей внутреннего развития»⁵), то дальнейший интерес Киева к Каспийскому региону абсолютно логичен и закономерен.

Внешняя политика Украины в период президентства Л. М. Кравчука (1991–1994 гг.) пребывала в статусе становления и развития, вобрав в себя все издержки и противоречия, присущие молодым, но амбициозным государствам. Имеющееся советское экономическое наследие, а также ряд других упоминавшихся выше факторов позволяли претендовать на статус региональной державы на постсоветском пространстве и в рамках формирующегося Каспийско-Черноморского региона (КЧР), выступать в качестве связующего звена между Европой и Азией, в том числе за счет развития отношений с государствами «Каспийской пятерки» [Финько 2009b]. В то же время экономический кризис первой половины 1990-х гг. привел к серьезнейшим последствиям для многих отраслей

промышленности, резкому снижению объемов производства и грузооборота, падению уровня жизни населения и т.д. Кроме того, под прикрытием экономических реформ происходил раздел бывших советских активов между новообразованными финансово-промышленными (олигархическими) группами (кланами), которые впоследствии станут оказывать значительное влияние на формирование внешнеполитического курса и его практическую реализацию [Иванков 2023: 92–100].

Стоит отметить, что именно в этот период своеобразной традицией для Украины станет расхождение между объективными внешнеполитическими интересами и практической деятельностью, когда те направления, которые могли стать стратегически выгодными в будущем, отводились на второстепенные роли, замещаясь размытыми перспективами сближения с европейскими и евроатлантическими институтами и отдельными государствами. Определенные изменения произойдут лишь после президентских выборов 1994 г., когда к власти придет условно пророссийский президент Л. Д. Кучма, придерживавшийся, однако, во внешней политике курса на балансирование между интересами России и Запада (многовекторность) [Ромащенко 2012: 68–70].

В целом период 1991–1994 гг. для внешней политики Украины можно охарактеризовать как начальный или даже нулевой, поскольку, с одной стороны, были заложены доктринальные основы, определены ключевые направления и приоритеты, сформирована структура Министерства иностранных дел и стабилизирована его деятельность. С другой стороны, последствия внутреннего кризиса, противоречивая социально-экономическая политика, расхождения между декларируемыми и практическими шагами на международной арене не позволили Киеву сформировать какой-либо устойчивый курс в отношении Каспийского и Черноморско-Каспийского регионов.

Каспийский регион также в начале – первой половине 1990-х гг. столкнулся с рядом серьезных трудностей. Помимо общих экзистенциальных проблем, связанных с новыми геополитическими

¹ Про Основні напрями зовнішньої політики України. Постанова Верховної Ради України № 3360-XII від 02.07.1993. Платформа LIGA ZAKON. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T336000.html (дата обращения: 15.02.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

реалиями и необходимостью встраиваться в формирующуюся систему международных отношений, практически каждое из государств «пятерки» столкнулось с собственными внутренними сложностями (оставим за скобками нашего исследования Исламскую Республику Иран, поскольку данное государство не имеет прямого отношения к постсоветскому пространству и не столкнулось с негативными последствиями распада СССР). Во многом эти трудности были общими для всех бывших союзных республик – экономический кризис, ухудшение социально-экономической ситуации, «поиск себя» во внешней политике и т.д. [Беспалов и др. 2017], однако были и другие. Так, Азербайджан вплоть до 1994 г. вел тяжелый вооруженный конфликт с Арменией за Нагорный Карабах, что негативно сказывалось на и так ослабленной экономике, Туркменистан избрал модель закрытого государства, ограничив свое участие в международных процессах.

В таких условиях складывание полноценного Каспийского региона с общей нормативной базой не представлялось возможным. В первую очередь страны «пятерки» должны были урегулировать внутренние проблемы, затем перейти к устранению двусторонних и многосторонних противоречий относительно статуса и раздела Каспийского моря и только затем переходить к формированию режима совместной эксплуатации Каспия. Однако некоторые из каспийских государств настаивали на как можно более быстром установлении границ в целях интенсивного освоения своих частей морского шельфа и добычи полезных ископаемых. В частности, таких позиций придерживались Азербайджан и Туркменистан, рассчитывающие импортировать каспийские углеводороды, тем самым смягчив тяжелую внутриэкономическую ситуацию.

Такой ситуацией могла воспользоваться Украина, установившая в первой половине 1990-х гг. достаточно устойчивые отношения с Азербайджаном, Казахстаном и Туркменистаном, пытаясь диверсифицировать за счет их энергоресурсов поставки нефти и газа, поскольку главным поставщиком выступала Россия, что вызывало настороженность и недовольство среди части украинских элит. Также Киев, помимо обеспечения собственной энергетической безопасности, мог выступать в качестве важного элемента транспортной стратегии ЕС, поскольку через территорию Украины проходили три панъевропейских транспортных коридора (№ 3, № 5, № 9) и коридоры ТРАСЕКА «Европа – Кавказ – Азия» и «Черное

море – Балтийское море». Ключевую роль в большинстве этих транспортных коридоров играли черноморские, дунайские и в меньшей степени азовские Украины (Одесса, Николаев, Ильичевск, Южный, Измаил, Рени, Мариуполь и др.) [Финько 2009а: 43].

Отдельно необходимо упомянуть, что уже в первой половине 1990-х гг. Украина и Туркменистан договорились о поставках газа (фактически восстанавливалась схема газоснабжения времен СССР), что можно считать серьезным достижением. Однако ввиду отсутствия транзитных транскаспийских газопроводов голубое топливо поставлялось теперь не через единую советскую газотранспортную систему (ГТС), а через территории нескольких независимых государств (Узбекистан, Казахстан, Россия), что делало его конечную цену невыгодной для Украины. Негативными факторами выступили также низкая платежеспособность Украины и ряда других стран постсоветского пространства, получавших туркменский газ (Киев, в частности, оплачивал поступающие энергоресурсы не валютой, а оказанием услуг и проведением работ), появление у Ашхабада более перспективных предложений для экспорта от Ирана, Пакистана, Индии, Китая, сохранение контрактов с Россией. В 1995 г. туркменский газ перестал поступать в Украину из-за отказа Москвы от его транзита через свою территорию [Прейгер, Омельченко 2007: 143].

С приходом к власти Л. Д. Кучмы (1994–2004 гг.), придерживавшегося курса многовекторности во внешней политике, Украина активизировала свою деятельность на постсоветском пространстве за счет интенсификации сотрудничества как на двустороннем уровне с отдельными государствами, так и в рамках СНГ и иных региональных международных организаций, а также стала частью процессов евразийской интеграции [Ромашенко 2012: 68–70].

В ходе данного «ренессанса» постсоветского направления Киев вновь вернулся к переговорам с Туркменистаном о возможности поставок газа без использования посреднических услуг России, но все проекты сталкивались с отсутствием альтернативных трубопроводов. В период 1999–2004 гг. Украина и Туркменистан подписали несколько соглашений о поставках через территорию России, но все они носили краткосрочный характер и оказались крайне неустойчивыми к малейшим изменениям на газовом рынке.

В 1997 г. Украина вместе с Грузией, Азербайджаном и Молдовой подписала соглашение о создании

объединения ГУАМ, которое предполагалось на начальных этапах как международная экономическая организация, способная выступить в качестве альтернативного центра силы на постсоветском пространстве [Белашенко и др. 2021: 86–87]. Важными пунктами в первых документах ГУАМ выступали участие в развитии транспортного коридора «Европа – Кавказ – Азия» и строительство новых альтернативных энергетических маршрутов для доставки каспийских углеводородов в Европу⁶.

На практике ГУАМ, поддерживаемый США и ЕС, достаточно быстро перешел от экономических инициатив к политической риторике, что особенно характерно для периода 2005–2008 гг., когда ГУАМ после кризиса первой половины 2000-х гг. был «реанимирован» усилиями Украины и Грузии, переживших ранее «цветные» революции. После этого из потенциального регионального экономического объединения ГУАМ (с 2006 г. – Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ, ОДЭР-ГУАМ) трансформировался в структуру с жесткой демократической повесткой, что привело не только к заморозке ряда проектов (в том числе на каспийском направлении), но и к противоречиям между участниками, поскольку Азербайджан и Молдова в меньшей степени были заинтересованы в переориентации деятельности организации [Там же: 89–90].

Еще одним институтом межрегионального сотрудничества, в котором Украина принимала достаточно активное участие, стала Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), в рамках которой рассматривались инициативы по сопряжению потенциалов Черноморского и Каспийского регионов посредством реализации коммуникационно-логистических проектов. К таковым, например, относились идеи создания общего энергетического рынка, выстраивания транспортной инфраструктуры, прокладки магистральных трубопроводов и т. д. Однако в ОЧЭС Украина не рассматривалась в качестве локомотива, ведущие роли

были заняты Россией и Турцией [Plaksenko 2010], что во многом предопределило переориентацию Киева на ГУАМ, где лидерское место было вакантно.

Параллельно с активизацией политики на постсоветском пространстве в рамках СНГ, евразийской интеграции, развития двусторонних отношений, а также по линии ГУАМ Украина в духе политики многовекторности участвовала в европейских и американских инициативах, часто достаточно спорных. Так, в 1996 г. началось строительство нефтепровода «Одесса – Броды» (1996–2002 гг.), который должен был стать частью альтернативного маршрута (Евразийский нефтетранспортный коридор) по доставке энергоресурсов прикаспийских государств (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан) в Восточную, Центральную и Северную Европу в обход территорий России и Турции. Главным вдохновителем проекта выступили США, хотя финансирование строительства происходило исключительно за счет Украины.

Несмотря на кажущуюся перспективность проекта, «Одесса – Броды» не выдержал конкуренции с нефтепроводом «Баку – Тбилиси – Джейхан», построенном в 2003–2005 гг. (запущен в 2006 г.) по инициативе Турции, и с введенным в эксплуатацию еще в 1999 г. нефтепроводом «Баку – Супса» [Финько 2009а: 44]. В дальнейшем «Одесса – Броды» эксплуатировался в реверсном режиме для прокачки российской нефти (с 2004 г. с перерывами). В 2014 г. эксплуатация нефтепровода была полностью остановлена.

К реальным достижениям Л. Д. Кучмы на каспийском направлении можно отнести развитие отношений с Азербайджаном и Казахстаном, что нашло отражение в динамике торгово-экономического и в меньшей степени политического взаимодействия. В 2000 г. президент Украины в ходе визита в Азербайджан для подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве⁷ и Договора об экономическом сотрудничестве⁸ (оба документа

⁶ Совместное коммюнике встречи президентов Азербайджана, Грузии, Молдовы и Украины в Страсбурге (1997). ОДЭР-ГУАМ. URL: <https://guam-organization.org/sovместnoe-kommyunike-vstrechi-prezidentov-azerbajdzhana-gru-zii-moldovy-i-ukrainy-v-strasburge/>; Заявление президентов Азербайджанской Республики, Республики Молдова, Украины и Республики Узбекистан (1999). ОДЭР-ГУАМ. URL: <https://guam-organization.org/zayavlenie-prezidentov-azerbajdzhanskoj-respubliki-gruzii-respubliki-moldova-ukrainy-i-respubliki-uzbekistan/>; Нью-Йоркский меморандум президентов Азербайджанской Республики, Грузии, Республики Молдова, Республики Узбекистан и Украины (2000). ООН. URL: <https://docs.un.org/ru/A/55/434>; Ялтинская хартия ГУАМ (2001). ОДЭР-ГУАМ. URL: <https://guam-organization.org/yaltinskaya-hartiya-guam-2001/> (дата обращения: 15.02.2025).

⁷ Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Азербайджанской Республикой от 16.03.2000. Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=9700 (дата обращения: 15.02.2025).

⁸ Договор между Украиной и Азербайджанской Республикой об экономическом сотрудничестве на 2000–2009 годы от 16.03.2000. Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=9702 (дата обращения: 15.02.2025).

содержали положения о нефтегазовой сфере) выдвигал проект соединения нефтепроводов «Баку – Супса» и «Одесса – Броды», впоследствии отклоненный азербайджанскими властями под предлогом нехватки средств из-за затрат на строительство «Баку – Тбилиси – Джейхан» [Там же: 45].

С приходом к власти в результате «Оранжевой революции» президента В. А. Ющенко (2005–2010 гг.) курс многовекторности во внешней политике был заменен на переориентацию в пользу сотрудничества с США, ЕС и НАТО и продвижения демократии на пространстве от Балтики до Каспия. Постсоветское пространство и Каспийский регион оказались вне ключевых приоритетов Киева, несмотря на заявленную активизацию в рамках ГУАМ [Мухаметов 2010].

Тем не менее продолжались попытки Украины по предоставлению своих услуг в качестве страны-транзитера и поиску альтернативных источников поставок энергоресурсов. Вновь, как и при Л. Д. Кучме, были возобновлены двусторонние переговоры с Туркменистаном о поставках газа и с Азербайджаном об использовании нефтепровода «Одесса – Броды» для доставки каспийской нефти в Европу. С последним переговоры проходили в ходе серии международных энергетических саммитов, проводившихся в 2007–2008 гг. под эгидой Содружества демократического выбора [Финько 2009а: 47–48], возникшего в 2005 г. по инициативе Украины и Грузии при полной поддержке США и ЕС. При этом риторика Киева в энергетическом вопросе претерпела изменения от необходимости обеспечивать собственные потребности за счет диверсификации поставок до демонстрации возможностей выступления в качестве надежного транзитера, что должно было придать вес стремлению Киева интегрироваться в ЕС и НАТО.

При президенте В. Ф. Януковиче (2010–2014 гг.) произошло определенное возвращение к политике многовекторности и возрождение интереса к постсоветскому пространству и евразийской интеграции [Работяжев 2010]. При этом Киев вновь предпринял попытку договориться о закупках туркменской нефти. С 2012 г. в стране усиливается продвижение идей о необходимости получить статус ассоциированного члена ЕС, что впоследствии после отказа украинских властей подписывать документ в ноябре 2013 г., станет поводом к началу Евромайдана,

который закончится государственным переворотом и приведет к Украинскому кризису, продолжающемуся до сих пор и перешедшему в феврале 2022 г. в горячую фазу.

Постмайданные президенты Украины П. А. Порошенко (2014–2019 гг.) и В. А. Зеленский (с 2019 г., официальные полномочия истекли в 2024 г.) не проявляли интерес к постсоветскому пространству и Каспийскому региону [Ильинова 2018: 93–97] ввиду нескольких обстоятельств. Во-первых, Украина фактически утратила свою субъективность в мировой политике, четко следуя в фарватере политики других государств. Во-вторых, со второй половины 1990-х гг. государства «Каспийской пятёрки» перешли от конфронтации и неспособности консолидировать свои позиции к сотрудничеству, результатом чего стало наращивание нормативно-правовой базы, запуск института каспийских саммитов и подписание 12 августа 2018 г. Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, зафиксировавшей уникальный с международно-правовой точки зрения случай, когда водоем был признан морем, но фактически закрытым для доступа некаспийских стран⁹. В-третьих, внутренние проблемы Украины ограничивали возможности страны на международной арене [Жильцов 2021].

В то же время Украину привлекали к участию в различных транспортных проектах, затрагивающих Каспийский регион: международный транспортный коридор «Юг – Запад» (Индия, Иран, Азербайджан, Грузия, Украина, Польша); Транскаспийский международный транспортный маршрут, который должен был связать Китай и ЕС через территории Казахстана и Азербайджана; интеграция азербайджанских и украинских паромных маршрутов; строительство совместного украинско-туркменского логистического центра в порту Туркменбаши; «разморозка» нефтепровода «Одесса – Броды» и т.д. [Кондратьев 2022: 14–15]. Можно предположить, что перед Киевом в 2014–2021 гг. открылись широкие перспективы по встраиванию в расширяющуюся транспортно-логистическую систему, однако затянувшийся кризис, неспособность и нежелание украинского руководства урегулировать конфликт в Донбассе на приемлемых для сторон условиях, а также фанатичное стремление присоединиться к НАТО и ЕС перечеркнули все имевшиеся наработки.

⁹ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. 12.08.2018. *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 15.02.2025).

После начала СВО контакты Украины с государствами Каспийского региона (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан) носят спорадический характер. Можно выделить оказание Азербайджаном гуманитарной помощи мирному украинскому населению и неоднократное появление в зоне боевых действий боеприпасов с азербайджанской маркировкой.

Заключение

По итогам проведенного в настоящей статье исследования представляется доказанным вывод о несостоятельности политики Украины в отношении Каспийского региона ввиду замещения реальных интересов и практических потребностей страны декларациями о неизменности выбора в пользу евроатлантической интеграции.

С одной стороны, может представиться, что у Украины не было серьезных шансов на встраивание в газо- и нефтепроводную, транспортно-логистическую системы, поскольку это затрагивало интересы таких влиятельных акторов, как Россия и Турция, чей авторитет и имеющаяся инфраструктура превосходили украинские возможности, а появление лишних конкурентов для Москвы и Анкары было крайне нежелательным. Однако реальность показала, что рассчитывать на долю в каспийском «пироге» могут многие страны, подтверждением чего служат, в частности, многочисленные проекты, в которых могла бы быть задействована Украина (в первую очередь, речь о периоде 2014–2021 гг.). Но к тому моменту многое было упущено в ходе внешнеполитических метаний Украины, а затем возможности страны были подорваны последствиями Евромайдана.

С другой стороны, свой отпечаток на специфику развития внешней политики Украины в Каспийском регионе наложила ситуация конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда страны «пятерки» еще не сформировали относительно устойчивый международный режим, который впоследствии будет способствовать

росту числа проектов с участием внерегиональных акторов. Современная ситуация предоставляет гораздо больше возможностей для заинтересованных в Каспии стран, чем это было в первые постсоветские годы.

Пример Украины демонстрирует, как наличие хороших стартовых условий для независимого существования вовсе не является залогом успеха в будущем. Территория, экономико-географическое положение, инфраструктура, промышленность и прочее приносят дивиденды лишь вкпе с устойчивой политической системой, продуманным стратегическим планированием внутренней и внешней политики, преемственностью курса, четким осознанием государственных интересов и уровня своих возможностей, а также элитой, ориентированной в своей деятельности на поступательное развитие страны.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Д. А. Белашенко – концептуализация, методология, поиск и анализ источников и научной литературы, написание текста, редактирование. И. Ф. Шоджонов – поиск и анализ источников и научной литературы, написание текста, редактирование. Е. О. Гудкова – поиск и анализ источников и научной литературы, написание текста.

Contribution: D. A. Belashchenko developed the research concept, obtained and analyzed the materials, reviewed scientific publications, and wrote and proofread the manuscript. I. F. Shodzhonov obtained and analyzed the research materials and academic literature as well as wrote and proofread the manuscript. E. O. Gudkova obtained and analyzed the materials, reviewed scientific publications, and wrote the manuscript.

Литература / References

- Айвазян Д. С. Особенности международного сотрудничества в Черноморско-Каспийском регионе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020. Т. 7. № 2. С. 208–218. [Ayvazyan D. S. Particularities of the international cooperation in the Black-Caspian Seas region. *Post-Soviet Issues*, 2020, 7(2): 208–218. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-208-218>
- Белашенко Д. А., Толкачев В. В., Шмелев А. П., Шоджонов И. Ф. Деятельность ГУАМ на постсоветском пространстве: намерения, результаты, перспективы. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика,*

- право. 2021. Т. 14. № 3. С. 84–105. [Belashchenko D. A., Tolkachev V. V., Shmelev A. P., Shodzhonov I. F. GUAM activity in the post-Soviet space: Intentions, results, prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2021, 14(3): 84–105. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-3-5>
- Беспалов Д. Н., Казаков М. А., Лысцев М. С. Каспийский регион в международных отношениях (1990-е – начало 2000-х годов): современная предыстория вопроса. *Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму*. 2017. № 7-8. С. 154–158. [Bespalov D. N., Kazakov M. A., Lystsev M. S. The Caspian region in the international relations (the 1990th – the beginning of the 2000th years): Modern background of a question. *Voprosy oboronnoi tekhniki. Seria 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeistviia terrorizmu*, 2017, (7-8): 154–158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zdiknp>
- Вардомский Л. Б., Дадабаева З. А., Пылин А. Г., Соколова Т. В., Тураева М. О. Каспийский регион в процессах регионализации Евразии. М.: ИЭ РАН, 2023. 74 с. [Vardomsky L. B., Dadabaeva Z. A., Pylin A. G., Sokolova T. V., Turaeva M. O. *The Caspian region in the processes of Eurasian regionalization*. Moscow: IE RAS, 2023, 74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qnmtpe>
- Высоцкий П. А. Геополитика Черноморского региона: ключевые проблемы на современном этапе. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2024. Т. 26. № 3. С. 569–583. [Vysotsky P. A. Geopolitics of the Black Sea region: Key problems of the modern era. *RUDN Journal of Political Science*, 2024, 26(3): 569–583. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ahxooe>
- Жильцов С. С. Внешняя политика Украины: куда ведет страну В. Зеленский. *Постсоветские исследования*. 2021. Т. 4. № 3. С. 189–198. [Zhiltsov S. S. Ukraine's foreign policy: Where is V. Zelensky leading the country? *Postsoverskie issledovaniya*, 2021, 4(3): 189–198. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2618-7426-2021-3-189-198>
- Жильцов С. С. История становления украинского государства (до распада СССР). *Проблемы постсоветского пространства*. 2018. Т. 5. № 3. С. 309–328. [Zhiltsov S. S. History of the Ukrainian state formation (prior to the USSR breakup). *Post-Soviet Issues*, 2018, 5(3): 309–328. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-309-328>
- Жильцов С. С., Тулинов Б. М. Геополитическая трансформация Каспийского региона: итоги и направления развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 2. С. 130–138. [Zhiltsov S. S., Tulinov B. M. Geopolitical transformation of the Caspian region: Directions and development outcomes. *World Economy and International Relations*, 67(2): 130–138. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-2-130-138>
- Иванков К. В. Влияние финансово-промышленных групп на субъектность Украины. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2023. № 4. С. 88–109. [Ivanov K. V. Influence of financial and industrial groups on the subjectivity of Ukraine. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiia i mir*, 2023, (4): 88–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/okegfe>
- Ильинова К. Г. Внешняя и внутренняя политика Украины на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018. Т. 5. № 1. С. 89–100. [Ilinova K. G. Foreign and domestic policy of Ukraine at the present stage. *Post-Soviet Issues*, 2018, 5(1): 89–100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-1-89-100>
- Кондратьев В. В. Украинский кризис и его влияние на геополитическую ситуацию в Каспийском регионе. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2022. Т. 2. № 3. С. 11–22. [Kondratiev V. V. Ukrainian crisis and its impact on the geopolitical situation in the Caspian region. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 2022, 2(3): 11–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vgojbq>
- Курылев К. П. Эволюция внешнеполитических приоритетов Украины в 1991–2011 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2012. № 3. С. 114–130. [Kurylev K. P. Evolution of Ukraine foreign policy priorities in 1991–2011. *RUDN Journal of Russian History*, 2012, (3): 114–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbqklv>
- Курылев К. П., Дегтерев Д. А. Роль и место Украины в СССР: завышенное социально-экономическое и переоцененное политическое влияние (Ч. 1). *Постсоветские исследования*. 2018а. Т. 1. № 6. С. 516–530. [Kurylev K. P., Degterev D. A. Role and place of Ukraine in the USSR: Higher social and economic and overall political influence (P. 1). *Postsoverskie issledovaniya*, 2018a, 1(6): 516–530. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2018-00058>
- Курылев К. П., Дегтерев Д. А. Роль и место Украины в СССР: завышенное социально-экономическое и переоцененное политическое влияние (Ч. 2). *Постсоветские исследования*. 2018б. Т. 1. № 7. С. 630–647. [Kurylev K. P., Degterev D. A. Role and place of Ukraine in the USSR: Higher social and economic and overall political influence (P. 2). *Postsoverskie issledovaniya*, 2018b, 1(7): 630–647. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypenql>

- Мухаметов Р. С. Внешнеполитические итоги президентства В. Ющенко и проблемы российско-украинских отношений. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2010. Т. 6. № 2. С. 133–140. [Mukhametov R. S. Foreign policy results of V. Yushchenko's presidency and problems of Russian-Ukrainian relations. *Political Expertise: POLITEX*, 2010, 6(2): 133–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvgsqv>
- Прейгер Д., Омельченко В. Проблемы экспорта туркменского газа: взгляд из Украины. *Центральная Азия и Кавказ*. 2007. № 1. С. 141–155. [Preyger D., Omelchenko V. Problems of Turkmen gas export: A view from Ukraine. *Central Asia and the Caucasus*, 2007, (1): 141–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvrref>
- Работяжев Н. В. Внешняя политика Украины при президенте В. Януковиче. *Россия и новые государства Евразии*. 2010. № 4. С. 33–47. [Rabotyazhev N. V. Foreign policy of Ukraine under President V. Yanukovich. *Russia and New States of Eurasia*, 2010, (4): 33–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swmofd>
- Ромашенко В. А. Основные направления внешней политики Л. Кучмы (1994–2004 гг.). *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2012. № 3. С. 64–75. [Romashchenko V. A. The main directions of Leonid Kuchma foreign policy (1994–2004). *Lomonosov history journal*, 2012, (3): 64–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nrcqprz>
- Рубан Л. С. История Каспийского моря в досоветский и постсоветский периоды. *Наука. Культура. Общество*. 2018. № 1. С. 109–120. [Ruban L. S. The history of the Caspian Sea in before October period and post-Soviet time. *Science. Culture. Society*, 2018, (1): 109–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xuxjgp>
- Финько А. Взаимоотношения Украины с государствами Кавказа в контексте ее политики в Черноморско-Каспийском регионе. *Кавказ и глобализация*. 2009а. Т. 3. № 4. С. 38–52. [Finko A. Ukraine's relations with the Caucasus states in the context of its policy in the Black-Caspian Seas region. *Kavkaz i globalizatsiia*, 2009а, 3(4): 38–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qaqxhb>
- Финько А. Украина, тюркский мир и Центральная Азия. *Центральная Азия и Кавказ*. 2009b. № 2. С. 118–130. [Finko A. Ukraine, Turkic world, and Central Asia. *Central Asia and the Caucasus*, 2009b, (2): 118–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxcsjh>
- Черницына С. Ю. Роль внерегиональных государств на Каспии. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 8-1. С. 119–122. [Tchernitsyna S. Yu. Role of non-regional states in the Caspian Sea. *International Research Journal*, 2017, (8-1): 119–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zddqpr>
- Allison G. T. Conceptual models and the Cuban missile crisis. *American Political Science Review*, 1969, 63(3): 689–718. <https://doi.org/10.2307/1954423>
- International regimes*, ed. Krasner S. D. N. Y.: Cornell University Press, 1983, 384.
- Plaksenko M. Ukraine's place and role in the Black Sea-Caspian region organizations. *Central Asia and the Caucasus*, 2010, 11(2): 146–152. <https://elibrary.ru/pxkaal>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/wtyrjv>

Проблемы новой многополярности в современном внешнеполитическом дискурсе Европейского союза

Игумнова Людмила Олеговна

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, Иркутск

eLibrary Author SPIN: 4177-4290

<https://orcid.org/0000-0002-1737-4995>

Scopus Author ID: 39361786000

lyudmila_igum@mail.ru

Аннотация: На фоне качественной трансформации международной системы лидеры Европейского союза в своих выступлениях зачастую выходят за рамки повседневной повестки, пытаются описать складывающийся геополитический ландшафт в целом. Цель – изучить представления должностных лиц Евросоюза о текущем миропорядке и роли Евросоюза в рамках новой конфигурации международных отношений. Анализ официального внешнеполитического дискурса Европейского союза позволяет выявить идеи, формирующие политику Брюсселя в процессе его адаптации к меняющимся условиям, и определить, какая из теорий лучше объясняет современную внешнеполитическую траекторию Евросоюза. Методологически статья опирается на заявления высших должностных лиц Европейского союза за последние два года (2023–2024 гг.): прежде всего, выступления Верховного представителя Евросоюза Жозепа Борреля и председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен. Описывая мир как многополярный, руководители Евросоюза уделяют существенное внимание различным проявлениям современной многополярности. Анализ показывает, что системное геополитическое давление оказывает заметное влияние на внешнюю политику и позиционирование Евросоюза, поэтому чисто эндогенные подходы недостаточны для всестороннего исследования его акторности. В европейском дискурсе присутствуют элементы реалистской и нормативной логики. В соответствии с первой, Евросоюз обращается к соотношению мировых сил и различным измерениям безопасности; согласно второй – проецирует общие ценности, принципы многосторонности и партнерства. Таким образом, дискуссии об акторности Евросоюза более плодотворны в случае конвергенции различных теорий: учета глобальной динамики и внутриевропейской специфики, нормативных и стратегических поведенческих логик.

Ключевые слова: Европейский союз, внешняя политика ЕС, многополярность, Верховный представитель ЕС, Жозеп Боррель, Председатель Еврокомиссии, Урсула фон дер Ляйен

Цитирование: Игумнова Л. О. Проблемы новой многополярности в современном внешнеполитическом дискурсе Европейского союза. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 552–562. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-552-562>

Поступила в редакцию 22.02.2025. Принята после рецензирования 08.04.2025. Принята в печать 14.04.2025.

full article

New Multipolarity in Contemporary European Union's Foreign Policy Discourse

Lyudmila O. Igumnova

Irkutsk National Research Technical University, Russia, Irkutsk

eLibrary Author SPIN: 4177-4290

<https://orcid.org/0000-0002-1737-4995>

Scopus Author ID: 39361786000

lyudmila_igum@mail.ru

Abstract: Amid the ongoing qualitative transformation of the international system, the leaders of the European Union go beyond day-to-day political agenda, attempting to describe the emerging global geopolitical landscape. The article explores the vision of the contemporary world order and the EU's role in it as released by its officials. The analysis of the EU's official discourse provides insight into the ideas that shape Brussels' policy of adaptation to the changing environment, and allows to identify the theory that best explains the EU's foreign policy trajectory. Methodologically the article is based on statements made by senior EU officials in 2023-2024, e.g., High Representative for Foreign Affairs and Security Policy Josep Borrell, President of the European Commission Ursula von der Leyen, etc. In describing the world as multipolar, EU leaders attend to different aspects of today's multipolarity. The analysis shows that systemic geopolitical pressure exerts significant impact on the EU's foreign policy and positioning, therefore purely endogenous approaches are insufficient for a comprehensive study of the Union's actorness. The discourse combines elements of realist and normative logics. On the one hand, Brussels address the balance of power and various dimensions of security. On the other hand, it projects common values, multilateralism, and partnership. Debates about the EU's actorness seem more fruitful if they imply convergence of different theories: deep understanding of global dynamic and intra-European specifics, as well as normative and strategic behavioral logics.

Keywords: European Union, EU foreign policy, multipolarity, EU High Representative, Josep Borrell, President of the European Commission, Ursula von der Leyen

Citation: Igumnova L. O. New Multipolarity in Contemporary European Union's Foreign Policy Discourse. *SibScript*, 2025, 27(3): 552–562. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-552-562>

Received 22 Feb 2025. Accepted after peer review 8 Apr 2025. Accepted for publication 14 Apr 2025.

Введение

Ученые спорят о характере нынешнего международного порядка. Одни утверждают, что мир остается однополярным с Соединенными Штатами в качестве глобального лидера [Brooks, Wohlforth 2023], другие констатируют движение в сторону многополярности [Mearsheimer 2019]. Некоторые ученые склонны полагать, что полярность больше не имеет прежнего значения [Wohlforth 2022]. Международная система также концептуализируется в литературе как *многопорядковая*, состоящая из нескольких различных порядков [Flockhart 2016]. Относительное ослабление Запада, в первую очередь лидирующей роли США в мире, становление альтернативных полюсов силы и отход от либеральной модели мироустройства могут ассоциироваться в литературе

с глобальным беспорядком, геополитической, идеологической и экономической турбулентностью [Lavere, Schmid 2021].

Нестабильность нынешней структуры международных отношений ставит перед Европейским союзом сложные задачи. С одной стороны, ЕС представляет собой заметную международную силу со своими стратегическими приоритетами. С другой – особый тип акторности союза, основанный на идее многостороннего сотрудничества и отказе от жесткой силы, обуславливает его неприспособленность к условиям балансирования [Мельникова 2022]. На фоне качественной трансформации международной системы европейские лидеры в своих выступлениях зачастую выходят за рамки повседневной повестки и текущих

вопросов развития внешней политики ЕС, описывая складывающийся политический ландшафт в целом, выделяя наиболее важные особенности формирующегося мироустройства и пытаясь определить место Евросоюза в нем.

В исследованиях внешней политики Европейского союза продолжается спор между либеральными, реалистскими и конструктивистскими подходами, а также между нормативным и реалистским пониманием силы. Идея нормативной силы Европы, появившаяся более 20 лет назад и ставшая самой известной ролевой концепцией ЕС, «умерла», с точки зрения одних экспертов [Dijkstra 2016: 370], но все еще жива, с точки зрения других. Ее обновление связывается ее автором с распространением идеи нормативной силы на планетарный уровень [Manners 2024]. Признавая определенные аналитические слабости концепции, ученые вносят свой вклад в ее возрождение [Расе 2024]. Европейские исследователи продолжают изучать роль идей и норм во внешней политике Брюсселя [Juncos, Vanhoonacker 2024], пытаются найти окна возможностей для их воздействия [Bosse 2024], исследуют случаи преобладания норм над интересами [Sjursen, Rosén 2017]. Конструктивистская теория используется для дальнейшего изучения ролевой динамики ЕС и представлений Брюсселя о собственном месте в международной системе, основанных на ценностях и культуре [Biba 2025].

Во внешней политике ЕС исследуется сочетание нормативности и геополитики [Мазаник, Романова 2024]. Предлагаются модели, совмещающие нормативные и стратегические поведенческие логики. Закономерности в продвижении норм и интересов могут связываться авторами с восприятием Евросоюзом «настоятельной необходимости» [Rieker, Riddervold 2022]. Если продвижение либеральных нормативных основ, на которых построен ЕС, считается характерным для основополагающих внешнеполитических целей и стратегий союза, то ориентация на собственную устойчивость, защиту интересов и безопасности представляется доминирующей тенденцией в ситуации международной неопределенности и наличия серьезных угроз, требующих незамедлительных действий.

Не удивительно, что в изучении международных отношений ЕС сегодня второе дыхание получила теория реализма с ее фокусом на безопасности, конфликтах и силовой политике. Важное значение приобрела теория баланса сил, особенно в свете европейского

восприятия Китая как растущей угрозы. Однако, реалистская теория по-прежнему подвергается серьезной критике. Многие авторы не находят признаков балансирования в действиях Европейского союза или полагают, что Брюссель стремится избежать этой логики при защите своих политических и экономических интересов [Мельникова 2022: 141]. Нынешнее позиционирование ЕС не квалифицируется учеными как балансирующее с Китаем [Мельникова 2022; Biba 2025: 72] или другими полюсами силы в тандеме с США в качестве младшего партнера [Riddervold, Rosén 2018]. Несмотря на определенный уровень сотрудничества и координации действий по линии США – ЕС, исследователи не наблюдают трансатлантического единства, что входит в противоречие с реалистской парадигмой. Ослабление трансатлантических отношений объясняется не только политикой президента Д. Трампа, но и реализацией Евросоюзом собственных амбиций как самостоятельного игрока [Ibid.: 567]. Одним из неосуществившихся прогнозов ученых-реалистов является также роль сильнейших и самых влиятельных государств ЕС – Германии и Франции, которые не смогли стать движущей силой и авангардом внешней политики Брюсселя [Bosse 2024].

Вместе с тем для многих аналитиков реализм стал подходящей исследовательской парадигмой в условиях дестабилизации и используется для описания и объяснения структурных изменений в расстановке мировых сил. Структурным факторам уделяется особое внимание как формирующим политику международных акторов. В соответствии с реалистской логикой, в анархичной мировой среде ЕС становится более традиционным, стратегически рациональным субъектом, действующим исходя из прагматичных интересов и потребностей безопасности. Многие исследования сосредоточены на геополитическом [Nitoiu, Sus 2019] и геоэкономическом [Haroche 2024] повороте ЕС, изучают его последствия и условия, при которых ЕС может реализовывать соответствующую силу. Несмотря на наличие геополитических элементов в политике ЕС, большинство авторов все же склонны указывать на гибридность европейского подхода.

Еще одной особенностью исследований внешней политики ЕС остается противопоставление или сочетание «эндогенных» и «экзогенных» подходов [Ibid.]. Идея нормативной силы Европы является примером эндогенной концепции, согласно которой сила Евросоюза определяется его особой природой

и внутренними характеристиками. Сторонники экзогенных детерминант подчеркивают значение международного сообщества в формировании ЕС [Diez 2022] и роль системного геополитического давления на Европу [Gehrke 2022]. Идентичность ЕС и его представления о собственной силе видятся ответом на изменения стратегической среды. Конструирование образа нормативной силы, приверженной демократии и верховенству права, рассматривается как следствие становления либеральной модели международных отношений, гарантированной мощью Вашингтона после окончания холодной войны. Геополитический поворот Брюсселя объясняется наступлением фазы турбулентности, многополярности, идеологической изменчивости и, как следствие, необходимостью приспособить акторность ЕС к новым условиям [Aggestam, Hyde-Price 2019; Lavere, Schmid 2021: 1330–1331]. Позиционируя ЕС как геэкономическую силу, европейские ученые полагают, что Брюссель реагирует на вызовы глобальной конкуренции, т. е. в основе его внешней политики вновь лежат неевропейские стимулы [Haroche 2024: 943].

Цель данной статьи – изучить представления должностных лиц Евросоюза о текущем миропорядке и роли ЕС в рамках новой конфигурации международных отношений. Анализ официального внешнеполитического дискурса ЕС последних двух лет позволяет выявить идеи, формирующие политику ключевых фигур европейской дипломатии и институтов ЕС в процессе адаптации союза к меняющимся условиям. Исследование дает возможность понять, насколько системное давление способно формировать внешнеполитический курс союза, а также определить, какая из теорий лучше объясняет современную внешнеполитическую траекторию ЕС. Методологически данная статья опирается на заявления высших должностных лиц ЕС за последние два года (2023–2024 гг.): выступления Верховного представителя (ВП) Евросоюза

по иностранным делам и политике безопасности Жозепа Борреля, председателя Европейской комиссии (ЕК) Урсулы фон дер Ляйен и других представителей ЕК и дипломатического корпуса ЕС.

Результаты

Верховный представитель ЕС Жозеп Боррель (2019–2024 гг.) описывает сегодняшний мир как многополярный. Многополярность для него – продукт глобализации и результат более широкого распределения богатств по всему миру. В этом контексте понятие многополярности используется ВП в нейтральном ключе, а собеседникам демонстрируется отсутствие у Европы намерений противостоять подъему развивающихся стран¹. Сожаление Ж. Борреля вызывает упадок многосторонности и кризис доверия между основными игроками. Множественность конкурирующих акторов при размывании общих принципов регулирования международных отношений ведет, по его словам, к «беспорядочной многополярности» (*messy multipolarity*)² и увеличивает энтропию системы³. Разрушение порядка, основанного на правилах, игнорирование универсальных норм и преобладание силовой политики являются, с точки зрения ВП, следствием произошедшей фрагментации и поляризации мира. Таким образом, он разделяет тезис ряда ученых о том, что многополярность не ведет к многосторонности, а подвергает ее опасности [Derviş 2018]. Многосторонность в многополярной системе видится ему возможной, но проблематичной.

Ж. Боррель рассуждает о различных проявлениях современной многополярности. Изменение контура многополярного мира связывается им с упадком западных демократий и потерей Соединенными Штатами статуса гегемона при одновременном подъеме Китая⁴, ростом его мощи, глобального присутствия и амбиций в деле построения нового мирового порядка. Европейские чиновники признают

¹ Singapore: Speech by HR / VP Borrell at Shangri La Dialogue. *EEAS*. 3 Jun 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/singapore-speech-hrvp-borrell-shangri-la-dialogue_en (accessed 10 Jan 2025). Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

² Rethinking 'security' in a world of power politics: Speech by High Representative Josep Borrell at the EU ISS annual conference. *EEAS*. 27 Jun 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/rethinking-'security'-world-power-politics-speech-high-representative-josep-borrell-eu-iss-annual_en (accessed 10 Jan 2025).

³ EU Ambassadors Conference 2023: Opening speech by High Representative / Vice-President Josep Borrell. Brussels. *EEAS*. 6 Nov 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-ambassadors-conference-2023-opening-speech-high-representativevice-president-josep-borrell_en (accessed 10 Jan 2025).

⁴ United Kingdom: Speech by High Representative / Vice-President Josep Borrell at Oxford University about the world confronted by wars. Oxford. *EEAS*. 3 May 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/united-kingdom-speech-high-representativevice-president-josep-borrell-oxford-university-about-world_en (accessed 10 Jan 2025).

решающее значение экономических показателей Китая для всей мировой экономики. Им очевидно также, что КНР будет все больше проявлять себя на политической сцене, определяя будущее мира. Китай воспринимается как формирующаяся сверхдержава, которая, «в отличие от России», «является реальным системным игроком», и, по признанию главы европейской дипломатии, выстраивание отношений с ним – это вопрос более сложный, чем отношения с Россией⁵.

С точки зрения руководителей ЕС, Пекин способен влиять на мир как позитивно, так и негативно⁶. В ходе коммуникаций с китайской стороной глава Европейской внешнеполитической службы (ЕВПС) пытается заверить официальных лиц КНР в том, что Европа не ставит целью сдержать развитие страны⁷ и рассчитывает на признание Пекином принципа эффективной многосторонности⁸. Одновременно многочисленные выступления чиновников ЕС свидетельствуют об обеспокоенности Европы возвращением Китая на глобальную арену.

Китай наряду с Россией представляется ревизионистской державой. За становлением Китая в качестве сверхдержавы усматривается намерение председателя Си Цзиньпина изменить миропорядок в своих интересах. Председатель ЕК считает взгляд Китая на глобальный порядок сугубо китайско-центричным и иерархическим, отстаивающим примат национальных интересов в ущерб универсальным нормам⁹. Как конкурирующие с нынешней международной системой и направленные

на усиление зависимости всего мира от Китая воспринимаются Урслой фон дер Ляйен различные действия и инициативы Пекина, такие как «Пояс и путь». Европейские должностные лица констатируют «преднамеренное ужесточение общей стратегической позиции Китая» и обострение конкуренции с западными странами, в том числе вследствие усиливающейся репрессивности режима в Пекине¹⁰.

Среди характерных черт новой многополярности Ж. Боррель выделяет разительное неравенство полюсов. Он полагает, что две крупнейшие сверхдержавы – США и Китай – формируют, по сути, новую биполярность¹¹. Антагонизм Пекина и Вашингтона считается более глубоким, чем советско-американское соперничество в прошлом и рассматривается Ж. Боррелем как важнейший фактор международных отношений на ближайшие десятилетия¹². Азия видится основным регионом китайско-американского противостояния, в связи с чем ВП говорит о появлении новой линии фронта в Индо-Тихоокеанском регионе и возможной перспективе холодной войны между Западом и Дальним Востоком¹³.

В контексте биполярности официальные лица ЕС обращают внимание на изменение конфигурации сил внутри двух лагерей, в частности на динамику взаимодействия по линии Пекин – Москва. Москва не упоминается ВП в качестве самостоятельного полюса в будущей конфигурации многополярного мира, но квалифицируется как «экзистенциальная угроза» Европе, возглавляющая список угроз страна с «империалистическим пониманием мира»¹⁴,

⁵ Borrell J. How to deal with China. *EEAS*. 17 May 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/how-deal-china_en (accessed 10 Jan 2025).

⁶ Speech by President von der Leyen at the European China Conference 2023 organised by the European Council on Foreign Relations and the Mercator Institute for China Studies. Berlin. *European Commission*. 16. Nov 2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_5851 (accessed 10 Jan 2025).

⁷ China: Speech by High Representative / Vice-President Josep Borrell at Peking University. Beijing. *EEAS*. 13 Oct 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/china-speech-high-representativevice-president-josep-borrell-peking-university_en (accessed 10 Jan 2025).

⁸ United Nations: Speech by High Representative Josep Borrell at the annual UN Security Council session on EU-UN cooperation. New York. *EEAS*. 12 Mar 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/united-nations-speech-high-representative-josep-borrell-annual-un-security-council-session-eu-un_en (accessed 10 Jan 2025).

⁹ Speech by President von der Leyen... 16 Nov 2023.

¹⁰ Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre. Brussels. *EEAS*. 30 Mar 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/japan/speech-president-von-der-leyen-eu-china-relations-mercator-institute-china-studies-and-european_en (accessed 10 Jan 2025).

¹¹ EU Ambassadors Conference... 6 Nov 2023.

¹² United States: Speech by High Representative / Vice-President Josep Borrell at the Hoover Institution, Stanford (San Francisco). *EEAS*. 14 May 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/united-states-speech-high-representativevice-president-josep-borrell-hoover-institution-stanford-san_en (accessed 10 Jan 2025).

¹³ EP Plenary: Speech by High Representative / Vice-President Josep Borrell on EU-China relations. Strasbourg. *EEAS*. 18 Apr 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/ep-plenary-speech-high-representativevice-president-josep-borrell-eu-china-relations_en (accessed 10 Jan 2025).

¹⁴ United Kingdom: Speech by High Representative... 3 May 2024.

с которой необходимо установить баланс военной, экономической и стратегической мощи¹⁵. Будучи серьезно обеспокоенным двусторонним сближением Москвы и Пекина, Евросоюз все же не вполне разделяет точку зрения, распространенную в России, о дружественном характере российско-китайских отношений [Коровникова 2024: 94], предполагающем полную поддержку России в связи с конфликтом на Украине. Руководство ЕС подчеркивает изменение баланса сил между двумя акторами в пользу Китая и появление у Пекина механизмов давления на Москву¹⁶. Отмечаются и недостаточно прочные основания двусторонней дружбы. Ограниченной на деле считается китайская концепция «безграничной дружбы» с Россией по причине отсутствия между странами военного союза¹⁷. В глазах официальных лиц ЕС, таким образом, поддержка России Китаем в некоторой степени носит формальный характер, маскируя наличие объективных противоречий с ней.

Дополнительно в общении с китайской аудиторией европейские чиновники пытаются противопоставить Россию и Китай. Ж. Боррель ссылается на исторически сложившийся недостаток гармонии между Москвой и Пекином и их различающиеся интересы¹⁸. Европейские официальные лица приводят экономические, политические и правовые аргументы, направленные на то, чтобы убедить китайских визави в неэффективности российского внешнеполитического курса и его пагубности для Пекина. Политика России представляется идущей вразрез с фундаментальными принципами китайской дипломатии, такими как суверенитет и территориальная целостность государств, а также противоречащей потребностям экспортно-ориентированной экономики КНР¹⁹. Подчеркивается экономический ущерб от действий России из-за усиления Москвой

трендов на деглобализацию и ослабления мировой экономики в результате военных действий.

Несмотря на ужесточение биполярной конфронтации, руководители ЕС рассчитывают на то, что зависимость Китая от мировой торговли, западных рынков и благ глобализации в целом, его потребность в международной стабильности и мирном урегулировании конфликтов позволят сократить дистанцию между двумя лагерями. Союз с Россией, как они полагают, не сможет заменить Китаю всех преимуществ свободной торговли с передовыми и экономически развитыми странами. Этой точки зрения придерживаются и ряд российских синологов и европеистов [Арбатова 2023: 86–87; Носов 2018: 16].

Европейскому союзу в рассуждениях главы европейской дипломатии отводится место третьего полюса, находящегося в промежуточном положении²⁰. Союз не позиционируется как полноценная великая держава или военный союз²¹, но представляется одним из столпов мировой экономики и важнейшим участником международных институтов. Евросоюз продолжает видеть себя привлекательной силой, которая осуществляет нормативное влияние, защищает нормы и порядок, основанный на правилах, и работает над «постепенным изменением мыслей и действий» других²². Для внешнеполитического дискурса ЕС по-прежнему характерно обращение к идеям всеобщего процветания, глобальной солидарности, коннективности, общей ответственности за мир и безопасность. Брюссель не поддерживает идею размежевания, даже с таким соперником, как Китай. Официальные лица ЕС высказывают готовность играть связующую роль в мировой политике, преодолевать разногласия ради решения мировых проблем, поддерживать взаимовыгодные отношения со всеми сторонами, включая тех, кто видит мир по-другому²³.

¹⁵ Borrell J. The idea of power is new to Europe. New York. *EEAS*. 27 Sep 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/idea-power-new-europe_en (accessed 30 Jan 2025).

¹⁶ Speech by President von der Leyen... 30 Mar 2023.

¹⁷ China: Speech by High Representative / Vice-President Josep Borrell at the EP plenary on the AFET report on EU-China relations. Strasbourg. *EEAS*. 12 Dec 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/china-speech-high-representative-vice-president-josep-borrell-ep-plenary-afet-report-eu-china_en (accessed 10 Jan 2025).

¹⁸ China: Speech by High Representative... 13 Oct 2023.

¹⁹ EVP Valdis Dombrovskis delivers speech to students at Tsinghua University Beijing. Beijing. *EEAS*. 25.09.2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/china/evp-valdis-dombrovskis-delivers-speech-students-tsinghua-university-beijing_en (accessed 10 Jan 2025).

²⁰ EP Plenary: Speech by High Representative... 18 Apr 2023.

²¹ EU Ambassadors Conference... 6 Nov 2023.

²² Speech by President von der Leyen... 30 Mar 2023.

²³ Ibid.

В то же время признается необходимость перенастройки европейского «программного обеспечения» в геополитическом направлении, «перезагрузке сознания», переопределении Евросоюзом своего места в международной системе²⁴. Быть геополитической силой для главы ЕВПС означает способность действовать, принимая во внимание стратегический и военный баланс сил, иметь глобальное присутствие, защищать интересы, брать на себя стратегические обязательства²⁵. Целенаправленная работа над построением геополитической Европы – критически важная для ВП задача, которую он считает экзистенциальной для ЕС. Характер силы ЕС определяется Ж. Боррелем как «полужесткий» ввиду обладания союзом определенных возможностей по принуждению²⁶. Со своей стороны, председатель ЕК подчеркивает, что ЕС стал более геополитичным в своих экономических отношениях с партнерами, и его экономические активы теперь используются стратегически²⁷.

Образ Европы, создаваемый должностными лицами ЕС, отчасти зависит от аудитории, к которой они обращаются. В диалоге с Китаем Ж. Боррель конструирует имидж единого и уверенного в себе Европейского союза, обладающего четким видением ситуации, устойчивого к внешним вызовам, способного быть активным и влиятельным игроком²⁸. В других случаях ВП может быть более откровенен, признавая недалекость европейских политиков, несостоятельность их предыдущих представлений и неправильную оценку ими имеющихся рисков. Заблуждения европейцев, считает Ж. Боррель, проистекали из наивной веры в глобализацию, международное сотрудничество

и экономическую взаимозависимость как инструменты политических трансформаций, которые будут иметь своим результатом политическую конвергенцию в мире, «конец истории» и «конец географии», мир без войн и без границ²⁹. Ж. Борреля беспокоит уязвимость ЕС и нехватка инструментов влияния на ход событий, которые стали следствием пренебрежения европейского проекта жесткой силой. В общении с европейской аудиторией ВП признает неготовность Европы к испытаниям, с которыми она столкнулась, а также недостаток понимания серьезности момента³⁰. Таким образом, «слишком эгоцентричный, европоцентричный дискурс» ЕС [Diez 2022: 169] становится более рефлексивным в ситуации переформатирования геополитического пространства. Саморефлексия проявляется не только в осознании слабости, недалекости, инертности Европы, но и понимания того, что Евросоюз не в полной мере и не всегда уважает собственные ценности³¹.

Не вполне оптимистична оценка состояния трансатлантических отношений в заявлениях лидеров ЕС. Несмотря на отсылки к единству трансатлантического сообщества, общие ценности и ответственность, а также выражение готовности координировать с Вашингтоном свои внешнеполитические действия³², речи руководителей ЕС не свидетельствуют об укреплении трансатлантических отношений. Считается, что США и ЕС, будучи союзниками, все же не стоят в одном строю, и у Вашингтона имеются свои приоритеты³³. Высказывается неуверенность в надежности США как партнера по безопасности и сомнения в способности США и НАТО нести ответственность за урегулирование

²⁴ United States: Speech by High Representative... 14 May 2024.

²⁵ Geopolitical Europe: Speech by High Representative / Vice-President Josep Borrell at the EP Plenary. Strasbourg. EEAS. 18 Oct 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/geopolitical-europe-speech-high-representativevice-president-josep-borrell-ep-plenary_en (accessed 10 Jan 2025).

²⁶ Borrell J. The idea of power... 27 Sep 2024.

²⁷ Speech by President von der Leyen... 16 Nov 2023.

²⁸ China: Speech by High Representative... 13 Oct 2023.

²⁹ US: Speech by High Representative Josep Borrell at Georgetown University: "Europe is rediscovering the harshness of the world". Washington. EEAS. 15 Mar 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/us-speech-high-representative-josep-borrell-georgetown-university-europe-rediscovering-harshness_en (accessed 10 Jan 2025).

³⁰ United Kingdom: Speech by High Representative... 3 May 2024.

³¹ Shangri-La Dialogue: Speech by High Representative Josep Borrell on security in the Asia-Pacific region. Singapore. EEAS. 1 Jun 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/shangri-la-dialogue-speech-high-representative-josep-borrell-security-asia-pacific-region_en (accessed 10 Jan 2025).

³² United States: Speech by High Representative... 14 May 2024.

³³ Borrell J. The idea of power... 27 Sep 2024.

кризисов³⁴. Брюссель склонен позиционировать Евросоюз как независимую и автономную силу, которая не подчиняется приказам из Вашингтона³⁵, а новая американская администрация Д. Трампа видится как возможность «взять свою судьбу в собственные руки» и осознать необходимость самостоятельного укрепления европейской безопасности³⁶.

Отмечая заметное влияние на мировой баланс стран Глобального Юга, Ж. Боррель в своих выступлениях вводит понятие трехполярности. В рамках трехполярности Новый Запад (как геополитическое понятие, включающее США, Европу, Канаду, Японию, Южную Корею и Австралию) и Новый Восток (Китай, Россия и Северная Корея) противостоят друг другу, а Глобальный Юг стремится извлечь выгоду из этого противостояния³⁷. Общепринятым в научном и политическом дискурсе стало определение стран Глобального Юга в качестве колеблющихся государств. В лексиконе Ж. Борреля они предстают «странами-хеджерами»³⁸. С одной стороны, для ВП естественно, что многие акторы во фрагментированном мире отличаются хеджирующим поведением: защищая свои интересы в сложных условиях соперничества великих держав, они не принимают чью-либо сторону, диверсифицируют внешние связи, осуществляют гибкое сотрудничество с разными партнерами, сочетая, к примеру, развитие глубоких экономических связей с Китаем и американские гарантии безопасности.

С другой стороны, по мнению Ж. Борреля, проблемы стран-хеджеров будут нарастать по мере роста международной конфронтации, и их колеблющиеся стратегии станут все сложнее реализовывать.

В этой ситуации дипломатия ЕС видит для себя новые перспективы: позиция Европы с ее акцентом на универсальных правилах и нормах может иметь шансы стать привлекательной для развивающихся государств. Евросоюз, таким образом, рассматривает себя фактором баланса, и это то, считает ВП, за что Брюсселю «нужно ухватиться» для расширения своего влияния в странах Азии, Африки и Латинской Америки³⁹. Следовательно, в представлениях главы европейской дипломатии, ЕС должен продолжать проецировать образ хранителя общих ценностей, основанных на Уставе ООН. В ответ на планы Китая создавать вместе со странами Юга новый мировой порядок ВП заявляет о намерениях Брюсселя рассказать им «лучшую историю», сделать лучшее предложение, расширить европейские обязательства и стать для этих государств предпочтительным партнером⁴⁰. Евросоюз ставит перед собой задачу не допустить враждебного отношения Глобального Юга к Европе и Западу и не позволить Китаю и России иметь полную свободу действий в этих странах⁴¹.

Для европейской дипломатии сегодня важно опровергнуть впечатление о замкнутости Европы на себе и ограниченности ее глобального участия, которое могло сложиться на фоне конфликта на Украине. Ж. Боррель считает, что произошедшая под влиянием геополитических потрясений стратегическая трансформация ЕС сделала Брюссель более эффективным партнером азиатских стран⁴².

Важным фактором для Европы, определяющим многополярность, является не только экономический и военный потенциал, но и способ мышления, создаваемый дискурсами: продвижение

³⁴ United States: Speech by High Representative... 14 May 2024.

³⁵ G7: Press remarks by the High Representative / Vice-President ahead of the second day of the Ministerial Meeting. Fiuggi. EEAS. 26 Nov 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/g7-press-remarks-high-representativevice-president-ahead-second-day-ministerial-meeting_en (accessed 30 Jan 2025).

³⁶ US: Speech by High Representative / Vice-President Josep Borrell at the EP plenary on transatlantic relations after the US Presidential elections. Brussels. EEAS. 13 Nov 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/us-speech-high-representativevice-president-josep-borrell-ep-plenary-transatlantic-relations-after_en (accessed 30 Jan 2025).

³⁷ Borrell J. The idea of power... 27 Sep 2024.

³⁸ Borrell J. How to deal... 17 May 2023.

³⁹ What can the EU do as security tensions rise in Asia? Josep Borrell, High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy / Vice-President of the European Commission. EEAS. 9 Jun 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/what-can-eu-do-security-tensions-rise-asia_en (accessed 10 Jan 2025).

⁴⁰ Geopolitical Europe... 18 Oct 2023.

⁴¹ Op-Ed by the High Representative / Vice-President Josep Borrell: the Draghi report and Europe's geopolitical future. EEAS. 26 Sep 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/op-ed-high-representativevice-president-josep-borrell-draghi-report-and-europes-geopolitical-future_en (accessed 30 Jan 2025).

⁴² What can the EU... 9 Jun 2023.

влиятельными игроками собственных нормативных подходов и версий международного порядка⁴³. В условиях отсутствия глобального консенсуса относительно ценностей и интересов ЕС видит себя действующим лицом существующего идейного конфликта. «Битва нарративов» Китая и России, с одной стороны, и западного мира – с другой, рассматривается ВП в качестве ключевой составляющей глобального противостояния. Эта битва, по словам Ж. Борреля, является «самой важной», и «свободный мир не может ее проиграть»⁴⁴.

Среди других тенденций современной мировой политики ВП отмечает подъем империализма, рост значения территориальности, вепонизацию ресурсов⁴⁵. В целом выступления главы европейской дипломатии демонстрируют довольно мрачное восприятие переживаемого ныне исторического момента. Мрачные образы, используемые Ж. Боррелем в своих выступлениях (метафоры тьмы, потоков крови, рек ненависти⁴⁶), усиливают представления о глубине переживаемого ныне кризиса. Геополитическая ситуация оценивается им как одна из самых опасных в новейшей истории. В представлениях ВП Европа и мир находятся в большой опасности, перед лицом целого комплекса геополитических, экономических и социальных угроз, а взаимосвязанность всех конфликтов может перерасти в глобальную конфронтацию.

Представители Еврокомиссии, в свою очередь, указывают на прямую взаимосвязь геополитики и геоэкономики⁴⁷, фиксируя тренд на деглобализацию и фрагментацию мирового рынка, вепонизацию экономики и торговли, усиление глобальной конкуренции за технологическое превосходство и обладание критическим сырьем⁴⁸. ЕК без энтузиазма смотрит на новую геоэкономическую парадигму, в рамках которой открытые рынки уступают место навязываемым государствами принципам безопасности. Хотя очевидно, что сам ЕС все больше увязывает торговую и экономическую политику с вопросами безопасности, осуществляя свой собственный геоэкономический поворот.

Заключение

Занимая пост Верховного представителя Евросоюза, Ж. Боррель регулярно делился своими представлениями о мире, высказываясь на геополитические темы. Несмотря на попытки ВП говорить о многополярности в нейтральном ключе (в основном в обращениях к азиатской аудитории), его отношение к подобной системе ближе точке зрения неореалистов, оценивающих такие системы как неустойчивые, склонные к эскалации конфликтов и способные привести к войне.

В условиях международного хаоса и поляризации внешние вызовы воспринимаются лидерами ЕС как важный фактор, формирующий внешнеполитический курс Брюсселя. Евросоюз не может не реагировать на глобальную динамику и вынужден отвечать на системное давление, корректируя свое позиционирование в международных отношениях. Анализ выступлений официальных лиц ЕС показывает, что чисто эндогенные подходы недостаточны для всестороннего исследования акторности союза.

Внешнеполитический дискурс ЕС содержит элементы реалистской и нормативной логики. В соответствии с первой, Брюссель в ситуации нестабильности сосредотачивает внимание на соотношении мировых сил, сложностях геополитической геометрии, различных измерениях безопасности и угрозах, в том числе угрозах территориальной безопасности. Происходит политизация и секьюритизация дискурса. Некоторые страны воспринимаются как соперники и конкуренты (Китай) или экзистенциальная угроза (Россия). Идея взаимозависимости пересматривается и приобретает негативную коннотацию в отношениях со странами-соперниками. Евросоюз представляется частью Запада и одновременно самостоятельным, относительно автономным полюсом, пытающимся найти окна возможностей для укрепления собственного влияния.

Под давлением структурных изменений Брюссель продолжает переосмысление своей самоидентификации, меняется концептуальное понимание

⁴³ EU Ambassadors Conference... 6 Nov 2023.

⁴⁴ United States: Speech by High Representative... 14 May 2024.

⁴⁵ United Kingdom: Speech by High Representative... 3 May 2024.

⁴⁶ United Nations: Speech by High Representative... 12 Mar 2024.

⁴⁷ Speech by President von der Leyen... 16 Nov 2023.

⁴⁸ EVP Valdis Dombrovskis speaks at the Bund Summit in Shanghai. Shanghai. EEAS. 23 Sep 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/china/evp-valdis-dombrovskis-speaks-bund-summit-shanghai_en (accessed 10 Jan 2025).

силы Европейского союза, снижаются его ожидания как нормативной силы. Задача формирования мира по своему подобию больше не считается реалистичной. Евросоюз, как представляется европейским чиновникам, осуществляет геополитический поворот под давлением внешних обстоятельств. Руководство Европейского союза, таким образом, стремится к большему соответствию союза меняющейся реальности, несмотря на то что изменение ролевой концепции ЕС противоречит его изначальной природе.

Геополитика при этом не воспринимается как нечто неизбежное. Брюссель предстает хранителем общих ценностей. Основными принципами, проецируемыми ЕС, остаются многосторонность, партнерство, институциональное сотрудничество, опора на дипломатию и открытое общение. Несмотря на высокое восприятие угроз, европейские

чиновники не используют язык балансирования. Их выступления не свидетельствуют о намерениях Брюсселя вовлечься в балансирующие действия под руководством Вашингтона.

В итоге дискуссии об акторности ЕС более плодотворны в случае установления связей между различными теориями для изучения взаимодействия глобальной динамики и внутриевропейской специфики, нормативных и стратегических поведенческих логик.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Арбатова Н. К. Разносторонний треугольник: отношения Евросоюза с США и КНР. *Полис. Политические исследования*. 2023. № 6. С. 83–99. [Arbatova N. K. The versatile triangle: EU relations with the USA and China. *Polis. Political Studies*, 2023, (6): 83–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.07>
- Коровникова Н. А. ЕС – КНР: сотрудничество, соперничество или «снижение рисков»? *Актуальные проблемы Европы*. 2024. № 4. С. 87–105. [Korovnikova N. A. The EU-PRC: Cooperation, competition or "de-risking"? *Current Problems of Europe*, 2024, (4): 87–105. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/ape/2024.04.05>
- Мазаник С. В., Романова Т. А. Геополитика коннективности: ЕС в Центральной Азии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2024. Т. 24. № 4. С. 563–575. [Mazanik S. V., Romanova T. A. Geopolitics of connectivity: The EU in Central Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2024, 24(4): 563–575. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/luqgdz>
- Мельникова Ю. Ю. Управление взаимозависимостью в отношениях ЕС и КНР: экономический аспект. *Сравнительная политика*. 2022. Т. 13. № 1-2. С. 139–157. [Melnikova Ju. Ju. Managing interdependence in the EU – China relations: Economic aspects. *Comparative Politics*, 2022, 13(1-2): 139–157. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-139-157>
- Носов М. Г. ЕС и Китай: торговля или стратегия. *Современная Европа*. 2018. № 6. С. 5–17. [Nosov M. G. EU and China: Trade or strategy. *Sovremennaya Evropa*, 2018, (6): 5–17. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620180517>
- Aggestam L., Hyde-Price A. Double trouble: Trump, Transatlantic relations and European strategic autonomy. *Journal of Common Market Studies*, 2019, 57(S1): 114–127. <https://doi.org/10.1111/jcms.12948>
- Biba S. The European Union's place in United States–China strategic competition: How role dynamics drive Brussels towards Washington. *Journal of Common Market Studies*, 2025, 63(1): 71–88. <https://doi.org/10.1111/jcms.13605>
- Bosse G. The EU's response to the Russian invasion of Ukraine: Invoking norms and values in times of fundamental rupture. *Journal of Common Market Studies*, 2024, 62(5): 1222–1238. <https://doi.org/10.1111/jcms.13569>
- Brooks S. G., Wohlforth W. C. The myth of multipolarity: American power's staying power. *Foreign Affairs*, 2023, 102(3). URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/china-multipolarity-myth> (accessed 10 Jan 2025).
- Derviş K. Can multilateralism survive? *Brookings*. 23 Jul 2018. URL: <https://www.brookings.edu/articles/can-multilateralism-survive/> (accessed 10 Jan 2025).

- Diez T. Power transition as a challenge to normative power Europe. *Power transition in the anarchical society: Rising powers, institutional change and the new world order*, eds. Knudsen T. B., Navari C. L.: Palgrave Macmillan, 2022, 153–176.
- Dijkstra H. Introduction: One-and-a-half cheers for the EU global strategy. *Contemporary Security Policy*, 2016, 37(3): 369–373. <https://doi.org/10.1080/13523260.2016.1244241>
- Flockhart T. The coming multi-order world. *Contemporary Security Policy*, 2016, 37(1): 3–30. <https://doi.org/10.1080/13523260.2016.1150053>
- Gehrke T. EU open strategic autonomy and the trappings of geoeconomics. *European Foreign Affairs Review*, 2022, 27(SI): 61–78. <https://doi.org/10.54648/eerr2022012>
- Haroche P. Geoeconomic power Europe: When global power competition drives EU integration. *Journal of Common Market Studies*, 2024, 62(4): 938–954. <https://doi.org/10.1111/jcms.13596>
- Juncos A. E., Vanhoonacker S. The ideational power of strategic autonomy in EU security and external economic policies. *Journal of Common Market Studies*, 2024, 62(4): 955–972. <https://doi.org/10.1111/jcms.13597>
- Lavere S., Schmid D. European Integration and the New Global Disorder. *Journal of Common Market Studies*, 2021, 59(5): 1322–1338. <https://doi.org/10.1111/jcms.13184>
- Manners I. Arrival of normative power in planetary politics. *Journal of Common Market Studies*, 2024, 62(3): 825–844. <https://doi.org/10.1111/jcms.13505>
- Mearsheimer J. J. Bound to fail: The rise and fall of the liberal international order. *International Security*, 2019, 43(4): 7–50. https://doi.org/10.1162/isec_a_00342
- Nitoiu C., Sus M. Introduction: The rise of geopolitics in the EU's approach in its Eastern neighbourhood. *Geopolitics*, 2019, 24(1): 1–19. <https://doi.org/10.1080/14650045.2019.1544396>
- Pace M. The construction of EU normative power and the Middle East 'Conflict' ... 16 Years on. *Journal of Common Market Studies*, 2024, 62(3): 868–884. <https://doi.org/10.1111/jcms.13492>
- Riddervold M., Rosén G. Unified in response to rising powers? China, Russia and EU-US relations. *Journal of European Integration*, 2018, 40(5): 555–570. <https://doi.org/10.1080/07036337.2018.1488838>
- Rieker P., Riddervold M. Not so unique after all? Urgency and norms in EU foreign and security policy. *Journal of European Integration*, 2022, 44(4): 459–473. <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1977293>
- Sjursen H., Rosén G. Arguing sanctions. On the EU's response to the crisis in Ukraine. *Journal of Common Market Studies*, 2017, 55(1): 20–36. <https://doi.org/10.1111/jcms.12443>
- Wohlforth W. C. Polarity and international order: Past and future. Polarity in international relations. *Governance, security and development*, eds. Græger N., Heurlin B., Wæver O., Wivel A. Palgrave Macmillan, Cham, 2022, 411–424. https://doi.org/10.1007/978-3-031-05505-8_21

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/xrpdjk>

Особенности возникновения первых ресурсных индексов: тенденции, подходы и перспективы для России

Цымбалова Анна Евгеньевна

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Россия, Нижний Новгород
eLibrary Author SPIN: 2822-5408
<https://orcid.org/0000-0002-3673-0641>
tsimbalova.n@gmail.com

Сикираж Владимир Владимирович

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Россия, Нижний Новгород
eLibrary Author SPIN: 1665-7410
<https://orcid.org/0000-0003-1744-4073>

Аннотация: В статье проанализированы вопросы возникновения и трансформации индексов в социально-экономической и политической сферах со второй половины 1990-х гг.: индекс человеческого развития, индекс экономической свободы, индекс демократии и индекс ведения бизнеса. Сами индексы рассматриваются как средство мягкой силы, формирующее имидж государств за счет определения ресурсности страны. Цель – выявить специфику появления первых зарубежных рейтингов, оценивающих ресурсный потенциал государства, их трансформацию с течением времени и востребованность в процессе реализации российской политики. Применены проблемно-исторический подход, сравнительный анализ, синтез, качественный контент-анализ. Одной из главенствующих идей в процессе создания данных индексов является понятие уровня свободы в политическом и экономическом аспектах. В ходе исследования была выявлена приверженность составителей индексов неолиберальной парадигме, проявляющейся как в оценках при составлении рейтинга, так и в особенностях подготовки и обоснования методологии исследования. Кроме того, подвергается сомнению тезис о корреляции уровня демократичности правительств и экономического благополучия, распространенный в либертарианской среде основателей западных экономических метрик. Особое внимание уделено неточности методологической базы анализируемых индексов, вопросу не совсем объективного представления информации, что может проявляться в неоднократных случаях лоббирования или манипуляций информацией ввиду аффилиации или прямой зависимости от соответствующих бенефициаров.

Ключевые слова: ресурсность, индексы, мягкая сила, демократия, экономика, Российская Федерация

Цитирование: Цымбалова А. Е., Сикираж В. В. Особенности возникновения первых ресурсных индексов: тенденции, подходы и перспективы для России. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 563–572. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-563-572>

Поступила в редакцию 15.02.2025. Принята после рецензирования 31.03.2025. Принята в печать 31.03.2025.

full article

First Resource Indexes: Trends, Approaches, and Prospects for Russia

Anna E. Tsymbalova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Russia, Nizhny Novgorod
eLibrary Author SPIN: 2822-5408
<https://orcid.org/0000-0002-3673-0641>
tsimbalova.n@gmail.com

Vladimir V. Sikirazh

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Russia, Nizhny Novgorod
eLibrary Author SPIN: 1665-7410
<https://orcid.org/0000-0003-1744-4073>

Abstract: The article traces the development of indexes in the socio-economic and political spheres since 1995, i.e., Human Development Index, Index of Economic Freedom, Democracy Index, and Doing Business Index. The indexes are means of soft power that shape the image of states by determining their resourcefulness. The authors focused

on the earliest foreign resource potential ratings, their transformation over time, and relevance for Russian policy. The methods of problem-historical approach, comparative analysis, synthesis, and qualitative content analysis revealed the level of political and economic freedom as the major idea behind the index system and the agencies that develop them. However, the commitment of these agencies to the dominant neoliberal paradigm makes them biased, manifesting itself both in the rating results and its criteria. The Western economic metrics seem to rely on the doubtful libertarian thesis about the correlation between democracy and economic well-being. Their methodology is inaccurate and unobjective, which leads to lobbying or data manipulation caused by affiliation or direct dependence on particular beneficiaries.

Keywords: resourcefulness, indexes, soft power, democracy, economy, Russian Federation

Citation: Tsymbalova A. E., Sikirazh V. V. First Resource Indexes: Trends, Approaches, and Prospects for Russia. *SibScript*, 2025, 27(3): 563–572. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-563-572>

Received 15 Feb 2025. Accepted after peer review 31 Mar 2025. Accepted for publication 31 Mar 2025.

Введение

Ресурсность стран, в частности передовых, – тема для множества спекуляций как на политическом поле, так и в научной среде. И если природно-ресурсный потенциал стран известен и дополняется лишь при исследовании ранее не обнаруженных скоплений ископаемых, то в случае с ресурсностью речь идет о преимуществах государственного регулирования или механизмов свободного рынка, автократий или либеральных демократий. Авторы статьи понимают ресурсность как совокупность стратегических ресурсов и их насыщенность, влияющих на геополитическое положение страны (вооружение, энергоресурсы, сталелитейная промышленность, передовые технологии). Помимо этого, на ресурсность влияет стабильность в регионе и имидж государства и его властей. Так, турбулентность в регионе может спровоцировать перебой логистических поставок, увеличение издержек, проблемы со страхованием грузов и снижение экономических рейтингов. В то же время имидж формируется из ряда факторов: качество жизни, уровень экономических и политических свобод, военная мощь, экологическая обстановка страны и региона [Ayvazyan 2010: 44]. Для выявления потенциальных рисков при инвестициях или иного рода взаимодействиях с государствами, аналитическими центрами и правительственными ведомствами разных стран были определены ключевые маркеры. Они определяют принадлежность к ценностной и правовой базе, к примеру коллективного Запада по критерию демократии, или показывают статус в развитии ВПК.

Цель – выявить специфику появления первых зарубежных рейтингов, оценивающих ресурсный

потенциал государства, их трансформацию с течением времени и востребованность в процессе реализации российской политики. Задачи: анализ факторов, способствующих разработке первых ресурсных индексов; изучение методологии рейтингов и парадигм, в рамках которых они формировались; выявление недочетов и искажений в результатах и подсчетах, определений позиций России в данных рейтингах и индексах.

В попытках определить положение государства на международной арене были выработаны различные индексы, оценивающие ряд социально-экономических и политических маркеров. В данной работе фокус внимания сконцентрирован на процессе их возникновения и трансформации начиная с 1990-х гг., когда появились индекс человеческого развития и индекс экономической свободы. Также рассмотрены те, которые появились в 2003–2006 гг.: индекс ведения бизнеса и индекс демократии. Впрочем, ввиду высокой степени аффилированности с государственными ведомствами или другими бенефициарами многих центров, составляющих индексы, вызывает сомнение объективность выводов их отчетов на основании методологии и фокуса при обработке статистики. Многие из имеющихся данных крайне противоречивы, т. к. используются для влияния на репутацию третьих сторон [Иванов 2015]. В данной статье были исключены индексы, имеющие вес на международной бирже и в прессе, замеченные в манипулировании данными, к коим исследователи могут отнести индексы кредитоспособности стран. В то же время был проанализирован показательный кейс индексов демократизации и экономической свободы.

Примечательны они противоречиями как в самой позиции авторов о влиянии демократии на кризисы и благосостояние, так и в корреляции экономической и политической свободы.

Проводя обзор литературы, прежде всего, стоит отметить, что данная тематика не является в достаточной степени изученной и в данный момент существует не так много исследований, где затронуты вопросы разработки, становления и критической оценки ресурсных индексов. Можно выделить работы, в которых особое внимание уделяется возможностям оказания влияния посредством использования социально-экономических рейтингов [Гриневич и др. 2024; Иванов, Иванова 2015; Каратеев 2017; 2018; Сурма 2013]. Довольно подробно изучается индекс человеческого развития, в том числе применительно к России [Василенко 2017; Горбунова, Гегамян 2013; Зюлина 2013; Трошенков 2010; Федотов 2021]. Освещен ряд теоретических вопросов, касающихся взаимосвязи между экономическим развитием стран и политическим устройством государств [Зубрицкая, Понявина 2017; Иванова, Ерёмин 2024; Киселева и др. 2020; Розенберг, Белоусова 2019; Тарко 2022; Фролова, Радионова 2022; Maksymuk, Kuzenko 2021].

Методы и материалы

В качестве основного подхода выбран проблемно-исторический, поскольку он наиболее эффективно помогает достичь цели исследования, а также изучить объективность предоставляемых данных и степень доверия к ним. Применены общенаучные методы: сравнительный анализ позволяет рассмотреть особенности создания каждого индекса и их методологическую специфику, синтез помогает увидеть целостную картину и сделать выводы о тенденциях развития индексов, степени их влияния на общественное мнение. Такой частнонаучный метод, как качественный контент-анализ, позволил детально проанализировать основные документы и отчеты организаций, в которых содержится ценная информация об источниках и данных, на которых сделаны расчеты, и пояснения о том, каким образом эти расчеты производились. Кроме того, специфика исследования предполагает использование целого ряда источников. Основная информация об индексах, истории их возникновения и особенностях методологии была получена из документов и отчетов, размещенных на официальных сайтах соответствующих организаций.

Результаты

Индекс человеческого развития (Human Development Index) был разработан в рамках ООН в 1990 г., поскольку именно тогда был подготовлен первый Доклад о развитии человека. Подход к развитию человека, разработанный экономистом Махбубом Уль-Хаком, основан на работе лауреата Нобелевской премии Амартии Сена о человеческих возможностях. В рамках нового подхода основной акцент был сделан на людях, их возможностях и выборе, а не только на экономическом процветании стран, в которых они проживают, поскольку экономический рост далеко не всегда приводит к большему благосостоянию для всех [Федотов 2021: 44].

Существование возможностей имеет большое значение, т.к. помимо наличия определенных навыков нужны еще и возможности для их реализации. В рамках концепции развития человека выделяются три основы: прожить долгую, здоровую и творческую жизнь, быть знающим и иметь доступ к ресурсам, необходимым для достойного уровня жизни. Большое значение имеет и выбор, который заключается в предоставлении людям возможностей, а не в навязывании им их использования. Никто не может гарантировать человеческое счастье, и выбор, который делают люди, является их собственным делом [Зюлина 2013: 255]. Свобода выбора является центральным элементом подхода, поскольку человек, решивший остаться голодным (например, во время религиозного поста), существенно отличается от человека, который голодает, потому что не может позволить себе купить еду.

Идеи о связях между экономическим ростом и развитием во второй половине XX в. оказали серьезное влияние на появление индексов. Валовой внутренний продукт (ВВП) и экономический рост стали ведущим показателем национального прогресса во многих странах, однако ВВП никогда не предназначался для использования в качестве меры благосостояния [Тарко 2022: 17]. В 1970-х и 1980-х гг. предпринимались попытки найти альтернативные варианты, чтобы выйти за рамки ВВП, включая больший акцент на занятости и на том, были ли удовлетворены основные потребности людей. Эти идеи легли в основу индекса человеческого развития, который был создан как мера достижений в основных измерениях человеческого развития в разных странах, а именно долгая и здоровая жизнь, знания и достойный уровень жизни. В качестве основных параметров, которые были взяты за основу,

учитывались среднее значение продолжительности жизни, образование и валовой национальный доход (ВНД). Однако со временем в индекс были внесены некоторые изменения и уточнения¹.

Измерение здоровья оценивается по ожидаемой продолжительности жизни при рождении, образование – средним числом лет обучения для взрослых в возрасте 25 лет и старше и ожидаемым числом лет обучения для детей школьного возраста [Киселева и др. 2020: 91]. Уровень жизни измеряется ВНД на душу населения. Далее баллы по всем трем индексам объединяются в Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) с использованием среднего геометрического [Василенко 2017: 2154].

Итоговые значения данного индекса можно использовать для того, чтобы поставить под сомнение выбор национальной политики, задаваясь вопросом, как две страны с одинаковым уровнем ВНД на душу населения могут в конечном итоге получить разные результаты человеческого развития. Таким образом, эти контрасты, выраженные в количественных показателях, могут стимулировать дебаты о приоритетах государственной политики. Тем не менее индекс упрощает и охватывает только часть того, что подразумевает человеческое развитие. Он не отражает неравенство, бедность, безопасность человека, соблюдение прав, расширение возможностей и т.д. Более полная картина уровня человеческого развития страны требует анализа многих других показателей и информации. С этой целью дополнительно были разработаны Индекс развития человеческого потенциала, скорректированный с учетом неравенства, Индекс гендерного развития, Индекс гендерного неравенства, Индекс бедности².

В последние годы наблюдается тенденция привлечения новых технологий для расчета показателей индексов, в том числе возможности, которые предоставляет использование искусственного интеллекта (ИИ), поскольку информационная среда преобразуется инновационными технологиями, создавая новые проблемы и возможности. Планируется разоб- рать, каким образом осуществляется воздействие цифровизации на различные возрастные группы,

включая людей с ограниченными возможностями, оценить степень влияния технологий на политические процессы и возможность свободы выражения мнений в новой информационной среде, проанализировать, как цифровизация изменяет ключевые области человеческого развития, включая здравоохранение, образование, социальные нормы и экономику, в том числе влияние новых технологий на возникновение неравенства, т.к. ИИ может как дополнять, так и заменять людей³.

В 1995 г. появился **Индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom)**, разработанный американским исследовательским центром "The Heritage Foundation". Базовый тезис, который лег в основу данного индекса, заключается в том, что экономическая свобода – это фундаментальное право каждого человека распоряжаться своим трудом и имуществом. В экономически свободном обществе люди могут свободно работать, производить, потреблять и инвестировать, а правительства позволяют рабочей силе, капиталу и товарам свободно перемещаться и воздерживаются от принуждения или ограничения свободы сверх степени, необходимой для защиты и поддержания самой свободы.

Для измерения экономической свободы выделены 12 количественных и качественных показателей, сгруппированных в 4 широкие категории:

- верховенство закона (право собственности, целостность правительства, эффективность судебной системы);
- государственные траты (государственные расходы, налоговое бремя, финансовое состояние);
- эффективность регулирования (свобода бизнеса, свобода труда, денежная свобода);
- открытость рынка (свобода торговли, свобода инвестиций, финансовая свобода).

Каждая из 12 экономических свобод в этих категориях оценивается по шкале от 0 до 100. Общий балл страны рассчитывается путем усреднения этих двенадцати экономических свобод, при этом каждой из них придается одинаковый вес, поскольку подразумевается, что каждый компонент одинаково важен для достижения положительных

¹ What is human development? *Human Development Reports*. URL: <https://hdr.undp.org/about/human-development> (accessed 28 Jan 2025).

² Human Development Index (HDI). *Human Development Reports*. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (accessed 28 Jan 2025).

³ Towards 2025 HDR. *Human Development Reports*. URL: <https://hdr.undp.org/reports-and-publications/towards-2025-human-development-report> (accessed 28 Jan 2025).

преимуществ экономической свободы. Более того, подчеркивается, что объяснение экономического роста, взаимодействия и взаимозависимости или исключительности экономических свобод не входят в рамки исследования.

На официальном сайте можно ознакомиться с ежегодными показателями, причем количество стран, в отношении которых рассчитывается подобный индекс, с течением времени увеличивается. В настоящий момент анализ показателей охватывает 184 страны, а работа с индексом предусматривает такие онлайн-инструменты, как индивидуальные сравнительные диаграммы и интерактивная визуализация данных. Можно заметить, что Индекс экономической свободы однозначно подтверждает положительную взаимосвязь между экономической свободой и другими социально-экономическими целями, среди которых можно выделить человеческое развитие, распространение демократии, защиту окружающей среды, искоренение бедности и рост благосостояния. Если же в каких-то сферах страны набирают наименьшее количество баллов, то это свидетельствует о наличии серьезных ограничений для экономического роста и процветания, что может быть улучшено посредством проведения экономических реформ.

Показатели Индекса экономической свободы высчитываются на основе данных за период предшествующих двух лет, но для оценки некоторых компонентов берутся и более ранние периоды, например, в категории денежно-кредитной свободы используется средневзвешенный уровень инфляции за три года. Для расчета индекса привлекаются документы следующих институтов: Всемирный банк, Международный валютный фонд, Центральное разведывательное управление США, Международная организация труда, полугодовые оценки базы данных World Development Indicators (в которых учитываются все жители, независимо от правового статуса или гражданства), данные статистических агентств и / или центрального банка страны. Подтверждается также, что используется документация и информация из различных правительственных учреждений и сайтов в Интернете, новостные сообщения и журнальные статьи, официальные ответы на запросы, а вся статистическая и другая

информация, полученная из государственных баз данных, проверяется независимыми сторонними источниками, доказавшими свою надежность⁴.

Однако у данного индекса имеется и ряд существенных недостатков, выделяемых критиками:

- отсутствие понятия информационной свободы [Розенберг, Белоусова 2019];
- идеализация свободного рынка и сведение благосостояния общества к единому образу либеральной демократии [Каратеев 2017: 272];
- связи с американскими республиканскими структурами и разведывательными ведомствами;
- отсутствие данных по разным странам;
- периодический пересмотр методов, приводящий к хаосу в ранних выпусках.

В основном же критическая позиция строится на недопустимости идеологизации либертарианской традиции, в частности взглядов Ф. Хайека и М. Фридмана, а также вытекающей отсюда проблематики корреляции уровня политической и экономической свободы. Сами же авторы индекса в отчете 2017 г. утверждают, что свободная экономика – это благоприятная среда для процесса демократизации в обществе. Однако ряд исследований заставляют со скепсисом отнестись к данному рода заявлениям, ведь по их данным при учете населения в исследовании как субъекта, а не страны взаимозависимость между экономической и политической свободой прослеживается с трудом [Каратеев 2018: 81]. В большей степени это заметно на примере Китайской Народной Республики и Индии: в первом случае будет высокий индекс экономической свободы и низкий – демократии, во втором – обратная картина. Из общего тренда выбивается и ряд недемократичных стран (ОАЭ, Саудовская Аравия, Сингапур, Гонконг). Также компания, составляющая индекс (The Heritage Foundation), замечена в работе с ЦРУ, в частности, в качестве приглашенного эксперта по вопросам национальной безопасности работал нынешней директор ЦРУ Джон Рэтклифф, занимавшийся в то время антикитайской повесткой. Так для сообщества Глобального Юга индекс себя дискредитировал, в особенности в отношении Китая для ужесточения по подозрению в создании и распространении COVID-19⁵.

⁴ Index of Economic Freedom. *The Heritage Foundation*. URL: <https://www.heritage.org/index/pages/about> (accessed 25 Jan 2025).

⁵ It's not too late to hold China accountable on COVID. *The Heritage Foundation*. 10 Jul 2024. URL: <https://www.heritage.org/china/commentary/its-not-too-late-hold-china-accountable-covid#> (accessed 12 Feb 2025).

Исходя из вышесказанного, необходимо подробнее рассмотреть определение демократичности стран в соответствии с одноименным индексом. **Индекс демократии (Democracy Index)** составляется британской компанией "Economist Group", впервые он был опубликован в журнале "The Economist" в 2006 г. Согласно критериям данного индекса, страны разделяют на 4 категории в зависимости от результатов опросов и экспертных оценок: полноценные демократии, неполноценные демократии, гибридные режимы и автократии [Зубрицкая, Понявина 2017: 30]. В основном критерии затрагивают избирательную систему, так, в первом отчете под демократическими маркерами подразумевались:

- плюрализм и конкуренция в политической системе;
- наличие всеобщего избирательного права у совершеннолетних;
- регулярные выборы, честность и открытость избирательной системы;
- доступ к СМИ основных политических партий.

Кроме обозначенных критериев есть и некие триггеры – факторы, наличие которых дополнительно снижает рейтинг страны, к ним относятся: опасность для избирателя, отсутствие суверенитета или подконтрольность правительству другой страны, несправедливость выборов. Отдельно стоит обратиться к вопросу справедливости ввиду ее абстрактности, слабой доказуемости позиции несправедливости и позиции самой организации (ее зависимости от грантов политической партии) [Гриневич и др. 2024: 273].

При детальном рассмотрении данных, которые входят в ядро анализа при составлении индекса, можно выявить несколько настораживающих фактов:

1. Выборка при составлении социологических опросов, учитывающих мнение о демократичности той или иной страны, не раскрывается, как и специализация и количество так называемых экспертов. К тому же весьма сомнительным выглядит апелляция к экспертизе из "Freedom House", являющейся британской неправительственной организацией и получающей средства от американских грантов, в том числе от Агентства США по международному

развитию (USAID), замеченного в попытках оказывать влияние на внутривнутриполитические процессы в государствах, в том числе и на Украине.

2. В отчете индекса за 2012 г. выделяются слова о роли социально-политического кризиса в смене текущего строя в стране. При этом подчеркивается возможность побороть автократии за счет нарастающего недовольства в социуме, однако, в противном случае авторы делают вывод о нарастающей угрозе маргинальных правых групп [Фролова, Радионова 2022: 133]. Таким образом, игнорируется возможность общенациональных возмущений леволиберальными мерами и институтами⁶.

3. Анализируя более поздние сведения за 2022–2024 гг., можно убедиться в предвзятости при составлении рейтинга, если обратиться к данным по Российской Федерации и Украине⁷. По состоянию на 2024 г. Россия занимает 144 место, а Украина – 91, хотя последние события, когда были отменены президентские выборы, а также наличие определенных проблем в сфере защиты прав человека и свободы слова демонстрируют, что по критериям самой же "Economist Group" Украина должна быть отнесена к группе государств с весьма слабым индексом демократии и политических свобод.

Еще один проект – «**Ведение бизнеса**» (**Doing Business Index**), позволяющий оценить экономическую привлекательность страны, появился в 2002 г. и был посвящен деятельности национальных малых и средних предприятий и оценке нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в этой сфере. Данный проект предоставляет подробный анализ как на региональном и субнациональном уровне, так и по отдельным внутренним регионам и городам [Сурма 2013: 92]. В рамках исследования осуществляется сбор и анализ всесторонних количественных данных для сопоставления условий регулирования предпринимательской деятельности между странами и в динамике. Сравнительный анализ проводится по следующим показателям: регистрация предприятий, получение разрешений на строительство, подключение к системе электроснабжения, регистрация собственности, получение кредитов, защита миноритарных инвесторов, налогообложение, международная торговля,

⁶ Democracy index 2012: Democracy at a standstill: A report from The Economist Intelligence Unit. P. 17. URL: <https://web.archive.org/web/20190212140442/http://na-abk.marketo.com/rs/eiu2/images/Democracy-Index-2012.pdf> (accessed 12 Feb 2025).

⁷ Рейтинг стран мира по уровню демократии. *Гуманитарный портал*. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/democracy-index> (дата обращения: 12.02.2025).

обеспечение исполнения контрактов, разрешение неплатежеспособности.

Первый отчет «Ведение бизнеса», опубликованный в 2003 г., охватывал 5 наборов показателей по 133 странам. В настоящий момент рассматриваются 11 наборов показателей по 190 странам. Проект «Ведение бизнеса» дорабатывается с использованием отзывов представителей правительств, ученых, специалистов-практиков и рецензентов, но изначальное назначение проекта остается неизменным: дать объективную основу для понимания и совершенствования систем нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности по всему миру⁸.

В ежегодных отчетах результаты представлены по двум совокупным показателям: оценка легкости ведения бизнеса (оценка экономики эталонных стран с точки зрения передовой практики регулирования демонстрирует близость к лучшим показателям по каждой из сфер ведения бизнеса среди всех стран начиная с 2005 г.) и рейтинг легкости ведения бизнеса (сравнительный анализ экономик стран друг с другом). Подобный сравнительный анализ по годам для легкости ведения бизнеса показывает, насколько развита нормативно-правовая среда для местных предпринимателей в экономике и меняются ли эти показатели с течением времени в абсолютном выражении, тогда как рейтинг ведения бизнеса показывает изменения по сравнению с другими экономиками⁹. Показатель благоприятности условий ведения бизнеса страны измеряется по шкале от 0 до 100, где 0 – наихудший результат, а 100 – наилучший, при том что вес каждой темы одинаковый, а расчет баллов производится без округления¹⁰.

Предоставляя ежегодные доклады, данный проект побуждает страны к более эффективному регулированию, обеспечивает измеримые ориентиры для проведения реформ и служит ресурсом для ученых, журналистов, исследователей из частного сектора

и других лиц, интересующихся деловым климатом в каждой стране. Промежуточные итоги деятельности проекта, опубликованные на сайте, демонстрируют, что с мая 2018 г. по май 2019 г. 115 стран внедрило 294 реформы, направленные на регулирование предпринимательской деятельности, в 10 областях, измеряемых проектом «Ведение бизнеса». Большинство этих реформ были реализованы в таких областях, как создание предприятий, получение разрешений на строительство, подключение к системе электроснабжения и налогообложения. Наименьшее количество реформ было зафиксировано в области разрешения неплатежеспособности. Всего с 2005 г. было внедрено более 3800 реформ регулирования бизнеса в 190 странах, большинство из которых имеют средний уровень¹¹. Также в отчете за 2020 г. отмечается, что страны с хорошим рейтингом «Ведение бизнеса» имеют более высокий уровень предпринимательской активности и более низкий уровень коррупции, а успех соседних стран дает дополнительный стимул для изменений в сфере нормативно-правового регулирования¹².

Большинство наборов индикаторов рассматривают сценарий ведения бизнеса в крупнейшем деловом городе каждой экономики, за исключением 11 стран с населением более 100 млн человек по состоянию на 2013 г. К ним относятся Бангладеш, Бразилия, Китай, Индия, Индонезия, Япония, Мексика, Нигерия, Пакистан, Российская Федерация и США. Данные по этим 11 странам представляют собой средневзвешенное значение по численности населения для двух крупнейших деловых городов.

Отдельно стоит рассмотреть критику данного индекса, т. к. не совсем четко понятны критерии измерения некоторых показателей, не предоставляется исходный массив данных, на основе которых строились расчеты, сама методика расчета неоднократно менялась и пересматривалась, что делает некорректным сравнительный анализ некоторых

⁸ О проекте «Ведение бизнеса». *Группа Всемирного банка*. URL: <https://archive.doingbusiness.org/ru/about-us> (дата обращения: 25.01.2025).

⁹ Doing Business 2020. Comparing Business Regulation in 190 Economies. Washington: International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2020. P. 77. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/688761571934946384/pdf/Doing-Business-2020-Comparing-Business-Regulation-in-190-Economies.pdf> (accessed 12 Feb 2025).

¹⁰ Показатель благоприятности условий ведения бизнеса. *Группа Всемирного банка*. URL: <https://archive.doingbusiness.org/ru/data/doing-business-score> (дата обращения: 25.01.2025).

¹¹ Реформы, направленные на регулирование предпринимательской деятельности. *Группа Всемирного банка*. URL: <https://archive.doingbusiness.org/ru/reforms> (дата обращения: 25.01.2025).

¹² Doing Business 2020. Основные выводы. *Группа Всемирного банка*. URL: <https://archive.doingbusiness.org/ru/doingbusiness> (дата обращения: 25.01.2025).

параметров по годам. Кроме того, в самих отчетах указано, что данный индекс не учитывает затраты и выгоды нормативно-правового регулирования с точки зрения общества в целом, как и не оценивает все аспекты ведения предпринимательской деятельности, существенные для компаний и инвесторов или влияющие на конкурентоспособность экономики [Elaf Hashim Nishan 2023: 101]. Например, в нем не оцениваются макроэкономические условия, инфраструктура, квалификация рабочей силы и безопасность¹³. Рейтинг также не предусматривает изучение механизмов регулирования рынка или эффективности финансовых систем [Shkiotov 2022: 40].

В Указе Президента Российской Федерации В. В. Путина № 596 от 07.05.2012 «О долгосрочной государственной экономической политике» была поставлена задача повысить позиции Российской Федерации в **рейтинге** Всемирного банка по условиям ведения бизнеса со 120-й в 2011 г. до 50-й в 2015 г. и до 20-й в 2018 г.¹⁴ Последний рейтинг стран был опубликован в 2019 г., и по его итогам Россия заняла 28-е место из 190 возможных. Отечественные юристы посчитали, что Всемирный банк некорректно оценил российскую правовую систему, и обнаружили методологические нестыковки в подсчетах, из-за которых Россия могла бы подняться на две строчки выше¹⁵. Более того, расчет показателей по России сделан только по Москве и Санкт-Петербургу, что не отражает в полной мере особенности ведения бизнеса в других городах и регионах страны. В 2021 г. группа Всемирного банка опубликовала заявление о том, что после того, как были получены сообщения о несоответствиях данных в отчетах «Ведение бизнеса» 2018 и 2020 годов, руководство Всемирного банка приняло решение прекратить их дальнейший выпуск. Кроме того, была инициирована серия проверок, касающихся содержания отчетов, корректности используемой методологии, а также деятельности бывших должностных лиц Совета директоров и сотрудников Банка¹⁶.

Заключение

За последние 30 лет появилось значительное количество экономических и социально-политических индексов с различными метриками ресурсных показателей стран. Так или иначе их создатели претендуют не только на непредвзятую оценку ресурсности, но и на осуществление репутационного давления на международных акторов, становясь имиджевой инстанцией внешнеполитических ведомств и оружием разведывательных управлений. Среди недостатков индексов стоит отметить их неуниверсальность, что прописано в их разделах по методологии. Сами индексы представляют собой попытку перевести сложные качественные параметры ресурсности, мягкой силы и привлекательности государств в количественные показатели, и не всегда это получается сделать эффективно. Разные показатели индексов имеют одинаковый вес, исходя из приверженности определенной парадигме и для упрощения подсчета, что не соответствует объективной реальности и вызывает критику как в экспертно-аналитическом сообществе, так и в политических кругах. Несмотря на подобные искажения и обобщения, индексы экономической и политической привлекательности часто учитываются в процессе принятия политических решений, а необходимость соответствия им может включаться в различные внутриполитические документы и стратегии, что можно проследить на примере РФ и рейтинга Всемирного банка по условиям ведения бизнеса.

Простота и краткость изложения информации, выраженная в количественных показателях, ссылки на достоверные источники, квалифицированных экспертов и разнообразные базы данных могут дополнительно оказывать влияние на общественное мнение и степень доверия к самим индексам. Контент-анализ содержания документов о специфике методологии не выявил исходных массивов данных, на основании которых производились расчеты индексов. При всех различиях в маркерах, определении объектов своего исследовательского фокуса и сфер анализа все индексы продвигают собственную универсальную

¹³ Ведение бизнеса – 2011. Улучшение условий для предпринимателей. Вашингтон: Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк, 2010. С. 1. URL: <https://archive.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/Overview/DB11-Overview-Russian.pdf> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁴ О долгосрочной государственной экономической политике. Указ Президента РФ № 596 от 07.05.2012. СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Всемирный банк: Doing Business оторвался от реальности. *Право.ru*. 27.01.2020. URL: <https://pravo.ru/news/217873/> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁶ World Bank Group to Discontinue Doing Business Report. *World Bank Group*. 16 Sep 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/statement/2021/09/16/world-bank-group-to-discontinue-doing-business-report> (accessed 25 Jan 2025).

парадигму, в рамках которой происходит оценка ресурсности государств, что тоже не всегда является объективным критерием, а ошибки в методиках расчета приводят к критике ряда индексов и закрытию проектов. Многие из высокорейтинговых индексов изобретены и составлены в странах так называемого коллективного Запада, через призму экономической школы и / или идеологии, а не реального потенциала ресурсности, что может стать дополнительной причиной, чтобы Россия не ориентировалась на них в своих внутри- и внешнеполитическом курсах.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № FSWR-2025-0003: Обеспечение стабильности и безопасности РФ на Евразийском пространстве в условиях формирования многополярного мирового порядка.

Funding: The research was part of State Assignment from the Ministry of Education and Science of Russia No. FSWR-2025-0003: Stability and security of the Russian Federation in Eurasia during the formation of a multipolar world.

Литература / References

- Василенко Т. А. Сравнительный анализ индекса человеческого развития как обобщающего показателя уровня жизни в Новосибирской области, Сибирском федеральном округе и Российской Федерации. *Региональная экономика: теория и практика*. 2017. Т. 15. № 11. С. 2152–2166. [Vasilenko T. A. Human Development Index as a summary index of living standards in the Novosibirsk oblast, Siberian Federal District, and the Russian Federation: A comparative analysis. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2017, 15(11): 2152–2166. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24891/re.15.11.2152>
- Горбунова О. Н., Гегамян М. А. Роль индекса развития человеческого потенциала в концепции развития человека. *Социально-экономические явления и процессы*. 2013. № 5. С. 77–80. [Gorbunova O. N., Gegamyan M. A. HDI role in the concept of development of the person. *Sotsialno-ekonomicheskie iavleniia i protsessy*, 2013, (5): 77–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzvjdjz>
- Гриневич П. А., Бочарова А. П., Стукал Д. К. Валидность индексов «мягкой силы»: от вызовов к решениям. *Политическая наука*. 2024. № 2. С. 262–281. [Grinevich P. A., Bocharova A. P., Stukal D. K. The validity of soft power indices: From challenges to solutions. *Political Science (RU)*, 2024, (2): 262–281. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.12>
- Зубрицкая А. В., Понявина М. Б. Экономическая эффективность демократии. *Наука без границ*. 2017. № 11. С. 29–33. [Zubritskaia A. V., Ponyavina M. B. Economic efficiency of democracy. *Nauka bez granits*, 2017, (11): 29–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvlnkwf>
- Зюлина В. В. Влияние индекса человеческого развития на социально-экономическую политику государства. *Известия МГТУ «МАМИ»*. 2013. Т. 5. № 1. С. 254–258. [Zyulina V. V. Influence of the Human Development Index to the socio-economic policy. *Izvestiya MGTU "MAMI"*, 2013, 5(1): 254–258. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rndxrv>
- Иванов В. Г. "Charts power" – «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технология использования и стратегии противодействия. М.: Инфра-М, 2015. 186 с. [Ivanov V. G. "Charts power" – international ratings as a tool of soft power and an economic weapon: The technologies of application and counteraction strategies. Moscow: Infra-M, 2015, 186. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yjpbjv>
- Иванов В. Г., Иванова М. Г. "Charts power" – страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Часть I. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2015. № 2. С. 36–51. [Ivanov V. G., Ivanova M. G. "Charts power" – international ratings as an economic weapon and a tool of soft power. Part I. *RUDN Journal of Political Science*, 2015, (2): 36–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tptdad>

- Иванова А. К., Ерёмин Д. П. Европейские интересы на Глобальном Юге: потенциал комплексного прогнозирования. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2024. № 6. С. 35–48. [Ivanova A. K., Eremin D. P. European interests in the Global South: Capabilities of comprehensive forecasting. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2024, (6): 35–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620243548>
- Каратеев А. Ю. О соотношении экономической и политической свобод: количественный анализ корреляции индекса экономической свободы и индекса демократии. *Вестн. Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки*. 2018. № 4. С. 73–90. [Karateev A. Yu. On the relationship between economic and political freedom: Quantitative analysis of the correlation between the index of economic freedom and the democracy index. *Lomonosov Political Science Journal*, 2018, (4): 73–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eagadx>
- Каратеев А. Ю. Что и как измеряет индекс экономической свободы? *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2017. № 40. С. 266–276. [Karateev A. Yu. What and how does the index of economic freedom measure? *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, (40): 266–276. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/1998863X/40/25>
- Киселева П. Д., Бельков Г. К., Мурашова С. В. Взаимосвязь индекса инновационного развития с агрегатными индексами уровня развития стран мира. *Экономика. Право. Инновации*. 2020. № 4. С. 89–96. [Kiseleva P. D., Belkov G. K., Murashova S. V. The correlation of the Innovation Development Index with aggregate indicators of the development level of the world's countries. *Ekonomika. Pravo. Innovacii*, 2020, (4): 89–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vaozfb>
- Розенберг Н. В., Белоусова Д. А. Сравнительный анализ свободы интернета в России и США (по данным freedom house). *Наука. Общество. Государство*. 2019. Т. 7. № 2. С. 188–195. [Rozenberg N. V., Belousova D. A. Comparative analysis of internet freedom in Russia and the USA (according to freedom house). *Science. Society. State*, 2019, 7(2): 188–195. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jicnma>
- Сурма И. В. Социально-экономические рейтинги как современный инструмент конкурентной борьбы. *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. 2013. № 2. С. 89–109. [Surma I. V. Social and economic ratings as modern tool of competitive fight. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*, 2013, (2): 89–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzontz>
- Тарко А. О выборе параметров описания экономического и социального развития стран мира. *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2022. № 95. С. 15–23. [Tarko A. On the choice of parameters for describing the economic and social development of the countries of the world. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2022, (95): 15–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.7258099>
- Трошенков С. В. Теория и практика использования индекса человеческого развития (ИЧР). *Теория и практика общественного развития*. 2010. № 3. С. 45–52. [Troshenok S. V. The theory and practice of use of an Index of Human Development. *Theory and Practice of Social Development*, 2010, (3): 45–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mwleih>
- Федотов А. А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (часть вторая). *Народонаселение*. 2021. Т. 24. № 3. С. 42–50. [Fedotov A. A. Quality of life and human potential in the concepts of sustainable and human development (Part 2). *Population*, 2021, 24(3): 42–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.4>
- Фролова Е. А., Радионова Е. А. Комплексная оценка эффективности государства. *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. 2022. Т. 20. № 1. С. 125–136. [Frolova E. A., Radionova E. A. Comprehensive evaluation of state effectiveness. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2022, 20(1): 125–136. (In Russ.)] [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20\(1\).125-136](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2022.20(1).125-136)
- Ayvazyan L. The country image and international relations: 21st century environment. *21st Century*, 2010, (1): 36–51.
- Elaf Hashim Nishan. The relationship between democracy and political development: Selected models. *Russian Law Journal*, 2023, XI(8s): 93–103. <https://doi.org/10.52783/rjl.v11i8s.1253>
- Maksymuk A., Kuzenko N. Institutional factors of economic performance: evidence from the world value survey. *Baltic Journal of Economic Studies*, 2021, 7(2): 146–160. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2021-7-2-146-160>
- Shkiotov S. V. The impact of the level of economic freedom on the socio-economic development of national economies: the Eurasian economic union countries. *Journal of regional and international competitiveness*, 2022, 3(2): 34–41. https://doi.org/10.52957/27821927_2022_2_34

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com
Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru
Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
vasutin2012@list.ru
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Старикова Людмила Семеновна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 10.06.2025.

Дата выхода в свет 01.07.2025.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 24. Уч.-изд. л. – 20.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

